

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА ПРОТИВ СССР

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Дмитрий Хмельницкий

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА ПРОТИВ СССР

НА ЛИНИИ
ФРОНТА

ПРАВДА
О ВОЙНЕ

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ

1939—1945

Д. Хмельницкий

**НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ**

Дмитрий Хмельницкий

**НАЦИСТСКАЯ
ПРОПАГАНДА
ПРОТИВ СССР**

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ

1941—1945

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
Х65

Серия «На линии фронта. Правда о войне»
выпускается с 2006 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Хмельницкий Дмитрий
Х65 **Нацистская пропаганда против СССР. Материалы и комментарии. 1941—1945. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. — 351 с. — (На линии фронта. Правда о войне).**

ISBN 978-5-227-02396-4

В XX веке пропаганда стала мощным оружием воздействия на умы. Умелое создание образа врага, возбуждение и поддержание чувства ненависти к противнику — одна из причин беспрецедентной жестокости и бесчеловечности войн ушедшего столетия. Автор-составитель этой книги, профессиональный историк Д. Хмельницкий знакомит читателя с особенностями восприятия Советского Союза нацистами. Инструментом воспитания в немцах антисоветских убеждений служили не только специальные пропагандистские тексты, выставки, но и просто путевые заметки оказавшихся в СССР немецких инженеров, откровения политических беженцев и т. п. Благо сталинский тоталитарный режим дарил множество сюжетов для нацистских пропагандистов. Представленные здесь тексты, тщательно откомментированные Д. Хмельницким, несомненно, будут интересны не только специалистам и студентам, но и обыкновенным читателям как исторический источник о жизни в Советском Союзе в 30—40-х годах прошлого века.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

© Хмельницкий Д., 2010
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010

ISBN 978-5-227-02396-4

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА ПРОТИВ СССР

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ

1941—1945

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что знали в Германии о Советском Союзе накануне и во время советско-германской войны 1941—1945 гг.?

Вопрос этот не такой странный, как неожиданный.

Исход войны парадоксальным образом превратил Сталина в союзника западных стран и чуть ли не в руководителя «антифашистской коалиции». Это на долгие послевоенные десятилетия сделало невозможным открытое обсуждение общественной репутации Советского Союза 30-х гг. Даже холодная война, ставшая, по сути, прямым продолжением довоенного противостояния западных демократий и советской диктатуры, не поколебала официального статуса СССР как освободителя Европы и борца за мир.

Сегодня существует устойчивое общепринятое впечатление, что пришедшая в Центральную Европу в 1945 г. Красная армия была для европейцев «terra incognita» — абсолютно неизвестной, но заведомо благородной освободительной силой. Это случилось благодаря тому, что после 1945 г. западные союзники (и политики, и общественность) постарались забыть все плохое, что до 1941 г. говорилось и писалось в их странах о Советском Союзе. Никак невозможно было признавать СССР одновременно официальным «спасителем Европы от нацистов» и врагом демократии.

То, что писалось плохого о Советском Союзе в предвоенной Германии, тем более не могло рассматриваться

после войны иначе как нацистская, а следовательно, и изначально лживая пропаганда. Для историков, не только советских, но и западных, абсолютно невозможно было открыто пользоваться при изучении советской истории немецкими источниками нацистского времени об СССР без риска оказаться в «пособниках нацистов» и «ревизионистах».

Ну а в Советском Союзе вплоть до его распада по определению отсутствовала всякая критическая информация в свой адрес. Как и добросовестная историческая литература о сталинском времени вообще и предвоенной эпохе в частности.

Таким образом, получилось, что после 1945 г. рухнул в научное небытие огромный пласт исторической информации эпохи ранней советологии, накопленный в Европе до войны. Из-за этого мы сегодня имеем ничтожно малое представление о том, какими глазами смотрели тогда европейцы на СССР, что знали о нем, как его себе представляли и что от него ждали. Особенный интерес в этом смысле представляет взгляд на СССР из Германии — ввиду обостряющихся сегодня споров о причинах сначала советско-германского союза 1939 г., а потом военного столкновения 1941 г. То есть ввиду споров о причинах Второй мировой войны.

Между 1921 и 1941 гг. в Германии появилось более 900 статей и книг о путешествиях в Советскую Россию и жизни в ней. За это же время в англоязычных странах вышло как минимум 370 монографий о путешествиях в Россию на английском языке¹.

Можно сказать, что об СССР в Европе перед войной знали практически всё — конечно, только те, кто хотел узнать. Следует отметить, что информационный обмен был строго односторонним. «Железный занавес», ставший к концу 20-х гг. практически непроницаемым с советской стороны, отсутствие свободы передвижения и, разумеется, полное отсутствие советского заграничного

---

¹ *Heeke Matthias*. Reisen zu den Sowjets. Münster, 2003. S. 1.

туризма делали невозможным получение советским населением реальной информации о заграничной жизни.

В Германии, в силу географической близости, экономических связей, традиционно развитого изучения Восточной Европы, интерес к Советской России был особенно силен. Авторы немецких книг и статей о Советском Союзе относились к нескольким группам. Это были коммунисты, стремившиеся познакомиться с «родиной мирового пролетариата» и, очень часто, принять личное участие в строительстве социализма. Журналисты, писатели и специалисты по Восточной Европе, приезжавшие в Россию в качестве туристов за научной и журналистской информацией. Просто туристы, движимые любопытством. Инженеры и квалифицированные рабочие, приезжавшие в СССР в качестве иностранных специалистов и нанимавшиеся на работу на советские предприятия. Представители фирм — проектировщиков промышленных предприятий и поставщиков оборудования, помогавшие при его освоении и наладке. Представители финансовых и промышленных кругов, участвовавшие в торговых переговорах с Советским Союзом.

Только последняя, относительно небольшая группа, в силу профессиональной специфики и секретного характера деятельности не писала книг и статей о своем советском опыте. Представители всех остальных — писали. Писали тем более активно, что для большинства из них советские впечатления оказались совершенно неожиданными и неизгладимыми.

Знакомство иностранцев с Советской Россией происходило в несколько этапов. После Гражданской войны и вплоть до 1928 г. Наркомат иностранных дел препятствовал въезду в СССР граждан европейских стран с туристической целью. Визы выдавались редко и неохотно. Началом иностранного туризма в СССР можно считать приезд в Ленинград на немецком пассажирском лайнере *Sar Polonio* группы из трехсот американских туристов¹.

---

¹ *Op. cit.* S. 16.

С этого момента поток туристов стал расти, но очень медленно. В 1929 г. специально для обслуживания иностранных туристов и для контроля за ними был создан Интурист. Максимум был достигнут в 1936 г. — по данным Интуриста, СССР в этом году посетило 20 тысяч иностранцев¹.

С началом индустриализации в СССР начали в массовом порядке приезжать по приглашению советского правительства иностранные инженеры и квалифицированные рабочие. Таким путем правительство надеялось преодолеть собственную нехватку квалифицированных кадров для новых промышленных предприятий, которые в большинстве случаев (если не во всех) проектировались иностранцами и оснащались купленным за границей оборудованием. Вначале, между 1929 и 1932 гг., самые тесные связи были с американцами. Но потом большинство заказов было перенесено в Европу, в основном в Германию. В 1932 г. 46,5% всего советского импорта приходилось на Германию. В СССР шло 10% всего немецкого экспорта². Соответственно большим, относительно числа прочих иностранных специалистов, было число работавших в СССР немцев. В 1935 г. они составляли 37% от почти 5 тысяч иностранцев, работавших в советской тяжелой промышленности.

К 1938 г. количество иностранных специалистов в СССР резко снизилось. Одновременно сократился и туризм: «Разжигаемые показательными процессами ксенофобия и шпиономания свели немецкий туризм в СССР практически к нулю. Когда в 1938 г. шпиономания обратилась против туристов, которых стали подозревать, что они приезжают в страну как «лазутчики, шпионы, диверсанты (саботажники) и убийцы», министерство иностранных дел Германии согласилось с гестапо в том, что «гражданам Германии, предпринимающим поездку в СССР с целью развлечения, из соображений их собствен-

---

¹ Op. cit. S. 21.

² Ibid. S. 17

ной безопасности следует препятствовать в выезде из страны»¹.

После заключения пакта Молотова—Риббентропа возобновилось прерванное в 1937 г. воздушное сообщение между Москвой и Берлином. Никогда раньше Интурист не продавал в Германии столько туров в СССР, как в военном 1940 г.² Вплоть до начала военного конфликта Советский Союз активно посещали немецкие ученые, торговые делегации и просто туристы.

В коллекции автора этого текста находится более сотни книг, опубликованных в Германии в предвоенное десятилетие. Большая часть из них подпадает под дежурное понятие «нацистская пропаганда», поскольку либо просто были выпущены в нацистское время, либо к тому же выпущены нацистскими издательствами, либо снабжены идеологически выдержанными предисловиями и использовались в целях антисоветской пропаганды.

Но слово «пропаганда» совершенно не обязательно обозначает «ложь».

Словарное определение пропаганды — «деятельность по распространению идей, направленная на формирование в обществе определенных настроений»³. Влиять на формирование общественного мнения можно как лживыми, так и правдивыми способами.

В довоенное время нацистская антисоветская пропаганда оказалась в исключительно благоприятных условиях по сравнению со встречной советской антинацистской пропагандой. Что плохого могла сказать советская пропаганда о нацистской Германии до 1941 г.? Почти ничего. То, что вызывало такое отвращение к нацистскому режиму в западных демократиях — политическая диктатура, однопартийная система, преследование политических противников, ликвидация свободы слова и свободы пе-

¹ *Op. cit.* S. 22.

² *Ibid.* S. 23.

³ Глоссарий по политической психологии. М.: РУДН, 2003.

чати — все это никак не могло испугать советского человека. Со всем этим он был хорошо знаком, и к тому же в гораздо более жестокой форме.

Только во время войны, когда стало известно о нацистском расовом геноциде и карательной политике на оккупированных территориях, советская власть получила в руки правдивый пропагандистский материал против нацистов. Рассказы об Освенциме, зверствах по отношению к «неполноценным расам», населению оккупированных территорий поражали воображение и отодвигали на второй план, делали гораздо менее существенным сопутствующее традиционное советское идеологическое вранье о фашизме как порождении буржуазного общества и о собственной освободительной роли СССР в мировой войне. Приблизительно так же действовала и находящаяся в более благоприятных условиях нацистская пропаганда.

Для того чтобы объяснить советским людям, что на Западе трудящимся живется гораздо хуже, чем в СССР, советской пропаганде приходилось их обманывать. Причем в общей лживой пропагандистской картине «буржуазного» мира Третий рейх никак не выделялся в худшую сторону по сравнению с западными демократиями. Тем более что слово «фашизм» применялось советской пропагандой в то время ко всему, чему угодно, включая и европейские социал-демократические партии («социал-фашисты»), и вообще не имело конкретного смысла.

В то же время практически любая правдивая информация о жизни в Советском Союзе шла на пользу нацистам. Целью открытой нацистской антисоветской пропаганды до августа 1939 г. и с июня 1941 г. (в промежутке антисоветская пропаганда была запрещена) было доказать, что советское население живет в ужасных условиях, что оно ограблено, лишено гражданских прав, подвергается страшному террору, гибнет в невероятных количествах и что во всем этом виноваты евреи, придумавшие марксизм и захватившие власть в СССР.

Последний пункт был логически недоказуем, требовал изощенной и малоубедительной, чисто идеологической

аргументации. Все же остальное, касавшееся реалий советской жизни и советского режима, подтверждалось свидетельствами и судьбой тысяч людей, побывавших в СССР и покинувших его, иногда чудом и с риском для жизни.

Расовая теория с ее тезисом о расовой неполноценности славян и вообще населения Востока использовалась в основном для идеологического воспитания эсэсовцев и полицейских и, похоже, играла совсем небольшую роль в открытой пропаганде, направленной на население Германии и Европы. Как правило, она сводилась к примитивному антисемитизму и скорее препятствовала, чем помогала в достижении основной цели.

Нацистская пропаганда против СССР не была гомогенной, скорее это было что-то вроде эмульсии, легко разлагавшейся на составные части. Ведомство Геббельса занималось в основном тем, что брало вполне серьезную и заслуживающую доверия информацию о Советском Союзе — из книг и научных исследований — и снабжало ее вздорным идеологическим оформлением, как правило, в виде предисловий с расистскими комментариями. Обе составляющие этой пропагандистской эмульсии не смешивались, поэтому отделить пропагандистскую правду от пропагандистского вымысла при минимальных исторических знаниях совсем не трудно, тем более сегодня, после 60 лет отстаивания исторической информации.

Основой массовой нацистской пропаганды против СССР было два тезиса: а) о страданиях советского населения и б) об освободительной миссии вермахта на Востоке.

Последний тезис, направленный на то, чтобы сплотить европейские страны вокруг Германии для борьбы с Советским Союзом, не сработал категорически. Репутация гитлеровской Германии после всех ее агрессий в Европе и провокации (пусть и совместно со Сталиным) мировой войны была слишком дурна. В конечном счете Гитлеру не удалось убедить в благородстве собственных помыслов по спасению Европы от большевизма не только народы

оккупированных им или воюющих с ним стран, но даже своих вынужденных союзников.

Но первый тезис, несомненно, имел успех. Информация о сталинском Советском Союзе — его экономике, социальной структуре, нравах, культуре, репрессиях и проч., — по большей части вполне правдивая и подкрепленная свидетельствами массы очевидцев, сыграла свою пропагандистскую роль и оказала влияние на формирование у немецкого народа представления об СССР. А поведение Красной армии в Восточной Пруссии весной 1945 г. как бы специально подтвердило правоту геббельсовской пропаганды о советских нравах. Все это способствовало тому, что на Восточном фронте немецкие войска сопротивлялись до последнего, стараясь дать возможность уйти на Запад мирному населению и надеясь на сдачу в плен не русским, а американцам. Недаром автор известного исследования о нацистской пропаганде Роберт Эдвин Герцштейн назвал свою книгу «Война, которую выиграл Гитлер»¹.

Эта книга знакомит читателя с некоторыми источниками информации о Советском Союзе, относящимися к нацистскому времени. Часть из них можно рассматривать как чисто пропагандистский материал, часть — как материал, использовавшийся пропагандой. Часть — как материал, не имевший к пропаганде никакого отношения.

Нацистская пропаганда очень активно использовала книги бывших коммунистов, побывавших в СССР и изменивших под влиянием увиденного и пережитого свои взгляды на «родину пролетариата». Первое место среди них по объему информации об СССР, а также по тиражам и, следовательно, по влиянию на тогдашнее общественное мнение занимает книга Карла Ивановича Альбрехта «Преданный социализм». Отрывки из нее приводятся в главе «Взгляд коммуниста».

---

¹ Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996.

Тираж книги Альбрехта, вышедшей впервые в 1938 г., достиг к концу войны двух миллионов экземпляров. Что не помешало этой интереснейшей книге, написанной бывшим высокопоставленным советским партийно-хозяйственным чиновником, остаться абсолютно неизвестной современному читателю, тем более за пределами Германии.

В главе «Взгляд специалиста» рассказывается о другом ушедшем после войны в небытие, но тем не менее поразительно интересном издании — книге «Специалист в Сибири» архитектора Рудольфа Волтерса, год проработавшего в СССР в 1932—1933 гг. Книга вышла осенью 1933 г. и только с очень большой натяжкой может быть отнесена к нацистской пропаганде. Рассказ о книге Волтерса дополнен выдержками из его не опубликованных ранее дневников, где описаны его поездки в 1942—1943 гг. по оккупированным немцами территориям СССР.

В главе «Взгляд пропаганды» представлены несколько образцов концентрированной антисоветской пропаганды Третьего рейха: книга «Сталин в свете прессы и карикатуры», выпущенная в 1941 г., каталог выставки «Советский рай», проходившей в Берлине весной-летом 1942 г., и брошюра по идеологическому воспитанию полицейских, увидевшая свет в июне 1941 г.

В главе «Взгляд исследователя» приводятся отрывки из книги Хекрмана Грайфе «Принудительный труд в СССР», изданной в 1936 г. тиражом более чем 2 млн экземпляров.

Заключает книгу глава «Взгляд беженца», где приводятся отрывки из книги Н.И. Киселева-Громова «Лагерь смерти в СССР», вышедшей в Германии в 1938 г.

В книге представлена только малая доля огромного и интереснейшего материала о довоенном Советском Союзе, еще ждущего своих исследователей.

Глава I

ВЗГЛЯД КОММУНИСТА

Карл Иванович Альбрехт и его книга «Преданный социализм»

Среди книг о Советском Союзе, выпущенных в Германии после 1933 г. и использовавшихся нацистской пропагандой в предвоенное и, в особенности, в военное время, первое место — и по тиражам, и по влиянию на общественное мнение — занимает книга коммуниста Карла Ивановича Альбрехта. Полное название этого 650-страничного тома звучит так: «Преданный социализм. Десять лет в качестве высокого государственного чиновника в Советском Союзе».

Национал-социалистическое издательство «Нибелунген-ферлаг» выпустило эту книгу в 1938 г. десяти тысячным тиражом, который разошелся мгновенно. В течение первого года вышло еще десять таких же тиражей.

После заключения в августе 1939 г. пакта Молотова—Риббентропа в Германии была запрещена антисоветская пропаганда в любых видах, и выпуск книги временно прекратился. Он возобновился в сентябре 1941 г., причем тиражи так называемых «народных изданий» (их было минимум шесть) составляли 150—300 тыс. экземпляров. К 1944 г. общий тираж книги превысил 2 млн экземпляров. Можно предположить, что в первую очередь именно по книге Альбрехта формировалось представление о Советском Союзе у населения Германии в конце 30-х и в 40-х гг.

В 1942 г. одна глава книги — «Красный экономический хаос», где речь шла о советской экономике, была выпущена для населения оккупированных Германией советских территорий на русском языке отдельной брошюрой под названием «Разве это социалистическое строительство?». По некоторым данным, на русском языке во время войны выпускались и другие главы книги Альбрехта.

В 1945 г. распоряжением оккупационных властей книга Альбрехта была изъята из немецких библиотек. В советской оккупационной зоне обнаружение ее при обыске автоматически влекло за собой арест владельца и обвинение в симпатиях к нацизму. С тех пор эта книга, представлявшая собой несомненный научный интерес, была изъята из научного обращения, не издавалась, не изучалась и не использовалась как источник информации о СССР 20—30-х гг.

Автор пропагандистского бестселлера Третьего рейха Карл Иванович Альбрехт (настоящее имя — Карл Маттхойз Лёв) родился 10 декабря 1897 г. в Швабии (Южная Германия) и умер 22 августа 1969 г. в Тюбингене. В 17 лет он оказался на фронте Первой мировой войны, был много раз ранен, награжден Железными крестами первого и второго класса.

После войны Альбрехт стал коммунистом. Получив образование лесного инженера, он в 1924 г. приехал в Советский Союз, где провел 10 лет.

Карл Альбрехт сделал в СССР фантастическую карьеру — от простого лесного инженера он вырос до члена ЦКК РКИ (Центральной контрольной комиссии ВКП (б) и Рабоче-крестьянской инспекции СССР) и руководителя секции лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности при Рабоче-крестьянской инспекции. Под конец карьеры он стал заместителем руководителя Главного управления лесной, деревообрабатывающей, бумажной и целлюлозной промышленности СССР, из которого позже образовался Наркомат лесной и деревообрабатывающей промышленности. Это был ранг заме-

стителю наркома. В ведении Альбрехта находилась вся лесная промышленность СССР. Если учесть, что наряду с зерном лес был второй главной статьей валютных поступлений СССР, то важность положения Альбрехта и степень его информированности о советской внутрипартийной и внутрихозяйственной кухне трудно переоценить. Как партийно-советский чиновник высокого ранга, он участвовал в правительственных заседаниях высших советских органов: Политбюро, президиума Центральной контрольной комиссии, пленумах Центрального комитета партии, Совнаркома и Совета труда и обороны. Он лично знал всю партийно-хозяйственную верхушку Советского Союза¹.

Кроме того, в критическое время для становления лесного хозяйства Альбрехт был особым уполномоченным ЦК партии и Совнаркома в своей профессиональной области. В течение ряда лет Альбрехт принадлежал к узкому кругу сотрудников президиума крупнейшего советского профсоюза рабочих сельского хозяйства и лесной промышленности и был президентом объединения научно-технических обществ ученых, экономистов, инженеров и техников лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

По специальному партийному поручению Карл И. Альбрехт, как заместитель председателя и член бюро, руководил иностранной секцией, которая объединяла всех иностранных ученых, экономистов, инженеров, техников и квалифицированных рабочих в СССР.

В 1933 г. Альбрехт был арестован ГПУ и обвинен в шпионаже в пользу немецкого Генерального штаба. В общей сложности он провел в заключении 18 месяцев. Больше трети его книги посвящено подробному описанию его собственной тюремной эпопеи и судеб тех, с кем он познакомился в камерах разных тюрем. Альбрехт пережил пытки, устраивал голодовки, но виновным себя не

---

¹ *Albrecht Karl I. Der verratene Sozialismus. Zehn Jahre als hoher Staatsbeamter in der Sowjetunion, Berlin—Leipzig, 12. Ausgabe, 1943, Vorwort des Verlages. S. 11—12.*

признал и отказался от настойчивого предложения стать сотрудником иностранного отдела ГПУ в обмен на признание вины. В конце концов он был приговорен к смертной казни на заседании революционного трибунала под председательством Ягоды и в присутствии высокопоставленных партийных функционеров, включая и «представителей мирового пролетариата» Хайнца Нойманна и Белы Куна. Обвинителем был Крыленко, который еще в перерыве судебного заседания, как пишет Альбрехт, уговаривал его согласиться на предложение ГПУ о сотрудничестве и тем самым спасти жизнь.

То ли благодаря чуду, то ли сохраненному немецкому гражданству и вмешательству немецкого посольства, после месячного пребывания в камере смертников Таганской тюрьмы Альбрехт был неожиданно помилован и в апреле 1934 г. выслан в Германию вместе с двухлетней дочерью. Его русская жена осталась в СССР.

В Германии Альбрехта арестовало гестапо. Он провел несколько месяцев в концентрационном лагере, допрашивался в тюрьме гестапо в Берлине (о заключении в тюрьме гестапо подробно написано в книге) и был, наконец, выпущен на свободу. Как бывший коммунист, Альбрехт не мог найти работу в Германии; он эмигрировал в Турцию, а затем в Швейцарию, откуда немецкое издательство и получило в 1938 г. рукопись его книги. Карл Альбрехт был на тот момент, видимо, самым высоким советским и партийным функционером, покинувшим СССР и решившимся рассказать о том, что он там пережил. О причинах, заставивших его взяться за перо, Альбрехт пишет в опубликованном ниже предисловии к первому изданию.

Книга Альбрехта интересна во многих отношениях. Во-первых, это подробный и несомненно достоверный рассказ о Советском Союзе и советской жизни во множестве ее аспектов — политическом, экономическом, бытовом. Причем это рассказ человека, чрезвычайно информированного и умного. Кроме того, книга иллюстрирована более чем сотней фотографий, большинство из

которых сделано автором во время его путешествий по местам советских лесоразработок, работой на которых были практически исключительно заняты заключенные и депортированные крестьяне.

Во-вторых, интересен характер использования книги нацистской пропагандой. Хотя в некоторых современных немецких биографиях Альбрехта говорится, что он стал «пламенным национал-социалистом», по книге этого сказать нельзя. Более того, сам Альбрехт в ней утверждает, что своим убеждениям юности он не изменил — он просто разочаровался в тезисе о том, что сталинский Советский Союз — есть воплощение коммунистических идеалов. Скажем, восторженная глава о Кларе Цеткин содержится во всех изданиях книги, вплоть до последних. В предисловии к первому изданию Альбрехт пишет: «Я был социалистом, и я остаюсь социалистом. Но я был коммунист и верил в строительство социализма в Советском Союзе. То, что я пережил в Советском Союзе, вынудило меня отказаться от этой веры»¹. Тут интересен терминологический нюанс: для Альбрехта, как, видимо, и для многих, быть коммунистом в 30-х (и в более поздние годы), в отличие от 20-х, означало быть безоговорочным сторонником сталинского Советского Союза. Поэтому он, не изменяя, по его собственным словам, прежним идеалам, коммунистом быть перестал.

Судя по всему, нацистские редакторы почти не тронули текст книги. Во всяком случае, правка не бросается в глаза. Репутация Альбрехта как убежденного коммуниста работала на достоверность его книги, в чем издатели были заинтересованы. Поэтому в предисловии издательства, как подтверждения его партийной репутации, цитируются письма Клары Цеткин к самому Альбрехту и его жене с выражением доверия и поддержки, написанные во время его ареста ГПУ.

Однако явные следы пропагандистской обработки текста видны в авторских предисловиях. Предисловие

---

¹ Op. cit. S. 21.

к публикуемой ниже брошюре 1942 г. «Разве это социалистическое строительство?» пропитано нацистской пропагандистской риторикой и лексикой. Там несколько раз встречаются выражения типа «жидовско-большевистские комиссары» и «иудейско-большевистские диктаторы», содержатся славословия в адрес «нашего первого рабочего Адольфа Гитлера». Ничего подобного в самой книге (и в тексте русской брошюры) нет. Текст предисловия к брошюре, однако, написан в стиле пропагандистской листовки с обращениями «Брат трудящийся!» и восклицаниями «Уже взошла заря новой жизни!». Хотя предисловие к брошюре подписано Альбрехтом, оно разительно отличается по стилю и содержанию от текста брошюры. Видимо, нацистские пропагандисты полагали, что именно такого рода обращения вызовут благоприятный отклик у населения оккупированных территорий.

Предисловие к брошюре датировано 1 августа 1942 г. Предисловие Альбрехта к 12-му изданию книги «Преданный социализм» датировано июнем 1942 г., то есть двумя месяцами раньше, но написано совершенно другим языком. Редакторская обработка авторского текста носит иной характер и явно обращена не только к немецкому населению, но и к жителям Европы в целом. Там нет и намек на антисемитизм, но есть упоминания «гениального Адольфа Гитлера», под руководством которого «мы, европейцы» «строим новую социалистическую Европу».

В предисловие автора к первому изданию, 1938 г., которое публиковалось и во всех более поздних изданиях, нет ни антисемитизма, ни реверансов в сторону национал-социализма и лично Гитлера, в чем читатель может убедиться сам. Скорее всего, оно аутентично.

В опубликованной в 1942 г. брошюре речь идет о множестве чрезвычайно интересных вещей. Альбрехт описывает дикие экономические методы начальной стадии индустриализации (то есть эпохи первой пятилетки) в области хорошо и до деталей ему знакомой. Это хаотические и бессмысленные закупки иностранного оборудования, которое нет возможности грамотно использовать,

хищническое разграбление лесных богатств, огромные экономические потери, которые компенсируются эксплуатацией бесправного населения страны. Альбрехт четко обозначает цель всех усилий — «подготовить Красную армию для грядущей мировой войны». Для этого был выбран самый простой способ — превращение населения страны в принудительных рабочих, в рабов, и поддержание трудовой дисциплины массовым террором. То, что мы сегодня знаем об индустриализации и коллективизации начала 30-х годов, не противоречит описанию Альбрехта и подтверждает его значение как важного и чрезвычайно информированного свидетеля до сих пор до конца не изученных исторических процессов.

Рассказы Альбрехта о ситуации с иностранными концессиями в СССР и о политике в отношении иностранных специалистов также крайне интересны и ценны для понимания законов сталинской экономики. То же касается и политических аспектов советского демпинга в мировой лесоторговле и краткого очерка сталинской коллективизации. Тут следует обратить внимание на исключительно важный рассказ о человеке, имя которого отсутствует в советской историографии сталинской эпохи, но который, по мнению Альбрехта, сыграл ключевую роль в коллективизации, — немецком специалисте по сельскому хозяйству докторе Пюшеле. Согласно Альбрехту, именно он подготовил план коллективизации сельского хозяйства в СССР. Этот план, преследовавший совершенно иные цели, был вывернут Сталиным наизнанку и использован не для улучшения положения крестьян, а в прямо обратном смысле — для уничтожения советского крестьянства. Доведенный до нервного истощения бесплодными попытками объяснить партийному начальству губительность его действий, Пюшель умер в Москве при подозрительных обстоятельствах.

Ниже публикуется предисловие Карла Альбрехта к первому изданию его книги 1938 г., и глава из нее, вышедшая в 1942 г. на русском языке в виде брошюры «Разве это социалистическое строительство?».

Для того чтобы продемонстрировать ошеломляющий эффект, который производила на читателей книга Альбрехта, мы публикуем также небольшой отрывок из главы, в которой Альбрехт описывает свое пребывание в камере смертников Таганской тюрьмы после объявления приговора. Историческая ценность этого отрывка чрезвычайно высока еще и потому, что людей, которым довелось выйти из такой ситуации живыми и суметь рассказать о ней, было наверняка чрезвычайно мало.

**Предисловие Карла Альбрехта
к первому изданию книги «Преданный социализм»¹**

Решение опубликовать рассказ о событиях моего десятилетнего пребывания в СССР далось мне нелегко. Потому что эти десять труднейших и активнейших лет моей жизни в СССР я провел не как более или менее хорошо оплачиваемый специалист, которому результаты его работы и судьба государства, которому он служил, могут быть безразличны, а как убежденный, верующий коммунист, посвятивший все силы и знания «отечеству трудящихся».

Теперь эти 10 лет лежат за моей спиной как закрытая глава. Я покинул Советский Союз. Я вернулся на свою родину, в немецкую империю, как в новый и чужой мир. Молодым коммунистом я покинул в 1924 году веймарское государство — как бывший коммунист, но все еще непоколебимый пламенный социалист, вернулся я в новую империю, в третью немецкую империю национал-социалистов. Из застенков ГПУ я попал в концентрационный лагерь тайной государственной полиции. Но и это позади. Я вернулся обратно на свободу.

Теперь, работая инженером за границей, я свободен. Далеко позади остался СССР. Я ускользнул от власти ГПУ. Но я точно так же свободен и от любого другого влияния политического характера.

---

¹ Op. cit. S. 20—23.

Эта свобода ставит меня перед решением: молчать или говорить. Если я молчу, то ничем не рискую. Я могу тихо жить и работать там, где хочу. Если я заговорю, то уже не будет возврата к мирной частной жизни. Тайные убийцы ГПУ встанут на мой след, клевета и обвинения будут сопровождать мое имя. Все это можно вынести. Больше всего я боюсь только одного, того, что друзья и товарищи по многолетней и тем не менее напрасной борьбе за лучший мир поймут меня неправильно, вычеркнут меня из своей памяти как предателя и ренегата. Этого я не хочу. Я никогда не был предателем. Я не ренегат. Я честно и изо всех сил выполнял в СССР свой долг. Когда меня настиг кулак ГПУ, я отказался от обращения за помощью к моему немецкому отечеству. Я был готов нести дисциплинарную ответственность, если вольно или невольно совершил ошибку. Но меня не привлекали к ответственности. Было известно, что я невиновен. Тем не менее меня хотели уничтожить, как уничтожили с тех пор большую часть большевиков Ленина. Я не в большей степени предатель, чем все эти люди. Я был социалистом, и я остаюсь социалистом. Но я был коммунистом и верил в строительство социализма в Советском Союзе. То, что я пережил в Советском Союзе, вынудило меня отказаться от этой веры.

Я знаю, что во всем мире многие миллионы смотрят на Восток и ожидают спасения из Москвы. Ради этих миллионов, готовых жертвовать время, силы и даже жизни, я должен рассказать, почему я потерял веру.

Я знаю, что на бесконечных просторах СССР миллионы людей с фанатической верой выносили сверхчеловеческие трудности, добивались сверхчеловеческих результатов и продолжают добиваться, чтобы воплотить в действительность свои социалистические идеалы. Лучшие из них погибли или загублены. Их усилия и жертвы были напрасными, потому что их мученический путь вел не в лучший мир, он вел в хаос, в гибель, в ничто.

Ради памяти этих бессмысленно принесенных в жертву людей я должен объяснить, почему их путь был ошибочным.

* * *

Я и сегодня убежден, что революция в России была необходима и неминуема. Ужасное давление царского режима, выдавливающего из крестьян все соки феодализма, эксплуатирующего рабочих раннего капитализма, давление этого режима с его косностью и коррупцией, душило прогресс нации, раздражало молодежь, доводило до нищеты народные массы. Об этом мне рассказывали не только многие простые или образованные русские люди. В тюрьме ГПУ я познакомился с одним старым балтийским аристократом и высшим русским офицером, последним флигель-адъютантом царя, 72-летним генерал-майором бароном фон Майделем, которого однажды вечером, спустя недели нашего совместного заключения, увели на расстрел. И этот знатный, высокопоставленный человек из высшего слоя Российской империи, говорил перед лицом смерти совершенно открыто, что прошлое должно оставаться прошлым, потому что оно было для русского народа унижительным и невыносимым.

Но как революция Керенского плачевно ушла в песок, так и большевистская революция не только не воплотила надежды народов России, но чудовищно их предала. За несвободой царизма следовало абсолютное рабство большевизма. За убогими условиями существования широких народных слоев до 1917 г. следовал перманентный голод после переворота. За эксплуатацией рабочих и крестьян со стороны царизма следовала невиданная в истории человечества безжалостная эксплуатация всех со стороны жестокой деспотии. Недостойные методы охраны при царизме сменились попирающими любое человеческое достоинство методами ЧК и ГПУ. Большевизм не принес спасения, он не принес социализм — он низверг народ в глубочайшую нищету.

Я и сегодня убежден, что борьба против социальной несправедливости в большинстве стран Европы и мира необходима и неминуема.

Но беда народам мира, если эта борьба поставит целью в результате привести большевизм на место сегодняшнего общественного устройства! И беда народам, чья молодежь перейдет на сторону кремлевских диктаторов и будет бороться с правительствами собственных стран в интересах Москвы.

Эту полную идеалов молодежь, этих соvrащенных борцов за свободу стоит спасать. Им стоит показать, кем на самом деле являются соvrатители из Кремля, завлекающие их в революционные отряды и в интернациональные бригады.

Поэтому я должен говорить. Я должен рассказать, что практика марксистского коммунизма ужаснее всего того, с чем мы боремся и что отвергаем в капитализме.

И я знаю, что лишения и нужду времен создания нового мира следует пережить. Поэтому добровольно переносимая суровость советской жизни и нищета советского народа, которую я честно с ним делил, не пошатнули моей веры в спасительность большевизма.

Что уничтожило во мне эту веру, так это ясное неопровержимое понимание того, что происшедшее за двадцать один год большевистского владычества означало не родовые схватки лучшей эпохи, а смертельную борьбу за существование нежизнеспособной, бесплодной системы. Доказательством правильности этого моего горького признания служат факты, о которых я хочу рассказать.

Никакие изменения тактики, никакие изменения методов, никакая смена персон, никакой поворот Сталина со своего предшествующего пути, никакие жертвы идеалистов не превратят несчастье большевизма в счастье человечества.

Слишком многие из знающих — молчат. Молчат дипломатические представители СССР за границей, молчит большинство сбежавших из Советского Союза. Все они боятся мести ГПУ. Один должен говорить.

Если это признание, если это открытое предупреждение к социалистическим товарищам во всем мире бу-

дет стоить мне жизни, если меня настигнет месть ГПУ, тогда пусть моя смерть подтвердит правду, за которую я борюсь.

Цюрих, 1938 г.

К.И. Альбрехт

К.И. Альбрехт

**«РАЗВЕ ЭТО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО?»¹**

Предисловие автора

Брат трудящийся!

До твоего призыва на военную службу твоя жизнь проходила, если ты рабочий — на заводе, если ты крестьянин — в колхозе или совхозе. Или, быть может, ты работал в качестве инженера, техника или служащего в одном из бесчисленных советских учреждений, или на одном из выстроенных в последние годы промышленных гигантов или хозяйственных комбинатов. Если это так, то тогда ты поймешь то, что я хочу сказать в этой брошюре.

В долгие годы твоей работы ты, наверное, не раз раздумывал над тем, что какая же, в конце концов, польза тебе и твоей семье от хозяйства твоей родины, организованного и спланированного советским правительством так, что главной задачей его должен быть лозунг Ленина «догнать и перегнать капиталистические страны».

Тебе неоднократно говорили о большом социалистическом хозяйственном строительстве, рассказывали о том, какой хорошей и беззаботной станет жизнь трудящихся тогда, когда Советский Союз построит свою собственную промышленность и станет совершенно независимым от ввоза из-за границы.

---

¹ На экземпляре брошюры, хранящейся в Берлинской государственной библиотеке, нет выходных данных. Год выпуска предположительно 1942-й.

Тебе также говорили, что на новых фабриках и заводах вся тяжелая работа будет выполняться машинами и что твои обязанности в качестве рабочего, инженера или техника будут значительно легче, чем на таких же предприятиях за границей. Тебе рассказывали также и о том, что твою жизнь будут беречь и что твои силы не будут так расходоваться, как раньше. Кроме того, ты будешь зарабатывать во много раз больше, чем, например, немецкий рабочий, и, несмотря на это, себестоимость продуктов производства твоего завода или фабрики будет значительно ниже, чем на таких же предприятиях капиталистических стран. Твоя жизнь станет поэтому прекрасной, и на твой, по сравнению с немецким рабочим, больший заработок ты сможешь купить для себя и своей семьи в сто раз больше, чем рабочие капиталистической Германии, так как там, в «капиталистическом» хозяйстве, производственные расходы значительно выше, чем в Советском Союзе.

То, что трубили тебе в уши комиссары день за днем, — только прекрасные сказки. Но многие, к сожалению, верили всем этим выдумкам. Задумайся только над следующим: в 1928 г. были пущены в ход первые промышленные гиганты. А уже несколько месяцев спустя то на одном, то на другом предприятии должны были быть остановлены целые цехи, так как не было квалифицированных рабочих, не было специалистов.

Прошло несколько лет, и эти огромные заводы и комбинаты оказались не образцовыми предприятиями социалистического ведения хозяйства, а они сделались местом самой страшной, самой ужасной эксплуатации. Тебя заставили работать с такой скоростью, которая недопустима даже и в капиталистических странах. Тебе все время болтали о социалистическом соревновании. Ты и твои товарищи по работе должны были вступать в соревнование, чтобы подстегнуть друг друга к еще большей производительности. И это продолжалось до тех пор, пока вы, совершенно истощенные, усталые и физически надломленные, не падали у ваших станков. Тогда наби-

рались новые рабочие силы. Их ставили к вашим станкам, на ваше место. И эти новые силы выжимались до тех пор, покуда и они не надламывались. Тогда их заменяли новыми людьми.

Таков был круговорот вашей повседневной жизни, независимо от того, нес ли каждый из вас барщину в одном из многочисленных советских рабочих застенков в качестве рабочего, инженера, техника, учителя или служащего в советском аппарате или же был он рабочим на железной дороге, на шахтах или в сельском хозяйстве.

Может быть, вы часто удивлялись тому, что во время этой войны к вам не пришел ни один немецкий, французский или какой-либо другой иностранный рабочий и не сказал вам: «Я хочу сражаться вместе с вами за сохранение вашего Советского Союза».

Причина этого заключается в том, что в течение последних 15 лет тысячи иностранных рабочих и специалистов работали вместе с вами в вашей промышленности в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, в Сибири и т. д., — словом, везде, где строились у вас новые промышленные предприятия и где ваши комиссары нуждались в высококвалифицированной рабочей силе, которой у вас не хватало.

Но все эти ваши иностранные друзья по работе вернулись на свою «капиталистическую» родину. Отчего? Почему они это сделали? Да потому, что они и их семьи могли гораздо лучше жить и работать у себя дома, чем в вашем так называемом «социалистическом» Советском Союзе. Потому что все то, что размалевывает вам Сталин и все ваши иудейско-большевистские вожди, в действительности не имеет абсолютно ничего общего с социалистическим строительством. Все эти иностранные специалисты не могли дольше принимать участие в отвратительной эксплуатации человеческой рабочей силы, ибо они не могли больше смотреть равнодушно на то, как ваши властелины без конца, самым бессовестным образом обманывают вас и ваши семьи и вытягивают из вас последние силы.

Сотни немецких коммунистов, пламенно воодушевленные идеалами коммунизма, пришли в Советский Союз для того, чтобы работать вместе с вами. Но все они вернулись на свою родину, несмотря на то что они знали, что там их ожидало тяжелое наказание за их политическую деятельность. Они говорили, что лучше снести строгое наказание, чем остаться в Советском Союзе и принимать дальше участие в издевательствах над людьми.

Некоторые из них не смогли вернуться на родину, потому что ГПУ не выпустило их. Они так же должны были распрощаться с жизнью, как и многие из ваших близких.

Я был идеалист. Я глубоко верил в идею коммунизма, и поэтому я отдал 10 лет моей жизни, все мои силы, все мои знания и все умение на служенье так называемому «социалистическому» строительству вашей родины.

Весною 1924 г. я, тогда еще молодой инженер, приехал в Советский Союз. Десять лет спустя, весною 1934 г., я покинул СССР, забрав с собой мою маленькую дочь. Моя жена, моя верная боевая подруга, пережившая вместе со мной все невзгоды этих десяти лет, была задержана в Советском Союзе. ГПУ не выпустило ее. Она была оставлена в качестве заложницы.

Все то, что я пережил за эти десять лет, я описал в моей книге «Измена социализму», вышедшей в Германии в 1938 г. И мне пришлось понести в Германии тяжелое наказание, но я был счастлив, бесконечно счастлив, что после десяти лет тяжелых разочарований хоть и с горечью в сердце, но мне все же удалось вырваться, наконец, из этого ада отвратительной эксплуатации, который создали ваши жидовско-большевистские комиссары.

Брат трудящийся! В этой и в других моих брошюрах я описал часть моих переживаний в Советском Союзе. Пять лет я работал в качестве инженера на местах в промышленности, в лесах Карелии, Северной России, на Урале, в Сибири. Этой работе я отдал все мои силы. Я работал так, как никогда не сделал бы этого для капиталистов! Тогда уже я видел много несчастья и много страданий, много несправедливости и страшную эксплуатацию чело-

века. Тогда уже я видел, как иудейско-большевистские диктаторы вытягивали из вас последние силы.

После пяти лет трудной, упорной работы я был назначен членом Центрального комитета тогда еще существовавшего профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих. Несколько месяцев спустя, когда в московском Госиздате вышли две мои книги о реконструкции и рационализации советского лесного хозяйства, я был назначен членом Центральной контрольной комиссии и руководителем секции лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности при Рабоче-крестьянской инспекции. Вот тогда-то я и узнал полную правду!

По роду моей работы в качестве руководителя инспекции всего лесного хозяйства и лесной промышленности мне пришлось побывать во многих местах Советского Союза.

Благодаря моим полномочиям, которые я имел как лицо, занимающее высокий пост в партии и в госорганах, я целых три года имел возможность наблюдать во время многочисленных заседаний Совнаркома, СТО и ЦКК—РКИ то, чего я еще до тех пор не знал. Я узнал, что не только в тех предприятиях, не только на той работе, где я получил свой печальный опыт, царит полнейший хаос и отвратительнейшая эксплуатация, но что повсюду, во всем Советском Союзе, без малейшего исключения, была такая же безотрадная картина.

Вместе с многочисленными, так же как и я идеально настроенными коммунистами, которых впоследствии расстреляли, мы делали неоднократные попытки положить предел этой ужасной эксплуатации. Мы хотели помочь, мы делали практические предложения в Политбюро ЦК ВКП(б). Но ничего из этого не вышло!

Правда, были изданы многочисленные постановления, которые были опубликованы во всех газетах, переданы по радио, распространены агитпропом партии вплоть до самых отдаленных уголков Союза и, уж конечно, доведены до сведения заграницы. На основании этих решений нужно было предположить, что во главе Советского Союза

стоят люди, которые действительно защищают интересы рабочих, которые действительно хотят построить новый мир, создать социалистическое общество и социалистическое хозяйство!

Я радовался всем сердцем каждой победе, достигнутой после упорной борьбы мною и моими идеально настроенными товарищами. Но на каждом шагу я убеждался в том, что все мои надежды, все старания были так же бесполезны, как и все то, что делали другие идеалисты-партийцы.

Когда же в конце концов я не смог выдержать больше тот обман и ту ложь, среди которых мне пришлось жить, и захотел вернуться с моей семьей на родину в Германию, ГПУ протянуло ко мне свои лапы.

Меня, как и тысячи других, заподозрили в отвратительнейших вещах, с которыми я никогда не имел ничего общего. Меня таскали из тюрьмы в тюрьму, из суда в суд. Меня пытали такими средствами и способами, ужаснее которых ничего не может придумать ни один преступный ум. Меня хотели заставить сознаться! Я молчал. Я выдерживал все угрозы. Мысль, что предо мной стоит священная задача, которую я должен выполнить во что бы то ни стало, давала мне силы. Я знал, что на моей родине, во всем свете мне нужно рассказать миллионам людей о том, что я увидел в СССР. Рассказать правду о большевизме, о его подлинной сущности, о том, что он представляет собой в действительности.

Но кроме того, рабочие и крестьяне Советского Союза, я был убежден, что я обязан отдать все силы моей души делу освобождения ваших народов от иудейско-большевистского ига и помочь завоевать вам подлинную социалистическую свободу! С этими мыслями я написал мою книгу «Измена социализму», в которой обличил то, что называется большевизмом.

Здесь перед вами одна ее часть, посвященная красному хаосу, царящему в хозяйстве Советского Союза. В ней я описываю то, что в течение целых десяти лет я видел своими собственными глазами и слышал своими собст-

венными ушами, я делаю выводы, к которым привел меня мой трезвый рассудок в течение этих долгих десяти лет жизни в Советском Союзе, когда я был там на свободе или сидел в подвалах ГПУ.

Я далек от мысли хулить тех, кто до меня вместе со мной или после меня, всем сердцем, всеми своими силами пытался осуществить социализм в Советском Союзе. Вы сами знаете, что десятки тысяч этих отважных людей убиты Сталиным и его палачами-чекистами.

Сегодня поднялись все народы Европы! Поднялись не для того, чтобы отнять у вас ваши земли, разрушить вашу промышленность, ваше хозяйство. Нет и тысячу раз нет! Эти могучие армии рабочих и крестьян Европы взяли за оружие для того, чтобы уничтожить тот ужас, то несчастье, которое в октябре 1917 года обрушилось на народы России. Они жертвуют своей жизнью для вас, братья трудящиеся, рабочие и крестьяне Советского Союза! Они отдают ее за то, чтобы освободить вас от красного ужаса большевизма, чтобы завоевать для вас свободу! Они не хотят ничего, кроме свержения жидовско-большевистских захватчиков. Они хотят только открыть вам глаза, помочь узнать правду, помочь осуществить подлинный, истинный социализм!

Осмотрите хорошенько в нашей стране! Посмотрите в глаза нашему германскому рабочему, нашему крестьянину! Найдете ли вы в них страх перед палачами НКВД, страх перед пыткой, перед смертью? Нет! Никогда!

Наши рабочие и наши крестьяне — это свободные люди на свободной земле!

Наши «капиталистические» промышленные предприятия давным-давно перестали быть местом капиталистической эксплуатации. Капиталисты не распоряжаются у нас рабочей силой. Приказывать у нас может только один, сам вышедший из рядов германских рабочих, наш первый рабочий Адольф Гитлер! Этот человек 24 года тому назад, во время империалистической войны, был простым ефрейтором и находился вместе с нами на фронте. Теперь он ведет наши армии, он наш верховный глав-

нокомандующий, наш вождь. Мы с радостью повинемся ему, потому что он дал нам, германским социалистам, подлинный социализм не на слове, а на деле. Трудящиеся СССР, вы должны здесь у нас в Германии узнать на примерах, как мы, немецкие социалисты, осуществляем наш социализм!

Возьмите эту брошюру, прочтите ее внимательно, подумайте и скажите, не является ли полной противоположностью нормальному, здоровому ведению хозяйства все то, что я здесь описываю, все то, что ваши иудейско-большевистские вожди называли «социалистическим хозяйственным строительством». Вы в этом не виноваты. Вину за это несут только те бездельники, те жидовско-большевистские дилетанты, которые за эти 24 года своей диктатуры в вашей стране разрушили ваше хозяйство, вашу промышленность. Они разрушали то, что было создано вами в поте лица, что было облито кровью и слезами миллионов неповинных жертв, замученных непосильным трудом, голодом и нуждой. Этим подлым убийцам мы объявили войну. Бороться с ними должны и вы!

Мы, германские социалисты, ваши искренние друзья! Наш вождь, Адольф Гитлер, несет вашей родине освобождение! Тысячи германских рабочих и крестьян уже отдали свою жизнь за вашу свободу! Вы должны быть такими же свободными и счастливыми, как и мы! Вы должны сделать своими вождями, руководителями вашего государства таких людей, которые являются социалистами на деле, а не на слове! Ваших же жидовско-большевистских вожаков, на основании того, что вы узнали, на основании вашего личного опыта и на основании опыта всех тех, кто хорошо знал вашу жизнь, этих «вождей» вы должны назвать тем именем, которое они в действительности заслуживают: **предателями социализма!** Эта брошюра должна помочь вам заглянуть за кулисы, увидеть то, что от вас так тщательно скрывали ваши порабощители. Мое горячее желание заключается в том, чтобы вы осознали, что ваше благополучие и ваше счастье вы найдете не в большевизме, а только в подлинном социа-

лизме. Пусть мои слова, моя брошюра помогут вам это понять!

Пусть эти строки проложат путь между нашими сердцами! Мы, народы Европы, хотим и должны поддерживать друг друга, идти вместе! Только таким путем мы добьемся того, что мир будет принадлежать нам, что войны между отдельными странами отойдут в область предания, что эксплуататоры-кровопийцы будут навсегда устранены!

Уже взошла заря новой жизни! Теперь только несколько лет нашей совместной с вами работы, и для нас засияет солнце свободы, солнце счастья, солнце социалистической справедливости!

Наши народы будут свободны и счастливы!

Братья трудящиеся, пришедшие к нам с Востока! Работайте вместе с нами над созданием новой жизни! Тогда жизнь каждого из вас не будет напрасной и бесцельной. Тогда все страдания, все жертвы, принесенные вашим и нашим народом, не были напрасными!

Берлин, 1 августа 1942 года

К.И. Альбрехт

Хаос в советском хозяйстве

Все хозяйство Советского Союза направлено к единственной цели: подготовить Красную армию для грядущей мировой войны. Для этого сверхиндустриализация должна проводиться все более безумно-ускоренным темпом. О том, что тут часто отдавало фантазией, о том, что вместо здорового, разумно организованного, полноценного хозяйства возникал бесхозяйственный хаос, в Кремле никто не смел говорить. Там усыпляли себя цифрами...

При этом демагоги прекрасно знали, что данные Центрального статистического управления о производительности всех отраслей советского хозяйства неверны и ни в коем случае не совпадают с секретными твердыми данными высшего контрольного органа. В таком же во-

пиющем противоречии находились они и с совершенно очевидным хаотическим состоянием снабжения во всех его областях, как в области обеспечения трудового населения предметами широкого потребления, так и в снабжении промышленности и сельского хозяйства машинами, орудиями производства и инструментами.

В посвященных партийных кругах уже давно никто не верил всем этим статистическим данным разных наркоматов о мнимо высоком уровне производства. Все знали, что эти горы статистических данных имеют только пропагандное значение, и то только для иностранцев.

При рассмотрении контрольных цифр второй пятилетки в Центральном Комитете партии мнения различных хозяйственных и партийных руководителей разошлись, и дело закончилось нападками друг на друга. Каждый из заинтересованных наркомов пробовал, на основании своих «статистических данных», доказать дутую производительность и важность руководимой им отрасли хозяйства и тем оторвать от бюджета возможно большие средства на свою долю.

Уважаемый в самых широких партийных кругах за свою несколько холодноватую положительность Яковлев, впоследствии нарком сельского хозяйства, а тогда еще заместитель председателя Центральной Контрольной Комиссии, которого в то время все очень боялись, не смог, очевидно, сдержаться и воскликнул: «Вместо того чтобы заняться действительно печальным состоянием нашего хозяйства и озаботиться подысканием средств для его улучшения, мы только обманываем друг друга. Самое постыдное в этом — то, что мы все знаем, что каждый лжет, и, следовательно, мы сами себя совершенно сознательно обманываем!»

Во время моей долголетней совместной работы с целым рядом руководящих работников администрации и партии и при частных встречах я довольно часто высказывал мнение, что установленная сталинской генеральной линией сверхиндустриализация в конце концов приведет советский режим к гибели, к неминуемой, стихийной хозяй-

ственной катастрофе. Я основывал свои опасения прежде всего на том, что, как было известно и высшим руководящим кругам, вследствие невероятного разбазаривания и хищнических способов добывания сырья очень скоро придет момент, когда стремительно и беспланово построенные «гиганты» первой и второй пятилетки останутся без него. Поэтому новая индустрия не сможет достичь полной производительности или уже через несколько лет будет вынуждена приостановиться из-за недостатка сырья.

Я знал, что такие же опасения с самого начала второй пятилетки возникли в самых осведомленных кругах хозяйственного руководства и причиняли много забот, что иногда высказывалось совершенно открыто.

Я говорил о том, что бессмысленно вызывать к жизни запланированные гиганты, которые потребуют невообразимого вложения капиталов, а также целую армию высококвалифицированных специалистов. Кроме того, для этого множества рабочих должны быть построены жилища, школы, больницы и электростанции, проложены улицы и проведен водопровод. Кроме того, должны быть налажены снабжение и распределение. Все это неминуемо приведет к невероятному повышению издержек производства.

На основании опыта находившихся под моим контролем лесопилок я утверждал, что гораздо умнее и хозяйственнее было бы капитально отремонтировать уже существующие заводы и обновить их и, таким образом, повысить на 100% их производительность, так как они могут работать еще десятки лет.

В качестве одного из многих примеров я привел жалкие результаты работы лесопилок Архангельской промышленной области. Эти лесопилки считались тогда самыми лучшими из всей очень плохо работавшей лесопильной промышленности.

В 1927—1928 гг. здесь было еще 33 лесопилки, в большинстве случаев высокопродуктивные, с 145 рамами (отчасти даже шведскими болиндеровскими быстроходными).

В 1927/28 хозяйственном году все эти рамы, вместе взятые, распилили на доски 3 099 000 кубических метров кругляка. При этом была достигнута жалкая цифра в 1 684 000 кубометров пиленого леса. Эта нищенская продукция, однако, далеко превосходила среднюю продукцию всей лесопильной промышленности СССР.

И все-таки эта цифра значила, что разрезанный на куски кругляк был использован только на 54% своей ценности. 46%, то есть 1 415 000 кубических метров ценнейшего круглого леса из года в год уходило на щепу. Часть его специальными пароходами вывозилась в море и выбрасывалась, поскольку невозможно было сжигать эту массу на колоссальных кострах вблизи лесопилок.

При этом дело шло об исключительно первоклассном строевом лесе, так как в то время на лесопилки доставлялся только совершенно чистый товар без сучков, то есть лишь нижняя часть срубленных стволов.

Мое предложение сводилось к тому, чтобы основательно модернизировать и использовать все существовавшие на территории РСФСР в 1927/28 г. лесопилки с их 1031 рамой, в том числе и 33 лесопилки Архангельской области, и таким образом привести их к нормальной продуктивности.

В этом году общая продукция всех этих лесопилок достигала только 9 332 000 погонных метров кругляка. Таким образом, и здесь выброшено было в щепу 6 550 000 кубометров первоклассного лесного материала!

Пройди мои предложения, в одной только Архангельской бухте годовую промышленность ее 33 лесопилок с их 145 рамами (которые, может быть, пришлось бы отчасти заменить новыми) было бы возможно поднять с 1 684 000 кубометров пиленого леса на 6 820 000 кубометров (при 2 сменах).

На основании этих и других сравнительных данных я указывал, что продуктивность всех лесопилок и деревообделочных заводов всего СССР, которых было около 6000, могла бы быть доведена до гигантской цифры. Эта

продукция с лихвою перекрыла бы потребность в лесе всего советского хозяйства и намного увеличила бы экспортные возможности леса, если бы все эти предприятия были соответственно модернизированы и если бы были введены упорядоченные способы их хозяйственного управления и изменены жилищные и продовольственные условия для обслуживающего персонала и его семей.

Однако, как и многие до меня и после меня, я должен был скоро прийти к заключению, что я ораторствую перед глухими.

Обуянные неизлечимой манией величия местные и центральные партийные шишки желали промышленных гигантов — любой ценой! Нужно было показать окружающему капиталистическому миру, что значит большевистская государственная и хозяйственная стройка.

Еще в том же 1928 г. на одной только территории РСФСР было приступлено к постройке 149 новых лесопилок с общим числом в 582 рамы, которые к 1932—1933 г. должны были достичь соответственно высокой продуктивности.

Так было в области лесопильной промышленности, но не лучше было и в других, мною контролируемых отраслях: бумажной, целлюлозной, фанерной, мебельной, а также и в лесохимической промышленности.

Все мои предупреждения не привели ни к чему.

Партийные специалисты, работавшие в центральных государственных органах вокруг Рыкова, Сырцова и Пятакова, в особенности получившие образование за границей, были, конечно, твердо убеждены, что если что-либо и можно спасти, то только крутым и быстрым поворотом государственного руля.

Но Сталин решил иначе. Для него не было ни бесхозяйственности, ни убыточных предприятий. Он признавал только подобранные статистикой, раздутые в целях пропаганды цифры успеха, которые большевики раструблили по всему свету в качестве «достижений социалистического управления хозяйством». Он верил в то, что в советском хозяйстве все находится в полном порядке

и что всякие неудачи объясняются или «трудностями роста», или «работой вредителей».

Для практической работы он сам никогда и пальцем не пошевелил. Фабрики и заводы Советского Союза он знал только понаслышке или по фототехническому репортажу, который ему преподносил Каганович. Действительные хозяйственные успехи Европы были для него только «паутиной лжи».

Ближайшее окружение Сталина давало самую широкую огласку этому его мнению. Со стороны руководящих партийных кругов провинции оно получило действительную поддержку.

Начиная с 1928/29 г. все больше и больше стали выдвигаться люди террористического и насильнического типа. Эти люди, не обладавшие никакими специальными познаниями и никаким государственным опытом, лишённые чувства всякой личной и социалистической ответственности, в революционные годы пришли в провинции к власти и в качестве «партийных шишек» владычествовали там неограниченно. Частью под влиянием собственного честолюбия, частью выдвигаемые своими партийными друзьями, которые надеялись в будущем занять их место или пользоваться их протекцией, многие из этих людей добивались выставления своей кандидатуры в центр и избрания в центральные органы партии и правительства. Как только им удавалось там укрепиться, они с ненасытным властолюбием захватывали в свои руки исполнительную власть в партии и в правительстве. Это они требовали проведения «гигантских планов». Всякое сопротивление этим дилетантам рассматривалось как «мелкобуржуазная отсталость», а впоследствии как «вредительство».

Организованное Сталиным вторжение этих грубых и безответственных неучей в партийное руководство привело к мании величия. С хорошо разыгранным энтузиазмом они соблюдали сталинский лозунг «догнать и перегнать» иностранную промышленность при любых условиях и во всех областях.

Деятельность этих сталинских «свежих сил» привела в конце концов к тем фантастическим замыслам индустриализации, которые, будучи практически малоценными, послужили только фактической и пропагандистской подготовке СССР к мировой революции.

При разработке и обсуждении первых планов пятилетки еще видны были границы, внутри которых должна была осуществляться промышленная стройка. Здесь была равномерность и взаимная связанность хозяйственных целей, как для разработки сырьевых источников, так и для стройки равномерно развитой крупной промышленности. Был разработан, — хотя только и теоретически, — вопрос о создании транспорта, необходимого для связи промышленных предприятий с рынками сырья и сбыта.

В 1929/30 г., то есть на третий год пятилетки, эта картина совершенно изменилась под вторжением подталкивающих радикальных элементов. Вводились гигантские, совершенно непредусмотренные планы расширения. Исходные планы стройки оказывались выброшенными за борт. Без всякого учета наличия достаточной сырьевой базы строились гигантские предприятия. Потом, когда в эти предприятия была уже вложена огромная масса строительных материалов и денег, — многие из них пришлось «консервировать». Однако даже и это «консервирование» явилось только прикрытием, ибо никогда эти предприятия не могли бы быть закончены и пущены в ход, так как за это время успело выясниться, что воображаемых местных источников сырья никогда не существовало, а привозное сырье не могло быть доставлено по хозяйственным или транспортным причинам.

С другой стороны — во многих местах, с невероятными жертвами деньгами и человеческими силами, строили в отдаленных, бездорожных местах гигантские электростанции, для тока которых ни сейчас, ни на десятки лет вперед нельзя найти никакого сбыта и никакой возможности применения.

В других очень многочисленных случаях торжественно праздновали пуск в ход законченных предприятий, но о их правильной работе нечего было и думать, так как не хватало квалифицированной рабочей силы.

Предпринимались самые различные насильственные попытки пустить в ход эти предприятия при помощи неквалифицированной рабочей силы — и все кончилось провалом. Следствием этого было то, что дорогие машины, купленные за границей на гроши голодающего народа, неквалифицированный персонал приводил в негодность в течение нескольких недель, и такие же машины приходилось покупать вновь. Кроме того, значительно большая часть продукции, выработанной неквалифицированными рабочими, оказывалась совершеннейшим браком и шла в переработку.

В бесчисленном количестве случаев проектные бюро, которые росли как грибы после дождя, вырабатывали никуда не годные проекты сложнейших промышленных предприятий. На основании этих негодных, или неполноценных, планов ставилась масса машин, которые в производственном отношении совсем не подходили друг к другу.

Силовые установки часто оказывались слишком слабыми для пуска в ход машин предприятия.

Закупались дорогие транспортные средства, которые оказывались или непригодными для перевозок, или вообще нерентабельными.

Устанавливались сложнейшие автоматы или полуавтоматы, которые для данного производства оказывались абсолютно ненужными или чересчур дорогими в эксплуатации и которые уже по чисто хозяйственным соображениям сейчас же заменялись другими, более простыми.

Советские составители проектов, опьяненные манией индустриализации, и их закупщики за границей заказывали станки, сверлильные и фрезерные машины и тысячи других предметов новейшей конструкции, для обслуживания которых не было нужных армий квалифицированных рабочих.

Но строительные площадки в провинции, на которых по замыслу охваченных манией величия полуграмотных людей должны были по приказу вырастать из земли гиганты индустрии, — уже через несколько месяцев после начала работ походили на поля сражений. Здесь валялись полураспакованные ценные инструментальные станки из Германии, транспортеры из Англии, экскаваторы из Америки. А нужные для них проволочные каналы, закупленные в других странах из соображений дешевизны, валялись где-то полузасыпанные землей. Дождь и снег, жара и холод сменяли друг друга и заботились о том, чтобы это стоившее миллионы и лежащее теперь под открытым небом оборудование в самый короткий срок было приведено в полную негодность.

Строительные работы продвигались очень медленно, так как в большинстве проектов вовсе не были учтены местные особенности. На местах, которые были предусмотрены для стройки, вместо равнины оказывались холмы и болота. Для подготовки строительной площадки проектируемых заводов приходилось сначала срывать холмы, засыпать ямы, осушать местность. Для всего этого нужны были огромные земляные работы, совершенно не предусмотренные проектами. Это не только замедляло работы, но и безмерно повышало их стоимость. Попытки специалистов передвинуть строительную площадку на более удобное место наткнулись на тупое упрямство партийных шишек. Они демонстративно заявляли, что строить нужно именно на таких неудобных местах, перед которыми капиталистические предприниматели отступили бы в страхе. Это и называлось «большевистским упорством».

Все это время непрерывно в срок прибывающие из-за границы машины лежали под открытым небом.

И когда, наконец, стройка доходила до того момента, когда надо было устанавливать и монтировать иностранные машины, то оказывалось, что часть их или пришла в негодность, или испорчена до такой степени, что их снова приходилось отправлять фирмам для переделки или

починки. Или выяснялось, что установки, собранные со всего света, большей частью совсем не подходят друг к другу.

Проектные бюро сваливали вину на иностранных поставщиков, которые якобы со злым намерением или из желания нажиться поставили не те машины.

Так возникали конфликты с иностранными фирмами. Конфликты эти всегда кончались тем, что фирмы, бесспорно, доказывали, что машины они поставили в полном соответствии с заказом. Проектные бюро всегда садились в лужу, ибо выбор и заказ машин производился не на основании опыта специалистов, а просто по понравившимся иллюстрациям в каталогах.

Я лично знаю такой случай, когда гигантские лесопилки А и Б в Архангельске с их 24 рамами, вместо того чтобы быть построенными у самой воды, были отнесены на 800 метров от берега. Следовательно, подлежащий переработке сырой лесной материал не мог подаваться на заводы обычным, давно проверенным и дешевым водным путем. Приходилось устанавливать чрезвычайно дорогие транспортеры, что вызывало огромные дополнительные расходы по стройке.

Кроме того, этот бессмысленный расход на транспорт чрезвычайно повышал производственные расходы.

Как при стройке этих лесопилок, где с 6-рамных станков перешли на 12-рамные, без учета местонахождения сырья, — так и во многих других новостройках первоначальные планы были значительно увеличены, причем в большинстве случаев не были приняты в расчет основные предпосылки всякого промышленного строительства: его рентабельность.

Это были основные причины ежегодных миллиардных добавочных ассигнований для советской промышленности, обреченной на вечную бесхозяйственность.

Но все гигантские потери, которые возникали из-за мании величия и личных выгод, непонимания и легкомыслия советских заправил, покрывались за счет эксплуатации рабочей силы.

Так было на лесопилке «Мезень», находящейся при впадении реки того же названия в Северный Ледовитый океан и принадлежавшей тресту «Северолес». Для того чтобы выровнять разросшиеся производственные расходы, правление приказало в очень значительной степени усилить темп работы во всем предприятии.

Лесопильные рамы должны были повысить свою продукцию с 30 стандартов в 8 часов почти вдвое — задача, которая оказалась недостижимой даже для высококачественных шведских рам. Несколько месяцев спустя эти рамы, которые в Швеции работают по 20 лет, были поломаны, причем были еще и человеческие жертвы.

Почти при всех новостройках или при капитальной реконструкции предприятий фактически затраченные суммы далеко превосходили установленные и одобренные расходы.

Поэтому какому-то хитрецу пришла в голову идея выровнять возросшие амортизационные расходы путем повышенного использования предприятия.

Несмотря на предостережения иностранных специалистов и многочисленные протесты добросовестных русских работников, по его предложению была введена «непрерывка», то есть непрерывная работа.

Из рабочих, которые до сих пор работали в две и три смены, была образована еще и четвертая.

Таким образом, машины работали день и ночь без малейшего перерыва. Так как общее число рабочих, на основании плана, в большинстве случаев не могло быть увеличено, то эти рабочие в продолжение 8 или 6 часов должны были давать почти удвоенную продукцию по сравнению с прежними трудовыми нормами.

Конечно, этого не могли выдержать ни машины, ни люди. Правда, людей можно было, путем жесточайших принудительных мер, использовать до полного исчерпания их физических сил. Машины же работали до тех пор, пока они не ломались, часто калеча или убивая при этом несчастных рабочих...

Так, на обследованной мной лесопилке «Мезень» шатун лесопильной рамы, не выдержав перенапряжения, лопнул. Разлетевшиеся со страшной силой осколки убили трех стоявших у рамы рабочих.

Хотя в этом случае ответственность нес в первую очередь начальник главного лесного управления в Москве, Фушман, который без всяких размышлений ввел во всех предприятиях лесной промышленности «непрерывку», — ответственным лицом за смерть трех рабочих, за поломку дорогих машин и за многомесячное уменьшение продукции был сделан старший инженер Спишарный, который жил в Москве, в 3000 километрах от места происшествия и, в качестве технического руководителя отдела главного управления треста, управлял 50 такими лесопилками.

Спишарный был одним из самых энергичных и способных представителей старых специалистов лесопильной промышленности. Тотчас же он был арестован ГПУ и спустя несколько недель расстрелян.

Этот случай не был единичным. Так складывались дела повсюду в СССР. Сотни миллионов золотых рублей и миллиарды бумажных были в течение этих лет «распроектированы», то есть растрчены совершенно бесполезно.

Полуготовые промышленные стройки, бесчисленные кладбища машин, гигантские горы бракованной продукции, бесконечные протесты и жалобы со стороны населения на недоброкачество продукции и полная дискредитация советских изделий на иностранных рынках — вот результат этого хозяйственного хаоса. Конечно, всех этих фактов долгое время скрыть было нельзя.

Для того чтобы утаить от советского населения настоящие причины преступной бесхозяйственности, власть обратилась к испытанному средству всех неспособных деспотов: во что бы то ни стало нужно искать и найти «виновников».

И они были найдены; об этом позаботились друг Сталина — впоследствии расстрелянный — Ягода, его пред-

шественник по ГПУ Менжинский и Крыленко со своим юридическим аппаратом.

Тюрьмы рабочего государства оказались в самый короткий срок переполнены представителями технической интеллигенции и квалифицированного пролетариата.

Инсценировался один процесс за другим. Изумленное советское население и весь остальной мир были поражены тем обстоятельством, что «классовый враг нагло поднял голову», чтобы сорвать успех гениальной работы бедного Сталина во имя счастья трудящихся Советского Союза.

Это переложение ответственности с плеч партийных хозяйственников на плечи специалистов и квалифицированных рабочих имело чрезвычайно серьезные последствия.

С 1930—1931 г. началось повальное бегство технических сил в такие области, где не надо было иметь ни малейших технических познаний и где не требовалось никакой личной ответственности. Старшие инженеры стремились устроиться копировальщиками и чертежниками в малых предприятиях или сторожами на строительных площадках. Великолепно обученные плановики и экономисты, даже высшие работники плановых органов устраивались во всевозможных учреждениях переписчиками или конторщиками.

Когда, после катастрофических последствий этого «бегства от ответственности», обнаружился чудовищный недостаток технических сил и государство провело строжайшую проверку прошлой жизни и образования всех советских работников, — сбежавших специалистов можно было найти даже на постах простых милиционеров. Тем же путем шли и квалифицированные рабочие.

Было выработано специальное законодательство, на основании которого отчаявшихся советских специалистов снимали с работы отовсюду, где бы они ни скрывались, снова назначали на ответственные посты и, под страхом строжайших наказаний, заставляли вернуться к той деятельности, которую они добровольно покинули.

Таким образом, подготовка и знания интеллигенции и квалифицированных рабочих стали для них роковыми в самом буквальном смысле этого слова.

К концу 1931 г. все советское хозяйство находилось в состоянии полнейшего хаоса. Один спец сменял другого, один директор или заведующий заменялся другим. Для многих крупных, вновь построенных предприятий долгое время совершенно невозможно было найти подходящих людей для технического руководства.

Дело зашло еще дальше.

В начале 1931 г. на тайной конференции высших партийных органов, на основании ряда примеров было установлено, что в большинстве случаев утвержденные центральными органами планы на местах по приказу местных партийных руководителей были коренным образом изменены без согласия центра. Денежные средства, отпущенные Москвой для этих строек, были использованы совсем на другие надобности.

Было установлено, что те средства, которые были отпущены для ускоренной постройки промышленных предприятий, зерновых silos, складских и транспортных помещений и пр., часто использовались для стройки объектов местного значения, как кино, театры, клубы, спортивные площадки, бани и т. п.

По финансовым планам центра ни в каком случае нельзя было возводить такие постройки за счет центрального бюджета, а только за счет местных средств.

Конечно, такие самовольные действия часто вели к катастрофическим результатам.

На тайных партийных собраниях совершенно открыто признавалось, что при таких постоянных произвольных изменениях плана строительства и нарушениях бюджетной дисциплины со стороны местных представителей власти не может быть и речи о каком-либо плановом и упорядоченном строительстве советской промышленности.

Но и здесь господствовал тот же страх личного террора со стороны местных властителей. Ни одно строительное управление не рисковало выступить против них.

В каждой отдельной области хозяйства можно проследить, как причины красного хозяйственного хаоса вырастали не только из невежества, мании величия и безответственности, но также из указанной выше агрессивной внешнеполитической позиции СССР.

Я хочу при доказательствах этого факта ограничиться только областью моей специальности, лесным хозяйством, и в остальном сослаться на неизвестные вообще тайные причины коллективизации крестьянства.

Разбазаривание сырья и демпинг

Когда в 1928—1931 гг. я производил свои лесные обследования, я увидел, до чего легкомысленно, равнодушно, даже больше того, преступно разбазаривали советские владыки сырьевые богатства СССР.

Тысячи сосланных крестьян занимались на лесных разработках гигантскими заготовками железнодорожных шпал.

К немалому моему удивлению, я должен был констатировать, что отдельные шпалы, толщиной в 12 см, просто вырубались топором из кругляка в 25—30 см диаметром. Таким образом, из каждого бревна 50—60% уходило на щепу.

Я указал, что будет гораздо проще разрезать кругляки шпальной пилой на две части и потом обрабатывать нужную гладкую поверхность топором.

На это мне показали техническую инструкцию, в которой соответствующие центральные учреждения лесного ведомства предписывали рубить шпалы только колуном или топором.

Мне пришлось затратить много усилий, чтобы, по возвращении в Москву, настоять на прекращении, — по крайней мере, на бумаге, — этого бессмысленного раз-

базаривания сырья. Но на практике, как я убедился при последующих обследованиях, не изменилось, конечно, ничего.

Если принять во внимание, что в СССР уже с 1925 г. вырабатывалось в среднем 25—30 миллионов шпал, а позже до 50 миллионов, то можно себе представить, какая чудовищная масса такого ценного лесного сырья была бессмысленно растрочена за это время.

Но и в других областях лесного хозяйства велась такая же хищническая эксплуатация. В течение нескольких лет были разорены гигантские и ценные лесные области. В 1923—1924 г. еще можно было доставлять большую часть нужной лесной массы — около 40 миллионов кубометров в год — из мест, лежащих в 1—3 километрах от ближайших железнодорожных станций или сплавных пунктов. Но уже зимой 1929/30 г. лес приходилось привозить за 15 километров, потому что в более близких к транспортным путям местах все пригодные виды леса были в буквальном смысле слова выкорчеваны.

Те леса, которые подвергались такой «разработке», после окончания зимних лесных работ были почти недоступны. Вдоль и поперек лежали друг на друге стволы. До трех четвертей срубленного леса оставалось лежать на земле, так как стволы были слишком тонки. Потом эти обесцененные древесные массы сжигались для «очистки» лесных площадей. Таким образом, возникали гигантские лесные пожары, истреблявшие на несколько поколений вперед многие миллионы кубических метров драгоценного высокоствольного леса, этого огромного национального богатства.

При самой скромной оценке можно утверждать, что бессмысленно и бесполезно сгноенные и сожженные массы древесины, во всяком случае, в два раза превышали использованное дерево.

Добыча 1931 хозяйственного года была равна 250 миллионам кубометров. Если прибавить к этому обычные потери, то получится, что в действительности было вырублено больше 500 миллионов кубометров. А так как

известно, что гектар русского нетронутого леса дает в среднем не больше 300 кубометров древесины, то добыча или вырубка 250 миллионов кубометров означала обнажение более 1,5 миллиона гектаров. Если бы на такой же основе велось лесное хозяйство, например, в Финляндии или в Германии, то это означало бы, что в Финляндии, с ее 9 миллионами гектаров леса, и в Германии, с ее приблизительно 12 миллионами, в 6—8 лет было бы вырублено все до последнего дерева.

Правда, все лесное богатство СССР оценивается в 500 миллионов гектаров. Но в этих подсчетах есть некоторая ошибка, так как в эту цифру включены болотистые пространства, степные леса, тайга, кустарники и пр.

О каком бы то ни было «хозяйственном освоении лесов» за двадцать лет советского владычества вообще нечего и говорить. Да власть к этому и не стремилась. То, что называлось «хозяйственным освоением», было диким хищничеством. Занимались эксплуатацией наличных лесных запасов, не заботясь о применении какой бы то ни было разумной системы.

К этим «хозяйственным методам» надо прибавить еще и лесные пожары, охватывавшие многие миллионы гектаров леса в различных областях СССР и уничтожившие огромные пространства ценных лесных запасов.

Поэтому настоящие лесные запасы СССР на сегодняшний день должны расцениваться самое большее в 50—60 миллионов гектаров пригодных лесных площадей. Однако зачастую эти леса расположены в транспортном отношении настолько неблагоприятно, что половина их по хозяйственным соображениям практически бесполезна.

Так, например, старые буковые леса Кавказских гор вообще не могут быть использованы, так как нет никакой возможности доставить их с гор на равнину, не уничтожив промышленной ценности леса или не высушив многочисленных целебных источников Кавказа.

Одно из последствий этого хищничества заключается в том, что часть старых и большинство новых лесных

предприятий на Севере и Дальнем Востоке СССР продолжительное время не смогут вполне продуктивно работать, так как у них уже нет достаточного количества древесины.

Между прочим, часто случалось, что благодаря плохому техническому руководству лесными работами и ненадежности работающих в принудительном порядке рабочих по дороге от места рубки до лесопилок, расположенных в большинстве случаев в устьях больших рек (так, например, только в Архангельской бухте, в устье Северной Двины на Белом море расположено около 30 лесопилок), теряются огромные массы древесины, так что многие лесопилки стоят все лето из-за отсутствия сырья.

Мне лично пришлось видеть, как на Крайнем Севере зимой 1928/29 г., вследствие плохого устройства цепного запора у устья реки Мезень, вследствие внезапного прорыва одного из запоров, три миллиона бревен было сразу выброшено в Белое море.

Годом позже на Северной Двине из восьми миллионов пригнанных бревен половина была застигнута на реке зимой, вследствие запоздания сплавных работ. Больше четырех миллионов бревен вмерзло в речной лед и с наступлением теплой погоды, вместе с огромными глыбами льда, было выброшено рекой в море.

Это было, конечно, неплохим предприятием для некоторых скандинавских промышленников, которые на спасательных судах вылавливали огромные массы этого леса и привозили его в свои гавани. Этот «русский лес» обходился еще дешевле, чем «демпинговый лес» Сталина.

Это были огромные потери для советского хозяйства. Лесопилки простаивали целыми месяцами. Но еще хуже было то, что договоры, заключенные с крупными английскими и голландскими фирмами, не могли быть выполнены, что привело к тяжелым столкновениям и большим валютным потерям.

Так как речь здесь шла только о первоклассном лесном материале, который должен дальше перерабатываться на доски и строительный лес, то потеря этих восьми

миллионов бревен означала потерю 3,5 миллиона кубометров первоклассного леса и соответствовала опустошению лесных площадей Севера еще на 35 тысяч гектаров.

В этих северных районах, где вегетационный период очень короток и в лучших случаях длится с апреля по сентябрь, естественное восстановление этого леса требует 200—250 лет!

Безудержный грабеж лесных богатств Советского Союза принял за последние годы такие устрашающие размеры, что большие заводы страны могли быть обеспечены сырьем самое большее на пять лет. Через пять лет нужной древесины уже не будет, так как весь доступный лес в ближайших и более отдаленных от транспортных путей местах будет полностью уничтожен.

Общие масштабы этого бессмысленного массового разбазаривания видны на многих реках и даже ручейках всех лесных областей Советского Союза, которые буквально до краев переполнены миллионами кубометров затонувшей ценной древесины, пригодной для бумажной промышленности, крепежного и поделочного леса и дровяных отрезков.

Обычно зимой лесные рабочие свозили на санках к замерзшим рекам эти обрезки — кругляки, большею частью осины, дуба, березы, ели и сосны, которые в свежесрубленном виде имеют очень большой удельный вес. Наблюдающий персонал, который часто не имел достаточных технических познаний, думал, что полая вода весеннего таяния снегов сможет поднять эти гигантские массы и сплавить их в нужные центральные пункты.

Эта «техника» была, конечно, неприемлемой. Из года в год необозримая масса лесных обрубков просто тонула в этих реках и совершенно запрудила их.

Вследствие обнажения гигантских лесных площадей во всех областях СССР неизбежно возникали природные катастрофы, стремительно увеличивавшиеся с каждым годом.

Раньше берега глубоких и быстрых потоков до воды зарастали густой лесной порослью. Освобожденные тая-

нием снегов водные массы впитывались, как губкой, гигантскими лесными массивами и потом медленно, как из естественного водоема, равномерно стекали маленькими ручьями в реки.

Но сейчас эти полые воды беспрепятственно вливаются в тающие реки и ручьи. Гигантские водные массы переполняют ложе ручьев и рек, наводняют и подмывают их обнаженные берега. В нижнем течении гигантские пенистые воды затопляют поля и страшными наводнениями смывают то, что создано человеческой заботой и человеческим трудом за десятки лет. С другой стороны, обнаруживаются устрашающие последствия для всего сельского хозяйства. Лес, естественный регулятор воды, исчезает все больше и больше. Прекращается испарение накопленной в лесной чаще воды, так как, если уничтожены леса, то талая вода стекает полностью и немедленно. Громадные, до сих пор плодородные поля и луга ухудшаются из года в год. Во всех областях сельского хозяйства все больше сказываются угрожающие последствия бессмысленного истребления лесов.

Обнаженные площади, расположенные в низинах, заболачиваются, и уже через несколько лет можно установить, что еще недавно драгоценная, высококачественная почва девственного леса настолько заболочена, что в лесу приходится бродить по щиколотку или по колено в стоячей воде.

Все попытки положить предел этому хозяйственному самоубийству, этому преступному разграблению народного богатства, все попытки указать ответственным лицам на роковые последствия этой грабительской хозяйственной политики оставались безрезультатными. На предупреждающих людей смотрели как на назойливых советчиков и их немедленно устраняли.

В моей книге «Реконструкция и рационализация лесного хозяйства Советского Союза», изданной в 1930 г. московским Госиздатом (с. 87—151), я на основании фотографических снимков доказал эту опасность и самым настойчивым образом выступал против сохранения

чреватой последствиями политики разорения русских лесов.

В то время как, с одной стороны, по правилу «после нас хоть потоп» с невероятной безответственностью разорялись русские леса, с другой, значительно большая часть добытой таким образом гигантской массы древесины не использовалась продуктивно для хозяйства страны или для нормального вывоза за границу, а ее разбазаривали на всех мировых рынках. И это разбазаривание было орудием хозяйственной войны для проведения мировой революции.

**Экономическая война, а вовсе не получение валюты,
была конечной целью советского
лесного демпинга**

Хотя разумные, знакомые с состоянием мировых рынков политики и хозяйственники СССР, как, например, Сырцов, Рыков и многие другие в ЦК партии, поднимали бурю против каждой попытки демпинга, призывали к благоразумию, требовали прекращения этого безумного выбрасывания гигантских масс древесины на мировой рынок, Сталин оставался при своем лозунге: «демпинг любой ценой». Противники этого маневра доказывали массой документальных материалов, что уже в 1926—1928 гг. благодаря этой системе Советский Союз понес миллионные потери на валюте. Эти люди, осмеливавшиеся говорить правду, были устранены.

В 1926/27 г. были грубо нарушены заключенные с конкурирующими лесозэкспортными странами, Финляндией, Швецией и Норвегией, соглашения о разделе рынков и об установлении цен. Массы сырых и пиленых лесоматериалов были брошены на голландский и английский рынки.

Вследствие этой безумной хозяйственной политики в течение нескольких дней цены на лес упали до 60% прежних мировых цен.

Эта «операция» была осуществлена Политбюро по личному приказу Сталина.

Сталину было важно прежде всего создать материальные и внутривнутриполитические трудности для ненавистой «белой» Финляндии, основным экспортным предметом которой был лес. Благодаря стремительному падению мировых цен на лес Финляндия понесла миллионные убытки, которые вызвали серьезные затруднения в финском бюджете. Целый ряд предприятий лесной промышленности вынужден был остановиться. Много крупных лесных экспортёров обанкротилось, так как мир покрыл свою потребность дешевым русским лесом.

Тогдашний министр внутренних дел Финляндии Макконен, у которого я несколько дней гостил в его имении под Выборгом, горько жаловался на то, что в Финляндии, Швеции и Норвегии вследствие московского демпинга пришлось уволить массу рабочих лесной промышленности. Этим странам демпинг, проведенный по личному приказу Сталина, принес огромный хозяйственный вред.

Сталин тогда определенно подчеркивал, что все эти меры прежде всего должны послужить для увеличения безработицы в Финляндии, Швеции и Норвегии, а кста-ти, и в Канаде. А эта безработица должна была привести к энергичному развертыванию революционного движения в этих странах. Кроме того, этим странам нужно было дать понять, что они в своей внешнеполитической деятельности должны принаравливаться к желаниям СССР, иначе в любой момент может быть повторение такого рода хозяйственной войны.

Сталин уже давно рассматривал внешнюю торговлю Советского Союза как средство для достижения внешнеполитических целей.

Для того чтобы иметь возможность в любой момент повторить этот политический маневр с демпингом, был создан англо-советский лесной синдикат в Лондоне. Его руководителем был назначен член коллегии Наркомзема Косырев. Я тогда тоже должен был быть переведен в Англию в качестве его заместителя. Я имел возможность

долгое время близко наблюдать деятельность этого совершенно самостоятельного синдиката, который был очень слабо связан с Внешторгом.

Повторение гигантского демпинга на мировых лесных рынках в 1930 г. имело, впрочем, другие причины, чем в 1926—1927 гг.

В рамках первой пятилетки Советский Союз принял на себя гигантские обязательства по отношению к странам, поставляющим машины. Эти обязательства должны были быть выполнены во что бы то ни стало, иначе дальнейшее финансирование, в особенности текущие переговоры о государственных кредитах, были бы поставлены под угрозу.

Предусмотренные советским бюджетом поступления за уже проданные за границу гигантские массы хлеба оказались фикцией. Благодаря трагическим результатам принудительной коллективизации сельскохозяйственный сектор сдал. Из уже проданного количества хлеба, несмотря на все насилие и террор, нельзя было доставить даже и половины.

По мнению Сталина и его Политбюро, оставался только один выход: пополнить гигантские потери на хлебной валюте удвоением поступлений за лес.

Именно тогда Каганович бросил в массы опасный лозунг: «заем у леса».

Несмотря на протесты своих и иностранных лесных специалистов, немедленно началась никогда еще не виданная безмерная вырубка леса.

Прежде всего были отброшены с такой тщательностью в течение последних десяти лет выработанные планы использования и освоения лесных богатств. Избранные лично Сталиным истребители леса, типа Бергавинова и Фушмана, позаботились о том, чтобы с помощью многих сотен тысяч раскулаченных крестьян и их семейств колоссальное количество леса, в условиях тяжелых принудительных работ, было доставлено с Севера России, из Карелии, Сибири, с Дальнего Востока к рекам и железным дорогам для отправки оттуда за границу.

Сталин лично приказал, чтобы, вопреки всяким хозяйственным соображениям, тысячи железнодорожных составов с лесом были посланы с Северного Урала в Ленинград и оттуда, морским путем, в Голландию и в Англию.

Эта масса древесины должна была только в Советском Союзе пройти 3 тысячи километров железнодорожного пути. При этом транспортные расходы во много раз превышали то, что при самых благоприятных условиях продажи можно было выручить в нормальных рыночных условиях. Для достижения указанной Сталиным цели беспощадно производилась невероятная растрата перво-классного русского экспортного леса.

Целые лесные комплексы, которые являлись единственной сырьевой базой для уже существующих предприятий лесной промышленности СССР, и в особенности для строящихся по планам обоих пятилеток, были беспощадно вырублены.

И все-таки продолжалась постройка новых лесопилок, новых целлюлозных и бумажных фабрик, новых лесохимических заводов, для которых уже не существовало никаких сырьевых источников.

Доказательством того, что эти утверждения соответствуют действительности, может служить изданный 2 июля 1936 г. так называемый Закон об охране вод в СССР. Этот закон устанавливает зоны водной охраны вдоль больших рек европейской части Советского Союза (Волга, Днепр, Дон и Северная Двина) и их притоков. Внутри этих зон порубки или вовсе запрещены, или ограничены размером ежегодного прироста древесины.

Теперь, когда уже поздно и когда ничего поправить уже нельзя, Кремль решил приостановить хищническую вырубку лесов. Этим законом около 54% лесных площадей Советского Союза было изъято из ведения Комиссариата лесной промышленности и передано сельскому хозяйству или доверено особому управлению.

Вместе с этим советская власть была вынуждена перенести свои лесные предприятия из опустошенных областей в новые, еще не тронутые лесные части северо-востока Сибири и Дальнего Востока. Кремль думал таким способом хотя бы частично покрыть гигантский дефицит в древесине. Ибо уже в 1937 г. годовой план пиломатериалов мог быть установлен только в размере 39 миллионов кубометров, хотя производительная способность советских лесопилок достигала 75 миллионов кубометров.

Катастрофическая политика Кремля продолжала оказывать свое действие и дальше. Это видно из того, что в 1937 г. для поддержания работы старых лесозаводов европейской части СССР пришлось перебросить из Сибири свыше 4,5 миллиона м³ кругляка. Это вызвало огромные дополнительные расходы по транспорту в 100 рублей на вагон, то есть в два раза больше закупочной цены этого леса на месте.

Разграбление европейских лесных массивов старой России зашло так далеко, что к концу третьей пятилетки (1938—1942) подавляющее большинство лесозаводов, которые были здесь построены с такими гигантскими расходами в течение первой и второй пятилетки, должно было быть перенесено в Сибирь. Это видно из того, что к концу третьей пятилетки больше половины всех пиломатериалов должно было поставляться из Сибири, в то время как еще в 1929—1930 г. едва 8%, а позднее только 23% всей потребности СССР покрывалось оттуда. Точно так же вся остальная деревообрабатывающая промышленность должна будет перебраться в Сибирь и на Дальний Восток, так как и ее сырьевая база исчерпана.

Таковы были результаты знаменитого лозунга Кагановича «заем у леса».

Иностранные концессии

Само собой разумеется, что все те советские специалисты и экономисты, которые не принадлежали к ве-

ликой армии трусливых карьеристов и безответственных болтунов, были в ужасе от страшного хаоса в хозяйстве СССР.

Уже в 1924 и 1925 гг. выдвигались прежде всего две идеи ликвидации этого катастрофического положения: отдача концессий иностранным предприятиям, чтобы таким образом в известной степени создать неприкосновенные «учебные ячейки» внутри советского хозяйства, и привлечение возможно большего количества иностранных специалистов в советские предприятия.

В иностранных кругах Москвы, так же как и в зарубежных хозяйственных кругах, знакомых с советскими условиями, была выдвинута точка зрения, что население Советского Союза еще недостаточно созрело для того, чтобы под собственным руководством рационально разрабатывать и промышленно использовать гигантские сырьевые месторождения на своей огромной территории. На этом основании Советский Союз должен передать часть этих месторождений иностранным концессиям для хозяйственного освоения. С другой стороны, как раз эти лозунги оскорбляли не только фанатизм коммунистов, но и национальное самолюбие беспартийных русских специалистов. Таким образом, сразу же были приняты планы скороспелой, фантастической по размерам стройки собственной советской промышленности.

При помощи ловкой пропаганды, которая раздула и обобщила некоторые злоупотребления и недоразумения с отдельными иностранными концессиями, власть пыталась создать в советском населении возмущение и отвращение к «иностранному капиталистическому обманщикам».

В прессе указывалось на то, что эти иностранные концессионные предприятия стремятся только к тому, чтобы, при минимальной затрате собственного капитала, в самое короткое время извлечь возможно большие доходы, что в конечном счете возможно только при безграничной эксплуатации концессионных объектов, а следовательно, и советского населения.

Несомненно, что такие стремления существовали у акционеров и руководителей некоторых иностранных концессий.

Были такие концессионные предприятия, в которых сооружения для переработки сырья были построены плохо, с неполноценным оборудованием, которое могло остаться работоспособным как раз лишь до конца срока концессии. То, что осталось бы после этого срока, не было бы предусмотренным договором, хорошо работающим и на долгое время полноценным промышленным предприятием, с хорошо расположенной сырьевой базой, а полуразрушенными хозяйственными постройками с изношенным оборудованием и с до последних остатков разграбленными источниками сырья.

Конечно, такие случаи, впрочем редкие, были тяжелым ударом для людей, имевших в виду разумную и умеренную концессионную политику. К числу их принадлежало большое количество иностранных специалистов, хорошо знавших хозяйственные условия в СССР и за границей, в том числе и я.

Мы отстаивали точку зрения желательности и спешности привлечения солидных иностранных деловых кругов в различные области советского хозяйства, преимущественно в тяжелую промышленность, для стройки больших и сложных промышленных комбинатов и для разработки и последующего хозяйственного освоения особо трудных сырьевых источников. Практика показала, что те концессии, которые были построены на основе долгосрочных прочных договоров, быстро расцветали и оказывались необычайно жизнеспособными, даже несмотря на всякие политические, налоговые и личные трудности.

Этому было достаточно примеров.

Много больших иностранных концессионных предприятий, как, например, шведская фабрика шарикоподшипников СКФ, немецкая лесная концессия «Мологалес», англо-американские золотые прииски на Лене — «Лена-Гольдфильдс», немецкая сельскохозяйственная концессия

«Друзаг» на Карказе, финская лесная концессия «Реполовуд» в Карелии и много других руководимых иностранными специалистами предприятий являлись цветущими оазисами в общем хаосе работавших при подобных же условиях советских предприятий.

Производственные расходы концессионных предприятий, несмотря на систематическое налоговое переобложение и другие расходы, всегда были значительно ниже, чем в однородных советских предприятиях. В то же время советские рабочие на концессиях были материально гораздо лучше обеспечены, чем их товарищи на советских предприятиях.

Точно так же и качество продукции большинства этих иностранных концессий во всех отношениях значительно превосходило советское.

Рабочие зарабатывали лучше, хотя получали только то, что им полагалось по тарифной сетке. Однако заработок был всегда значительно выше, чем на советских предприятиях, так как сдельщина, лучшая организация, целесообразное распределение работы и лучшее использование машин и станков — все это делало возможным повышение производительности труда.

Таким образом, многие из этих иностранных концессий являлись действительно образцовыми предприятиями, которые могли служить примером для всего советского хозяйства.

Тем не менее партийные и советские бюрократы ненавидели эти предприятия и придирались к ним, где только было можно. Советский рабочий не должен был знать, что можно хозяйничать несколько иначе, чем он привык видеть на советских предприятиях.

Кроме того, концессиям ставилось в вину то обстоятельство, что в качестве рабочей силы у них особенно предпочитались те люди, которые носителями власти отбрасывались как «подонки советского общества в помойные ямы Советского государства», то есть так называемые «лишенцы». Это были лишённые всяких прав советские люди, которые раньше владели какими-либо собственны-

ми предприятиями, или бывшие офицеры, чиновники полиции, жандармерии и юстиции, а также люди, принадлежавшие к другим профессиям и сословиям, к которым большевики относились с презрением еще с царских времен.

Иностранные концессионеры, конечно, знали, что в таких случаях шла речь об элите русского населения. Поэтому понятно, что именно эти люди предпочитались для работы на иностранных концессиях. Все эти несчастные рады были найти здесь убежище. Благодарность, а также и стремление показать высокие образцы работы и этим демонстративно подчеркнуть свою индивидуальную ценность подстегивали эту рабочую силу и приводили к высокой продуктивности. При помощи этих людей концессионные предприятия очень быстро поднимали свою работу на большую высоту.

Быстрый расцвет иностранных концессионных предприятий, их выдающиеся производственные результаты и в особенности спокойная и сытая жизнь занятых на них рабочих и служащих привели к тому, что в конце концов к ним устремились массами со всех концов Советского Союза способные и любящие порядок люди. Здесь уже не помогала самая напряженная пропаганда о «капиталистических эксплуататорах», работать на которых было изменой пролетариату.

Советский рабочий не мог на долгое время удовлетвориться обещаниями на бумаге, которые были не в состоянии насытить его. Он предпочитал работу «под кнутом капиталистического рабства» «свободной жизни в своем собственном социалистическом государственном предприятии».

Конечно, все это было известно высшим партийным и советским учреждениям. Из-за этого среди большевистских руководителей возникали большие разногласия и острые личные столкновения.

Во всяком случае, не было принято открыто высказывать положительное мнение о концессиях, хотя в партии было много политиков-экономистов, которые в это время

стояли за концессии; среди них был бывший военный комиссар, впоследствии жесточайший и опаснейший враг Сталина, Лев Троцкий.

Он был тогда председателем Главконцесскома СССР. Я часто встречался с ним по служебным делам. Одна встреча осталась у меня в памяти.

В 1925 г. у меня была продолжительная беседа с начальником иностранного отдела Высшего совета народного хозяйства Гуревичем, только что вернувшимся из продолжительной поездки за границу. Врач по профессии, он впоследствии был много лет наркомздравом Украины и считался у советского правительства хозяйственным и финансовым талантом.

Дело шло о конкретном случае сдачи в иностранную концессию для хозяйственного освоения определенного промышленного предприятия. Гуревич заявил, что Советский Союз совсем не нуждается в том, чтобы на его территории в качестве концессионеров работали иностранные капиталисты. Америка была рада, если бы Советский Союз согласился разместить в Соединенных Штатах свой заем. Через шесть месяцев американские финансовые магнаты сами будут навязывать Москве свои доллары.

В то время из деловых соображений мне было очень важно провести это концессионное предприятие. Я воспользовался ближайшим случаем, чтобы поговорить о точке зрения Гуревича с его непосредственным начальством, начальником Главконцесскома СССР Троцким, и просить его разрешить вопрос. Меня сопровождал немецкий рабочий, коммунист П., тогдашний официальный представитель КППГ в Коминтерне.

Троцкий, в нашем присутствии, сделал Гуревичу по телефону очень резкий выговор за его «абсолютно неверную и ложную» точку зрения. Мне и моему спутнику Троцкий выразил свое сожаление, что среди руководящих хозяйственных деятелей все еще попадаются фантазеры, далекие от всякой реальной действительности. Что касается его лично, то он не думал, чтобы иностранный капитал принял участие в хозяйственном строительстве

СССР в иной форме, кроме концессий и смешанных обществ. Поэтому он поддерживал всякую попытку иностранных концессионеров ввозить таким образом капитал в страну и приносить пользу Советскому Союзу опытом передовых заграничных предприятий.

Сталин, который до сих пор рано или поздно, но всегда в конце концов проводил в жизнь требования Троцкого, одобрил тогда эту точку зрения и приказал тщательно и благожелательно рассмотреть все эти предложения, в очень большом числе поступавшие из-за границы.

Председатель Высшего совета народного хозяйства СССР Серго Орджоникидзе, который хорошо знал состояние советского хозяйства и его слабые стороны, долгое время также стремился к тому, чтобы с помощью разумной концессионной политики создать в стране такие промышленные и хозяйственные предприятия, продукция которых нужна была прежде всего для покрытия повседневной потребности широких масс. Надеялись и на то, что наличие иностранной концессионной промышленности заставит советскую промышленность, которая потеряет свою монополию на советском рынке, снизить свои чересчур высокие цены и улучшить качество продукции.

Но все-таки для того, чтобы сделать концессионные предприятия в возможно более короткий срок излишними, был также выработан план, по которому предполагалось изъять отдельные советские предприятия из общего подчинения, охватить их единым руководством и сделать их образцово-показательными.

В этих предприятиях все посты руководящих специалистов и квалифицированных рабочих должны были быть заняты исключительно высококвалифицированными, опытными и специально подобранными иностранцами. Но руководство этими предприятиями должно было быть передано тщательно подобранным, знающим языки советским специалистам.

На этих основах было предположено построить целые комбинаты, начиная с сырьевой базы и кончая фабрика-

ми готовой продукции, и, таким образом, заложить солидные устои нового советского хозяйства.

Таким путем надеялись, наконец, дойти до его оздоровления. В этих образцовых предприятиях планировалось прежде всего обучать способных советских специалистов и квалифицированных рабочих, которых должны были впоследствии переводить на другие предприятия.

Для того чтобы возможно скорее достигнуть практических результатов, велись предварительные переговоры с научными институтами, с заграничными специальными объединениями, с промышленными концернами, которые предполагалось привлечь в качестве поставщиков оборудования.

Целый ряд разумных и честных хозяйственников видел в этом возможность вытащить советское хозяйство из атмосферы пустой болтовни и поставить его на реальную работу. Первым в их числе был впоследствии расстрелянный чрезвычайно одаренный Юрий Пятаков — сын украинского крупного промышленника, бывший студент высшей технической школы за границей и, в сущности, основатель советской тяжелой промышленности. Он хорошо понимал, что нельзя реализовать и гигантский план стройки здоровой крупной промышленности, если одновременно не будут приняты меры к подготовке квалифицированной рабочей силы и способных и опытных руководителей. В противном случае такая стройка приведет только к бессмысленной растрате средств. Поэтому такие стремления встречали его полное одобрение и поддержку. Он надеялся воспитать в этих образцовых предприятиях молодое поколение технических сил. В составлении этих планов принимал деятельное участие и я.

Но руководящие члены партии и профсоюзов относились к этим проектам отрицательно. Они понимали, что в этих образцовых предприятиях их влиянию, их дилетантским затеям и, главным образом, их постоянным интригам будут поставлены большие препятствия.

И они, как всегда, стали поперек дороги.

К всеобщему изумлению, совершенно внезапно головка партии стала противодействовать всем этим планам. Потребовалось немного времени, и все эти признаки поворота и перехода к деловым, упорядоченным отношениям в советском хозяйстве были объявлены большевистской бюрократией «правым уклоном и классово-враждебными тенденциями». Был выкинут лозунг: «Враги работают, чтобы продать советское хозяйство иностранному капиталу».

Конечно, никто больше не рисковал защищать эти проекты.

Специалисты в Советском Союзе

Хаотическое состояние советского хозяйства, борьба партийной бюрократии с иностранными концессиями и проекты создания образцовых предприятий заставили искать новый выход.

Было сделано предложение привлечь из-за границы, главным образом из Германии, Австрии, Англии и Америки, большое число молодых безработных инженеров, как носителей рациональных методов работы и здоровой частной инициативы.

Говорили о привлечении таким образом до 10 тысяч молодых технических сил. Во всяком случае, эти молодые спецы должны были бы работать на одинаковых с их русскими товарищами условиях.

Это, конечно, была утопия, так как в тот же год выяснилось, что ни один иностранный коммунист, за малым исключением, никогда не согласится жить и работать на одних условиях с трудящимися «первого рабочего» государства. Почти сразу они потребовали себе особых привилегий, как в отношении рабочего времени, так и в области жилищной и продовольственной.

К тому же выяснилось, что иностранные специалисты и квалифицированные рабочие, как правило, сдавали, когда им приходилось выступать в одиночку против массовой психологии.

Просто-напросто обезличение «массового человека» в советских условиях не давало никакой возможности сопротивляться общему течению.

Еще бессмысленнее было предполагать, что эти 10 тысяч молодых спецов, которым как раз не хватало того, что главным образом требовалось для совхозяйства, то есть практического опыта в производстве, смогут внести хотя бы малейшее улучшение в общую бесхозяйственность.

Бесчисленные примеры давным-давно доказали, что в советских предприятиях высокая продуктивность труда одиночек могла бы продолжаться долгое время только в том случае, если бы руководство предприятий создало для этого соответствующие, более выгодные условия. А об этом не могло быть и речи.

Поэтому скоро и этот проект попал под сукно.

Несмотря на это, с середины и до конца 20-х гг. число иностранных спецов в советский промышленности неизменно увеличивалось, так что к 1928 г. выявилась необходимость взять на учет ЦКК всех работающих в Советском Союзе иностранных специалистов.

В то время я работал уже несколько месяцев в этом учреждении руководителем инспекции по лесному хозяйству, деревообрабатывающей и бумажной промышленности.

Как и некоторым другим иностранным специалистам-коммунистам, мне было предложено сотрудничество в этом учреждении. Работа эта была добавочной партийной нагрузкой. В этой области я работал потом долгие годы.

Нашими общими усилиями удалось создать при ЦКК—РКИ объединяющую нас секцию иностранных специалистов и рабочих.

К деятельности ЦКК относилась также проработка всех сложных и трудных вопросов, связанных с условиями работы и жизни находящихся в СССР иностранных специалистов.

Начиная с 1928 г. в ЦК партии, в президиуме ВЦСПС, в судебных инстанциях, в Коминтерне, Профинтерне и ЦКК стало все больше накапливаться жалоб и различных протестов инспектов. Все они носили один и тот же ха-

рактер: специальные знания используются неправильно, на квалификацию не обращается внимания, как не принимаются во внимание и предложения о целесообразной организации предприятий и рациональном использовании оборудования и сырья и об устранении грубых недочетов в производстве. Кроме того, задерживалась выплата жалованья, не соблюдались договорные условия и руководители предприятий враждебно относились к «чуждому элементу».

Одновременно непрерывно поступали жалобы со стороны советских хозяйственных организаций на «наглое поведение и неслыханные требования», а иногда и на «возбуждающую, враждебную партии и правительству пропаганду со стороны иностранцев».

До конца 1928 г. все эти жалобы лежали в названном учреждении без рассмотрения. Все это привело к тому, что инспекты совершенно непроизводительно прозябали в своих предприятиях или же сломя голову бежали из Советского Союза. И то и другое тяжело отзывалось на предприятиях.

В то время большинство инспектов было прикомандировано к советским предприятиям в качестве советников по организационным вопросам. Там, где к их голосу действительно прислушивались, они очень много помогли своими теоретическими знаниями и практическим опытом молодым, совершенно неопытным в организации и управлении советским инженерам и руководителям предприятий. В особую заслугу их деятельности надо поставить то, что благодаря им старая довоенная промышленность, сильно разрушенная Гражданской войной, была приведена в работоспособный вид.

Благодаря их энергичной, целеустремленной работе стало возможным хотя бы на некоторых заводах устранить хаос, анархию и распущенность.

Нужно сказать, что эта восстановительная работа иностранных специалистов была очень трудной. В советских предприятиях каждый хотел быть хозяином и никто не желал быть рабочим, каждый хотел повелевать, но никто

не желал повиноваться. Иностранных специалистов больше всего не любили именно за энергичную, упорядочивающую деятельность. ГПУ распространяло между озлобленными партийными и беспартийными рабочими мнение, что все инспекты «буржуи» и что к ним, как к классовым врагам, нужно относиться с величайшим недоверием. Таким способом хотели заранее устранить всякую возможность какой бы то ни было политической пропаганды среди голодной рабочей массы. При этом больше всего страдали беспартийные инспекты. Каждая попытка ввести рабочую дисциплину в интересах производства и повысить производительность труда приводила к тяжелым разногласиям между ними и рабочей массой.

Инспекты не могли рассчитывать на помощь профсоюзов, так как они не были их членами.

Еще трудней было привлечь к устранению недостатков партийные органы.

Для партийцев, в большинстве случаев необразованных и болезненно недоверчивых, иностранные специалисты были незваными гостями. Их подозревали в том, что они занимались вредительством по заданию бывших владельцев предприятий, бежавших за границу. Многие думали, что инспекты якобы только и стремятся к тому, чтобы путем саботажа препятствовать строительству советской промышленности.

Кроме того, советские руководители любили приписывать своим иностранным советникам вину за низкую продуктивность своих предприятий.

Гора взаимных жалоб выросла в конце концов настолько, что сам ЦК партии не мог уж больше ее не заметить, особенно когда выяснилось, что первую пятилетку невозможно выполнить только собственными силами. Таким образом, ЦК вынужден был создать авторитетный центральный орган, который не только должен был бы разбирать все эти жалобы и заботиться об устранении существующих недостатков, но и обеспечить на будущее возможность совместной работы инспектов с советскими хозяйственниками. Для этого прежде всего нужно было

создать соответствующие условия жизни и работы для иностранцев.

Прежде всего нужно было позаботиться о правильном подборе и распределении иностранных специалистов, необходимых для проектирования и строительства создающейся промышленности. Это нужно было сделать особенно тщательно, так как из опыта первой пятилетки выяснилось, что проекты сложных промышленных комбинатов были составлены полными профанами, использовавшими для своей работы тексты каталогов.

Работающие в советской промышленности инспекторы-коммунисты указывали высшим партийным и хозяйственным органам недостатки такого «планирования».

Но люди, ответственные за это, не хотели считаться ни с какими советами.

Как и раньше, оборудование новых предприятий заказывалось не по хорошо продуманным планам больших иностранных фирм, а целая армия советских закупщиков скупала у различных предприятий те машины и инструменты, которые казались им подходящими.

Позже, когда я услышал доклады руководивших экономическим шпионажем за границей Ройзенмана и Беленького о деятельности торгпредств СССР, я понял, почему так упрямо придерживались этого своеобразного способа закупки машин. С одной стороны, для того чтобы определить степень значения иностранных предприятий для вооружения страны и высмотреть все тайны производства, большое число советских комиссий и отдельных приемщиков должно было составить себе точное представление о методах работы и способах производства заграничных предприятий. С другой стороны, иностранные инженеры, техники и рабочие должны были познакомиться с советскими представителями, которые таким путем получали возможность сначала выискать среди них сочувствующих Советскому Союзу, а затем использовать их для целей шпионажа.

Наконец, таким образом расширился круг экономически заинтересованных в сохранении и углублении

торговых сношений с СССР. Мелкие и средние фирмы, поставившие оборудование, стали одновременно своеобразными каналами пропаганды. Под прикрытием экономических сношений с СССР массе иностранных рабочих и служащих беспрестанно напоминалось о существовании Советского Союза.

Кроме этой, чисто политической точки зрения, были еще и другие причины желания сохранить эту закупочную систему. При посещении огромного числа фабрик и заводов члены советских закупочных комиссий фотографировали самые секретные конструкции, которые демонстрировались им лишь бегло.

Я читал много отчетов таких комиссий и видел снимки.

Наконец, было очень важно, что вследствие своих обширных деловых связей советские торгпредства во всех странах стали крупным экономическим фактором, игравшим внутри этих стран большую роль в деле разложения рабочей массы и интеллигенции. Аппараты торгпредства могли чудовищно разбухать, не вызывая никакого подозрения со стороны местных органов власти. Множество партийцев получало в этих торгпредствах хорошо оплачиваемые места. Путем регулярного помещения объявлений удалось заполучить для пробольшевистской пропаганды многие иностранные газеты. В бесчисленных смешанных обществах — «Дерутра», «Дерулуфт», «Дероп» и т. д. — множество хорошо подготовленных политических агитаторов и пропагандистов находило обширное поле деятельности. Чем шире развивалась деятельность торгпредств, тем больше людей ими охватывались и делались экономически зависящими от СССР.

Кроме того, нужно еще упомянуть, что в советских закупочных комиссиях было много подкупленных служащих, которые были заинтересованы в возможно большем поступлении заявок от иностранных фирм. Чем было больше заявок, тем больше имели они возможности обдывать свои грязные дела.

За большие деньги, через посредников, каждый фабрикант мог узнать о ценах, предложенных его конкурен-

том. В конце концов заказы попадали не тем, кто предлагал наивыгоднейшие условия, а тем, кто дал большую взятку.

Само собой разумеется, такие закупщики совершенно не были заинтересованы в сотрудничестве крупной иностранной промышленности с московскими специальными проектировочными бюро. Они делали все, чтобы этому помешать.

Все эти обстоятельства постоянно служили предметом разговоров, когда нам приходилось разбирать жалобы работающих в СССР инспектов или претензии представителей иностранных фирм.

Уже на второй год первой пятилетки выяснилось, что советские спецы и квалифицированные рабочие не смогут закончить своими собственными силами строящиеся по плану и запланированные предприятия. Можно было также предвидеть, что по окончании постройки не будет хватать квалифицированных рук, чтобы обеспечить полную производительность и хозяйственность этих новых предприятий. Поэтому высшие руководители-хозяйственники, несмотря на печальный опыт, который они имели при привлечении на работу иностранных специалистов, должны были вербовать за границей тысячи новых инженеров, техников и квалифицированных рабочих.

Все приказы ЦК партии местным партийным и хозяйственным организациям, изданные по нашему ходатайству, предоставить инспектам условия жизни более подходящие к их привычкам, оставались на бумаге. Сразу по прибытии каждой новой партии инспектов не только иностранные инженеры, но, главным образом, иностранные рабочие начинали бомбардировать нас претензиями и жалобами. Мы не были в состоянии справиться с массой жалоб, поступавших в инспекцию ЦКК—РКИ и были вынуждены создать отделения нашей секции при местных партийных контрольных комиссиях или Рабоче-крестьянской инспекции важнейших промышленных центров, где работали иностранцы. Такие отделения были открыты в Ленинграде, Свердловске, Киеве, Харькове,

Ростове-на-Дону, в Донбассе и в других важных промышленных центрах.

Наша добровольно принятая на себя работа по обслуживанию иностранных специалистов давала хорошие результаты. Прежде всего мы заботились о том, чтобы инспектов назначали на работы по их специальности и чтобы им давались соответствующие задания. До середины 1929 г. подавляющее большинство инспектов было вынуждено, наравне с русскими инженерами и рабочими, проводить свое свободное время в очередях, чтобы купить продовольственные продукты для себя и своей семьи. После долгих трудов нам удалось убедить партийное начальство, что это бессмысленно, если иностранные специалисты, вместо того чтобы работать в цехе или у машин, проводят половину своего времени в поисках продовольствия и предметов ширпотреба.

Таким образом, по нашей инициативе в конце 1929 г. и в начале 1930-го во всех промышленных центрах для обслуживания только иностранцев и их семей были организованы столь ненавистные русскому рабочему специальные лавки Инснаба.

Этим была устранена одна из самых больших трудностей в жизни иностранцев в СССР. Эта мера была еще вдвойне важной, так как с 1928 г. начал усиливаться товарный голод, а после коллективизации деревни с рынков исчезли все сельскохозяйственные продукты.

Чтобы не раздражать советское население хорошим снабжением привилегированных инспектов и главным образом чтобы не разбудить в нем забытых с годами потребностей и желаний, партия решила вести это снабжение в тайне. По этой причине лавки Инснаба были для советских граждан закрыты. Вход в них был разрешен только обладателямменной книжки иностранца. Стекла витрин были забелены для того, чтобы снаружи не были видны товары, недоступные для большинства советских граждан.

Несмотря на это, советское население прекрасно знало о существовании таких лавок. Большинство инспектов

боялось брать в этих магазинах больше товаров, чем им было нужно. И все-таки нашлись такие «спецы», которые не упустили возможности обделывать свои грязные дела и занялись спекуляцией. Мы получали много писем от русского населения с указанием таких «спецов», которые буквально опустошали лавки Инснаба с тем, чтобы потом перепродавать товар голодному населению по ценам, в несколько раз превышавшим их действительную стоимость.

На собраниях, в циркулярах, в докладах по радио мы всеми силами боролись с такими злоупотреблениями и требовали беспощадных наказаний для виновных.

Одной из самых важных своих задач мы считали помощь проведению в жизнь практических предложений инспекторов для улучшения работы в их предприятиях или для организации производства новых фабрикатов.

Такой поддержкой мы давали не раз отдельным инспекторам возможность проявить свои способности.

Вопрос борьбы с предубеждением русских спецов против их иностранных товарищей стоял очень остро и был сопряжен с большими трудностями.

Многим старым русским инженерам, техникам и квалифицированным рабочим было тяжело признаться в том, что они уступают в квалификации своим молодым иностранным коллегам, которые смогли приобрести свои знания в оборудованных по последнему слову науки и техники предприятиях западной промышленности. Эти знания были недоступны русским, оторванным от остального мира со времен Гражданской войны. Нужно было большое знание психологии русского человека, чтобы на этой зыбкой и трудной почве найти нужное в данном месте и в данное время слово и загладить конфликт, казавшийся непримиримым, и, таким образом, создать возможность дальнейшего сотрудничества.

Особенно тяжело протекала работа тех инспекторов, которые не принадлежали к Компартии. Местные партийные шишки использовали каждый удобный случай, чтобы «утереть нос» иностранцу. Мелкие личные уколы и ма-

лейшие столкновения раздувались в политические дела государственного значения.

Понимающий дело спец не имел права самостоятельно решать важнейшие технические вопросы. Они разрешались большевистскими чиновниками, не имевшими ни малейшего о них представления. Этот факт я знаю не только по бесчисленным примерам, но испробовал на самом себе.

Разве не безумие было то, что Фушман, в прошлом маленький портной, только и умевший, что ставить заплатки и не имевший никакой теоретической подготовки, был назначен высшим «политически ответственным» руководителем всего лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности СССР и что он в качестве такового управлял более чем 8 тысячами лесничеств, свыше чем 6 тысячами промышленных предприятий с 5,5-миллионным персоналом? В то же время я, получивший специальное образование и единственный творчески работающий в этой области партийный специалист, должен был нести полную ответственность за сделанные Фушманом распоряжения. Если эти распоряжения бывали неудачны, как это часто случалось, он отговаривался тем, что он-де, мол, не специалист, и всю вину перекладывал на мою голову.

Так было с десятками и сотнями других партийных спецов, которые в качестве технических руководителей долгие годы должны были нести всю тяжесть повседневной работы больших предприятий, в то время как неизвестно откуда вынырнувший комиссар, пользующийся неограниченным доверием партии, ставился во главе предприятия и разыгрывал роль начальника.

Поэтому было само собой понятно, что советская индустрия и совхозяйство никогда не могли прийти к нормальному развитию своей производительности. Начиная с самой маленькой лесопилки и кончая гигантскими комбинатами, всюду царит нигде, кроме СССР, невозможная бесхозяйственность.

Работники типа Фушмана с первых шагов в своей должности постоянно заботились о том, чтобы в подчи-

ненных им управлениях промышленных и хозяйственных предприятий люди, имевшие специальное образование, были отодвинуты на второй план или устранены, в то время как болтуны или политические всезнайки назначались директорами и заведующими предприятиями. Таким образом, им предоставлялось неограниченное право распоряжаться хозяйством Советского Союза.

Я долго старался найти какой-нибудь смысл такого поведения партийного руководства. Только начав сам активно работать в высших кругах партии, правительства и хозяйства, я узнал истинные причины таких мероприятий.

Руководящие члены партии, Политбюро и ЦКК, которые почти все вышли из кругов «только политиков» и в большинстве случаев не имели никакого научно-технического образования, смотрели с ненавистью, как ускользает от них с началом индустриализации то огромное влияние, которое они имели раньше. Рабочие, служащие, инженеры и техники слушали имена только тех, кто стоял во главе промышленности и хозяйства. Говорили только о производственных достижениях, а не о политических «подвигах». При обсуждении хозяйственных мероприятий, при планировании строительства промышленных предприятий, каналов, дорог стоящие вокруг Сталина, до сих пор господствовавшие круги должны были признаться в том, что вследствие недостаточности своих теоретических и практических знаний они не могут больше иметь никакого влияния на ход развития советского хозяйства. Они видели, что ведущая роль начинает переходить к тем партийцам, которые занимали командные посты в промышленности и хозяйстве. Они поняли, что образованный спец с укреплением хозяйства занял внутри партии сильную позицию, что неизбежно приведет к проникновению его к самому руководству партии.

Чтобы избежать этой опасности, они вклинили между представителями власти и представителями хозяйства особо доверенных людей, достаточно настойчивых и достаточно гибких для того, чтобы, не имея специальных

знаний, обеспечить себе место в хозяйстве, а спецов использовать как техническую вспомогательную силу.

Чтобы лишить настоящих хозяйственников всякого влияния, должны были быть втиснуты между ними эти достопримечательные доверенные типа Фушманов, Захаровых, Беленьких, Ройзенманов, Штейнов, Венцеров, Плавников, Гинсбургов, Гуревичей и т. д. Эти «доверенные» не могли никогда стать опасными кремлевской банде. Они не обладали ни специальными знаниями, ни особым влиянием в партии и знали поэтому, что достаточно одного слова партийного руководства, чтобы стереть их с лица земли.

Что из такой системы не выйдет ничего положительного и продуктивного, должно было быть ясно с самого начала. Кто имел хорошие намерения, благоразумие, серьезные знания и способности, рано или поздно погибал. Бессмыслица стала методом и фундаментом всей государственной стройки.

Во всех таких случаях нам приходилось вмешиваться в дело с полным авторитетом ЦКК—РКИ. От времени до времени мы могли помочь. Но вообще все оставалось по-старому.

Тут еще прибавились бесчисленные затруднения из-за незнания или недостаточного знания языка. Конечно, не было никакой возможности дать каждому инспекту переводчика. Мы организовали курсы изучения русского языка, надеясь этим помочь им.

Несмотря на множество разногласий в партийном руководстве, благодаря нашим обоснованным объяснениям было все-таки признано, что в подавляющем большинстве инспекты несомненно являются носителями культуры среди своих русских товарищей по работе. Большинство из них было готово поделиться своими техническими знаниями со своими коллегами.

Чтобы сделать возможно продуктивнее и жизненнее этот обмен опытом между советскими и иностранными специалистами и сблизить их, мы организовали внутри нашей секции профессиональные группы. Так, была

основана группа энергетического хозяйства, угольной промышленности, горнозаводской, лесной и деревообделочной, строительной, машиностроительной, металлообрабатывающей промышленности и т. д. В этих группах были объединены все иностранные специалисты. Все их члены тесно сотрудничали с научными кружками соответствующих профессиональных союзов.

Результатом этой общей работы были конкретные предложения по различным отраслям советского хозяйства, сделанные нами пленуму ЦКК. Президиум, со своей стороны, заботился о том, чтобы на наши доклады были приглашены также соответствующие руководители правительства, хозяйства и лучшие русские специалисты. Если не было никаких обоснованных возражений на наше предложение, то оно принималось пленумом и приобретало, таким образом, силу распоряжения ЦКК партии. Большинство специалистов, без всякого сомнения, серьезно стремилось к тому, чтобы всеми своими знаниями и опытом помочь Советскому Союзу построить его промышленность на научно обоснованном, в техническом отношении безукоризненном фундаменте и пустить ее в ход.

Только позднее нам стало ясно, что все эти энергичные старания останутся бесплодными. Инспектор был и остался ненавистным всем советским промышленным и хозяйственным организациям и особенно партийным органам, если он осмеливался критиковать их приказы и распоряжения и выставлять конкретные требования введения более рациональных методов работы.

В конце 1932 г., сначала в провинции, а потом и в больших городах, в полном противоречии с текущими договорами, снабжение иностранных специалистов через лавки Инснаба было сокращено, валютная часть их жалованья уменьшена, а то и вовсе отменена. С каждым годом отношения ухудшались.

Травля иностранных специалистов со стороны администрации предприятий и отдельных спецов усиливалась не по дням, а по часам.

Руководящие органы советского хозяйства становились на ту точку зрения, что советская промышленность — одна из самых крупных и самых современных в мире и поэтому русские спецы могут сами учить иностранцев. В головах местных и центральных партийных и хозяйственных шпшек, страдающих манией величия, все перевернулось. Они забыли, что только с помощью этих самых иностранцев вообще было возможно выправить безумные большевистские планы стройки, вывести на нормальный путь запутанные строительные работы ошибочно запроектированных промышленных гигантов и улучшить хоть на немного производительность больших заводов.

Так как в партии царило мнение, что Советское государство является самым идеальным государством в мире, советская промышленность — самой передовой, а советский рабочий — самым лучшим рабочим, то были даны указания, не церемонясь, поставить иностранных специалистов перед выбором: или подчиниться советским условиям жизни и работы, или покинуть Советский Союз.

В результате такой жестокой уравниловки началось повальное бегство как раз самых лучших и самых опытных спецов из Союза.

Таким образом, попытка сделать возможной плодотворную работу была сведена на нет.

Особенно подло и низко было отношение советских властелинов к тем иностранцам, которые, как коммунисты, в слепом фанатизме пошли против законов своей родины и которые теперь были безжалостно поставлены перед выбором: принять советское гражданство или отдаться в руки полиции своей родины, так как им отказывали в дальнейшем гостеприимстве в СССР. Этими мерами особенно были задеты многие финны и старые немецкие коммунисты, которые в страхе перед ожидающим их на родине наказанием подчинились приказу партии и приняли советское гражданство. В нужде и горе закончили они свое печальное существование в концлагерях и тюрьмах.

Число и квалификация советских спецов оставались по-прежнему неудовлетворительными. Хотя со времени захвата власти большевиками прошло более пятнадцати лет, прирост технического молодняка был недостаточен. Меры, принятые в этом отношении, не дали желательных результатов, так как жизненный уровень квалифицированных работников мало отличался от такового обыкновенных обывателей. Работа же в этих профессиях влекла за собой ответственность, а следовательно, и вытекающую отсюда опасность для жизни.

Первые решительные меры в этом направлении, которые, как это будет указано ниже, имели только временный успех, были приняты Сталиным 1927—1928 гг. Тут речь шла, что особенно показательно, не о хозяйственном, продиктованном деловым благоразумием мероприятии, но о шахматном ходе во внутрипартийной грызне.

В этот момент оппозиционная пропаганда Троцкого достигла своего апогея. Сталин готовился к решительному удару по своему злейшему врагу. Хитрому Иосифу Виссарионовичу, действовавшему согласно всегда применяемой им тактике, пришла в голову мысль принять формально предложения своего конкурента, чтобы этим лишить его возможности пропагандировать дальше свои идеи.

Тогда Троцкий играл главным образом двумя козырями: требованием коллективизации деревни и усилением участия рабочих в политическом и хозяйственном аппарате.

Троцкий утверждал, что участие промышленных рабочих в ведущих органах правительства и партии слишком незначительно. В высших органах, как, например, во ВЦИКе, в ЦИКах отдельных республик, в ЦК партии, в наркоматах, в Совнаркоме, в Совете труда и обороны еще в 1931 г. участие рабочих было равно нулю.

Конечно, кое-где на руководящих должностях сидели рабочие, но, ввиду их малограмотности и неопытности, они были совершенно беспомощны. Они были вынуждены бесспорно принимать и подписывать все, что им предлагали им же подчиненные спецы и работники, лишь

бы это соответствовало главной, так называемой «генеральной линии» партии. Конечно, это нельзя было назвать диктатурой пролетариата.

Само собой разумеется, и в этом нет ничего зазорного, если фабричный рабочий, слесарь, токарь или механик не может вдруг сразу приобрести необходимых знаний, чтобы производить хозяйственную калькуляцию. Это элементарное основание всякого выгодного промышленного предприятия — проверять отчетность или правильность расчетов сложной стройки.

Здесь в дело энергично вмешался Сталин для того, чтобы как можно скорее провести в жизнь лозунги своего смертельного врага.

В бесчисленные рабфаки, техникумы, на специальные курсы были собраны тысячи и тысячи комсомольцев и выдвиженцев из рабочих, чтобы из них сделать инженеров, техников, хозяйственников, плановиков и разных других специалистов.

Преподавание было специализировано до крайнего предела, чтобы не перегружать ненужным «балластом» головы этих малоподготовленных рабочих-коммунистов и в возможно короткий срок дать самые необходимые знания для предстоящей им новой работы.

Политграмота, партийная тактика, теория Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина — вот были главные предметы, знание которых должно было дать возможность этой новой интеллигенции проектировать и строить мощные электростанции, гиганты промышленности, фантастические мосты.

Этот новый слой из рабочих должен был немедленно занять политические позиции и заменить старых соратников Ленина, делавшихся все более неудобными.

Этот внутриполитический расчет удался Сталину только отчасти. Очень скоро ему пришлось убедиться, что эти его новые спецы, как только они знакомились с самыми элементарными основами науки, начинали смотреть на вопросы социальной стройки и на все окружающее совершенно иными глазами.

Молодые парнишки из рабочих и крестьян начинали прозревать. Они поняли, что одними политическими пропагандистскими лозунгами и демагогической критикой никакого государства и, уж конечно, никакого социалистического хозяйства ни построить, ни вести нельзя.

Хочешь не хочешь, им пришлось решать: или научиться чему-нибудь серьезному, или стать такими же демагогами, как интеллигенция и полуинтеллигенция в партийном и хозяйственном руководстве. Там не нужно было много специальных знаний и умения; нескольких трескучих демагогических марксистско-ленинских фраз было достаточно.

К чести русской молодежи СССР нужно сказать: многие пошли по этой дороге.

Большинство этой молодежи использовало предоставленную ей возможность учиться так основательно, что для Сталина и его «социализма» они были потеряны навсегда.

Единомышленники объединялись, защищались от демагогии своих учителей и начальников. Они хотели учиться тому, как построить мир, а не тому, как его разрушать.

Сталин организовывал одну чистку за другой. Многие из этой молодежи, когда-то горячие поклонники генеральной линии, а теперь ожесточенные противники этой революционной демагогической фразеологии и бесцельной марксистской жажды разрушения, были изъяты из вузов, заклеены «оппозиционерами», «ренегатами» и «предателями», изгнаны из партии и преданы на расправу ГПУ.

Новые партии горячих поклонников Сталина были отправлены в вузы. Большинство опять пошло по дороге их честных предшественников. «Опиум науки» одурманил и их и из убежденных поклонников Сталина сделал их опаснейшими врагами его и его доктрины.

Ибо большинство этого молодняка было идеалистами. Но за идею можно бороться только тогда, когда веришь в нее всем сердцем.

Эта вера в классовую борьбу, в фразеологию бессовестных, не задумывающихся ни над чем карьеристов, в «счастье» советского человека пропала в тот же момент, как только этот молодняк, встретившись с наукой, начал критически мыслить.

Но эта «вторая волна» советской молодежи научилась на опыте своих погибших предшественников. Молодежь переменяла свою тактику. Она замолчала. Она, как и прежде, была «верна» Сталину. Она клялась, как и прежде, в верности. Но в действительности для сталинской партии она была потеряна навсегда.

Они достигли и достигают руководящего положения в правительственном и хозяйственном аппарате, но не как слепые слуги Сталина, а как люди с обостренным зрением, как люди с твердой собственной волей. Открыто они не могли и не могут бороться со сталинским насильническим режимом, поэтому они с ним борются скрытно, не обнаруживая своего истинного лица.

Таким образом, это молодое поколение советских спецов и квалифицированных рабочих уже занимает многие руководящие посты в СССР. От времени до времени Сталин «чистит» их при помощи ГПУ.

Виноваты ли эти молодые спецы в том, что все время открываются новые «вредительские действия», все новые акты «саботажа»? Навряд ли, так как этот молодняк, чему-то научившийся и желающий работать, любит свою работу и свою родину.

Что они думают о Сталине и его режиме — никто не знает, но все догадываются.

Этот первый, весьма тонкий слой новой духовной складки советских людей, известный под общим названием «спецов», молчит.

Никто не знает, не кроется ли за этой массой «условных сталинцев» тайная угроза? Или же, быть может, протест духа снова и снова будет душиться серостью советских будней?

Сталин, во всяком случае, чует опасность.

Коллективизация деревни — лозунг Троцкого. Удар Сталина

Совершенно беспорядочная и, в конце концов, совершенно недостаточная сверхиндустриализация, которая, по признанию самих высших органов большевистской партии и ее правительства, должна была быть только базисом для агрессивной внешней политики, в целях мировой революции, практически могла быть осуществлена только за счет крестьянства.

Вокруг этого существенного вопроса внутри партии после смерти Ленина шла ожесточенная борьба.

Впереди всех шел Троцкий, передовой боец «перманентной революции», который требовал большевизации крестьянства.

Крестьянство со времени объявления новой экономической политики — НЭПа — все больше крепло.

С другой стороны, этой массе сравнительно обеспеченных, независимых крестьян не могла быть поставлена в противовес никакая сила, так как Компартия, которая якобы собиралась установить диктатуру пролетариата, в действительности не имела в своем распоряжении никакого «пролетариата», который она могла бы использовать как политическую боевую организацию.

Компартия, называвшая себя партией рабочих, при захвате ею власти имела лишь незначительное число членов. В 1927/28 г. она насчитывала в своих рядах около 1 300 000 членов, из которых лишь $\frac{1}{3}$, то есть приблизительно 430 тысяч человек, были настоящими фабрично-заводскими рабочими. Более 15 тысяч человек были сельскохозяйственными рабочими. 300 тысяч членов были из крестьян, но они работали в партии, в профсоюзах, в Красной армии и в административном аппарате. Остальные же 555 тысяч членов принадлежали к бюрократии, которая лишь наполовину происходила из рабочих, но уже совершенно потеряла всякую связь с ними. Троцкий, постоянный и ярый противник всякой земель-

ной собственности, боялся крестьянства и надеялся создать такой фабричный пролетариат, который явился бы носителем идеи классовой борьбы и пролетарской диктатуры.

К тому же случилось еще и следующее. Троцкий, первый «главком» Красной армии и фанатический проповедник мировой революции, горьким опытом событий 1917—1922 гг., особенно тяжелым положением со снабжением его армии, был вынужден провести в жизнь основания «тоталитарной войны».

Я знаю из сообщений многих участников Гражданской войны, от старых партийных товарищей — командиров и комиссаров Красной армии, а также и от бывших офицеров белой армии, с которыми я познакомился сначала как со специалистами, а позже как с пленниками ГПУ в концлагерях, — что боеспособность частей и их успех больше всего зависели от того, удавалось ли тому или другому командованию собрать в нужном месте и в нужном количестве продовольственный и человеческий материал своей армии. Голодающие солдаты были и оставались недовольными, несмотря ни на какую идеологическую обработку. Часто в боях солдаты перебегали из одной армии в другую, от белых к красным и наоборот, только лишь потому, что к тому их вынуждал голод. Голодные солдаты представляли собой небоеспособные части. Этого никто так хорошо не знал, как Троцкий, который стоял во главе Красной армии. Он знал также хорошо, что довольствие его армии мировой революции будет так же находиться в руках крестьянства, как и во время Гражданской войны.

Опыт Гражданской войны показал ему, что крестьянство вовсе не думало служить средством для достижения власти «диктатуры пролетариата», то есть в действительности — шайки преступников, прикрывающихся этой вывеской.

Троцкий боялся как раз подъема хозяйств «бедняков» и «средняков», так как он полагал, что это приблизит создание независимых средних, а также и крупных крестьянских хозяйств, то есть усилит крестьянский фронт

и тем самым делает невозможной всякую попытку сохранить диктатуру рабочего класса, которой, собственно говоря, никогда и не было. Свободное, хозяйственно крепкое крестьянство требовало политических прав, требовало правительственной политики, которая считалась бы с его интересами, требовало спокойствия, мира, безопасности и сельскохозяйственных машин вместо пушек, — этого Троцкий не хотел и не мог дать крестьянам, ибо они, как и остальные слои советского населения, должны были служить только средством для достижения цели — создать жизнеспособную «диктатуру рабочего класса» и двинуть вперед мировую революцию. Путь к этой мировой революции лежит через мировую войну, которая и должна быть подготовлена. Чтобы вести эту войну, крестьянство нужно было поработить.

Поэтому для Троцкого на первом плане стояло требование к Сталину: исключить всякую возможность крестьянского влияния даже в хозяйстве. Он требовал также и полного уравнивания крестьян, то есть насильственной коллективизации. Он знал, что в случае войны крестьянство не подчинится «классовой диктатуре». Он знал, что крестьянство, как и во время Гражданской войны, спрячет в непроходимых лесах, на островах и отдаленных хуторах своих лошадей, скот, боеспособных мужчин и запасы продовольствия и предпочтет лучше их уничтожить, чем добровольно отдать Красной армии, так как лозунги этой армии были и остались для его сердца чуждыми.

В случае войны такое положение было бы смертельным для всего военного хозяйства, и тогда для того, чтобы заставить каждого крестьянина вести такое хозяйство, как ему предписано, и выполнять принудительные поставки на армию, пришлось бы содержать столько же жандармов и чекистов в тылу, сколько было красных бойцов на фронте.

Троцкий требовал **насильственной коллективизации** деревни и осуждал отказ Сталина и его Политбюро приступить к ней, называя это «величайшей ошибкой» и «величайшим преступлением».

В то время в этом вопросе он был почти одинок.

В тесных кругах партийного руководства тогда еще не было и речи о насильственной коллективизации. Тогда партия рассматривала крестьянство, особенно «кулаков» и «середняков» покрупнее, как великолепный объект для государственного обложения в пользу скорейшей индустриализации. Тогда вождения еще не дошли до того, чтобы разорить крестьянское хозяйство и уничтожить экономическую независимость крестьян.

В партийной головке находилось довольно много людей, которые были в течение нескольких поколений связаны с крестьянством или вышли сами из его рядов. Калинин, Рыков, Бухарин, Муралов, Сырцов и многие другие происходили из крестьян или из тесно связанного с крестьянством поместного дворянства. Они имели достаточное образование и опыт, чтобы принять должные меры для поднятия и усовершенствования сельского хозяйства. Они желали надлежащими мерами поднять как можно выше его продуктивность.

Эта группа стремилась к тому, чтобы именно «середняк» рассматривался как истинный фундамент и движущая сила прогресса сельского хозяйства. Все мероприятия должны были быть направлены к тому, чтобы по мере сил содействовать созданию крепкого среднего хозяйства. Большой части середняков должно было быть прирезано по участку земли, и они должны были в возможно скорое время превратиться в зажиточное, крепкое крестьянство. Однако «беднякам» было предложено сорганизоваться в коммуны и в сельскохозяйственные артели. Им были даны для совместной обработки земельные участки. Необходимые им семена, удобрения, сельскохозяйственные орудия и машины, а также и оборотный капитал были им отпущены государством на льготных условиях. Большой частью эти коммуны были совершенно освобождены от налогов.

Несмотря на такую осторожную тактику во время НЭПа и в ближайшее после него время, скоро приобрели первенствующее значение лозунги Троцкого о коллек-

тивизации, в которой он видел путь к большевизации крестьян. Мнения разных группировок внутри партии расходились только в вопросе, следует ли провести коллективизацию **немедленно** или **отложить** на какой-то срок. В том, что она вообще должна быть проведена, были согласны все руководящие партийцы уже с начала первой пятилетки.

Так называемое левое крыло, в том числе Троцкий, Манцев, Радек, Пятаков, Смилга и целый ряд руководителей хозяйства, бывшие члены президиума ВСНХ СССР — этого предшественника позднейших промышленных комиссариатов, — требовало особо высокого обложения «кулаков» и «средняков». Полученные от них деньги должны были полностью идти на стройку тяжелой промышленности. Они требовали от советского населения и дальнейших жертв в пользу тяжелой индустрии, сооружаемой для вооружения сильной армии.

Одновременно они требовали изъятия всех прибылей, полученных во время НЭПа крестьянством, частной торговлей и частной промышленностью. Они были теми движущими силами, которые протолкнули беспощадную ликвидацию ленинской новой экономической политики.

Как раз противоположного мнения держались так называемые правые — Рыков, Бухарин, Сырцов, Томский, Ломов, Лозинский, а потом и Зиновьев и Каменев (эти последние были очень непостоянны и переходили все время из одного лагеря в другой). «Правые» требовали продолжения политики НЭПа до тех пор, пока промышленность и сельское хозяйство не оправятся окончательно от последствий Гражданской войны и не станут опять жизнеспособными.

Они были против немедленного и опрометчивого создания тяжпрома, так как мировую революцию они хотели отложить на более позднее время. Они не имели никаких агрессивных намерений в ближайшие годы и считали необходимым прежде всего правильное развитие Советского Союза, находившегося еще в пеленках.

Они стояли на точке зрения, что и независимый крестьянин, и частная промышленность, выросшая словно из-под земли во время НЭПа и ловко прятавшаяся под видом «трудовых товариществ», пока что должны быть сохранены, так как их творческая и воспитательная деятельность сможет оказать большое влияние на дело строительства советской промышленности. Особенно Рыков опасался того, что в советской промышленности исчезнут и последние следы производственной дисциплины, если убрать с рынка единственного конкурента, частную промышленность, ибо иностранная была чересчур далеко от советских рынков.

Рыков неоднократно говорил, что я и сам могу засвидетельствовать, во всех заседаниях ЦК, Политбюро и в других высших инстанциях, что крестьяне предпочитают продавать свои продукты частнику и менять их у него на предметы ширпотреба, чем отдавать государству, так как они имеют от этого больше пользы.

Действительно было так, что во время НЭПа частная торговля постоянно давала крестьянам полноценный товар, в то время как государство снабжало их лишь продуктами массового производства, которые были к тому же еще и низкого качества.

Правда, частная торговля закупала свои товары на тех же текстильных и металлообрабатывающих фабриках, которые снабжали и государственную советскую торговлю. Но частники делали это через опытных закупщиков, заинтересованных в продаже и в доверии своих поручителей. Эти закупщики строго следили за тем, чтобы им не всучили бракованный товар.

Кроме того, частная торговля покупала и у частных предпринимателей, и у концессий или организовывала собственное производство, стремясь к улучшению качества.

Напротив того, государственные закупщики, то есть «чиновники» советской торговли, получали твердое жалование (конечно, для жизни недостаточное), независимо от того, продали они что-нибудь или нет, давали ли они

государству доход или приносили убыток. Им это было безразлично. В помещениях государственной торговли царили невероятный беспорядок и распущенность, так что покупатели из одних уж гигиенических целей предпочитали покупать у частника.

Рыков знал все это точно, и поэтому он хотел сохранить частное хозяйство так долго, как только было возможно, и развивать советскую легкую промышленность за счет максимального обложения частника. Это же касалось и сельского хозяйства.

К тому же еще в это время были подведены итоги работы бедняцких коммун. Они были абсолютно отрицательны.

Ввиду таких печальных результатов первых опытов «коммунизации крестьянства» большая часть партии и руками и ногами стала открешиваться от коллективизации, видя в ней только вред.

Сталин понял, что стоит между двух огней. С одной стороны — еще неорганизованное крестьянство и «правая оппозиция» с ее учеными головами, с другой — леворадикальная рабочая оппозиция с его смертельным врагом Троцким во главе. Обе в их основах совершенно различные, но в способности к удару одинаково опасные. У него не было иного выбора. Он должен был решиться: или перейти на сторону крестьянства, или подчиниться желаниям рабочей оппозиции и прижать крестьян.

Сталин сознавал, что при наличии сильного крестьянства он не только не сможет удержать надолго свою личную власть, но и не сможет обеспечить проведение сверхиндустриализации, от которой зависела его конечная цель — победа мировой революции.

К тому же, исполнив желание Троцкого, он мог лишить своего опаснейшего врага всех его козырей. Он пошел по линии левой оппозиции. Он **решил ударить по крестьянству.**

В этот момент судьба послала ему готовый аграрный проект.

История этого проекта и его автора — немецкого ученого, знатока сельского хозяйства доктора Пюшеля — принадлежит к величайшим трагедиям, которые мне пришлось видеть в СССР. Яснее доказать разрушающую, пагубную сущность большевизма, который даже из сил, желающих добра, извлекает только зло, не может ничто, как эта история «плана Пюшеля».

Пюшель был одной из интереснейших личностей и, наверное, одной из умнейших голов между всеми иностранными спецами, работавшими в СССР. Несколько лет он работал в Сибири при секретаре областного комитета партии Сырцове как сельскохозяйственный эксперт и переехал вместе с ним в Москву, когда тот был назначен председателем Совнаркома РСФСР, в качестве его личного эксперта по сельскохозяйственным вопросам.

Доктор Пюшель, по возвращении его из Сибири, работал со мной рука об руку в иностранной секции и, как руководитель специальной группы сельского хозяйства, пользовался большим уважением. Во время этой совместной работы я познакомился с ним ближе.

Переселившись в Москву, Пюшель получил прежнюю квартиру Клары Цеткин в гостинице «Метрополь». Его пятилетний договор с советским правительством кончился, и он намеревался возобновить его.

К немалому моему удивлению я узнал от Пюшеля то, что почти не было известно общественности, а именно что коллективизация советского сельского хозяйства проведена по разработанному им когда-то плану, но как раз в обратном его проекту смысле.

Он показал мне целый ряд письменных работ, из которых явствовало, что он был действительно автором этого плана, по которому Сталин провел свою коллективизацию, после того как он его искажил по-своему. Его многолетняя работа в сельском хозяйстве в Сибири и его многочисленные поездки с целью исследования в важные в сельскохозяйственном отношении районы Союза привели Пюшеля к убеждению, что советское сельское хозяйство требует коренной реформы. По его мнению, доходность сельского

хозяйства СССР могла бы быть значительно повышена, если бы удалось заменить устарелые методы хозяйства новыми, научно обоснованными.

По поручению Сырцова Пюшель в течение долгих месяцев работал над коренной реформой сельского хозяйства. Его руководящие указания вошли впоследствии в искаженном виде в генеральную линию и закладывались потом в качестве «научной мотивировки» в основу связанных с вопросами коллективизации решений и директив Компартии и Народного комиссариата сельского хозяйства.

Эта работа доктора Пюшеля подверглась той же участи, что и многие другие проекты и реформы, разработанные инспецами. Прежде чем она попала на заключение партийному руководству, она должна была пройти массу инстанций и при этом была не просто бессмысленно искажена, но и вывернута наизнанку.

Тогда как Пюшель предполагал лишь воспитать крестьянство в духе ведения современного и доходного земледелия и скотоводства и установить хорошо поставленный государственный контроль над реализацией урожаев, большевистскими владыками было совершено ужасное преступление. Они уничтожили ведущую и самую работоспособную часть крестьянства путем полного лишения собственности и поработили его коллективизацией.

Так научный труд всей жизни этого немецкого ученого, без его вины, был сделан исходным пунктом того огромного несчастья, к которому коллективизация привела русское крестьянство.

Свою идею Пюшель развивал в бесчисленных совещаниях и переговорах с лучшими советскими и иностранными спецами.

Однако руководящие мозги партийных и правительственных инстанций, против воли Пюшеля и его покровителя Сырцова, который был расстрелян осенью 1937 года, умудрились исказить всю его идею, сделать из нее ее противоположность.

Пюшель не мог и предполагать, что партийное руководство только того и ждет, чтобы найти какую-нибудь

возможность, чтобы сломить крепнущее сельское хозяйство, и особенно ведущие его слои.

Вывернутый наизнанку проект Пюшеля дал, наконец, возможность тесно зажать в правительственные и партийные клещи сельское хозяйство и устранить с дороги опасных «кулаков» и «середняков».

Пюшель строил план на том, что к его проведению в первую голову должны быть привлечены лучшие силы деревни. К его крайнему смущению, как раз эти самые лучшие крестьяне, по сталинскому приказу, были причислены к «врагам народа» и «кулакам» и безжалостно изгнаны ГПУ из деревни.

Когда я познакомился с Пюшелем, коллективизация давно уже шла полным ходом. Он имел уже возможность убедиться в ужасных результатах проведения своего искаженного до неузнаваемости проекта. Он был в отчаянии оттого, что, как ему казалось, его план был неправильно понят.

Доктор Пюшель был тогда в состоянии страшного возбуждения и полного истощения. Он был подавлен судьбой русских крестьян, которые хотя и косвенно, но все же по его вине уже стали жертвами сталинской коллективизации. Поступавшие к нему ежедневно со всех сторон ужасные вести потрясали его. Он потерял свою жизнерадостность и желание работать.

Однако он не оставил надежды убедить руководителей советского хозяйства и ответственных партийцев в том, что проводимые меры абсолютно неправильны и вызывают как раз противоположность того, что он проектировал.

Он тщетно старался добиться отмены предпринятых мероприятий. Глядя на его глубокое горе, я решил доложить его мнение о настоящем смысле предложенного им плана коллективизации моему начальнику Серго Орджоникидзе.

В ближайшем заседании президиума ЦКК я высказал такие мысли, о которых вообще можно говорить только в самом тесном кругу.

Однако Орджоникидзе, обыкновенно охотно выслушивавший мои соображения, в самом строгом тоне сразу прервал меня и спросил, уж не принадлежу ли я к тем, кто осмеливается стать поперек дороги этому «величайшему плану Сталина».

Потом он стал приветливее и начал мне излагать свой взгляд на этот предмет: «Крестьяне — это самые страшные классовые враги. Это не повредит, если какие-нибудь 10 миллионов из них будут уничтожены. Пока мужик, наш смертельный враг, нас не проглотил, мы должны его навсегда как следует взнуздать. Коллективизация — это наше средство укротить мужика. Мы не успокоимся, пока последний мужик не войдет в наш колхоз или не будет навсегда обезврежен».

Я был страшно смущен и потрясен. В угоду властному желанию Сталина должны быть беспощадно истреблены миллионы людей, вместе с женщинами и детьми. А партия не только молчала, но и покрывала это преступление.

С глубоким сожалением я рассказал потом Пюшелю о моем бесполезном выступлении.

Хотя Пюшель оказал незаменимую услугу Сталину и был признан одним из лучших спецов по сельскому хозяйству, но его оппозицию такому способу коллективизации его стали скоро ненавидеть.

Наркомат сельского хозяйства отказался возобновить с ним договор. Он должен был быть удален любой ценой за пределы СССР.

Хотя все связывавшие его договоры истекли, он хотел, как он мне говорил, остаться в СССР с научными целями. Он надеялся, что партия и правительство поймут, наконец, свою ошибку и проведут в жизнь его предложения в их первоначальном виде.

Он все еще не понимал, что тут дело идет не об ошибке практического характера, а о преступном замысле, распылить и пролетаризировать все русское крестьянство.

Потрясения, которые пережил Пюшель, сказались на его здоровье. По ходатайству иностранной секции он был

освидетельствован кремлевскими врачами. Однако его состояние не вызвало никаких опасений.

К моему немалому удивлению, как-то утром ко мне в бюро пришла дочь Пюшеля и заявила, что отец ее в эту ночь скоропостижно скончался. Тогда же я составил свое мнение об этой странной смерти.

На следующий день, в ускоренном порядке, тело Пюшеля было сожжено в московском крематории.

Человек умер, но его исковерканная идея осталась ужасающим бичом в руках Сталина. От идеи осталось только ее имя: «коллективизация сельского хозяйства».

Это краткое описание того, что я сам пережил или испытал на себе в области советского хозяйства, дает неприкрашенную картину правды о большевизме.

Я видел массу работы, жертв, энергии, растроченных бессмысленно с одной только политической целью: достижение **мировой революции** путем победоносной наступательной войны Советского Союза. Но даже и в том направлении всякая работа в СССР осталась непродуктивной.

Ибо не здравый смысл и опыт устанавливают там методы и практику хозяйства, а демагогические фразы марксистских теоретиков, которые имеют так же мало понятия о настоящих законах работы, как и о психологических законах, которые определяют успех или неуспех человеческой деятельности. Эти «специалисты смерти» могут только одно: **разрушать**.

Карл И. Альбрехт

**Отрывок из главы «Революционный трибунал
приговаривает меня к смерти»**

В восьмом часу вечера...¹

...В этот второй вечер после объявления приговора мне поначалу показалось большой удачей и существенным облегчением по сравнению с одиночным заключением не

---

¹ *Albrecht K.I. Der verratene Sozialismus. Berlin, 1943. S. 598—603.*

оставаться одному в эти тяжелые часы. Я попытался как минимум немного развеяться, общаясь со своими сокамерниками.

Однако чем позднее становилось, тем сильнее казался проникавший снаружи шум.

Это выглядело так, будто заключенных охватывало всевозрастающее беспокойство.

Всеобщее волнение захватило и трех моих товарищей по камере. Они начали ходить взад-вперед, насколько позволяло пространство нашей маленькой камеры. Чем позднее становилось, тем более странным было их поведение. Они едва отвечали на мои вопросы о причинах их возбуждения.

Мне это все казалось непонятным и непостижимым.

Пробило восемь. С тюремного двора послышался приглушенный звук моторов. С полным ужаса криком: «Они идут, они идут!» — трое моих сокамерников столпились у маленького окна камеры.

Михайлов, несмотря на строгий запрет, открыл окно. Теперь шум моторов стал гораздо сильнее. Я видел через окно, как в тюремный двор въехал тяжелый черный автомобиль. Через несколько мгновений шум моторов затих.

Трое моих сокамерников опять сидели на своих нарах. Их лица вытянулись и заострились. Они выглядели пугающе старыми и ослабевшими.

Напротив и наискосок от нашей камеры находилась железная пристройка, на которой день и ночь стояли двое часовых. Перед ними был установлен поворачивающийся во все стороны легкий пулемет, так что они всегда имели возможность держать под огнем даже самые отдаленные уголки большого тюремного здания. Прямо над их головами был укреплен маленький латунный колокол, на котором молотком отбивали время и подавали прочие сигналы. За этой пристройкой находилось начальство внутреннего тюремного управления.

Вот колокол ударил коротко два раза. Было 8.30 вечера.

В последние полчаса возбуждение моих товарищей по камере выросло до максимума. Я видел, что их бледные

лбы покрыли капли пота. Дыхание было прерывистым. Общаться с ними было невозможно.

Сразу после двойного удара колокола на всю тюрьму раздался сильный пронзительный командный голос: «Всех по камерам, все камеры запереть!»

В одно мгновение замер шум в огромном здании. Наступила ужасная ошеломляющая тишина.

В этот момент я ясно почувствовал: смерть оповестила о своем приближении.

Всех охватил безумный страх смерти. Сердца 15 тысяч приговоренных к смертной казни остановились, замерли от ужаса. Глаза моих сокамерников, казалось вылезавшие из глазниц, с выражением безграничного ужаса были устремлены на дверь камеры.

Несмотря на сильное внутреннее сопротивление, я тоже оказался во власти парализующего чувства страха. Я чувствовал, что в следующие мгновения должно произойти что-то ужасное.

В коридоре слышались твердые тяжелые шаги, открывались двери и после короткой паузы снова с силой захлопывались. Придушенные стоны, зовы о помощи, иногда ужасный громкий крик, звук падения. Затем было слышно, как волокли тело.

И снова наступала страшная мертвая тишина.

Несмотря на строгий запрет, я подкрался за несколько шагов к двери камеры. Из-за ужаса, который на меня давил, ноги были как парализованные. Я заглянул в глазок, который не был прикрыт снаружи. Перед моими глазами прокручивалась ужасная картина. Прямо перед нами, по другую сторону светового колодца, была открыта дверь одной из камер. Я видел высокого широкоплечего человека в униформе войск кавказского ГПУ. В одной руке он держал список, по которому читал имена, в другой — нагайку. В камере находились сбитые в одну кучу заключенные. Частью на коленях, частью стоя, с умоляюще поднятыми руками, они плотно сгрудились в дальнем углу камеры. Я видел, как двое охранников ГПУ грубо вытащили из камеры старого крестьянина. Старик, чье бескровное

впалое лицо, обрамленное седой бородой, было залито слезами, в смертельном ужасе не мог сам сделать последние шаги. Рот был широко разинут. Я слышал его полный ужаса хрип. В дверях камеры он упал на колени перед чекистским палачом, обнял его ноги и стал целовать сапоги. Грубым движением ноги чекист отшвырнул старика от себя. Громкий приказ — и старика уволокли.

Палач ГПУ вычеркнул одно имя в списке.

Готово.

Сделано.

Человек отправлен на смерть.

Ещё трех жертв извлекли из той же камеры.

Внезапно мертвую тишину разорвал пронзительный крик. Крик ребенка:

«Мама, милая мама, помоги же мне!»

Маленький мальчик, от силы двенадцати лет, в смертельном страхе уцепился за решетку окна. Его маленькое сердце не могло осознать, что он должен умереть. Два помощника палача вошли внутрь и попытались ударами и толчками оторвать мальчика от решетки. Последний раз прозвучал крик о помощи: «Мама, мамочка, помоги мне!»

Палач поднял нагайку и со страшной силой обрушил ее на стиснутые пальцы, полуголое детское тело. Резкий крик, слабый стон...

Снова стало тихо. Все позади.

Помощники палача вытащили маленького, худого, залитого кровью мальчика наружу. Руки ему связали за спиной. Узкая головка схвачена железным винтовым зажимом. Самым грубым образом его язык зажали между зубами верхней и нижней челюсти. Я оцепенел. Это было самое страшное, что мне приходилось видеть в жизни.

Так гибла русская молодежь.

Затем помощники палача подошли к нашей двери. Ключ засунули в дверь, дверь распахнулась.

Я сидел в самом дальнем углу камеры.

У меня было ощущение, будто холодный кулак сжал мне сердце. Поток насыщенного алкоголем воздуха ворвался в помещение.

Взгляд в список.

Дыхание замерло.

Кого выхватит сейчас смерть?

Угрожающим голосом палач пробурчал: «Михайлов!»

Михайлов сидел рядом со мной. Я чувствовал, как на него напала страшная дрожь. Он широко разинул рот. Но ни один звук не сорвался с его губ. Палач вошел в камеру.

Теперь он стоял передо мной. Его гнусное дыхание ударяло мне в лицо.

«Твое имя?»

Я хотел говорить. Но не получилось. Я не мог произнести ни звука.

Мне часто приходилось смотреть в глаза смерти — во время долгих лет на фронте, в ближнем бою, один на один, во время ожесточенных атак. Часто ее рука грубо гладила меня.

Но там я мог оружием защищать мою жизнь. Вокруг меня были верные, мужественные, готовые помочь товарищи, на которых я мог положиться при любой опасности.

Здесь же я был незащищен и беспомощен. Отданный на произвол помощников палача, я переживал самые страшные моменты своей жизни. Тогда коридорный надзиратель подошел к палачу, уже начавшему замахиваться нагайкой, и прошептал ему мое имя.

Я видел, как чекист просматривал длинный список, ища мое имя.

Сердце еще раз остановилось.

Как будто издалека я услышал голос: «Нет, этого нет. Черт вас всех побери. Кто тут Михайлов?»

Коридорный показал на жертву. Михайлов рядом со мной весь сжался.

По знаку палача два гэпэушника схватили его, оторвали от нар и завели руки за спину. Металлический звук — на него надели наручники.

Теперь Михайлов, казалось, вышел из оцепенения. Его лицо внезапно стало темно-красным. Он широко открыл рот. Но в тот момент, когда он намеревался позвать на помощь, резким движением ему вытащили язык изо рта. Лязгающий звук, заранее приготовленным железным винтовым зажимом ему зажали язык между челюстями, чтобы помешать кричать. Несколько ударов и толчков: Ивана Ивановича Михайлова больше не было в нашей камере. Он отправился получить последнее вознаграждение от большевистской «родины всех трудящихся» за почти сорокалетнее исполнение своего долга в качестве инженера-машиностроителя и преподавателя высшей школы.

Дверь камеры захлопнулась. Лязгнул засов. Шаги удалились.

Мы снова были одни.

Казалось, прошла вечность, пока, наконец, не прозвучал удар колокола, обозначивший конец страшных приготовлений к экзекуции.

Через некоторое время мы услышали, как удаляется проникающий в камеру из тюремного двора шум моторов машин смерти.

Оба моих сокамерника еще несколько часов сидели совершенно апатично на своих койках. В эту ночь я не сомкнул глаз.

Глава 2

ВЗГЛЯД СПЕЦИАЛИСТА

Архитектор Рудольф Волтерс и его путешествия по России

Среди немцев, побывавших в России в 30—40-х гг. XX в. и оставивших об этом мемуары, одна из интереснейших фигур — архитектор Рудольф Волтерс. В 1932—1933 гг. он в качестве иностранного специалиста один год проработал в Новосибирске, а по завершении контракта совершил путешествие по Советскому Союзу. Вернувшись в Германию весной 1933 г., Волтерс написал необыкновенно интересную книгу «Специалист в Сибири». Она вышла двумя изданиями в Берлине в 1933 и 1936 гг.¹ В книге Волтерс описывает все стороны советской жизни, с которыми ему пришлось столкнуться. В СССР Волтерс постарался быстро выучить, насколько это было возможно, русский язык и как можно глубже вникнуть в абсолютно незнакомую для него жизнь. Интеллигентность, проницательность, склонность к анализу и отсутствие предрассудков позволили ему это сделать блестяще. Книга Волтерса — один из важнейших, хотя и мало известных пока источников информации о Советском Союзе начала 30-х гг.

Вскоре после возвращения в Германию Волтерс стал ближайшим сотрудником своего близкого друга и одно-

---

¹ Русское издание книги Рудольфа Волтерса «Специалист в Сибири» в переводе автора этого текста вышло в Новосибирске в 2007 г. в издательстве «Свиньин и сыновья».

кашника по Берлинскому техническому университету, Альберта Шпеера. В числе прочего Шпеер возглавлял во время войны и Организацию Тодта, занимавшуюся строительством на оккупированных Германией территориях. В 1942—1943 гг. Волтерс в качестве высокопоставленного сотрудника Организации Тодта совершил несколько инспекционных поездок по занятым немцами советским территориям. В 1980 г. Рудольф Волтерс написал воспоминания о своей жизни¹. Рассказ о путешествиях по России во время войны он проиллюстрировал дневниковыми записями, которые вел во время поездок. Эти записи особенно интересны тем, что для Волтерса Россия не была незнакомой страной, он хорошо узнал ее изнутри в начале 30-х и теперь, через десять лет, мог сравнивать свои новые впечатления со старым опытом.

Ниже публикуются подробный рассказ о советских впечатлениях Рудольфа Волтерса во время его работы в СССР в 1932—1933 гг. и выдержки из его дневников 1942—1943 гг. В дневниках описаны его путешествия по оккупированным Германией советским территориям.

Следует отметить, что, хотя книга «Специалист в Сибири» вышла через несколько месяцев после прихода нацистов к власти, она не может рассматриваться ни как нацистская пропаганда, ни как материал, использовавшийся нацистской пропагандой. Единственное упоминание в книге «еврейской прессы», к тому же противоречащее по смыслу ее содержанию, легко объясняется желанием обезопасить себя в новых условиях — работа в СССР, очевидно, компрометировала Волтерса, как и многих его коллег, в глазах гестапо.

Тем более никакого отношения к нацистской пропаганде не имеют не рассчитанные на публикацию и не публиковавшиеся до сих пор мемуары Волтерса, в которых используются его дневники военных времен.

В 1932 г. молодой немецкий архитектор Рудольф Волтерс подписал контракт с берлинским представительством

---

¹ Неопубликованные воспоминания Рудольфа Волтерса хранятся в немецком Федеральном архиве в Кобленце.

советского Наркомата железнодорожного транспорта на работу в СССР. Двумя годами раньше Волтерс защитил диссертацию по проектированию вокзалов, а наркомат давно и безуспешно искал именно такого специалиста. Кроме того, в Германии работы для архитекторов в это время практически не было, а в Советскую Россию, кроме обещанных грандиозных проектов, тянуло любопытство. В это время там работали сотни иностранных инженеров и техников разных специальностей. Сведения оттуда приходили самые невероятные. О России писали либо очень хорошо, либо очень плохо. Равнодушных не было.

Волтерсу предложили контракт на десять лет и зарплату в 600 рублей в месяц. Он благоразумно ограничился одним годом. Через год полный впечатлений Волтерс вернулся домой и немедленно, по свежим следам, написал книжку «Специалист в Сибири». Она вышла двумя изданиями в Берлине, в 1933 и в 1936 г., с блестящими рисунками товарища Волтерса по путешествию в Россию архитектора Генриха Лаутера.

В Германии книга ныне практически неизвестна. На ее судьбу оказала влияние судьба самого Волтерса. В 1937 г. его пригласил на работу близкий друг и бывший товарищ по учебе Альберт Шпеер, любимый архитектор Гитлера и будущий имперский министр вооружений. Волтерс быстро занял высокое положение в архитектурной иерархии Третьего рейха, хотя в партию не вступал. Занимался в основном градостроительными проектами, издавал книги об архитектуре Третьего рейха и творчестве Альберта Шпеера. После войны работал архитектором, много проектировал, занимался публицистикой. Умер Волтерс в 1983 г. Его первая книга до сих пор продолжает числиться по разряду нацистской литературы. И совершенно напрасно. Волтерс приехал в Россию практически свободным от всяких политических или социальных предрассудков...

Кроме того, что очень важно, он был тогда архитектором-функционалистом. Против конструктивизма, который был вплоть до весны 1932 г. советским государст-

венным стилем, Волтерс ничего не имел, а над сталинским классицизмом, который был введен как раз к моменту приезда Волтерса в СССР, откровенно издевался.

Волтерс оказался в СССР уже на закате эпохи «иностранных специалистов». Она началась в 1927 г., когда стало ясно, что без массивного импорта в СССР иностранных промышленных технологий невозможно намеченное Сталиным быстрое строительство тяжелой и военной промышленности. Среди шести тысяч иностранных специалистов, в основном инженеров, проектировавших промышленные предприятия и налаживавших закупленное на Западе оборудование, оказалось несколько десятков архитекторов. В том числе звезды европейской архитектуры — Эрнст Май, Ханнес Майер, Бруно Таут, Ганс Шмидт. Кроме того, в СССР строились здания по проектам Эриха Мендельсона и Ле Корбюзье.

Не все были фанатичными коммунистами, как бывший директор Баухауза Ханнес Майер. Но абсолютное большинство в меньшей (как Май) или в большей (как Корбюзье) степени склонялось к коммунизму. Левые европейцы, мечтая о реализации собственных творческих планов, старались увидеть в СССР только хорошее.

В отличие от многих Волтерс смотрел на советскую жизнь открытыми глазами. То, что он увидел, вероятно, облегчило ему в дальнейшем, по возвращении в Германию, компромисс с национал-социализмом. Ничего страшнее быть просто не могло.

Книга Волтерса чрезвычайно интересна как минимум в двух отношениях. Во-первых, это подробное и вдумчивое описание того, как жили и работали советские люди в начале 30-х — в эпоху, о которой сохранилось крайне мало документальной информации. Советская пресса и литература того времени о реальной жизни сознательно врал. Честных мемуаров советские люди, пережившие коллективизацию и индустриализацию, практически не писали, это было очень опасно. Поэтому историческая и научная ценность немногочисленных книг, написанных иностранцами, побывавшими тогда в СССР, чрезвычайно

велика. Из заметок Волтерса можно узнать вещи, о которых практически ничего нельзя найти в советской исторической литературе. То, какова была в действительности структура советского общества, как выглядели общественные отношения, какими были цены и зарплаты, как осуществлялось снабжение населения, как его лечили, как заставляли работать и мигрировать, как наказывали, что в действительности думали «простые советские люди», чем жили, как относились к власти и друг к другу, как женились, как воспитывали детей — все это в изложении Волтерса выглядит безумно интересным, и что самое важное — новым для российского читателя.

Еда, жилье, больницы, театр

В мае 1932 г. Рудольф Волтерс приехал в Москву, где получил назначение в Новосибирск, проектировать тамошний вокзал. Всю дорогу до Новосибирска вагон сопровождала стая 5—10-летних беспризорников. Они ехали в тамбурах, в ящиках для инструментов под вагонами, на крыше. От этого тень вагона, бегущая вдоль рельсов, приобретала фантазмагорические очертания.

Первое впечатление от Новосибирска: по улице, ведущей к вокзалу, солдаты с примкнутыми штыками гонят толпу грязных и измученных, нагруженных скарбом крестьян всех возрастов — человек двести. Впоследствии Волтерс наблюдал эту картину едва ли не ежедневно.

От венгерского инженера-строителя, с которым Волтерса сначала поселили в одной комнате гостиницы, он с разочарованием узнал, что вокзал в Новосибирске уже строится. Но новый коллега успокоил — уже готовые фундаменты вокзала взорвали, потому что был принят новый проект. Но и второй проект подлежит переделке, так что работы у Волтерса будет много.

Новосибирск, важнейший железнодорожный узел Сибири с населением около 200 тысяч человек, представлял собой тогда, на взгляд Волтерса, хаотическое море де-

ревянных изб. Только на главной улице — невероятно длинном и прямом, уходящем прямо в степь Красном проспекте — стояли несколько новых каменных зданий. Очень мало машин, в основном немецкие грузовики. Главный аттракцион — два легковых «паккарда». На одном ездил генерал «сибирской армии», на другом — «партийный шеф».

Население Новосибирска очень плохо одето и еще хуже обуто. В основном все носили лапти. В глаза бросалось огромное количество военных на улицах. Перед лавками на главной улице стоит охрана с примкнутыми штыками.

Поразительным для «буржуя» Волтерса оказалось классовое расслоение советского общества. По сравнению с советскими служащими, иностранные специалисты снабжались «по-княжески», причем сами русские воспринимали это как должное. Волтерс получил продуктовую книжку, по которой мог отовариваться в специальном магазине для иностранцев. Там продавались одежда и обувь, но не всех размеров, граммофоны, но без пластинок и иголок, еда — соответственно нормам, предписанным владельцу карточек, молоко и яйца — «если они там случайно оказывались».

Над прилавком в распределителе для иностранцев висел большой плакат по-немецки: «Ленин живет в сердце каждого честного рабочего», а витрины были декорированы красными тканями и портретами Ленина и Сталина.

Открытых магазинов было мало, продукты в них — плохие и дорогие. Все снабжались через «закрытые» лавки на предприятиях. Русские инженеры по карточкам вовсе не получали белого хлеба, масла, молока, яиц. При этом они часто платили за продукты питания вдесятеро большую цену, чем иностранцы. Специальные продуктовые карточки превращали иностранцев в привилегированный класс. Такими же привилегиями обладали высшие чиновники, партийные функционеры, военные и ГПУ. У них были свои закрытые магазины.

При этом снабжение продуктами предприятий было неодинаковым. Лучше всего снабжались сибирский золотодобывающий трест и предприятия Наркомата тяжелой промышленности. Кроме того, внутри предприятий снабжение инженеров и руководства сильно отличалось от снабжения рабочих. При одинаковых ценах рабочие получали меньший набор продуктов и в намного меньших количествах.

На железнодорожном предприятии, где работал Волтерс, было три закрытых столовых. Одна предназначалась для рабочих и мелких служащих с зарплатой от 80 до 150 рублей в месяц. Обед в ней стоил полтора рубля и был очень плохим. Вторая обслуживала начальство среднего уровня и инженеров с окладами от 200 до 500 рублей. Обед в ней стоил 4 рубля. Третья столовая предназначалась для высшего руководства с окладами от 600 до 900 рублей. Столы были со скатертями, и обслуживали здесь официантки. Обед был вполне приличным и стоил 2,5 рубля. Волтерс был приписан к этой столовой. Большинство инженеров и техников предприятия даже не знало о ее существовании. Допуск во все три столовые тщательнейшим образом контролировался.

Еще более дикой была ситуация с жильем. Самым роскошным жильем в городе, по словам Волтерса, были две современные трехкомнатные квартиры. В одной жил начальник военного округа, в другой — начальник местного ГПУ. Отдельные двухкомнатные квартиры имели только высшие чиновники и партийцы. И немногие женатые иностранные специалисты. Женатые русские инженеры имели одну комнату. С очень большой семьей — две. Холостые на отдельную комнату рассчитывать не могли.

«Как живут мелкие служащие и рабочие, я не хочу описывать. Мне никто не поверит, если я скажу, что холостые рабочие живут по 20—30 человек в одной комнате в казармах или бараках, многие семьи делят одну комнату и так далее... В России пропаганда непрерывно грохочет уже 15 лет, так что товарищи действительно верят,

что по сравнению с немецкими рабочими они живут в раю»¹.

За несколько месяцев до приезда Волтерса в Москве произошла художественная революция. Сталин фактически отменил современную архитектуру и ввел неоклассицизм. Официально объяснялось это возросшими культурными потребностями масс. Одновременно была прекращена разработка массового жилья в масштабе всей страны и изменены нормы проектирования. Волтерс получил комнату в здании, построенном уже по новым нормам. Комната размером 3 x 5 метров имела высоту 4,5 метра.

Введение таких норм как бы официально фиксировало принципиальный отказ сталинского правительства от обеспечения населения жильем. Жилые дома в цивилизованном виде в СССР отныне строились в планово-минимальном количестве и только для расселения начальства разных уровней.

В это же время в Новосибирске началось возведение огромного театра, достроенного с большой помпой уже во время войны. Волтерс замечает: «Здание <старого> театра было маленьким, уродливым и очень редко полным. Это не помешало государству начать строительство гигантского театра на 4000 человек. Неслыханное безумие, которое горько отомстит за себя»².

То, что медицинское обслуживание населения в 30-х гг. было плохим, легко себе представить. Но каким оно было в реальности — об этом мне лично читать и слышать не приходилось. Волтерс с несколько похоронным юмором описывает, как неумело пытались лечить его от тяжелой простуды молодые, но совершенно неопытные, хотя и высокопоставленные советские врачи. Помочь ему смогла только пожилая врач с дореволюционным стажем и притом вполне элементарными методами.

Зимой 1933 г. в Новосибирске разразилась тяжелейшая эпидемия сыпного тифа — в течение нескольких месяцев

¹ *Wolters R. Spezialist in Sibirien. Berlin, 1933. S. 43.*

² *Ibid. S. 131.*

в больницы в день доставлялось до 300 заболевших (малая доля от общего числа). Около 40% процентов из них умирало. Единственным методом лечения от сыпного тифа был хороший и внимательный уход. Но больницы Новосибирска могли обеспечить едой только 20% больных. Остальным еду из дома должны были приносить родственники. Волтерс замечает: «Сколько несчастных пролетариев было при этом просто забыто!»

В порядке профилактики сыпного тифа по всему городу отапливаемые подъезды и лестницы очищались от беспризорных детей, которые ночами искали там спасения от холода. Их безжалостно выставляли на мороз. Этот эпизод — одно из самых жутких мест в книге Волтерса.

Похороны

В главе «Жизнь и смерть» Волтерс описывает поразительный похоронный обряд, в котором ему однажды пришлось самому принимать участие.

Многочисленные похоронные процессии с духовым оркестром, медленно тянувшиеся по Красному проспекту за грузовиком или телегой с гробом, обтянутым красной материей, были неотъемлемой частью общественной жизни Новосибирска. Группы сопровождающих несли транспаранты и красные флаги, похожие, как замечает Волтерс, на церковные, но с другими эмблемами. Репертуар капеллы состоял из двух траурных маршей: «Я слышал их в Новосибирске тысячи раз, и когда сегодня я вспоминаю этот город, то в ушах у меня снова раздается тягучая, несказанно безысходная музыка»¹.

Вскоре после приезда Волтерса попал в аварию на железной дороге и погиб упоминавшийся уже выше его коллега-венгр. Доставленный на предприятие гроб с телом был выставлен в «красном уголке», и началась работа. Гроб обивали красной тканью, стены «уголка» деко-

¹ Op. cit. S. 36.

рировали портретами Ленина, Сталина, других партийных вождей. На полу сидели молодые чертежницы, которые плели венки и писали транспаранты. Они болтали, смеялись и вообще находились в хорошем настроении — для них это была смена обстановки, что-то вроде праздника. Ночью вокруг гроба стоял почетный караул, сменявшийся каждый час. Утром пришлось постоять и Волтерсу, одновременно с руководством предприятия.

Похоронная процессия представителей рабочих и начальства с транспарантами и знаменами несколько часов добиралась до кладбища. Над открытым гробом было произнесено восемь длинных речей — о коммунизме, Сталине и пятилетнем плане...

Работа

На производстве царил чудовищный хаос. Несколько недель начальство решало, чем Волтерс будет заниматься. Еще несколько недель он ждал необходимой технической информации, но так и не дождался. Его успокоил русский коллега: «Чертите себе спокойно все, что хотите... Все равно то, что чертится, выстроено не будет. Вы, немцы, вечно создаете себе ненужные хлопоты».

Волтерс отказался участвовать в разработке деталей уже готового проекта главного вокзала Новосибирска. Во-первых, поскольку рассчитывал на самостоятельную работу, а во-вторых, потому что этот проект (уже второй по счету), был, по его мнению, гораздо хуже первого, разработанного двумя годами раньше в Киеве. По словам Волтерса, недовольные проектом архитекторы Новосибирска добились отмены первого проекта и того, чтобы взорвали уже готовые фундаменты. Новый проект вокзала, по оценке Волтерса, был сделан с серьезными ошибками и неминуемо нуждался в переделке.

В результате Волтерсу поручили экспертизу уже разработанных чертежей вокзала. Вокруг проекта вокзала началась закулисная борьба, которая сделала Волтерсу

более или менее ясной смысл и роль различных организаций, в частности ГПУ, партии и профсоюзов.

Волтерс с интересом описывает структуру советских предприятий. Во главе стоит «треугольник» — директор, секретарь парторганизации и председатель профкома. Все — члены партии. Рядовые члены партии образуют что-то вроде полицейских частей, строго контролирующих исполнение распоряжений ЦК. Члены партии так распределены, чтобы в каждой рабочей группе от 5 до 20 человек был один партиец. Рядовые трудящиеся объединены профсоюзом. В неделю проходит от двух до трех профсоюзных собраний, на которых трудящиеся исправно голосуют за повышение норм и увеличение «добровольных» выплат государственных займов, достигающих 12% зарплаты.

Волтерса поражает «любовь русских к собраниям» и радость, с какой встречалось любое падение начальственных персон.

Конечно, это не национальные традиции. Волтерс наблюдает советских людей в том состоянии, в которое их привели 15 лет советской власти и, главное, последние пять лет сталинской индустриализации. Это радость рабов, которые в падении надсмотрщиков, таких же рабов, как и они, но только более привилегированных, видят моральную компенсацию собственных несчастий. На одном из профсоюзных собраний ответственными за невероятные затяжки с проектированием и строительством вокзала были объявлены два ведущих инженера. «Трудно описать, с каким злорадством и удовольствием все в течение вечера топтали обоих инженеров, которые были виновны и невиновны так же точно, как и все прочие. Иногда их носили, чтобы скрыть собственную вину. Защищаться было бессмысленно, и через 24 часа обоих уволили, естественно отобрав у них продуктовые карточки»¹.

Вечерние собрания и конференции отнимали безумно много времени. Они назначались обычно часов на шесть

---

¹ Op. cit. S. 74.

вечера, начинались с двухчасовым опозданием и не приносили никаких результатов. Произносились бесконечные речи, причем каждый оратор считал нужным повторить сказанное предыдущим. Больше всех говорили те, кто меньше всего понимал в обсуждаемом предмете. Даже если речь шла о вполне деловых вопросах, удержаться в теме было практически невозможно: «Если обсуждается, к примеру, расположение санитарных узлов на вокзале, то длится это недолго, вскоре начинается дискуссия о том, действительно ли ватерклозет — английское изобретение или больше немецкое, поскольку в Германии ватерклозетов больше, чем в Англии — по статистике. Кто-то замечает: «По статистике — это же смешно. Статистика никогда не бывает верной, особенно в капиталистических странах». Затем речь заходит о капитализме, о коммунизме, о Красной армии, о неслыханном обращении японских промышленников с китайскими кули. Разговор возбужденный, кто-то гневается, кто-то смеется, все крутят сигареты и ни к чему не приходят»¹.

«Читайте газеты!»

Рудольф Волтерс был достаточно общителен, доброжелателен и любопытен, чтобы, минимально освоив язык, завести себе множество советских знакомых. Его непрерывно приглашали в гости, и он сам принимал гостей в своей роскошной, то есть предоставленной ему одному, комнате. Традиционное гостеприимство русских, которое Волтерс не забывает отметить, ограничивалось чудовищной бедностью. Стандартное угощение — немного черного хлеба, селедка и водка. Гостей Волтерса поражали привезенные им самые обыкновенные иностранные вещи. Волтерс получал иногда посылки из дома с сигаретами и был потрясен тем, с какой радостью его русские знакомые получали в подарок пустые пачки из-

---

¹ Op. cit. S. 101.

под сигарет с фольгой. Он даже написал домой, чтобы ему присылали пустые пачки. Впоследствии, когда перед отъездом из Новосибирска весной 1933 г. он должен был срочно согласовать со множеством инстанций законченные проекты, запас пустых пачек из-под сигарет сильно ускорил дело.

Со времен революции прошло 15 лет, с начала индустриализации, уничтожившей хрупкое благополучие, которое сложилось благодаря НЭПу к середине 20-х гг. — пять. Однако люди, которых описывает Волтерс, кажется, ни о чем не помнят и не представляют себе иной жизни, чем та, которую ведут. И не представляют себе иных общественных отношений.

Волтерс с состраданием описал странное общество, состоящее как бы из одних инфантильных подростков. Члены этого общества лишены свободы воли, свободы выбора, чувства собственного достоинства и, кажется, не понимают, что такое бывает вообще. Начальство состоит из таких же подростков, только облеченных доверием.

Фантасмагорические планы грядущих успехов плохо состыковывались в сознании собеседников Волтерса с катастрофической реальностью. Однажды Волтерс поехал на трехдневную экскурсию по Оби на старом пароходе. Раньше он назывался «Екатерина», а теперь «Дзержинский» («В честь знаменитого организатора транспорта», — уточняет Волтерс. Скорее всего, это тонкая ирония; вряд ли он мог не знать о том, кем был Дзержинский в первую очередь). На главной палубе располагались каюты 1-го и 2-го класса. Среди пассажиров было много партийцев, военных и сотрудников ГПУ. Нижняя палуба была плотно забита массой нищих, оборванных людей. Волтерс пишет, что теперь это зрелище уже не казалось ему таким ужасным, как в первые дни пребывания в Сибири. В спасательных шлюпках зайцами ехали бездомные дети. Каждый день матросы под смех и оживление публики устраивали налеты на их убежища.

На пароходе Волтерс встретил профессора медицины Томского университета, который ехал на Алтай выбирать

место для нового курорта. Это убежденный партиец, с гордостью носящий на груди орден, который, как замечает Волтерс, приносил ему 40 рублей ежемесячной прибавки к зарплате. Профессор показал сделанный им самим роскошный проект нового курорта с бассейнами, фонтанами, гостиницами и музыкальными площадками.

— Да, — подмигнул он мне, — еще пара лет, и мы и здесь обгоним Европу. На Алтае есть все мыслимые минеральные источники. Не хватает только пары железнодорожных линий.

Я знал, как обстоит дело с железнодорожными линиями на Алтае и вообще в СССР, и промолчал.

— Выпьем за строительство социализма. — Он чокнулся со мной стаканом водки, и я невольно подумал о пролетариях на нижней палубе, на чьих спинах мы, пассажиры первого класса, сидели.

— Взгляните на рыбаков вон там на берегу, которые должны ловить рыбу согласно московским планам, — сказал я. — Они тоже верят в социалистический рай? Они ждут уже пятнадцать лет исполнения своих желаний, товарищ профессор, и сегодня им приходится хуже, чем раньше. Конечно, им и раньше было не позавидовать, им нужно было ловить рыбу и ее продавать; но пара копеек имела все-таки смысл, они могли даже если и не многое, но кое-что купить. Сегодня, как и раньше, они ловят рыбу, но теперь они должны выполнять предписанный им слишком высокий план, а деньги, которые они получают, не имеют цены.

— Дорогой товарищ, почитайте вы, наконец, газеты! Как счастливы эти люди! И как счастливо будут жить их дети и внуки! Собственно, мы этого уже достигли. Первого января, когда начнется второй пятилетний план, уровень жизни этих людей увеличится втрое. Сталин это четко сказал. Вы должны читать газеты. То, что вы видите своими глазами, создает у вас неправильное представление о нашей системе!»¹

---

¹ Op. cit. S. 66—67.

Совет читать газеты вместо того, чтобы делать выводы из увиденного, Волтерс слышал неоднократно. Он даже приводит услышанный им анекдот на эту тему: учитель рассказывает в классе, что на Тверской улице построена новая фабрика. Ученик: «Я живу напротив, там уже пять лет один только забор». Учитель: «Дурачок, читай газеты, там это написано черным по белому».

Впрочем, безудержный фанатизм излучали в основном члены партии. На вечеринках, которые устраивали знакомые Волтерса, партийцев чаще всего не было — «потому что тогда невозможна была искренность в общении и редко возникало радостное настроение. Но между собой мы могли беседовать о Гитлере и Сталине, о государстве, религии и о многом другом. В целом нечлены партии были настроены против режима, но определенный национализм не позволял им отрицать все от начала до конца. Все, однако, постоянно повторяли: «Да, пока еще плохо, но подождите первого января, тогда начнется второй пятилетний план, и тогда, как обещал Сталин, жизнь станет намного лучше». Действительно ли они в это верили, я не знаю. Диктатор пользовался уважением, но его командиры в провинции, партия и ГПУ вызывали ненависть и страх. Принуждение и ограничение свобод тяжело давили на всех и заставляли вопреки пропаганде и обещаниям ненавидеть систему»¹.

Это очень любопытный психологически момент. Индустриализация была начата под заведомо лживым лозунгом скорейшего экономического развития страны и улучшения уровня жизни. Реально же было запланировано нечто обратное — ускоренное строительство тяжелой и военной промышленности любой ценой, не считаясь с потерями и за счет снижения уровня жизни населения до физически возможного минимума. И, помимо прочего, за счет практически полного прекращения производства товаров народного потребления. Людей обманом и насильем заставляли заниматься работой, которая заведомо не могла принести им никакой пользы.

¹ Op. cit. S. 104—105.

Волтерсу, наблюдавшему безумную сталинскую экономику со стороны, был очевиден блеф, но его советские знакомые, далеко не все дураки и далеко не все члены партии, странным образом верили в обещанное Сталиным волшебное повышение уровня жизни в момент окончания первого пятилетнего плана. Такое тотальное одурачивание массы взрослых людей казалось ему невероятным. Но насчет судьбы следующего поколения у Волтерса сомнений не было: «Бедные дети вырастают в яслях, детских садах и школах (если таковые имеются в наличии и если родители благодаря своему положению или членству в партии имеют к ним доступ) и с самого начала получают такую прививку коммунизма, что приобретают иммунитет ко всему, что исходит не от Сталина»¹.

На встречу нового, 1933 г. Волтерс был приглашен к своему шефу: «Это был печальный праздник. Мы все надеялись как минимум получить задержанную зарплату за ноябрь. Этого не произошло, и на столе были только водка с селедкой и немного черного хлеба. Ночью мы ждали речи Сталина по радио. Ведь первый пятилетний план был победоносно завершен! Со времен пролетарской революции протекли пятнадцать долгих голодных лет. Первого января 1933 г. должно было наступить тройное улучшение жизненного уровня — это пообещал никогда не ошибающийся вождь. С верой в выполнение обещания 160 миллионов пролетариев перенесли голодные годы. 160 миллионов пролетариев ждали обещанного. Произошло же нечто иное»².

Уже первого января на производстве резко усилились меры по поддержанию дисциплины и борьбе с прогулами. А еще через несколько дней была издана серия указов, «которые только усилили нищету и принуждение... Из слов Сталина следовало, что новый год будет годом передышки и отдыха. Но указы, которые предшествовали

¹ Op. cit. S. 139.

² Ibid. S. 116.

речи, говорили другим языком. Катастрофа с производством зерна принесла не всеобщее облегчение деревне, чего мы все ожидали, а, наоборот, ужесточение. Малейшая еще оставшаяся в деревне личная собственность должна была быть без остатка ликвидирована»¹.

Целая серия ударов обрушилась на несчастных людей. Сначала понизили на 10% зарплату. В условиях инфляции это было особенно болезненно. Потом были резко уменьшены рационы продуктов питания. Иностранцам норму выдачи хлеба по карточкам сохранили, а русским урезали вполовину — с 800 до 400 граммов в день. При этом неработающие жены рабочих и служащих были совсем лишены хлебных карточек. Затем началось тридцатипроцентное сокращение персонала.

Проводилось оно необыкновенно жестоко. В тот момент, когда служащего увольняли — а происходило это без предварительного оповещения, в течение 24 часов, — у него отнимали хлебные карточки, так что, если у него были деньги, ему приходилось покупать на рынке хлеб, который стоил в 20 раз дороже, или обращаться за помощью к работающим друзьям. Смысл отнятия карточек состоял в надежде на то, что все уволенные немедленно зарегистрируются на бирже труда. Но это делали только те, кого голод совсем хватал за горло. Потому что с биржи труда путь вел не обратно на предприятия Новосибирска... а в сибирские провинции, в совхозы или промышленные районы у подножия Алтая. Это означало пожизненный принудительный труд, потому что оттуда не было пути назад. Жилья там хватало едва на 10% работающих. Остальные ютились в палатках, землянках и дощатых будках. Все хотели работать в больших городах, а еще лучше в Москве. Положение с жильем всюду было катастрофическим, но снабжение продуктами, а в особенности одеждой и обувью было там несравнимо лучше, чем во «фронтowych» районах Сибири и уж тем более в деревне. Чем меньше предприятие, чем меньше в нем число работающих, тем хуже снабжение.

---

¹ Op. cit. S. 117.

Многим внезапно уволенным, однако, удалось устроиться на других предприятиях Новосибирска... Тогда Москва изобрела новый способ, который поднял на ноги сотни тысяч и заставил их «добровольно» отправиться в провинцию. Способ назывался — «паспорт». Людей больше не увольняли, их заставляли маршировать самостоятельно. Началась выдача паспортов, и те, кто к определенному времени не получал паспорта, должен был в течение трех дней покинуть город, в котором он работал. Москву и другие большие европейские города наводнили тысячи безработных. Те, у кого больше не было денег, регистрировались на бирже труда и отправлялись в угледобывающие районы и совхозы. Те, у кого еще оставались деньги, сами ехали искать работу в маленькие города. Так началось настоящее переселение народов. «Многие из моих русских знакомых приютили у себя друзей из европейской части России... Вскоре и у нас началась выдача паспортов, и город стал трамплином на пути в... угледобывающие, рыболовные и золотодобывающие районы далеких сибирских степей. Многие из моих близких знакомых должны были покинуть Новосибирск. В середине зимы их выкидывали из жилищ на улицу»¹.

Значение введения в январе 1933 г. паспортной системы Вольтерс понял совершенно правильно — принудительные миграции. Это была одна из самых зверских сталинских мер по изгнанию из городов «ненужного населения» и превращению его в фактических рабов на строительстве тяжелой и военной промышленности или в ставшем государственным сельском хозяйстве.

Градостроительство и архитектура

Волтерс приехал в СССР не только в разгар страшной человеческой трагедии, но и в роковой момент для советской архитектуры. Именно весной 1932 г. Сталин

¹ Op. cit. S. 121.

запретил в СССР современную архитектуру и приказал ввести классицизм. Вплоть до этого времени конструктивизм с восторгом и не без оснований воспринимался ведущими западными архитекторами как официальный и единственный советский государственный стиль, а левое направление в архитектуре ассоциировалось с левой государственной политикой. Это подогревало симпатии к советскому строю и коммунизму.

Когда советское правительство стало набирать иностранных специалистов для помощи в реализации первого пятилетнего плана, в СССР приехало несколько крупных архитекторов. Их основной задачей было строить «социалистические города», которые должны были возникнуть вокруг новых промышленных предприятий. Во всяком случае, западные архитекторы предполагали, что это будет так и что СССР нуждается в западном опыте строительства дешевого и комфортабельного жилья. Вероятно, вначале этого не исключал и Сталин. Но когда (очень быстро) выяснилось, что для закупки западных технологий нужно выжать из страны все соки, идея жилого строительства на западный манер начала стремительно умирать.

Уровень жизни, на который сознательно обрекли население СССР инициаторы и организаторы индустриализации, просто исключал обеспечение людей минимально приемлемым жильем, как он исключал снабжение их продуктами питания так, чтобы преодолеть перманентный голод.

За полтора года до Волтерса в СССР с группой из сорока архитекторов и инженеров приехал известный немецкий архитектор Эрнст Май — городской советник по делам строительства Франкфурта-на-Майне и автор новых жилых районов Франкфурта.

Почти сразу же группа в специальном вагоне выехала в Сибирь, чтобы осмотреть площадки и начать проектирование. Сотрудник Мая архитектор Вальтер Швагеншайдт так описывал в письме от 9 марта 1931 г. работу бригады: «Мы проработали район между Новосибирском

и Кузнецком, гигантский угольный бассейн Сибири. Довольно подробно мы спроектировали прямо на месте 6 городов, большая часть из которых будет построена уже в этом году»¹.

За короткое время группа Мая сделала проекты застройки Магнитогорска, Нижнего Тагила, Щегловска, Кузнецка (Сталинска), Ленинска, Автостроя, Прокопьевска, Сталинграда и многих других городов. Основным принципом работы Мая были функциональная планировка и строчная застройка. Часть спроектированных для Магнитогорска зданий — жилые дома, школы, детские сады — была осуществлена. Строительными рабочими были бежавшие из деревень от коллективизации или депортированные крестьяне. Их квалификация была близка к нулевой.

Другой немецкий архитектор, Конрад Пюшель, работавший в это время в Орске, так описывал строительство «социалистических городов» первой пятилетки: «Строительство велось согласно драконовским планам и представлениям правящего слоя; требовалось точное выполнение плана любой ценой... Применять в работе технические средства не имело смысла; даже если они и имелись в наличии, то были настолько примитивными, что никакой фараон не стал бы их использовать при строительстве египетских пирамид. Приходилось использовать и подгонять рабочую силу, предпосылкой к чему было наличие заключенных...»²

В августе 1932 г. архитектор из группы Мая Вальтер Швагеншайдт писал коллеге в Германию: «В последние месяцы... я за закрытыми дверями разработал предложение для нового типа социалистического города, которое, естественно, направлено против партийной линии. Исходя из реальной жизни в развивающихся районах, я говорю: Советский Союз еще долго сможет строить только примитивные бараки. Имеющиеся материалы и силы они вынуждены использовать для строительства промышлен-

¹ *Preusler B. Walter Schwagenscheidt. Stuttgart, 1985. S. 98.*

² *Püschel K. Wege eines Bauhauslers. Dessau, 1997. S. 84.*

ности. Люди, которые населяют социалистические города, находятся на очень низком культурном уровне, они не понимают (хотя и предполагается, что они будут строить многоэтажные дома), как в этих домах жить. Одноэтажная застройка из местных материалов — это правильный путь. А потом я предлагаю барачный город по мере поступления денег, материала и рабочей силы перестраивать, и я покажу, как его можно будет перестроить в город-рай».

Швагеншайдт сделал проект «барака с растущим благоустройством». На первой стадии это одно помещение с нарами на 222 человека. На третьей — «законченный культурный барак» с уборными, умывальниками и спальнями с кроватями на 100 человек. Швагеншайдт ошибался как в том, что его предложение о строительстве барачных городов направлено против партийной линии, так и в том, что в планы правительства вообще входило строить массовое цивилизованное жилье. Еще несколько десятилетий, вплоть до середины 50-х годов, строительство примитивных барачков было единственной формой обеспечения населения массовым дешевым жильем. Но эта архитектура как раз в 1932 г. была практически выведена из ведения советских архитекторов, по крайней мере официально.

Смена стиля означала конец нормального градостроительства в СССР, во всяком случае в понимании западных архитекторов того направления, к которому принадлежали и Эрнст Май с сотрудниками, и Волтерс. Оформление центров городов дворцово-храмовыми ансамблями и монументальными декорированными классической орнаментикой жилыми домами никак не вписывалось в их представление о насущных проблемах современного градостроительства. Разочарованный Май покинул Россию в 1934 г. К тому времени частично реализованные проекты Мая, задумывавшиеся как цивилизованное социалистическое жилье для рабочих, представляли собой жалкое зрелище.

Американец Джон Скотт в 1933—1938 гг. работал в Магнитогорске, в основном простым сварщиком. В своей книге «По ту сторону Урала» (*Jenseits des Ural, Stockholm, 1944*) он приводит крайне любопытную таблицу распределения жителей Магнитогорска по типам жилья в 1938 г. Скотт ссылается на тогдашнюю внутреннюю статистику: у него в Магнитогорске был знакомый чиновник, который владел цифрами.

Население Магнитогорска тогда — четверть миллиона человек. В районе Березки, где располагались виллы высшего партийного, советского и энкавэдэшного начальства, а также в Центральной гостинице жило 2% населения. Это — правящий слой.

В Кировском районе (бывший «соцгород», объект творчества группы Мая) живет 15% населения. Соцгород состоял из пятидесяти 3—5-этажных домов, каждый на 75—200 комнат. Селили по 3—4 человека в комнату. Но там были водопровод, отопление и электроплиты. В собственных домах (вероятно — избах) жило 8%, в бараках и другом «временном жилье» — 50%, в землянках — 25% населения.

Можно предположить, что такая структура жилья была типичной для новых советских городов в 1930—1950-х гг. (до хрущевских реформ) и соответствовала планам строительства жилья. После 1938 г. ситуация явно не улучшилась, только ухудшилась.

Чрезвычайно интересен рассказ Волтерса о характере сталинского градостроительства. Оно — ведомственное.

Волтерс пишет: «Большинство старых русских городов, подвергающихся реконструкции, представляет собой теперь множество маленьких самостоятельных городков, расположенных вокруг старого центра и связанных между собой транспортной сетью. Застройка старого центра, разработка транспортно-уличной сети в его окрестностях, распределение зеленых, жилых и промышленных районов — все это является задачей Гипрогора. Отдельные, окружающие центр и входящие в состав города поселки

проектируются самими трестами и предприятиями, расположенными в городе»¹.

Такие городки, вроде тех двух, которые проектировал сам Волтерс, совершенно автономны и рассчитаны на самостоятельное существование. Это не просто градостроительная автономность, опирающаяся на развитую инфраструктуру и позволяющая людям удовлетворять свои потребности, не покидая поселка. Это нечто обратное, основанное на отсутствии структуры общественного обслуживания и на физической невозможности жителей удовлетворять свои потребности вне поселка и вне предприятия.

Такой градостроительный подход отражал структуру сталинского государства. Страна была экономически поделена между ведомствами-наркоматами, крупнейшим и важнейшим из которых в тот момент был Наркомтяжпром. Каждое ведомство, пользуясь выделенными ему централизованно ресурсами, обеспечивало своих сотрудников едой, жильем, лечением и прочими средствами существования. Система общественного обслуживания, рассчитанная на всех, была почти полностью и сознательно уничтожена, так что человек, не приписанный к какому-либо ведомству, автоматически терял возможность прожить. Горизонтальных общественных связей между элементами государственной структуры не существовало. Вся система управлялась и снабжалась строго из центра. Возможность свободного выбора работы, места жительства и передвижений была сознательно сведена к минимуму, что делало труд на советских предприятиях фактически принудительным.

Система была несовершенна и не герметична, оставались лазейки для сопротивления и саботажа, которые подробно описывает Вольтер, но создавалась она именно с прямой целью введения на территории СССР принудительного труда, как единственно возможной формы работы и существования общества. Волтерс подробно описывает механизмы удержания людей на предприятиях и механизмы принудительного выталкивания лишнего

¹ *Wolters R. Op. cit. S. 82.*

персонала на лежавшие в необжитых местах новые промышленные предприятия. Рассказывая о том, как он рассчитывал по государственным нормам число жителей проектировавшихся им практически на пустом месте поселков (10 и 25 тысяч жителей), он не задается вопросом (точнее, не задает этого вопроса в книге), откуда они могли взяться. Но совершенно ясно, что о полностью добровольном найме рабочих не могло быть речи. Жителей предполагалось доставить туда тем или иным принудительным способом.

По характеру сталинского градостроительства начала 30-х, видно, что система государственного расселения была практически той же, что и при закладке сети ГУЛАГа. Чрезвычайно похожи системы снабжения и обеспечения населения самым необходимым, идентичны способы экономического стимулирования работы. Да и гражданских прав и свобод у вольного населения было де-факто не больше, чем у заключенных, они пользовались только большими привилегиями. Разница была количественной. Сталин выстраивал в масштабе всей страны систему единого трудового лагеря с относительно мягким режимом, систему, в которой настоящие лагеря служили чем-то вроде карцеров. Волтерс умудрился за один год понять и увидеть эту систему изнутри.

Через несколько месяцев после прибытия в Новосибирск Волтерс получил под свое начало маленькую группу из трех человек — двух техников и чертежницу. Они были плохо подготовлены, но прилежны. Требовать слишком много он от них не мог, так как все трое страдали от голода. «Никто не понимал, как это немецкий инженер мог из одной любви к работе приехать в Россию. Для них всех существовала только одна проблема: еда. Русские инженеры неприхотливы и вполне довольны, если на завтрак в 12 часов у них есть стакан горячей воды, ломоть черного хлеба и леденец или даже кусок сахара»¹.

---

¹ Op. cit. S. 76.

С этой маленькой группой Волтерс разрабатывал два больших и интересных объекта. Первый — комплекс Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта с общежитиями для студентов, преподавателей и развитой системой обслуживания — магазинами, бассейнами, стадионом, школой и проч. Всего на 10 тысяч жителей. Первой заботой Волтерса было сократить раздутую программу настолько, чтобы был теоретический шанс реализовать ее «хотя бы в течение ближайших пяти пятилетних планов».

Вторым проектом был поселок железнодорожных рабочих на 25 тысяч жителей. Здесь Волтерс также сознательно стремился проектировать как можно скромнее, так как хорошо знал уже из предыдущего опыта, что «исполнители из-за отсутствия денег, а в особенности материалов и рабочей силы никогда не смогут осуществить роскошные проекты-фантазии. Тем не менее, проектируя предписанные трехэтажные европейские дома, я с огорчением обнаружил, что на стройплощадке, не обращая на это внимания, с энтузиазмом продолжали строить нищие деревянные бараки. Все свои силы я направил на то, чтобы установить контакт между проектировщиками и исполнителями... Таким образом, первые жилые дома приобрели весной 1932 г. хотя бы отдаленное сходство с моими проектами. Я сам бывал доволен, когда мой про-раб со своими киргизами прокладывал новые улицы... с точностью до пяти метров»¹.

Наибольшей проблемой для Волтерса было утверждение проектов в соответствующих инстанциях. Вот как он описывает ситуацию лета—осени 1932 г. Удивительным в его рассказе является то, какую огромную роль играли в иерархии советского градостроительства иностранные архитекторы.

«Утверждение проектов зависело в первую очередь от маленькой группы специалистов... которой руководили американцы. Эта группа была филиалом Гипрогора... Дух и руководство были чисто американскими. И это делало

¹ Op. cit. S. 79—80.

работу всех немецких архитекторов, обращавшихся в эту центральную инстанцию, очень тяжелой... К сожалению, энергия архитекторов Гипрогора была не особенно сконцентрирована на том, чтобы планы отдельных поселков были функционально взаимосвязаны с городом в целом. Вместо этого они с нахмуренным лбом тыкали толстым карандашом в архитектурные детали. Известно, что наши русско-американские градостроители любят красивые геометрические генеральные планы с прямоугольной сеткой улиц, осями, звездообразными площадями. Чикаго! Создается впечатление, что эти американцы прибыли в Россию через Берингов пролив, ничего не зная о начавшейся 30 лет назад градостроительной революции Европы. Американцы принесли в Россию окостенелую школу градостроительства, и она все больше берет верх, в особенности потому, что для всех архитектурных деталей из высшей инстанции Москвы был предписан «классический стиль» как единственно возможный: звездообразные планы и греческие фасады!

Из-за этого с иголочки нового курса особенно страдает другая большая градостроительная организация Союза, Стандартгорпроект, с его «знаменитой» группой «Май»... Работа этой организации целиком находится под влиянием группы «Май». Гипрогор, русско-американцы, и Стандартгорпроект, русско-немцы, ненавидят друг друга... Здесь столкнулись два мировоззрения. Здесь нет надежды на взаимопонимание. Но уже сегодня можно с сожалением сказать, что Май с его людьми побежден... Сегодня франкфуртский архитектор Май — закатившаяся звезда в России. Его группа растаяла до нескольких самых преданных людей, и печально-предупреждающе возвышаются во всех концах России над морем деревянных изб начатые корпуса до смерти замученной «строчной застройки»¹.

Описанная Волтерсом картина абсолютно необъяснима, если исходить из известной по российским источникам истории советской архитектуры. О руководящей роли Эрнста Мая и других немецких архитекторов не говорилось и

¹ Op. cit. S. 82—84.

не писалось. И уж категорически не упоминались никакие американцы, от которых якобы зависело утверждение всех важнейших градостроительных проектов в 1932 г.

К весне 1933 г. в стране начался такой голод, что темпы строительства промышленности пришлось притормозить. Волтерс пишет: «Высшему руководству стало постепенно ясно, что если строительство промышленности и дальше пойдет в том же темпе, то однажды промышленность будет построена, а население вымрет»¹.

В Новосибирске было остановлено строительство всех больших объектов, включая новосибирский вокзал. До-страивалось только то, что было остро необходимо, — некоторые железнодорожные линии и отдельные промышленные объекты. Престижные, но не промышленные объекты, которые по планам должны были быть выстроены в течение второй пятилетки, потеряли шансы на скорую реализацию. Так произошло и с двумя жилыми поселками, которые проектировал Волтерс.

К тому же отношения Волтерса с партийным начальством были окончательно испорчены, а срок годового контракта подходил к концу. В апреле 1932 г. Волтерс с облегчением отправился домой кружным путем — через Туркестан (Ташкент, Самарканд, Бухару) в Москву и далее в Берлин. В это время из СССР начали разъезжаться и его более знаменитые коллеги, жестоко разочарованные сменой государственного стиля, который как будто в порядке издевательства оказался удивительно похож на официальный стиль молодого Третьего рейха.

В Германии

Вернувшись домой, Волтерс по свежим впечатлениям написал и осенью того же 1933 г. издал в Берлине книжку «Специалист в Сибири». Это дало повод другому ра-

---

¹ Op. cit. S. 124.

ботавшему в СССР немецкому архитектору, знаменитому Ханнесу Майеру, коммунисту, остававшемуся в СССР до 1936 г., назвать Волтерса в «Правде» «вовремя не разоблаченным шпионом».

Волтерс возвращается в Германию уже при нацистском режиме, к которому, в отличие от своего близкого друга Альберта Шпеера, особых симпатий не испытывает. По книге хорошо видно, что он свободен как от социалистических, так и от националистических предрассудков любого рода. Его отношение к людям определяется только их личными качествами, и ничем иным.

Но гестапо приглядывается к людям, работавшим в Советском Союзе, и Волтерс принимает меры предосторожности. Так в книге появляется фраза: «Международное еврейство управляло прессой и в России и давало отвратительные сообщения из Германии»¹. Нелепость ее в контексте книги ясна любому читателю. Волтерс подробно и чрезвычайно достоверно во всех деталях описывает герметичное советское общество, а также механизм, характер и цели советской пропаганды. Никакому «международному еврейству» в этом описании места нет. Это в чистом виде идеологическая маскировка. Такую же маскировочную роль, видимо, играли еще два замечания Волтерса — о том, что среди членов «треугольников» на предприятиях один или два, как правило, были евреями² и что евреями были почти все представители сибирских трестов в Москве³.

Дальнейшая судьба Волтерса совершенно удивительна. Вернувшись в Берлин, он до 1937 г. проработал в Имперском управлении железных дорог, занимаясь проектами перестройки вокзала Цоо.

В 1937 г. Альберт Шпеер, получивший пост главы Генеральной строительной инспекции и, фактически, ставший главным архитектором рейха, пригласил Волтерса на роль своего заместителя. Как раз тогда Шпеер занял-

¹ Op. cit. S. 144.

² Ibid. S. 71.

³ Ibid. S. 92.

ся проектами реконструкции Берлина и превращения его в новую столицу империи «Германия». Вплоть до конца войны Волтерс был ближайшим сотрудником Шпеера. Он занимался градостроительным проектированием главной трассы нового Берлина — оси Север—Юг, издавал книги об архитектуре Третьего рейха и о творчестве Шпеера.

В 1943 г. Волтерс стал руководителем «Рабочего штаба по восстановлению немецких городов». Весной 1945 г. он по поручению Шпеера совершил путешествие по Германии, организуя в разных городах проектные бюро, которые должны были по планам Шпеера заняться восстановлением и реконструкцией разрушенных немецких городов после войны под его, Шпеера, руководством.

Однако Шпеер оказался на скамье подсудимых в Нюрнберге и получил 20 лет тюрьмы. Волтерс уехал в свой родной город Кёсфельд, где занимался проектированием зданий, градостроительством и публицистикой вплоть до своей смерти в январе 1983 г. После войны он снова стал совершенно современным архитектором и без всякой сентиментальности, с иронией вспоминал о своем вкладе в нацистскую архитектуру.

Дружба Волтерса со Шпеером продолжалась практически до самой смерти последнего в ноябре 1973 г., хотя следует еще раз подчеркнуть, что, в отличие от Шпеера, Волтерс никогда ни нацистом, ни членом НСДАП не был. Когда после осуждения Шпеера его семья осталась без средств к существованию, Волтерс организовал сбор денежной помощи среди знакомых. Именно Волтерсу мы обязаны появлением на свет знаменитой книги Шпеера «Дневник из Шпандау», опубликованной после его освобождения. Писать заключенным Шпандау было категорически запрещено, но Волтерс подкупил служащего тюрьмы, и тот выносил ему сделанные на кусочках туалетной бумаги записи Шпеера. Когда Шпеер вышел из тюрьмы, Волтерс преподнес ему его дневник в полном и перепечатанном виде.

Мученичество русского человека: лишенный дома и хозяйства крестьянин как принудительный рабочий в северных лесах. Фото из книги «Преданный социализм»

Карл Альбрехт в лесу под Череповцом. 20-е годы. Фото из книги
«Преданный социализм»

Рудольф Волтерс. 1980-е годы.
Фото из архива Р. Волтерса

Рудольф Волтерс во время поездки по России. 1942 г.
Фото из архива Р. Волтерса

Женщины-заключенные на лесоразработках в лагере недалеко от Архангельска. Фото из книги «Преданный социализм»

Лежневая дорога в России. 1942 г. Фото из архива Р. Волтерса

MARTIN PASE

STALIN

IM BLITZLICHT
DER PRESSE UND KARIKATUR

VERLAGSHAUS *Vandenhoeck & Ruprecht* DRESDEN - A. 1

Обложка книги Мартина Пазе «Сталин в свете прессы и карикатуры»

«Сталин не терпит никого рядом с собой!» Эмигрантская парижская газета «Возрождение» выразила суть кровавого режима метким, хотя и довольно безобидным образом: заседание Высшего Совета — куда ни посмотришь, вокруг только Сталин

Из-за своего характера и своей большевистской программы Сталин ни перед чем не останавливается. Красной армии тоже пришлось в это поверить. Холодно и беспощадно приказал он казнить всех интеллигентных руководителей, которые казались ему опасными

(Chicago Daily Tribune, 5. Juli 1937)

Im Paradies des Diktators

Stalin macht einen Spaziergang

В раю диктатора. Сталин совершает прогулку

Сталин говорит жене Ленина Крупской: «Если ты не перестанешь иметь дело с троцкистами, я назначу Ленину другую вдову»

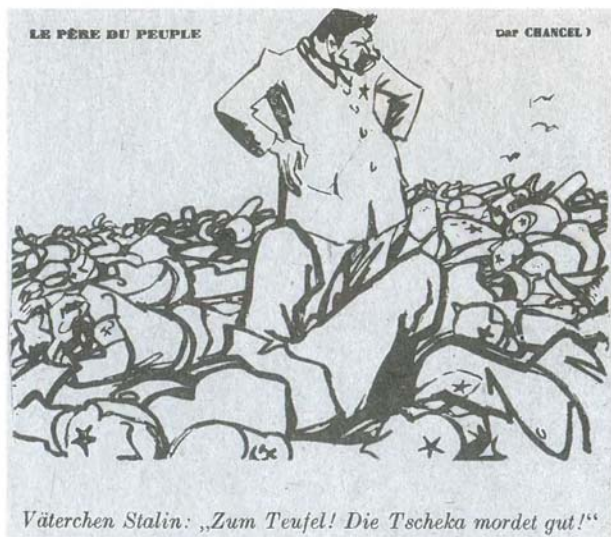

Сталин бросает в ад полные лопаты людей и железа

(Chicago Daily Tribune, 22. Juni 1937)

Много раз должна была бы повторяться такая «сцена из личной жизни» Сталина, нарисованная одним американским карикатуристом. Бесчисленные кровавые преступления Сталина не дают ему спать

Папаша Сталин: «Черт возьми! Хорошо же убивает ЧК!»

Эту любезность под названием «Эволюция одного медведя» «Вашингтон дейли ньюс» от 4 декабря 1939 г. посвятила Сталину

Миллионы обвиняют тебя в убийствах!

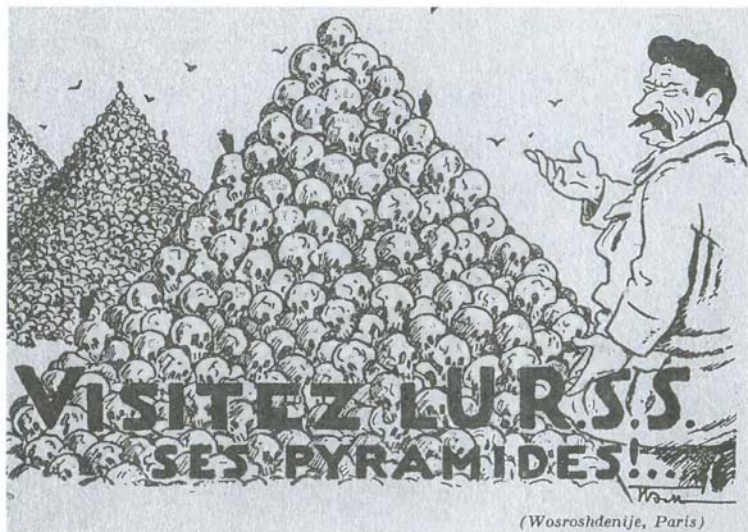

Сталин как победитель в войне. Еще 25 апреля 1940 г. «Чикаго дейли трибюн» изобразила Сталина как кровожадного победителя в войне, который только того и ждет, чтобы воткнуть воюющим в Европе в спину кинжал коммунизма

(Söndagsnisse-Strix, Stockholm)

Смерть: «Не взять ли мне лучше его серп?»

(Wosroshdenije, Paris)

Достопримечательности Советского Союза.
Проект плаката для туристской рекламы

So steht es um die rote Justiz!

SUPREME COURT

SORRY, MADAM!
ALL ACCUSED
HAVE ALREADY CONFESSED!

Wieder zu spät!
Stalin zur Göttin
der Gerechtigkeit:
„Tut mir leid, Madame, alle Ange-
klagten haben bereits gestanden.“

By SAPAJOU

Так обстоит дело с красной юстицией. Снова поздно! Сталин — богине справедливости: «Прошу прощения, мадам, но все обвиняемые уже признались»

«Смотри, теперь мы сможем сообщить за границу, что безработных благополучно становится меньше»

(Guérin Meschino, Mailand)

Сталин: «Почему приговор не приводится в исполнение?» Товарищ:
«Мы не можем вспомнить, вы нам поручили их расстрелять или им — нас»

Migrazione interna sovietica

(Popolo d'Italia, 2. Januar 1937)

«Внутренние
миграции» в
Советской России.
Сотни тысяч
политических
арестантов
отправляются в
Сибирь

Без подписи

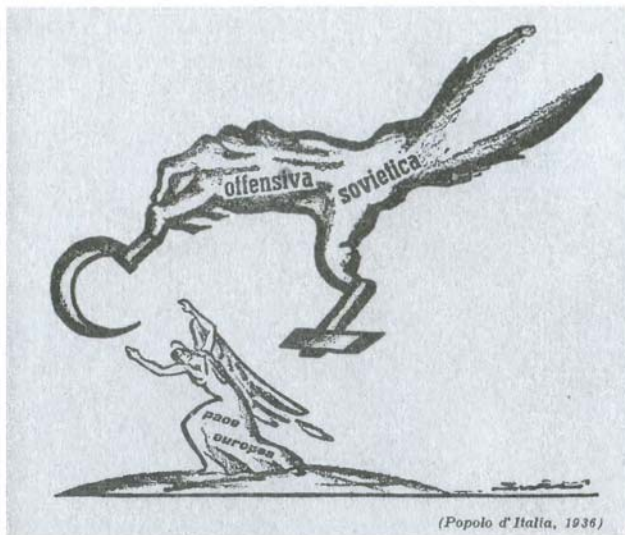

«Дейли миррор» от 5 декабря 1939 г. изобразила большевизм как кровожадное чудовище, которое притворно мирно сидит за столом заседаний на конференции, но только и ждет того, как бы насильственно развязать мировую революцию

(Popolo d'Italia, 2. Februar 1937)

Так выглядит мир,
который Сталин
хочет принести
человечеству

(Popolo d'Italia, 1936)

Большевистские когти из серпа и молота
угрожают европейскому миру

Послевоенная судьба Волтерса, его близкие и сложные отношения со Шпеером, его активная публицистическая деятельность могут быть темой отдельного исследования.

В мемуарах, хранящихся сегодня в Немецком федеральном архиве, Волтерс увлекательно, иронично и серьезно описал свою удивительную жизнь. Там можно найти и многое из того, что не вошло в книгу «Специалист в Сибири». Например, градостроительные проекты Волтерса для Новосибирска, письма, которыми он обменивался с русскими друзьями еще пару лет после своего отъезда из СССР, описание случившейся с ним там романтической любовной истории.

Творческая судьба Рудольфа Волтерса должна быть хорошо понятна поколению его советских ровесников и коллег, учившихся в 20-х гг. и несколько раз вынужденно менявших стили и убеждения в силу сложившихся обстоятельств.

Уникальность Рудольфа Волтерса состоит в том, что он оказался причастным ко всем вариантам европейской архитектуры XX в., включая архитектуру двух главных тоталитарных режимов. И еще в том, что он оставил честные и очень полные воспоминания о своей жизни. На это, кажется, никто из его советских коллег так и не решился.

Отрывок из неопубликованных мемуаров Рудольфа Волтерса «Отрезки жизни»¹

Из моего дневника:

*Подразделение ОТ² Россия—Юг.
Май/июнь 1942*

28 мая 1942 г. — отъезд из Берлина...

Я путешествую в одной машине вместе с заместителем руководителя центрального бюро ОТ доктором Фрэнком.

¹ *Wolters R. Lebensabschnitte*, 1981. Nachlass Rudolf Wolters, Bundesarchiv, Koblenz.

² Здесь и далее: ОТ — Организация Тодта.

Мы едем через Бреслау, Кракау, через Бескиды на Крыницу, дальше через Ярославль и Перемышль — по транзитной дороге IV (ДГ IV)¹ которая на первых участках находится в хорошем состоянии. Города и деревни здесь полны евреев, которые легко узнаваемы благодаря желтым лоскутам, нашитым на спину и грудь. Их фигуры производят исключительно безотрадное впечатление.

31 мая 1942 г.

В 10 утра отъезд из Лемберга. Через Тарнополь по транзитной дороге IV мимо Волочека на русской границе. Пейзаж здесь поразительно красивый, слегка холмистый, земля исключительно плодородная. ДГ IV, которая сейчас идет до Днепропетровска, будет продлена через Сталино до Таганрога. Хотя на дороге много повреждений из-за сильных морозов прошлой зимы, но по ней можно ехать. Трасса старая, обрамлена большими деревьями с обеих сторон: громадные вязы, иногда дубы с низко опущенными, очень высокими и густыми кронами. Как все русские магистрали, она сделана шириной 50 метров, обозначенной поначалу деревьями, а потом только телеграфными столбами. Часто все полотно дороги достигает 100—150 метров ширины, но только середина укреплена для проезда автомобилей. По обеим сторонам тянутся летние дороги, иногда по многу рядов, из-за того что старые становятся непроезжими. Большая ширина дороги препятствует занесению снегом: снегозаградительный кустарник должен находиться далеко от проезжей части, чтобы быть эффективным.

Почва такой плодородности, о какой в остальной Европе и не слышали. Чернозем лежит толщиной до двух метров на лессовом слое. Лесс (ледниковые отложения) имеет толщину от 20 до 30 метров. Под ним на Украине повсюду лежит красноватый гранит. Здесь, как нам сказали, крестьянину годами не нужно удобрять землю. Пашни и поля на большую часть обработаны. Хлеба сто-

¹ Здесь и далее: ДГ (DG — Durchgangsstrasse) — транзитная дорога.

ят хорошо, кое-где поля под паром. Не хватает тракторов, силосов, хозяйственных построек; здесь можно хозяйствовать только с машинами.

На нашей дороге, ДГ IV, повсюду с большим напряжением идет работа. Под командой немецких сотрудников Организации Тодта находятся ненемецкие бригады. На первом месте по качеству стоят команды евреев. Как нам докладывали, они работают, частью добровольно, по две смены подряд. Они знают, о чем идет речь... Среди русских военнопленных можно увидеть самые различные группы: хорошо выглядящие мужчины украинского или русского происхождения, но гораздо больше (и намного) — перемешанные варианты всех азиатских рас, такие, какими их можно увидеть в еженедельной хронике. Эти команды охраняются украинской милицией или литовской и латвийской полицией. Но основной контингент рабочих представлен украинскими женщинами и девушками. Руководители работ характеризуют их как очень исполнительных, прилежных и привычных к работе. По рабочим качествам они стоят выше мужчин. Женские команды даже внешне производят очень отрадное впечатление: чистые цветные платки и платья, часто снежно белые головные платки! Почти все женщины босые, и удивительно, с какой энергией они вдавливают голыми ногами лопаты в плотную землю. Проезжающие немецкие колонны повсюду радостно приветствуются. И народ, предлагающий по сторонам дороги яйца, цветы и редиску, кажется настроенным очень дружелюбно.

Деревья есть только в деревнях; местность лишена даже небольших участков леса. Если на горизонте выныривает рваный силуэт зелени, значит, впереди деревня или село. Деревни и города расположены свободно и широко, пронизаны зеленью и цветами.

Дома из глины, очень маленькие, с высокими тростниковыми крышами. Они повсюду свежеекрашены белой известью. Эти поселения очень сильно отличаются по характеру от немецких деревень, которые построены гораздо более компактно. И повсюду не хватает хорошо

знакомых нам по родине доминант церковных башен. Небольшие деревянные церкви со своими куполами-луковицами едва возвышаются над окружающей их зеленью.

В 20.30 в Виннице, у линейного руководителя ДГ IV

С утра едем на находящийся вблизи строительный объект «Айхенхайн» (предназначен для штаб-квартиры фюрера!), который расположен изолированно, в прямоугольном участке леса. Здесь работают команды русских военнопленных. Нам удастся посмотреть только часть стройки, поскольку вермахт ее уже занял. Пейзажи здесь еще просторнее. Много пасущихся коров. Удивительно много лошадей с жеребятами.

Из Винницы дальше через Умань и Новоархангельск на Новоукраинку, где мы ночуем. Маленькое местечко. В строительном управлении участка получаем примитивный номер с тремя кроватями. Мешки с соломой, однако, свежие и чистые, тогда как мы, наоборот, после езды в открытой машине совершенно грязные, лица и волосы полностью черные. Примитивные возможности для умывания допускают только очень поверхностное наведение чистоты.

2 июня 1942 г.

В семь утра отъезд из Новоукраинки. Нам предстоит длинный путь на Днепропетровск. Через Кировоград на Кривой Рог. Опять хорошая летняя погода. Я еду с руководителем группы профессором Бругманом, городским советником по строительству из Нюрнберга, который подробно рассказывает мне о своих задачах и своей работе.

В конце прошлого года фюрер возложил на «строительный штаб» Шпеера введение в строй железной дороги в регионе Украины. Шпеер назначил Бругмана руководителем подразделения на месте, в то время как д-ру Фрэнку были поручены организация снабжения и координационная работа в Берлине.

В январе Бругман прибыл в Днепропетровск, где оборудовал штаб-квартиру в своем вагоне. Сразу после начала работ господин Шпеер лично прибыл в Днепропетровск, чтобы привести все в движение.

Положение на железной дороге было тогда просто катастрофическим. На главных участках двигались тогда иногда только четыре поезда в сутки, что представляло собой все возрастающую угрозу для армии. Пути на вокзалах время от времени покрывались льдом и выходили из строя. Снабжение водой на перегонах не было ни в коем случае достаточным для немецких локомотивов. Прием воды на один локомотив на немногих имевшихся пунктах длился иногда до одного часа. Немецкие локомотивы оказались в русском климате чересчур сложными и капризными. Оборудования для загрузки угля и выгрузки шлака было недостаточно. Поворотных кругов и ангаров для локомотивов не было, либо они были разрушены. Точно так же были разрушены все служебное оборудование и мастерские.

Немедленно были начаты необходимые работы, установлены разборные ангара для локомотивов, водонапорные башни и колонки, конструкции которых в основных деталях Шпеер разработал сам. К счастью, был обнаружен подземный склад больших емкостей для бензина, которые можно было использовать как водонапорные башни. Все время возникали большие и малые трудности. Особой проблемой оказалось смягчение воды для локомотивов...

К этому надо прибавить перешивку путей, которая, как и все прочие задания, смогла быть выполнена в сроки, несмотря на все зимние проблемы. Вместо тогдашних четырех поездов сегодня по всей транзитной дороге через Украину ежедневно идут сорок.

К самым важным и трудным задачам строительного штаба относятся железнодорожные мосты. Здесь русские тоже проделали исключительно основательную разрушительную работу. Стальные конструкции больших днепровских мостов после взрывов оказались в воде и пере-

городили проход судам. Эти заграждения могли стать еще большей угрозой во время ожидаемого весной ледохода. Для устранения искореженного металла были присланы с Атлантического побережья водолазы, которые подо льдом резали подводными резаками конструкции на куски, чтобы ликвидировать подводные препятствия... На мостах через притоки Днепра, Самару и Волхов эти работы под толстым слоем льда были особенно опасны.

Строительство больших мостов было передано повсюду немецким фирмам, в то время как многочисленные маленькие мосты строились под собственным руководством Организацией Тодта (ОТ). Цепочке проблем и после зимы не было конца. Как только во время оттепели возникла надежда, что самое трудное позади, наступило половодье. Некоторые мосты, которые выдержали страшный ледоход, были снесены половодьем.

В Полтаве вокзал оказался на два метра под водой. Все железнодорожные насыпи в районе Днепра были подмыты и снесены. В то же время возникали все новые задачи. Фюрер определил, что строительство железнодорожно-ремонтных заводов тоже входит в область деятельности Организации Тодта. Два больших завода сегодня уже строятся. Они будут закончены, самое позднее, осенью. Для продвижения вперед созданы особые передовые подразделения, оснащенные инструментами, рельсами, шпалами, водонапорными башнями, колонками, локомотивными ангарами.

Руководство исходит на всякий случай из предположения, что отступающие русские и дальше будут оставлять захватчику голую землю.

Особенно важным было восстановление снабжения энергией. Главная из крупных электростанций, находящаяся в Запорожье, была русскими полностью выведена из строя. К осени и эта электростанция после тяжелой работы будет запущена. Уже сейчас работают два генератора из девяти. Другая большая станция будет восстановлена в Сталине. Кроме того, должен быть запущен еще ряд маленьких электростанций. ОТ занимается еще и строитель-

ством фабрик. Фабрики боеприпасов, металлургические, литейные, прокатные заводы, ремонтные мастерские для танков и грузовиков находятся в строительстве или скоро уже будут запущены. Недавно в строительную программу ОТ были включены еще сельскохозяйственные постройки — силосы, ангары, сахарные заводы и консервные фабрики.

Бругман уже заканчивал свой рассказ, когда мы около 14 часов, совершенно покрытые пылью, прибыли в Кривой Рог. Кривой Рог, большой русский рудодобывающий город, простирается почти на 45 км. Он далеко тянется через долины и низины. Выстроенный на высоком берегу реки Ингулец город можно увидеть уже издалека.

После обеда — дальше по дороге ДГ IV. Внезапно на нас обрушилась гроза с мощным ливнем. Через несколько минут мы застряли в грязи. «Форд» буксует, дорога скользкая, как мыло. Некоторое время мы еще пытаемся двигаться по немногим ровным участкам по краю дороги; но вскоре накрепко застреваем... Теперь уже известно, что во время дождя военные операции в этих регионах невозможны. Когда начинается дождь, ни один автомобиль не может двигаться. Только русские телеги с лошадьми остаются на ходу. Гроза задерживает нас почти на два часа. Вскоре после дождя все уже снова высохло, мы можем ехать дальше. «Форд» вытаскивают из грязи.

В 22 часа мы прибываем в Днепропетровск. В казино Бругмана приготовлен простой ужин. Вскоре, около полуночи, мы, усталые, лежим в постели.

3 июня 1942 г.

Бругман везет нас по городу. Своим типично русским однообразием он напоминает мне Новосибирск, хотя он кажется более цивилизованным. В Днепропетровске раньше было 900 000 жителей, сегодня около 250 000. Они также почти без остатка включились в работу для армии и других немецких учреждений, как и все население занятых нами районов, если оно жило в городе и не хотело голодать.

В качестве вознаграждения украинские рабочие получают кроме завтрака и обеда от 12 до 18 пфеннигов в час.

С гордостью показывает нам Бругман свое новое административное здание, наспех переделанное для этих целей из русского служебного строения. Дом, кажется, хорош. Здесь, наконец, шеф ОТ «Россия-Юг» сможет получить для себя приличную, хотя и скромную квартиру. Дом, в котором он сейчас живет и работает, примитивно-русский. Маленькая спальня скромнейших размеров. Бругман не любитель удобств. Он не любит их также и для своей свиты — да, он обладает, так сказать, редким талантом создавать самому себе максимум неудобств. Так, для своего казино, которое в остальном — тип-топ, он велел сделать трехногие табуретки без спинок. Его люди здесь должны отдыхать с прямой спиной после рабочего дня. На мой робкий вопрос — почему не стулья со спинками, если уж их все равно пришлось специально заказывать, он ответил: здесь ни одна смена не должна располагаться с удобствами; спинки для стульев служат для того, чтобы разлагать дисциплину. В казино висит только одно украшение — высказывание Фридриха Великого...

Все сидят за маленькими столами. Сам Бругман за подобием председательского стола в конце зала. За ним на стене растянута знамя со свастикой. Шеф сидит спиной к стене, и я сильно подозреваю, что он, тоже сидя на табуретке, иногда опирается на стену. Во всяком случае, знамя за его спиной выглядит слегка потемневшим. Примиряет с казино Бругмана обслуживание: необыкновенно красивые украинские девушки заботятся о людях. К Днепру, за пределами растянутого города, выходит так называемый парк — скопище убогих деревьев на высоком берегу реки, которая по-русски широко катится через просторный ландшафт. Отсюда видны красивые мосты через реку, предмет забот Бругмана. В центре так называемый Восточный мост: железобетонные арки с разрушенной центральной частью. Как нам рассказывали,

союзные нам итальянцы в свое время в горячий момент взорвали каркасную конструкцию центрального пролета. Двухэтажный Западный мост восстановлен и используется: нижний уровень — железной дорогой, верхний — остальным транспортом.

Чтобы вблизи посмотреть на работы на железобетонном мосту, едем на маленький остров; мы попросили итальянского офицера переправить нас туда на военном катере. Итальянские саперы тренируются на берегу Днепра. Вода темно-коричневая, течение довольно сильное. Высоко на другом берегу Днепра видны сталелитейные заводы.

Сильная жара, нам становится жарко в непривычной униформе. После еды мы едем оттуда на машине сначала на Самару, приток Днепра, где купаемся. Хотя вода теплая, это нас в некоторой степени освежает. Потом — на большие сталелитейные заводы на этом берегу Днепра — Петровский и Ленинский — оба в основном построенные еще перед Первой мировой войной. На Ленинском делают шпеевские водонапорные башни, на Петровском — железнодорожные стрелки. В остальном большие заводы стоят. Пока их не собираются запускать. По пути мы видим недавно построенный ОТ ангар, где ремонтируются танки.

4 июня 1942 г.

Едем на Запорожье, ранее Днепрострой. Опять хорошая солнечная погода, широкие пейзажи. Редко мы видим диких животных, только иногда зайцев; очень часто сусликов, молниеносно шмыгающих через дорогу.

Около 2 часов в Запорожье. Плотина великолепно выглядит в ландшафте. Благодаря плотине Днепр в верхнем течении необычно широк...

Ниже по течению вдаль виден железнодорожный мост, пересекающий поток... На другом берегу новый город Запорожье. Большой металлургический завод тоже находится на противоположном берегу Днепра, недалеко от города, который временно состоит из ОДНОЙ широкой

роскошной улицы, в свое время запроектированной Эрнстом Маем¹.

Главный инженер гигантской строительной площадки плотины ведет нас и рассказывает о разрушениях и восстановительных работах. Во время отступления русские взорвали плотину посередине на ширине 175 метров. 3000 беженцев, которые находились в это время на плотине, были унесены течением. Водяные массы толщиной 5—6 метров падают с 15-метровой высоты через пролом и понижают уровень воды так, что пристань в верхнем течении оказалась на суше, и не хватает давления для вращения турбин. Шлюзы тоже после взрыва стоят сухими, так что судоходство парализовано. Не только плотина, но и механизмы по большей части разрушены. Русские при отступлении отключили центральную смазочную систему, так что машины мгновенно перегревались и загорались. То, что после этого представляли собой машинные помещения, турбины и генераторы, было мастерской разрушительной работой. И сегодня видны потрескавшиеся железобетонные стены, оплавленные железные детали; все приведено в негодность.

Однако один агрегат уже работает с конца апреля, второй запущен чуть позже, так что станция уже может вырабатывать 20 000 киловатт. Из девяти турбин большинство будет осенью запущено. Раньше максимальная мощность станции достигала 500 000 киловатт, минимальная, при низкой воде, — 100 000. Остальные днепровские электростанции до отступления имели суммарную мощность в четыре раза больше, чем запорожская.

Особенно трудная задача для руководителей строительства — восстановление разрушенной плотины, через отверстие в которой вытекает под огромным давлением масса воды высотой 5 метров. Станным образом, русские не сделали спуск для воды, такой как у всех плотин; поэтому его следовало сначала построить, чтобы осушить плотину для восстановительных работ. Для этого в боковых,

---

¹ М а й Э р н с т — немецкий архитектор, работавший в 1930—1934 гг. в Советском Союзе.

целых частях плотины были пробиты несколько штолен приблизительно 5 на 5 метров и длиной 35 метров, вплоть до наружной облицовки плотины с верхней стороны. Трудность состоит в преодолении последних двух метров бетона. Для этого разработана следующая процедура: там, где штольни позднее выйдут к воде, сверху будут спущены затворы, которые потом будут прижаты давлением воды к отверстиям в плотине и перекроют их. Затворы состоят из шаровых сегментов 5 на 5 метров с оболочкой в 20 сантиметров толщины, монтируемой из металлических рам. Прежде чем будут взрывами окончательно пробиты отверстия в бетоне, в нем проделываются меньшие отверстия для спуска воды, чтобы проявилось давление на сегменты. Когда все десять штолен будут закрыты с верхней стороны плотины, бетонные затворы начнут медленно тянуть вверх и спускать таким образом воду. Уровень воды упадет, основание пролома в плотине станет видимым, и его можно будет бетонировать.

Ведущий инженер доктор Смёлниг, который ведет нас по стройке, полностью захвачен своим делом. И здесь транспортные проблемы; все нужно сюда везти, не только машины немецких фирм, но также камень и цемент для плотины. Цемент везут баржами из Румынии через Черное море и Днепр и доставляют прямо на электростанцию. Гравий и щебень для железобетона добывают в имеющемся неподалеку большом карьере, который мы осматриваем и который был разработан еще фирмой Крупп-Грузон. В карьере добываются и огромные гранитные блоки...

Весь комплекс, плотина и электростанция, был запроектирован немцами, оборудован частично американцами и построен при их консультациях и русском руководстве. В деталях работа скверная. Железобетон уже внешне производит плохое впечатление; арматура местами свисает из бетона, на необработанной поверхности которого там и тут уже 10 лет держатся куски деревянной опалубки. Пульты управления и прочие электрические устройства, как рассказывает нам ведущий электроинженер, таковы,

что в Германии их оценили бы как самую плохую ученическую работу.

Вечером мы переправляемся на пароме через реку, чтобы посмотреть город Запорожье. Здесь тоже безысходная картина нового русского города из цемента. Ясно видна разница между работами Мая и работами русских. От «вещественности» русские скоро отказались и обратились к доморощенному классицизму, который здесь дал очень странные побеги. Античные формы часто до неузнаваемости изувечены или применены без всякого понимания...

5 июня 1942 г.

Обратный путь из Днепропетровска в направлении Харькова на Красноград, самую западную точку большого котла, в котором в эти дни русские были разбиты. Дальше на Полтаву. Восхитительный город с классицистическим представительным центром. Просторная круглая площадь, окруженная свободно чередующимися, высокими и низкими, выкрашенными в белый цвет старыми губернскими зданиями, тут и там украшенными колонными портиками. В одном из этих зданий резиденция генерал-фельдмаршала фон Бока и штаб группы армий «Юг». На площади, на ступенчатом каменном постаменте стоит почти скрытая зеленью колонна Победы, увенчанная орлом. Отсюда во все стороны расходятся главные улицы, одна из которых ведет к лежащему вдали старому монастырю.

7 июня 1942 г.

Дождь. Неизвестно, доберемся ли мы до Киева. Глубокая грязь. За Переяславлем едем через болото, покрытое лежневкой. Опять навстречу нам движутся колонны, на этот раз летчики, и снова рабочая служба на велосипедах, транспортные колонны ОКХ¹ и горные егеря с их машинами. Как мы позднее слышали, еще в этом месяце

---

¹ ОКХ (нем. — ОКН) — Oberkommando des Heers, Высшее командование сухопутных войск.

70 000 автомобилей должны двинуться на восток по транзитной дороге V.

В 18 часов, еще при хорошем свете, мы приезжаем в Киев. Город расположен высоко у широкого Днепра. Собственно, прямая дорога с востока ведет прямо на замковый холм. Мы должны делать многокилометровый объезд перед Днепром, так как главный мост через реку разрушен. Новый, так называемый ОТ-мост — огромная деревянная конструкция, защищенная зенитками у всех опор. Выше по течению третий мост в процессе восстановления. Здания на горе владычествуют над городом, выше всех башня лавры, окруженная бесчисленными луковицами церквей. Главная улица Киева полностью разрушена. При отступлении русские взорвали все бомбами с часовым механизмом. Некоторые остатки стен были взорваны нашими саперами, чтобы предупредить опасность обрушения.

Несмотря на это, город все еще производит приятное впечатление благодаря цивилизованному и привлекательному внешнему виду. Много зелени на улицах. Новые советские здания, некоторые с большим вкусом и солиднее, чем в других городах. Несколько красивых старых русских церквей. С высокого крутого берега Днепра потрясающий вид на восток через реку.

Один железнодорожный мост уже можно использовать, хотя русские и здесь прилежно выполнили взрывные работы. Разнокалиберные конструкции покоятся на старых уцелевших опорах. До того как был готов этот мост, ездить можно было только по ледовой плотине. На льду реки была построена из ледяных блоков железнодорожная насыпь (!), которая не один месяц отлично функционировала и очень помогла...

9 июня 1942 г.

Через Ровно при хорошей, хотя и прохладной солнечной погоде на Луцк. Старый замок. В 24 км за Луцком у деревни Торчерин¹ первая серьезная поломка за время нашего путешествия. Не работает бензиновый насос. Ма-

¹ В тексте — Torczygn.

шину тянут на буксире до Торчерина, где нас дружески принимает крайсландвирт¹...

В местечке около 4500 жителей, среди них 2500 евреев, остальные поляки и немного украинцев.

Вечером идем в рабочий лагерь, в котором находятся украинские женщины. Крайсландвирт просит нас успокоить опечаленных женщин. Они без всяких на то оснований боятся, что будут в качестве принудительных рабочих отправлены в Германию. Он по-хорошему попытался завербовать их для работы в сельском хозяйстве, и, поскольку они явно не проявили желания, он проявил некоторый нажим. «И теперь бедные женщины уверены, что их увезут, что совершенно не так...». В лагере находится около двухсот украинских девушек. Крайсландвирт позаботился о музыке. Несколько украинцев поют народные песни; но это не возымело ожидаемого эффекта. Начинается великий плач, так что мы не знаем, как себя вести. Френк напрасно пытается гладить по голове ту или другую девушку. На момент это вызывает громкий смех — но потом плач продолжается.

У крайсландвирта встречаем мы также сотрудника земельной биржи труда Берлин—Бранденбург, который уже много месяцев объезжает край и рекрутирует рабочих и работниц для немецкой промышленности...

В октябре 1942 г. я снова побывал в ОТ-группе «Россия-Юг» как сопровождающий шефа ОТ Альберта Шпелера. На этот раз путь шел далеко за Запорожье, через Сталино и Ростов на Северо-Западный Кавказ и Крым.

13 октября 1942 г.

В 7.30 утра отлет с Темпельхова на Ю-52. В машине государственный секретарь Ганцмюллер, городской советник Шибер и шеф отдела кадров ОТ Бор, с которым я путешествую дальше. Промежуточная посадка во Врицене, где мы ждем Шпелера. Ганцмюллер рассказывает,

¹ Kreislandwirt (нем.) — главный агроном края.

пока мы ждем, о трудностях с дорогами в подразделении ОТ «Россия-Центр». Если в 1941 г. насчитывалось шесть нападений партизан в месяц на главные железнодорожные линии в этом районе, то сейчас их около 600. Много убитых. Потери телеграфных частей до 75%. Поскольку весь лесной район невозможно контролировать, уже давно необходимо строить бункеры вдоль линий. Партизаны хорошо вооружены. Их постоянно снабжают с помощью самолетов.

Появляется Шпеер. Хорошее настроение. В машине он сразу садится за штурвал, зовет меня к себе вперед и демонстрирует разные фигуры. На высоте 1800 м исчезает туман. Солнце... Южнее Варшавы летим над степью. Длинные деревни вдоль дорог. Пилот кладет самолет на крыло и обращает наше внимание на горящие усадьбы, разбросанные по просторному ландшафту. Вероятно, работа партизан. В 13 часов приземляемся в штаб-квартире фюрера, где мы с Бором прощаемся с шефом.

Утром в 7 часов появляются другие участники путешествия: министралидирингент в Министерстве труда доктор Шмелтер, одновременно куратор работы центрального бюро ОТ; директор Имм, ответственный в ОТ за связи с предприятиями.

17 октября 1942 г.

Профессор Бонвитч, заместитель Бругмана, сопровождает нас. Бругман дает нам свой открытый «хорьх»; на заднем сиденье могут сидеть тесно прижавшись четыре человека, рядом с шофером — один. Из багажа берутся только очень небольшие вещи. Кроме того, ружья, автомат...

Сначала по ДГ IV на Сталино. К сожалению, погода плохая. Холодно, легкий дождь. За Днепром хорошая дорога на Новомосковск, где мы можем делать 90 км в час. Дорога идет по степи, мимо полей подсолнечника и кукурузы, через Павлоград, Троцкое, Красноармейское на Сталино, куда прибываем около 18 часов в темноте. Дорога отвратительная. Мы попадаем на боковые объездные

дороги, пробираемся по грязи со скоростью 10 км в час. Трижды нас сносит и раскручивает на скользкой дороге. Шофер сохраняет управление и не опрокидывает нас.

В пути Шмелтер, когда не спит, говорит о заработках и производительности. Он хочет путем реорганизации заработков поднять производительность. В ОТ он ввел единую оплату в 80 пфеннигов (в час. — Д. Х.) для всех квалифицированных рабочих, что, возможно, должно стать предпосылкой для будущей единой оплаты в рейхе. 80 пфеннигов выбраны как среднее между 0,68 и 1,08 рейхсмарки (напр., 1,10 рейхсмарки в Гамбурге). Шмелтер отказывается при этом признать, что таким образом он вводит повышение зарплаты; поскольку те, кто до этого получали больше чем 80 пфеннигов, получают разницу в Германии как освобожденную от налогов помощь семье. Без сомнения, единая оплата не «глупость», так как она облегчает перевод рабочей силы из одной фирмы в другую. Большие дебаты вызывает договор на строительство на Востоке в связи с новыми правилами. Шмелтер твердо убежден в том, что в уже имеющейся рабочей силе скрыты огромные резервы производительности, которые можно мобилизовать путем правильных договорных условий. Старый договор на строительство на Востоке — это договор на компенсацию себестоимости. Фирмы здесь, собственно, именно те, кто выигрывает в войне. Они получают обратно все, что тратят, и к тому же определенную сумму в день на человека за военнопленных, которых они используют. При этом они заинтересованы в том, чтобы с возможно большим числом военнопленных сделать как можно меньше. Здесь, конечно, нельзя обобщать...

18 октября 1942 г.

В Сталине в отряде Дефланда нас ждет чистая квартира. К сожалению, стало холодно, первый снег. Мы делаем остановку на день, чтобы познакомиться с районом вокруг Сталина. Сначала в отряд Шнайдера. Оберфюрер СА Шнайдер, глава фронтового руководства ОТ, органи-

зовал здесь приемный лагерь для военнопленных. Нас ведут по лагерю, впечатление хорошее. Пленные, попадающие сюда прямо с фронта, проходят обработку против вшей. Сначала их собирают на огороженной территории, и русские офицеры, попавшие в плен раньше, их инспектируют. Им говорят, что они должны радоваться тому, что попадают в ряды самой большой строительной организации мира — ОТ. За ограждением пленные должны раздеться. Одежда отдельно проходит обработку против вшей. Людей бреют наголо, затем они должны по лестнице спуститься в бассейн и полностью окунуться с головой: балка, под которой они должны пролезть, заставляет их опустить голову под воду, чтобы вынырнуть на поверхность с другой стороны. Потом их направляют во второй бассейн. Робких подбадривают легкими толчками палки. Затем запись личных данных и прочей информации; затем одевание... Шнайдер выискивает для себя, естественно, такую рабочую силу, с которой отряд может добиться больших успехов, чем раньше. Они, как нам рассказывают, очень довольны и удивлены таким нынешним обращением, поскольку сейчас нам люди нужны больше, чем в начале Восточного похода.

Шнайдер выбрал среди пленных лучших певцов (среди них оперный певец из Москвы) и составил маленький лагерный хор. Как раз когда мы здесь, хор репетирует для назначенного на вечер товарищеского вечера. Нам рассказывают, что при последней отправке пленных хор на вокзале провожал их песней «Прощание с цыганским табором». В любом случае, военнопленные в прекрасном настроении.

Вечером еду со Шмелтером в отряд Шнайдера, где поет русский хор: редкое наслаждение. Еще кавказский хор, который тоже исполняет свои песни. Своеобразная смесь из восточной и русской музыки. Бас, баритон и великолепный тенор солируют. Один русский офицер и пятнадцатилетний мальчик танцуют. Оба из московской балетной школы. Я не знаю, что меня больше трогает и удивляет: певцы во фронтовом районе, люди, которые еще вчера

были врагами, или такой человек, как Шнайдер, которого при всех его строительных и снабженческих заботах хватает на такие удивительные музыкальные идеи.

19 октября 1942 г.

В 8.30 отъезд из Сталино. Легкий дождь прекращается. Через Макеевку, один из крупных промышленных городов региона Сталино, мы едем на Сугрис¹, где осматриваем одну из самых больших в Европе угольных электростанций. Разрушения, устроенные здесь русскими, первоклассны. Котельные установки разрушены почти полностью, остальные машины — частично. Взрывные устройства, установленные на мощных валах и могучих цилиндрах, разорвали все на куски. Трудно поверить глазам. Разрушения еще страшнее, чем в Запорожье. Котлы можно будет восстановить. Турбогенераторы будут доставлены из рейха.

20 октября 1942 г.

Один день выделяем на осмотр строительства большого моста в Ростове.

Мост через Дон длиной 370 м, два пролета, каждый по 78 м; высота несущих металлических конструкций — 6,5 м. Строительство началось 18 сентября. С помощью вспомогательных опор были смонтированы над водой большие несущие фермы. Дон в том месте, где строится мост, имеет глубину до 16 метров...

Строительство впечатляет, в первую очередь вид с моста на земляной пандус, ведущий в город; по обеим сторонам все дома разрушены. Срок пуска моста, первоначально запланированный на 25 октября, не удалось выдержать из-за транспортных проблем: здесь, как и всюду, одни и те же беды. На строительстве моста занято 1000 пленных и 700 немцев. Такое невыгодное соотношение объясняется потребностью в квалифицированной рабочей силе.

Под дождем мы едем через сильно разрушенный город Ростов. Целые улицы лежат в развалинах. Только тут и там

---

¹ В тексте — *Sugriss*.

встречаются годные к использованию дома. Одна из достопримечательностей города — театр, смесь Гропиуса с Мендельсоном¹. Студентка, которая нас ведет, объясняет внешний вид театра сходством с огромным трактором.

Профессор Бонвитч, родившийся в России и отлично владеющий языком, переводит во время разговоров с русскими. Мы разговариваем с одной из девушек из obsługi. Как квалифицированная работница высшего класса, она зарабатывала раньше 400 рублей. Отчисления с зарплаты во время войны составляли 200 рублей, в мирное время около 120 рублей. Из них 40 рублей — государственный заем, 15 рублей культурный налог и т. д. За хлеб платили от 1,5 до 2,5 рубля за кг, за обед в рабочей столовой — 60 копеек, за килограмм масла — 40 рублей; материал на платье — 15 рублей за метр. Я убеждаюсь в том, что эти данные полностью совпадают с тем, что я знал по Новосибирску 10 лет назад.

21 октября 1942 г.

Тем временем мы решили оставить мысль о запланированной ранее поездке в Сталинград из-за неопределенной погоды. Если мы где-нибудь застрянем, то не сможем двинуться ни вперед, ни назад. К сожалению, мы вынуждены от этого отказаться и решаем отправиться по южному маршруту...

Вечером — в Краснодаре, в отряде Херберта. С руководителем работ Гроссом осматриваем большой деревянный мост через Кубань. Гросс был в Краснодаре уже через день после взятия его войсками. От моста до фронта около 15 км. На этом участке стоят румыны. Трудности со снабжением чрезвычайно велики. Хотя немецкая колея проложена до Краснодара, провести сюда поезда получается только с большим трудом. Перроны всегда забиты. ОТ помогает здесь быстро разгружать поезда, когда транспортные части полагают, что это не их дело.

---

¹ Гропиус Вальтер, Мендельсон Эрих — немецкие архитекторы. Театр в Ростове-на-Дону построен архитектором В. Щуко и В. Гельфрейхом в 1933 г.

Деревянный автомобильный мост через Кубань был закончен ОТ в максимально короткое время. Работы идут еще только на подъездных насыпях. И здесь типичное для СССР массовое использование рабочей силы. Пленные используются как «конвейер». С маленькими носилками они идут длинными цепочками мимо копающих людей: движущаяся человеческая лента. По типу мало русских: много татар, монгольские расы, восточные народы.

Город Краснодар лежит в плодородной местности. Люди хорошо одеты и также хорошо упитанны. Особенно это касается женщин. Некоторые части тела настолько сильно развиты, что мы все время обсуждаем, с чем это, собственно, может быть связано. Местные сотрудники ОТ объясняют, что это связано с зернами подсолнуха, которые едят женщины и в которых много витамина В.

На Кубани в руководство уже введены и местные техники. ОТ тоже использует местных инженеров и мастеров. Вермахт рекрутирует здесь черкесов и татар в добровольческие части, которые будут использоваться против русских в лесной войне. Как мы слышали, они себя оправдывают. Мы видели некоторые части в немецкой униформе. Они производят впечатление дисциплинированных. ОТ здесь очень трудно вербовать рабочих. Существует приказ фюрера, согласно которому местное население нельзя принуждать к работе. За день до взятия Краснодара русские открыли все лавки для разграбления. Они добились этим того, что население на несколько месяцев запаслось самым необходимым, а немецкие войска лишились запасов. Идущий сейчас поиск спрятанных складов натывается на большие трудности.

3 октября 1942 г.

В 9.30 отъезд из Краснодара в направлении Новороссийска. Мы должны ехать северным маршрутом через Новомечетскую, Троицкую на Крымскую, поскольку южный маршрут лежит в главной полосе боев. Через невысокие холмы едем на Верхне-Баканское. В темноте движемся по серпантину через горы к Черному морю, до

которого добираемся к вечеру. Под пальбу из орудий среднего калибра и автоматов находим в Новороссийске квартиры. Бор, шофер и я — в одном доме, где нас дружелюбно принимают две русские женщины с мальчиком-подростком. Мы получаем хорошее помещение с одной кроватью и двумя матрацами на полу.

24 октября 1942 г.

В шесть утра мы готовы к поездке. Женщины сделали нам чай и накрыли стол! Мы получаем еще и горячую воду для умывания и бритья. Город Новороссийск довольно сильно разбит, почти вымер. Красивая естественная гавань далеко вдается внутрь. С западной стороны бухты, в 500 метрах через гавань виден противоположный берег, где на позициях лежат немцы и русские.

Из Новороссийска обратно по горам через Верхне-Баканское к порту Анапа. Поскольку прибрежной дороги нет, нам надо ехать в объезд через Кубань на север, на полуостров Тамань к городу Тамань, лежащему на берегу Таманской бухты. Город показывается уже в темноте. В порту паром, который должен переправить нас в Керчь. Разгружается батарея 88-мм зениток со всем прочим оборудованием. Удивительно, как быстро люди переправляют тяжелые орудия на берег.

Около половины девятого мы вместе с машиной, наконец, грузимся на паром. Все делается чрезвычайно быстро, потому что русские каждый вечер бомбардируют гавань. Паром представляет собой несущую балочную конструкцию, укрепленную на двух длинных понтонах, каждый из которых оснащен мотором. Посередине платформы деревянный домик для команды и управления судном. Луна снова светит с безоблачного неба...

Хотя вокруг видны отсветы зенитного огня, на этот раз воздушного налета нет. Несколько дней назад был потоплен паром, груженный румынами. Команда раздала нам спасательные жилеты. В помещении для команды мы ужинаем походным пайком и получаем несколько узких коек внутри понтона. Палубные люки открыты. Мы спу-

скаемся вниз, чтобы провести ночь на маленьких пружинных матрацах. Несмотря на неудобства и непривычность ситуации, мы крепко спим и после того, как паром снимается в Керчи с якоря и уходит. Вдалеке на больших расстояниях видны другие паромы. Такое практикуется из ночи в ночь, поскольку у берега русские нападают с воздуха, а в открытом море паром вроде бы труднее увидеть и поразить. Я это не совсем понимаю, поскольку в лунном свете мы — великолепная цель.

25 октября 1942 г.

Встаем в пять утра. В восемь идем в керченский порт. Очень красивый, лежащий на горе город виден уже издали. По пути минуем военный паром, полузатопленный русский транспорт, который используется нашими как цель для ружейной стрельбы. Над Керчью, на половине высоты, на горном уступе стоит памятник прошлого века, дорический периптер, который издали выглядит как настоящий греческий храм; рядом новое немецкое солдатское кладбище. На вершине горы — руины.

В 13.15 выезжаем в Крым, направление Симферополь. Ландшафт сразу становится ярко-зеленым... Всюду в горах румынские посты. Вместе с татарскими частями они время от времени прочесывают горы, в которых еще сидят партизаны. Здесь тоже русские стреляют с воздуха. Время от времени, как вчера у Ялты, к берегу подходят матросы на катерах. Все время встречаются плакаты: «Внимание, партизаны, держать оружие наготове!»

26 октября 1942 г.

Машина в таком состоянии, что должна остаться здесь для ремонта. Не только тормоза выходят из строя, но и сломан амортизатор задней оси. При следующей поломке мы бы остались стоять на дороге...

У Алушты, на полпути к Ялте, мы опять выезжаем к Черному морю, отсюда по извилистой дороге — на Ялту. Повсюду усадьбы и замки царского времени, большей частью эффектно подсвеченные. Вся местность, там, где

что-то строилось, более или менее обезображена. Большевики постарались на скальных уступах и склонах посадить круглые храмы из железобетона! Недалеко от Ялты находится санаторий ОТ, который мы ищем. Здесь мы собираемся ждать нашу машину. Санаторий находится посередине между Алушкой и Ореандой, в Гаспра-Корезе. Комплекс роскошный, на склоне — просторный парк со старыми деревьями. Здесь до Первой мировой войны была резиденция великого князя Николая Николаевича, служившая потом местом отдыха Молотову. Замок полностью выгорел. Недалеко в парке стоит флигель, использовавшийся Молотовым как гостевой дом для дипломатов. Как и старый замок, этот новый дом выстроен в заимствованном мавританском стиле; комнаты снабжены встроенными умывальными шкафчиками и современными ваннами. Тем не менее и здесь известная примитивность новой русской культуры. Редко когда все функционирует.

28 октября 1942 г.

С утра еду с Бором и Шмельтером в окрестности Ореанды, чтобы взглянуть на пейзажи, для которых Шинкель предназначал свой царский дворец (модель которого в масштабе 1:100 мы в Берлине делали с профессором Рюстером). Я поражаюсь тому, что Шинкель, хотя он не был в Крыму, очень точно на своих цветных рисунках изобразил растительность, особенно характерную для этого ландшафта; в парке есть еще и пинии, тисы, оливковые и миндальные деревья.

В 13 часов появляется Форман, которого мы так ждали. Мы немедленно отправляемся прибывшей уже машиной вверх, на Симферополь. Путь ведет длинными серпантинами через горы. Повороты часто настолько крутые, что длинная машина с трудом разворачивается. Погода меняется. Еще слегка светит солнце, но через горы уже надвигается завеса облаков, которая закрывает самые высокие вершины, более 1000 м. Далеко над морем — сверкающие солнечные лучи...

Перед Севастополем опять невысокие горы, часто без леса, но покрытые густым, в рост человека кустарником.

Задолго до города справа и слева от дороги видны многочисленные позиции русских, хорошо замаскированные кустарником на горах. Повсюду тянутся узкие траншеи. Создается впечатление, что все склоны пронизаны небольшими укреплениями и окопами. Миновав глубокое ущелье, мы видим Севастополь. На большом скалистом плато над городом морское училище и казармы морской артиллерии, занятые теперь ОТ и, там, где они не полностью разрушены, оборудованные для штаба. Отсюда, с плато, нам открывается в вечерних сумерках вид на весь город, который тянется по противоположному берегу внутренней гавани.

Бухта, естественная гавань, заходит далеко в глубь суши, между плато с морским училищем и склоном, где расположен Севастополь. Со стороны моря гавань защищена другим, далеко вытянутым вперед полуостровом. Город, как можно убедиться еще издали, сильно разрушен. Хотя стены домов, иногда целыми кварталами, еще стоят, когда подходишь ближе, становится ясно, что речь идет о полностью выгоревших руинах.

29 октября 1942 г.

Едем через Севастополь. Сейчас здесь 25 000 русских, до падения крепости их было 125 000. Оригинальное зрелище на одной из площадей. Бронзовый Ленин, гораздо больше человеческого роста, сброшенный с цоколя, ушел головой и верхней частью туловища глубоко в землю, под мягкий асфальт. В течение многих недель его собственная тяжесть вдавливая его в землю глубже и глубже. Нам видны уже только ноги и правая рука.

Едем к лежащему далеко от города мысу Херсонес, к месту, где русские сажали на суда свои последние войска: он стал русским Дюнкерком. На каменистом, лишенном всякого плодородия ландшафте повсюду разбитые автомобили, оружие, масса боеприпасов. На крутых берегах еще непохороненные погибшие русские. В воздухе поэто-

му невыносимый запах. Здесь, должно быть, разыгрывались ужасные сцены.

К скале Инкерман, вдали от города. В большом каньоне по обеим сторонам еще с царских времен вырублены в мягком известняке огромные камеры, до 20 м шириной, 15 м высотой и до 40 м глубины. Здесь у русских были склады продовольствия и боеприпасов. Кроме того, сюда эвакуировали около 15 тысяч жителей Севастополя. Перед падением крепости комиссары взорвали скалы морскими минами. При этом, должно быть, взорвался и склад боеприпасов, потому что разрушения огромные. Оторванные от скал каменные блоки размером с дом лежат на дне ущелья. Это выглядит как место битвы циклопов. Мы карабкаемся среди обломков, повсюду трупный запах. Скалы все еще полностью заминированы. Русские заложили здесь целую систему подземных ходов вокруг Севастополя.

Обратно в направлении Симферополя, по пути заезжаем на большой русский форт «Максим Горький». Издали форт почти невозможно разглядеть. Тут и там можно увидеть только безобидно выглядящее всхолмление ландшафта. При ближайшем рассмотрении обнаруживаются бронированные башни со сдвоенными 32-см стволами. Дорога у подножия горы ведет ко входу в казематы. Наверху на холме разрушенные бронированные купола. Один был уничтожен нашими саперами, другой взорвали сами русские. Здесь мы видим попадание одной из наших железнодорожных пушек, которые были установлены в районе Бахчисарая. Немецкий унтер-офицер, стоящий здесь на посту с несколькими татарами, рассказывает об атаке на форт, в которой он сам участвовал. Между атакой и взятием прошло ровно 2,5 часа. При этом атакующая дивизия примерно в километре от тяжелых пушек попала под прямой обстрел. Другие солдаты, которые тоже были при этом, рассказывали, насколько тяжела была атака. Небольшие укрепления часто совсем были не видны. После прорыва через 50—100-метровые траншеи и укрепления создавалось впечатление, что прорыв удал-

ся, а потом все начиналось сначала. Русские часто пропускали наших атакующих саперов и пехотинцев вперед и атаковали сзади огнеметами.

Около 10 часов мы едем на Симферополь через красивый и мягкий крымский ландшафт. Горы мы постепенно оставляем позади и выезжаем в районе Бахчисарая на равнину. Здесь мы находим место, занятое нашей самой мощной длинноствольной артиллерией, для которой Бругман в свое время выстроил большой железнодорожно-маскировочный комплекс...

С развитием операций появляются новые отряды ОТ. 36 команд были изъяты из железнодорожной программы и отправлены вперед, вплоть до Сталинграда. На двух железнодорожных линиях в Кавказском регионе перешита колея, благодаря чему положение этой зимой существенно улучшится. Проблемы, как и прежде, создает транспортный вопрос; заботы связаны и с применением рабочей силы; из-за недостатка рабочих кое-что приходится останавливать. К тому же возникают новые задачи, как, например, работы в угольном и энергетическом секторе и в гавани. Удивительно, с каким оптимизмом Бругман углубляется во все новые дела, которые едва ли можно осилить. То, что уже сделано, поразительно. В нормальных условиях это могло бы быть сделано в Германии только с блестяще работающим аппаратом...

В середине июня 1943 г. я сопровождал Шпеера в инспекционной поездке в Керчь, где пролив между Азовским и Черным морями у Таманского полуострова был пересечен построенной ОТ канатной переправой. Шпеер мог доложить фюреру об окончании работ в срок и торжественно передать в эксплуатацию первые, украшенные цветами, баржи, которые могли ежедневно перевозить 7 тысяч человек.

На обратном пути Шпеер вместе с несколькими своими старыми сотрудниками посетил Асканию-Нова.

15 июня 1943 г.

...Мы летим над зелеными полями Северного Крыма и пестрой степью Южной Украины, восточнее нижнего течения Днепра к созданному более 50 лет назад немцем Фальц-Файном волшебному оазису в степи. Сегодня усадьба принадлежит рейху и над ней «властвует» генеральный комиссар Фрауенфельд. Лютц Хек (из берлинского зоопарка) организовал здесь свою звериную ферму. Единственное на огромную территорию зеленое пятно с деревьями, прудами и фантастическим животным миром. В огромном открытом вольере — страусы, яки, дикие лошади; стада гну и антилоп в степи. В парке богатый экзотический птичий мир, водяные птицы, которые обращают на себя внимание необычными криками.

16 июня 1943 г.

Прекрасный день: пешая и автомобильная прогулка, еда и выпивка, и в промежутке — сон. Еда превосходна: молоко, мягкий сыр, мед, степной чай, даже жаркое из гну, которое нас особенно интересует, — о салате «со всевозможными ухищрениями» и говорить не приходится. Ближе к вечеру еще одна поездка с шефом в пустынную степь, которая далеко простирается на восток. Земля, от которой с помощью орошения из глубоких скважин можно многого добиться...

17 июня 1943 г.

В 7.30 утра — старт. Описывая большую петлю, летим над парком и степью. Затем к устью Днепра, на Херсон и Никополь, где видим мосты, которые строит ОТ. Плотина в Запорожье, восстановленная Бругманом, как новая стоит в потоке, который, широко разветвляясь благодаря многочисленным островам, прогрызается сквозь ландшафт.

Так же как и эта плотина, многие электростанции и мосты попали в рабочем состоянии в руки русских, которые при отступлении реализовывали хорошо ими

усвоенное понятие «выжженная земля» прямо-таки с чудовищным искусством. Хотя это давно доказано документами, но и сегодня, в 1980 году, немецкая пресса с истинной страстью повторяет русский тезис о том, что именно мы были теми, кто сознательно разрушал все жизненно необходимые сооружения.

22 сентября 1943 г.

«Дугласом» «Люфтганзы» пять часов летим через Данциг и Кенигсберг в Ригу. Мой друг Бурмейстер — президент земельного управления при рейхскомиссаре. Большая суматоха, потому что убит генеральный комиссар Кубе (бомба с часовым управлением в постели!).

Рига, красивый немецкий центр. Вид на Даугаву с многочисленными барочными куполами на готических в основном церквях очень выразителен...

Вечером у Бурмайстера, который рассказывает о неясном политическом положении на востоке, особенно в Белоруссии. Отсутствует ясная политическая линия, отчего все время возникают неприятности. Страх у литовцев и эстонцев перед Россией так же силен, как надежда на Англию.

24 сентября 1943 г.

С Бурмайстером и д-ром Венером едем в Плескау. Хорошая дорога идет через красивый зеленый литовский ландшафт. Слегка холмистая земля, березовые и хвойные леса в роскошной осенней расцветке... Перед Плескау начинается — шлагбаумом — военный район. В темноте, в 20.30, прибываем в Плескау...

Рано утром 26 сентября — в Лугу, на полпути между Плескау и Петербургом. Из-за опасности партизанского нападения мы должны ехать колонной из трех машин.

В 15 часов — дальше на север до Межно, на восток от главной дороги, где разыскиваем моего друга Зункеля, командира роты пропаганды 18-й армии...

После получасового визита к командующему армией — обед в казино. За небольшим круглым столом Фрэнк по правую, я по левую руку от генерал-полковника... Он очень любезен, выглядит открытым и веселым солдатом. Хвалит работу ОТ, в первую очередь строительство дорог, рассказывает об армии и ее вооружении. Русская артиллерия имеет двойное превосходство, но ни в коем случае не в качестве. Армия крепка, русская пехота плоха. Передислокация во Францию — безобразие, он и его солдаты хотят оставаться здесь. Мало самолетов и — в первую очередь — минометов... Испанцы храбры. Но у их офицеров нет такого контакта с солдатами, как у нас. Та же ошибка, что и у итальянцев. «Коалиционная война» — самая трудная. С русскими пленными он в принципе обращается хорошо. Партизаны слабеют. Ситуация с Власовым его не касается. Это политический вопрос, может быть решен только фюрером.

Во время предшествующей обеду беседы командующий показал нам ситуацию на карте: ораниенбургский котел (русские позиции, прикрытые Кронштадтом), потом остающийся уже два года без изменений фронт, крайне невыгодный из-за многочисленных выступов и отступов и связывающий много дивизий. Самый глубокий выступ на север находится все еще в 15 км от Шлиссельбурга и упорно сохраняется. Волховский фронт, к юго-востоку отсюда, стал уже почти легендой, настолько давно и прочно засел он в болотах и грязи. Ходит популярный анекдот: через пятьдесят лет войны на Волхове в воде и грязи — все еще ни вперед, ни назад. Два старых фельдмаршала с седыми бородами, с палками в руке, закутанные в накомарники встречаются в 1995 г. на волховских позициях. Один спрашивает другого: «А какая у тебя, собственно, гражданская профессия?» — «Школьник!»

27 сентября 1943 г.

В 6 утра едем... на двух машинах в район фронта: от Межно, Сиверской по «внешнему кругу», по свежепостроенной ОТ превосходной дороге в направлении вос-

ток—запад, к югу от Ленинграда до Тосно. Затем еще восточнее, в Шапки, на боевые позиции 320-го гренадерского полка 12-й дивизии. Участок находится юго-восточнее большой ладожской дуги, на восток от Ленинграда. За Тосно едем медленно по лежневке. Дороги кончились. По лежневой дороге двигается весь транспорт, все снабжение армии. Через болотистые леса, через которые не только проехать нельзя, но едва ли можно пройти. С раннего утра идет сильный дождь, и вода плещется в щелях между плотно лежащими сосновыми стволами лежневой дороги. Бедные лошади, ноги которых не приспособлены к такой дороге! Бревна трещат, грохочут, вибрируют. Если копыто попадает между бревнами, лошади ломают ноги. Там, где суше, наша машина грохочет по тихому лесу, чаще чавкает.

Хотя лес из хвойных деревьев и берез жидкий, подлесок очень густой и непроходимый. Лес молодой. Несмотря на дождь, краски замечательные. Земля с болотной растительностью своеобразного оливково-зеленого цвета, немного глухого. Лежневка становится все уже, иногда встречаются места для разъездов.

Наконец около 10.30, после 4,5 часа тряски прибываем на командный пункт полка Огильви... Все очень хорошо замаскировано в густом, сухом лесу на возвышенности. Огильви объясняет ситуацию, берет палку, дает нам стальные каски и ведет вперед. Мимо ведущих огонь артиллерийских позиций (7,5 см), в аккуратнo выкопанные в желтом сухом песке узкие окопы передовой линии... Дальше, на наблюдательный пост, лежащий метрах в 80 от русских позиций. В лесу, через который мы идем обратно к командному пункту, больше нет деревьев, только голые стволы и воронки. Обедаем с Огильви в «офицерском казино», то есть в земляном бункере. Уверенные в себе молодые офицеры. Не хватает минометов.

Назад в Шапки, пробивается немного солнца. Оттуда на Мгу, крупный, на всех картах обозначенный железнодорожный узел юго-восточнее Петербурга. «Идиллический» город, лучше представить себе невозможно: часто-

кол из палок, когда-то бывших деревьями. Видны планы зданий, стоят кое-где кирпичные трубы, странным образом не поврежденная водонапорная башня, сожженные вагоны, опрокинутые локомотивы, воронки, лужи и лежневые дороги. Это Мга — когда-то дачный пригород Петербурга.

Добираемся до командного пункта дивизии севернее Мги. Нас принимает в своем бункере генерал-лейтенант Шульц, раньше воевавший с Манштейном под Севастополем. Дивизия занимает важную позицию на Синявинских высотах к югу от Шлиссельбурга, откуда открывается вид глубоко во вражеский район, до Ладожского озера и Ленинграда и на две идущие по берегу Ладоги новые русские железнодорожные линии. Три дня назад дивизия снова захватила потерянную раньше высоту и теперь лежит в сырых воронках в тяжелом положении; это самые горячие бои группы армий «Север».

Русские хотят отбить железнодорожный узел, ради этого они вели все, до сих пор напрасные, бои у Ладоги. Уже поздно, мы не можем больше двигаться вперед, к высоте, и вынуждены ограничиться осмотром артиллерийских позиций. В болотной грязи бредем мы за генералом, который, кажется, хочет показать нам почем фунт лиха. Он в своих резиновых сапогах идет не выбирая дороги, мы — храбро за ним, тяжело дыша. Стреляют 15-сантиметровые орудия, с трудом установленные на редких сухих островках и хорошо замаскированные. Неподалеку от артиллерийских позиций полевой лазарет в подземных бункерах. Потери в результате атаки на Синявинские высоты три дня назад — 400 человек убитыми и ранеными, на участке расположения дивизии за неделю — 800 человек! Вчера дивизию сменили. Все в движении.

Назад на командный пункт дивизии. Мы расспрашиваем генерала. Лучше ли русское оружие по качеству? Нет, просто оно намного практичнее. Т-34 на этой территории лучше. Автоматы примитивнее, больше патронов в магазине. Тем не менее наши пулеметы лучше, наша артиллерия как минимум того же уровня; русские мино-

меты стреляют дальше; человеческий материал намного превосходит 15—18- и 45—65-летних русских — других почти нет. Боевой дух тоже намного выше, чем у русских. «У вас достаточно оружия и боеприпасов?» — «Артиллерии достаточно, боеприпасов с избытком, я могу позволить себе любое огневое нападение на любую цель без оглядки на количество боеприпасов». — «Тигры?» — «Хороши, очень хороши, если только я могу доставить их туда, где они мне нужны». Неудивительно, в этом болотистом районе. «Чего не хватает?» — «Минометов с боеприпасами. Мы несем большие потери из-за русских минометов».

Шульц «контрабандой» доставил сюда 20 русских минометов из-под Севастополя и стреляет немецкими боеприпасами. Минометы — главная просьба командира к Шпееру. Еще ему нужен шнапс, для сбора меди во фронтовом районе. «За шесть центнеров меди — бутылка шнапса, это не страшно». Он надеется собирать и больше, если будет спирт.

Описывает удачную атаку на отвоеванную высоту и восторг солдат по поводу наших химических минометов (Nebelwerfer. — Д. Х.). «Такие вещи нужны солдатам. Я бы с удовольствием использовал еще барабаны и трубы. Мне нужно чем-то поддержать ребят, которые идут в атаку». Шульц — человек концентрированный. Всегда бьет всеми средствами в одну точку. Так, вчера он пятиминутным огнем из ста орудий разгромил исходные позиции русских и — как показал перебежчик — сорвал их атаку. Подвоз боеприпасов к передовой линии труден.

Шульц — охотник. Охотничьи приключения во фронтовом районе: лоси, глухари, тетерева, рябчики. Дичь, как ни странно, есть. По наступлении темноты — прощание (как раз доставили перебежчика — 55-летнего беднягу). Обратно в темноте по лежневой дороге. Здесь уже в 6 часов темно. Вдоль фронта Нева—Тосно, по внешнему «кольцу» на Межно, на квартиру Зункеля. В 10.00 часов — ужин. Хлеб и грог из виски, который организовал Бурмейстер.

28 сентября рано утром едем на север... Через Гатчину — замок не так интересен, как весь обширный парковый комплекс. Хорошая дорога, по обе стороны — петербургские дачи. Много классической архитектуры. Чувствуется близость большой царской резиденции. Далее на Красное Село, где начинается фронтовой район...

Широкая дорога идет к морю между Ленинградским фронтом и Ораниенбаумским котлом. С высоты, от которой дорога спускается к морю, открывается вид на Ленинград — огромный город, который как на ладони лежит на противоположном берегу в солнечных лучах. Через маскировочные заграждения из веток и листвы к востоку от дороги мы разглядываем город в бинокли. Затем, настолько быстро, насколько позволяет разъезженная и разбитая выстрелами дорога, — к морю. Наша артиллерия справа и сзади — 21-сантиметровые орудия — стреляет уже полчаса. Мы видим сильный дым от попаданий в Ленинграде, а также вспышки отвечающей тяжелой батареи в Кронштадте. Черные фонтаны земли ударяют за нами и справа рядом с нами. Русские, однако, отвечают с задержкой. Русские самолеты. Одного разведчика через несколько минут неподалеку от нас сбивают зенитки с расстояния приблизительно 8000 метров. Длинная огненная струя, но без дыма, он входит в штопор и ударяется о землю...

Вдоль берега, снова за маскировочной стеной, едем мимо маленьких замков на Петергоф. Великолепный царский дворец с каскадами у обращенного к морю паркового фасада выгорел. Стоят только наружные стены. Обратно к морю, вид на Ленинград и Карелию. Все еще оживленный артиллерийский огонь. Теперь мы находимся так же близко к Ленинграду, как Целлендорф и Штеглиц¹ к центру Берлина. Здесь можно увидеть сгоревшие ленинградские трамваи. Хейзинг страшно радуется, когда, запустив в сторону Ленинграда один за другим про-

---

¹ Целлендорф, Штеглиц — районы Берлина.

пагандистские воздушные шары Зункеля, видит, как они сбрасывают листовки и те снежными хлопьями медленно опускаются на город.

В полдень едем через красивый лесной ландшафт к Нарве. Немецкий центр с высокими темно-коричневыми крышами: у реки крепость Германнфесте — самый дальний немецкий форпост орденских рыцарей на северо-востоке. Напротив — невероятно тяжеловесный Ивангород, грозная азиатская крепость. Замкнутый большой прямоугольный каменный комплекс с несколькими едва выглядывающими из-за стен круглыми башнями... Ужасно сумрачное сооружение, открыто противопоставленное ясному облику башни немецкой крепости, которая стоит по оси дороги, ведущей с востока и видна уже с расстояния в 20 км. Здесь начинается Германия — в этом нет никакого сомнения — и здесь, на другой стороне реки, начинается Азия. Над крепостями изумительное солнечное небо с мощными купами облаков.

Через Ярву на Сака, к лагерю отряда ОТ «Балтойл»... В Эстонии имеется пять миллиардов тонн нефтяных сланцев, то есть миллиард тонн нефти. Сегодняшняя добыча — 160 000 тонн в год, скоро она должна достичь 500 000 тонн; дальнейшая цель — 2 миллиона тонн в год. Месторождение по качеству сравнимо с бакинским, хотя переработка дороже, но не больше, чем гидридными установками в Германии.

29 сентября с утра едем в нефтяной район. Сначала на большой завод в Котла-Ярве. Огромное строительство с многочисленными сооружениями, на первый взгляд сравнимо по объему со строительством бункеров для подводных лодок на Атлантическом валу...

После обеда дальше — на Котла-Ярве...

Зункель дал мне копию переведенного его отделом пропаганды дневника, который был найден в Брянском котле у убитого русского комиссара. Я привожу здесь выдержки из этого потрясающего документа.

ДНЕВНИК

майора государственной безопасности И.С. Шабалина,
начальника особого отдела 50-й армии,
Брянский фронт

12 августа 1941 г.

В 7 утра я выезжаю пассажирским поездом № 3 из Улан-Удэ в Москву... На вокзал меня провожают Надежда, Петров, Ильин и Косырев. Мое ощущение: надолго, возможно, навсегда я расстанусь с семьей и моими любимыми, дорогими друзьями.

23 августа. Москва

Был в Наркомате, читал приказ, я получил звание майора государственной безопасности...

25 августа

Я нервничаю. Нет резины для автомашины, нет бензина. Не вся команда в сборе. В 17 часов мы выезжаем из Москвы в Тулу...

27 августа

Мы прибыли в наш пункт назначения в деревне Вышковичи, недалеко от города Брянска. Расквартировались в сельскохозяйственном техникуме.

29 августа.

Я начал работу, аппарат вступил в дело. Противник предпринимает налеты на город Брянск. Стучат пулеметы и зенитки. Немецкие самолеты безнаказанно улетают назад. наших маленьких ястребков пока не видно.

5 сентября

Во время посещения линии фронта я купался в реке Десне и наблюдал бомбардировку наших передовых линий немецкой авиацией. Бомбардировка длилась около двух часов и была сильной. Самолеты пикировали четыре раза во время налета и все удалялись безнаказанными.

6 сентября

Армия — это совсем не то, что мы привыкли представлять себе в тылу. Колоссальные недостатки. Наступление наших армий терпит поражение...

7 сентября

Мы допрашиваем рыжего немца, оборванного парня, завшивленного, на редкость тупого...

30 сентября

Положение с кадрами исключительно тяжелое; вся, почти вся армия состоит из людей с оккупированных немцами территорий. Они стремятся домой. Бездействие на фронте, сидение в окопах деморализуют красноармейцев. Есть случаи пьянства со стороны командно-политического состава. Люди иногда не возвращаются из разведки обратно. Со стороны противника слабый огонь из минометов. Он капитально укрепляет передовые позиции. Вчера, 29.9, командующий армией вызвал меня на командный пункт. Это был исключительно интересный разговор о политико-моральном состоянии войск и наших мероприятиях. Ночью я ехал обратно в свою землянку, без света в ужасной темноте. Дважды чуть не перевернулся на своей «эмке». Я приехал очень расстроенный, дела идут плохо. Знает ли Москва о действительном положении на фронте? По дороге через колхозные поля можно видеть много собранного в снопы и скирды или вообще не собранного хлеба. Сколько добра пропадает! Становится страшно. Красноармейцы собирают зерно для лошадей, копают картошку для кухни и заготавливают дрова.

1 октября 1941 г.

Встал рано. Из Москвы прибыли подполковник госбезопасности Тутушкин и подполковник госбезопасности и начальник Особого отдела фронта Вегма. Аппарат получил хороший «толчок». Затем все разъехались по дивизиям, в том числе и два моих заместителя. В дивизиях

положение неважное, как с нашим аппаратом, так и с командным политсоставом. Они плохо работают. Хороший урок для нас — катастрофа с 42 красноармейцами из 258-й стр. дивизии и такая же ситуация с 18 бойцами из 217-й стр. дивизии. Это позор, что мы проспали, и расследование происшествий не дало требуемых результатов. Вывод: положение в 50-й армии не слишком хорошее. Почти целиком она составлена из людей, живших на занятой противником территории. Необходимы конкретные действия по нашей линии и по линии командного политсостава. У многих военных руководителей и у части нашего аппарата продолжают мирные настроения. Это усиливается тем обстоятельством, что армия почти два месяца находится в обороне и видит только артиллерийскую, минометную и пулеметную стрельбу — и то только периодическую и очень слабую. По ночам люди спят на передовых линиях, а немцы выставляют посты и идут спать в деревню. Это не война, а пародия. Нет активных действий, нет наступлений — и это порождает у красноармейцев нездоровые явления. Сегодня я проводил «москвичей», вернулся в землянку и пишу при свете свечи эти строки. Душа болит, настроение плохое. Все-таки положение нужно срочно восстановить, любой ценой.

2 октября

Я встал в 8 утра, позавтракал хлебом, сыром и чаем... Пришло сообщение, что противник наступает на фланге 13-й армии нашего фронта. У нас слышна непрерывная артиллерийская стрельба. Я вспоминаю о наших «орудиях», которые немцы называют «дьявольская артиллерия». Если бы сейчас у нас были эти пушки, они сразу же подняли бы дух армии. Самолеты противника все время пролетают над нами, слышна стрельба наших зениток. Вчера был доставлен пленный немец, оборванный и завшивленный молокосос. Настроение у них ни в коем случае не боевое, однако голова набита мусором, точнее говоря, в голове у них пустота, полный мрак. Этого я не ожидал. В 17 часов противник начинает наступление по всему

фронту, на многих участках он потеснил наши части и форсировал реку Десну. Целый день слышна артиллерийская стрельба.

3 октября 1941 г.

Я спал в землянке, встал в 7.30 утра. Сообщают, что прибыл генерал Колесников. Так что я еду во второй эшелон¹. Мы обмениваемся мнениями об атаке противника. Это позор, что враг опять добился победы, прорвал фронт 13-й армии, взял расположенные в 30 км от Орла Кромы, отрезал нас и занял некоторые пункты на нашем фронте. В тылу сидят трусы, которые уже приготовились к бегству. Боже мой! Сколько здесь вредителей! Колесников говорит, НКВД в Орле уже эвакуировался. Но ведь от нас до Орла целых 150 км! Что же это за хаос, что за беспомощность? Тут нужна твердая рука. Один хорошо продуманный штурм, и немец побежит не оглядываясь. Его силы, по сравнению с нашей армией, явно исчерпаны и наше отступление на некоторых участках стало для немцев сюрпризом. Еще 1.10 появился один из немецких солдат и заявил: «Завтра мы нападём на вас по всему фронту». В лице нашей армии он видел силу, но эта «сила» задрожала и дала противнику возможность безнаказанно во многих пунктах форсировать Десну.

Однако в районе 258-й стр. дивизии наши артиллеристы хорошо поработали, дали прикурить противнику, который оставил на поле боя много убитых и раненых.

4 октября 1941 г.

Рано утром вместе с генералом Колесниковым, который приехал ко мне в землянку из деревни Чайковичи, идем к Петрову. Мы сидели около двух часов и обменялись взглядами по поводу хода немецкого наступления.

Положение 217-й стр. дивизии выглядит следующим образом: 2.10 немец провел усиленную артиллерийскую подготовку, разбил наши стрелковые и пулеметные гнезда, потеснил наши передовые линии, и его солдаты в

¹ В оригинале — Staffel.

полный рост, с криками пошли в атаку. Конечно, их покрошили. Его авиация действовала активно и не давала нашим силам возможности поднять голову. Результат: дивизия разбита, полк № 766, действовавший на правом фланге, потерян, связь отсутствует, и никто не может сказать, где он находится. От 755-го стр. полка осталось едва ли 20 человек, остальные убиты, ранены, пропали без вести! Дивизия потеряла управление, красноармейцы предоставлены своей судьбе. Все приходят с оружием. От дивизии осталось не более 3000 человек, и те рассеяны. Сегодня немец не атакует, занимается разведкой. Кажется, его силы сильно потрепаны. Сегодня надо было предпринять наступление, но для этого ничего нет. Стоят две обессиленные армии, и одна другую боится.

Вечером: говорят, что Орел горит. Нас обходят. В клещи попадает весь фронт — это три армии. Что делают наши генералы? Они «думают». Это уже стало привычкой. «Я выхожу из окружения. Мы оставляем фронт». Что теперь делать? Хотя нужно сказать, что некоторые части фронта держатся отлично, ответный удар был врагу неприятен. Тем не менее мы в полукольце. Что будет завтра? В 22 часа я еду в лес и говорю с командующим армией генерал-майором Петровым о положении вещей. Он сказал, что фронт больше не может ему помочь, и спросил: «Сколько народу вы за это время расстреляли?» Что это за насмешки? Комендант (?) достал литр водки. Ах, теперь выпить и спать, возможно, потом будет лучше...

5 октября

Мы встаем в 8 утра. Я еду бриться. Длинная очередь. Я не стал ждать. Целый час мы простояли с машиной. Мотор не работает. В 11 часов поехал в расположение 260-й дивизии, поговорил с начальником штаба, поехал во 2-й эшелон, ошибся и попал на передовые позиции одного из батальонов. Я нашел 2-й эшелон в деревне Орменка, побрился и помылся. Поехал обедать с начальником Особого отдела ген. Клейнманом, обед был превосходный, обслуживание тоже. Дивизия отошла очень

немного, большие потери. Против 260-й дивизии противник держит три дивизии. В атаку немцы идут во весь рост, наши славно их косят. В 4.10 вступают в действие наши танки, они работают отлично и возвращаются после выполнения задания обратно в деревню Шемантино, где их обстреливает противник. Эти идиоты поставили их кучей и не замаскировали. Итак: дивизия воюет отлично, красноармейцы проявляют мужество. Вчера пришла гвардейская часть. Командир этой «адской артиллерии» сказал, что немец их тоже обстреливал. В части три «катюши», задание на нашем фронте они еще не получали. Немецкие солдаты ходят в гимнастерках, они снимают с убитых красноармейцев шинели и носят их. Для опознавания они закатывают один рукав до локтя.

Танки отошли в направлении Брянска. Кажется, они ждут противника сзади.

6 октября

Колесников около двух часов был здесь. Объяснил, что едет в штаб фронта. Как-то болит сердце. Я пытался ему отсоветовать. Затем сказал: «Хорошо, езжай, но приезжай ко мне ночевать. Мы обменяемся мнениями по поводу дня». В 15.30 пришло сообщение, что танки противника окружили штаб фронта. Идет стрельба. После этого нет никаких сообщений о штабе фронта. Около 17 часов танки вернулись в Брянск. Второй эшелон встал на колеса и двинулся в деревню Гололобовка. Вечером разведка сообщила, что в Брянске 6 танков и 5—6 машин с пехотой. Второй полк бросают вперед, чтобы выбить противника из Брянска. Есть противотанковые орудия, пехота 154-й дивизии еще не подошла, Брянск послушно горит, мост через Десну не был взорван. Противник действует неудержимо. Гвардейская часть отбыла в распоряжение командира 290-й стр. дивизии. Паники нет, но очень нервное состояние.

5 утра. Я в землянке. Стрелковые дивизии занимают прежние позиции. За городом Брянском идет бой. Оба наших полка 154-й стрелковой дивизии отражают атаку про-

тивника. К 6 часам вечера противник в основном захватил город Брянск. Поражение Брянского фронта — это еще не виданное в истории событие. Противник подошел сзади и окружил почти три армии, то есть минимум 240 000 человек, которые занимали территорию приблизительно в 600 км с изрезанной линией обороны. Пришло сообщение из Москвы по линии Генерального штаба: весь фронт должен отступить. Колоссальные усилия. Явно начинается бегство кадрового состава. В последние дни мы не видели ни одного нашего самолета. Мы отдаем города почти без борьбы. Командование фронта утратило руководство с первых дней немецкого наступления. Говорят, идиоты уже уехали в Москву. Отступление!

Но усилия, которые были приложены для укрепления линии обороны, оказались напрасными, колоссальные усилия. Линию будут использовать немцы, когда мы их погоним назад. Командование фронтом с 6.10 временно передано Петрову. Интересно отметить: я прихожу к Петрову, а он говорит: «Теперь и меня скоро расстреляют». — «За что?» — спрашиваю я его. «Да, — говорит он, — меня только временно назначили командовать фронтом». Я отвечаю: «Если вас назначили, то вы должны взять дело в свои руки и стремиться к победе». — «Ну да, но ты же видишь, в каком положении находятся фронт и армии. Я не знаю, что происходит в обеих армиях (3-й и 13-й) и где они находятся».

8 октября

Деревня Огоры. Я не сплю всю ночь. В пять утра я отправился во 2-й эшелон. В деревне остаются восемь человек оперативников и две машины. В 10 утра мы вчетвером выпиваем бутылку водки, плотно завтракаем. Я заснул в машине и хорошо выспался. Единов разбудил меня. Еду дальше на грузовике, чтобы установить связь с командным пунктом, который передислоцировался на другое место, неизвестно куда.

Население все по домам, убирает картофель. Выстрелов не слышно. Как быстро забываются ужасы войны.

В 6 часов утра слышен очень громкий шум моторов. Артиллерийская стрельба и огонь из пулеметов.

В 9 часов вечера приходит Едино с группой подъехавших с командного пункта людей. Прибыли 150 раненых и заняли школу под лазарет. Я ночую в машине.

В 1.30 немец начал обстреливать из минометов поле неподалеку от штаба. Штаб армии под прикрытием в беспорядке выехал в деревню Авдеевка. На дороге уже столпотворение из машин, над нами кружат четыре немецких самолета, странно, что самолеты не сбрасывают бомбы, наверное, у них нет боеприпасов. Положение армии печально, где тыл, где фронт, трудно сказать. Занимаемое армией кольцо становится все уже. Обозы превращаются в обузу. Сюда стягиваются целые колонны. Чего только с собой не тащат, велосипеды, бочки, фанеру и т. д. Армия несет тяжелые потери в людях и технике.

12 октября

В пять утра пришли в деревню Буяновичи. Сразу позавтракали. Я выпил стакан водки и лег в машине поспать. Разбудили в 10 утра. Я побрился под грохот канонады и выпил чаю. Население в этих деревнях принимает нас не очень дружелюбно. Это легко заметить. Подъехав к кладбищу, я остановил машину, прошел по краю кладбища и наблюдал стрельбу противника из минометов и беспорядочное бегство штаба армии. Приблизительно тысяча машин движется тремя рядами. Командующий армией проехал мимо и показал мне рукой на лес. Мы сели в машину и въехали в лес в 1 километре от деревни Буяновичи. Мы собираемся двигаться обратно, в направлении деревни Фроловка. В лесу я остановил машину и велел ехать к переправе через реку. Сам пошел пешком через лес. Когда я подошел к переправе, то встретил ген. Едунова, Зайцева и Шаляпина. Мы стояли у переправы и наблюдали за ремонтом дороги. Одновременно переправлялись автомашины. Наши машины уже были на той стороне.

Внезапно прискакали три кавалериста и доложили, что появились немцы. Одновременно немец начал обстреливать нас из минометов и пулеметов. Возникла суматоха, наши начали беспорядочную стрельбу, мы с Зайцевым медленно отошли в глубь леса, вокруг летали пули и осколки снарядов. Я потерял весь оперативный состав, до вечера блуждал по лесу. Стрельба шла со всех сторон леса. Командующий, члены военного совета и начальник штаба уехали. Их больше не было в лесу. Вечером я получил приказ ночью отходить к деревне Нехочи. Непонятно. Мы были близки к прорыву, немцев погнали из деревни Фроловка. И теперь мы должны опять двигаться внутрь кольца, которое, как было ясно, все время сужается.

13 октября

Я не спал всю ночь. Две машины я потерял. Вчера вечером я еще встретил генерала Едунова. Сегодня утром встретил шофера Федотова, который сказал, весь оперативный состав в порядке. Наступил дьявольский холод, нет рукавиц, нет никаких теплых вещей. Я иду в гимнастерке и пилотке. Мы двигаемся чертовски медленно, застреваем в болоте. Всего было около тысячи машин. Всю ночь мы строили переправу, перетаскивали машины трактором и все равно не управились к утру. В болоте застряли до пятидесяти грузовиков и приблизительно столько же остались на поле. В 6 утра немец начал вести огонь из минометов. Мы укрылись у маленького ручья, где нас обнаружил немецкий наблюдатель, он дал знак, и противник открыл огонь по нашему обозу. Мы сделали остановку на речке.

Ночь прошла спокойно. Мы строим переправу.

14 октября

Противник взял нас в кольцо. Непрерывная канонада, дуэль артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. Работают «кукушки». Опасно и страшно почти весь день. Я уж не говорю о лесе, болотах и ночевках. С 12-го числа я не спал, с 2.10 не читал газет.

15 октября

Ужасно. Я шатаюсь, трупы, кошмар войны, непрерывно под обстрелом. Я забрал бутылку спирта. Пошел в лес на разведку. Разгром полный. Армия разбита, обозы уничтожены. Я пишу в лесу у костра. Утром я отстал от чекистов, остался один среди чужих людей. Армия развалилась.

16 октября

Ночую в лесу. Уже три дня я не ел хлеба. В лесу много красноармейцев, командиров нет. Всю ночь и утро немец обстреливал лес из всех видов оружия. Мы встали утром в 7 часов и пошли на север. Стрельба продолжается. Во время остановки я умылся. Мы собрали продукты и сварили обед. Сытно поели. Я нашел для себя небольшое одеяло, фляжку и мешок. С утра идет дождь. Затем дождь перешел в мокрый снег. Мы промокли как черти. Нас все сильнее мучает жажда. Мы пьем сырую болотную воду. Вечером приходим в деревню Хотомиричи. Адский холод. Сыро. Мы ставим палатки, зажигаем костры, сушим одежду, идем вчетвером в колхоз и приносим солону. Спим очень беспокойно. На дороге мы видели не очень большой немецкий обоз, пропустили его, наткнулись на мертвого красноармейца. На дороге лежит масса брошенных противогазов и касок.

17 октября

Я просыпаюсь от голода. Красноармейцы уже разожгли костер. Я иду сушить шинель, которая стоит как деревянная. Вскоре завтрак, и движемся дальше. Уже три дня мы не ели хлеба. Мы выходим к краю леса на разведку. Нас обнаруживает немецкий наблюдатель и выпускает по нас пять мин. Вечером мы пересекаем железную дорогу и канал, собираем сено для ночевки. Нас обнаруживает немецкий патруль и обстреливает из пулемета и минометов. Уходя, я бросаю сено. Ночь ужасно холодная, хотя мы спим в лесу на сене.

18 октября

Не позавтракав, мы продолжаем двигаться через лес. Видели немецкий патруль. Стрельбы не было. Как всегда, мы шли по болоту. Около 12 часов мы остановились, чтобы позавтракать, высушили одежду, поели теплой каши и супа и разделили на четверых кусок мяса, немного картофеля и гороха. Я бреюсь. Ночью предстоит переход через простреливаемое шоссе. К сожалению, у меня нет больше одеяла, потому что оно исчезло вчера при переходе через железнодорожную линию. Чертовски холодно.

19 октября

Всю ночь мы идем под ливнем через болотистую территорию. Вокруг непроницаемый мрак. Я промок как собака, до последней нитки. Правая нога опухла. Идти ужасно тяжело. На рассвете мы делаем остановку в лесу. На всякий случай я обсушился и переоделся у костра, не поев и не поспав. Дальше нам предстоит идти по безлесному участку. Мы поделили отряд на две части. У половины нет никакого оружия. Днем я заходил в лес, как в укрытие. Безрезультатно. Разведка за лесом в... (?), но там немец. Слышна стрельба из пулеметов и минометов...

Перевод верен.

Зак, оберлейтенант и переводчик

Этим заканчивается дневник майора Шабалина. На следующий день, 20.10.1941 г., он встретился с генерал-майором Петровым и вместе с ним погиб вечером в 16 часов юго-западнее Пассейки.

Глава 3

ВЗГЛЯД ПРОПАГАНДЫ

1. Книга «Сталин в свете прессы и карикатуры»

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. был снят действовавший более полутора лет, с момента заключения пакта Молотова—Риббентропа¹, запрет на антисоветскую пропаганду в Третьем рейхе.

Более того, поскольку главным врагом Германии внезапно оказался СССР, понадобилось спешно компенсировать затянувшуюся пропагандистскую паузу волной новых компрометирующих антисоветских материалов и одновременно объяснить немецкому народу как причины внезапной дружбы со Сталиным в 1939 г., так и не менее внезапной войны с ним в 1941 г.

Осенью 1941 г. в Дрездене большим тиражом (не менее 150 тысяч экземпляров) вышла книжка Мартина Пазе «Сталин в свете прессы и карикатуры»².

Она составлена из статей и карикатур о Сталине и СССР, опубликованных до осени 1941 г. не только в немецкой, но и, в первую очередь, мировой прессе, в том числе и враждебной Германии. В этот момент нацистская пропаганда оказалась в очень выгодной ситуации. Все, что писалось об СССР в западной демократической пе-

---

¹ См.: Eberhard Taubert und der Nibelungen-Verlag von Klaus Körner, in: Berlinische Monatsschrift, 12/1997. S. 44—52.

² Paze M. Stalin im Blitzlicht der Presse und Karikatur. Dresden, 1941.

чати в середине и конце 30-х гг., полностью устраивало нацистов. Перепечатки публикаций из прессы враждебных Германии стран — Англии, Франции, США — только подчеркивали в глазах читателей объективность немецкой пропаганды. А то, что эти страны внезапно прекратили антисоветскую пропаганду и превратились в союзников СССР, подчеркивало в глазах немецких читателей их нынешнее лицемерие.

Слабым местом нацистской пропаганды оставалась, как хорошо видно по книге, проблема с объяснением странного поведения самой Германии в 1939 г. и причин заключения пакта с СССР. А также крайне деликатный вопрос о совместном с СССР разделе Польши и санкционировании немецким правительством дальнейших советских захватов в Европе в 1939—1940 гг. и в особенности войны с Финляндией. Тем более что героическая борьба финнов с СССР, широко освещавшаяся мировой прессой, начала активно использоваться в 1941 г. немецкой пропагандой, хотя и задним числом. Главной целью всей немецкой пропаганды в это время было представить советско-немецкую войну исключительно как акцию по спасению европейской цивилизации в целом (и народов СССР в частности) от большевизма.

Поэтому главный упор в антисоветской пропаганде делался на преступлениях Сталина и советской тайной полиции — ГПУ, — на ужасных условиях жизни в СССР и на советских претензиях на мировое господство. Тут практически ничего не надо было придумывать, а материала хватало с избытком.

Книга состоит из пяти разделов: «Сталин — мировой преступник», «Взгляд в советский рай», «Большевистская опасность миру», «Первые попытки завоевания мира», «Немецкий ответ».

Первый раздел включает в себя довольно подробную биографию Сталина, статью о том, как его охраняют, и карикатуры на Сталина из немецкой, французской, американской, шведской и итальянской прессы. Основные темы карикатур — сталинская жестокость и репрессии,

санкционирование им массовых убийств и то, что Сталин только выжидает момента, чтобы вмешаться в мировую войну в Европе и остаться в ней победителем. В том числе приводится, например, и карикатура из эмигрантской русской газеты в Париже на тему известного советского анекдота об угрозе Сталина Крупской назначить Ленину другую вдову.

Следующий раздел — «Взгляд в советский рай» — открывается статьей из газеты «Берлинер бёрзенцайтунг» от 1937 г. «Результаты величайшего геноцида всех времен». В ней приводятся подробные данные о статистике репрессий, результатах голода, вызванного коллективизацией, динамике числа лагерей и числа заключенных в 20—30-х гг. в СССР. Эти данные довольно точны, тем более для того времени, когда ни о какой официальной советской статистике и речи быть не могло. В целом они совпадают с тем, что мы знаем о предвоенных сталинских репрессиях сегодня. Темы карикатур этого раздела — зверства коллективизации и внутрипартийные репрессии, голод и принудительный труд, взаимное уничтожение командования Красной армии по приказу Сталина.

Раздел «Большевистская опасность для мира» открывается отрывком из речи Гитлера 14 сентября 1936 г. об опасности большевизма и карикатурами из западной прессы 20—30-х гг. на ту же самую тему.

Раздел «Первые попытки завоевания мира» посвящен советскому вмешательству в вооруженные конфликты в разных частях планеты — в Китае и на Дальнем Востоке, в Испании, в Финляндии, Балтике, на Балканах. Особенно разнообразно и ядовито откомментирована карикатурами из мировой прессы фактическая победа Финляндии в советско-финской войне и советская оккупация Прибалтийских стран.

Интересно, что уже 24 июня 1941 г. в статье из газеты «Кёлнише цайтунг», процитированной в книге, раскрываются детали секретного протокола к договору Молотова—Риббентропа о разделе сфер влияния между СССР

и Германией¹. Как известно, существование этого протокола отрицалось советским правительством вплоть до распада СССР. Но, рассказывая о содержании секретного протокола, авторы этой и других подобных публикаций делают вид, будто Германия не понимала смысла, который СССР вкладывает в выражение «раздел сфер влияния». Поэтому оккупация Балтийских стран и война с Финляндией стали якобы неожиданностью для Германии, которая «с тяжелым сердцем» была вынуждена пойти навстречу советским желаниям.

Выразиться таким же образом по поводу раздела Польши было никак невозможно, поэтому советская оккупация восточных польских земель вообще не фигурирует в нацистской пропаганде как доказательство советской агрессивности.

Еще обращают на себя внимание довольно неловкие попытки представить Германию защитницей Финляндии, оказавшей той в 1941 г. помощь, которую обещали, но не предоставили западные союзники в 1939—1940 гг.

Последний раздел — «Немецкий ответ», — самый обширный и самый злорадный, посвящен немецким победам и поражениям Красной армии. Материалы в нем почти исключительно немецкие, а карикатуры и тематически, и графически напоминают советские карикатуры, посвященные поражениям вермахта. Помимо насмешек над бегущей Красной армией, поводом для издевательств служит противоестественная любовь западных союзников к Сталину и их безуспешные на тот момент попытки оказать ему помощь.

Ниже мы публикуем некоторые наиболее интересные тексты и рисунки из книги «Сталин в свете прессы и карикатуры», позволяющие читателю самому разобраться в характерной смеси лжи и правды, составляющих нацистскую антисоветскую и одновременно антизападную (то есть антидемократическую) пропаганду.

---

¹ Первое подробное изложение содержания секретного протокола содержится в ноте германского правительства от 22 июня 1941 г., объявлявшей войну СССР.

СТАЛИН В СВЕТЕ ПРЕССЫ И КАРИКАТУРЫ

Вступление¹

В 1924 г. Сталину удалось захватить власть в Советском Союзе.

С тех пор мир с ужасом и отвращением наблюдал за Московским Кремлем, откуда красный диктатор с беспощадной волей жесточайшим образом, с помощью массовых казней и голода уничтожал народы Советской России и одновременно превращал их в детали машины с преступным намерением в один прекрасный день привести эту машину в движение ради установления в мире еврейско-большевистского режима, несущего смерть и разрушение.

Внешнеполитические зигзаги и попытки мирового преступника Сталина в последние годы замаскировать свои действия не могли этого скрыть.

Подробная нота Министерства иностранных дел Германии от 22 июня 1941 г. содержит неопровержимые доказательства того, что Советский Союз никогда всерьез не собирался следовать букве и духу московского договора. Очевиднейшим образом разоблачает нота преступный план руководимых низменными инстинктами красных властителей в удобный для них момент обрушить свои армии на Германию и Европу.

«Что выиграл Советский Союз благодаря пакту с Германией? У нас было полтора года передышки для подготовки. Это был выигрыш для нас и потеря для Германии». Эти слова Сталина говорят сами за себя. Они делают очевидным отвратительный, подлый характер этого человека, который под прикрытием мира и дружбы с Германией вместе с Англией продолжал разработку своих разрушительных планов.

Благодаря решению Адольфа Гитлера отразить немецким мечом предстоящий удар Москвы ножом в спину

¹ *Pase M. Op. cit. S. 9—10.*

Европы мир был спасен от порабощения смертельным врагом всех культур и всех человеческих прав, от большевизма.

Вскрытые немецкими солдатами после 22 июня 1941 г. на территории Советской России массовые убийства и прочие ужасные преступления еврейско-большевистского одичания являются свидетельствами того, что большевизм ни в чем не изменился с 1917 г. Он по-прежнему является тем, чем был раньше: кровавым систематическим садизмом, чья дьявольская лживая морда с холодной жестокостью тарашится на нас со страниц этой книги.

Понимание того, что советский «рай», чей настоящий облик, документированный мировой прессой, читатель найдет в этой книге, был первым экспериментальным объектом Коминтерна и что по этому ужасному образцу весь мир должен был быть затерроризирован Сталиным, позволяет осознать величие деяния Адольфа Гитлера во всем его всемирно-историческом значении.

Берлин, октябрь 1941

Мартин Пазе

Из главы «Сталин — мировой преступник»

Как Сталина охраняют

Ни один человек на Земле не находится под такой строгой охраной, как Сталин, диктатор Советского Союза. Охранные мероприятия по защите сокровищ английской короны — детская игра по сравнению с мерами безопасности, применяемыми для охраны красного царя. Народ видит его редко, так как он страшится публичности. Структура власти и секретность образуют защитный вал вокруг шефа Третьего интернационала. Никто, кроме немногих посвященных, не знает, где Сталин живет, кроме того, что он обитает где-то в укрепленных средневековых лабиринтах Кремля. Сотни солдат охраняют замок. В Кремле есть собственный гарнизон, состоящий из от-

борных людей Комиссариата внутренних дел, бывшего ГПУ (ЧК), под командованием строгого бородатого старого коммуниста по имени Петерс.

Народ никогда не знает, когда и куда Сталин едет. Газеты иногда сообщают о его прибытии. Но никогда об отъезде. Когда Сталин недавно без предупреждения прибыл после убийства Кирова в Ленинград, весь вокзал был занят военными. Публике нельзя было заходить на вокзал. Даже курьер одного из иностранных посольств лишь с трудом сумел добраться до своего поезда. Этим летом, когда Сталин проводил отпуск на берегу Черного моря, в прессе не упоминались ни его отъезд, ни местопребывание, ни возвращение. Только его подпись под правительственным указом дала возможность народу узнать, что он снова принял дела.

Неизвестно, сам ли Сталин из страха за свою жизнь приказал принимать такие меры предосторожности. Известно только, что после убийства Кирова они были усилены. Иностранные корреспонденты, которые были в январе допущены в Кремль на съезд Советов, должны были оставить свои автомобили у кремлевских ворот. Их документы и в особенности пригласительные билеты проверялись часовыми между воротами и залом заседаний три раза. Пешеходный путь был ограничен канатами, русские шоферы должны были ждать вне кремлевских стен. Даже сейчас, в разгар зимы, вооруженные отряды патрулируют дорогу, которая ведет к «даче» Сталина, его летнему дому в 30 км от Москвы у деревни Кунцево. Все проезжающие машины тщательно проверяются. Когда случается поломка у какого-то автомобиля, то наготове стоят военные машины, чтобы оттащить его, если пассажиры не особенно торопятся с починкой.

Редкие появления Сталина перед общественностью — он показывается только по самым важным случаям — охраняются еще тщательнее, чем его личная жизнь. Когда он посещает гробницу Ленина, то для прохода на Красную площадь выдаются специальные пропуска. Зрители стоят под строгой военной охраной. Демонстрации

по официальным случаям проходят не ближе чем в 20 метрах от гробницы и люди маршируют между двойным строем войск. Сделать шаг из рядов, незаметно вытащить оружие или бросить бомбу на правительственную трибуну совершенно невозможно. Когда Сталин недавно во время похорон Менжинского прошел некоторое расстояние рядом с носилками от Колонного зала до Красной площади, то полиция очистила от посетителей ресторанный зал Гранд-отеля, мимо которого проходила колонна, а постояльцев предупредил, чтобы они не высовывались из окон¹.

Так думали и писали в Америке о Сталине еще вчера

Газета «Чикаго дейли трибьюн» от 19 февраля 1939 г. В этот день в ней, в передовой статье под названием «Убийца в Кремле», были опубликованы следующие высказывания:

«Никогда не было дано никаких официальных объяснений, почему тысячи и тысячи людей стали несчастными жертвами грузинского «босса» в Кремле. Он попытался только немного успокоить общественное мнение тем, что организовал процесс исторических фигур русской революции. Маленькие жертвы его страхов и злобы, павшие жертвами интриг в Кремле и уничтоженные бешенством тайной полиции и неукротимой дикостью этой пролетарской диктатуры, остаются несчитанными и безымянными. Они и никогда не смогут быть подсчитаны, потому что жертв прихода Сталина к власти мириады, и их просто невозможно сосчитать.

Число шпионов, провокаторов и агентов увеличилось во много раз, а подлость их методов так возросла, потому что их собственное продвижение по службе зависит от их активности в поиске врагов режима. Сталин — дьявол по своим методам и ужасен своими страхами.

---

¹ Op. cit. S. 21—22.

В России было много безумных властителей, но никого, чьи агенты так безоглядно шагали бы по трупам, вламывались в каждую хижину, в каждую мастерскую, в каждый дом и в каждую лавку, в каждую крестьянскую избу и в каждое сообщество русских людей. Личности даже самого высокого ранга и с самыми известными именами исчезали, и их друзья больше ничего о них не слышали. Возможно, они мертвы, но возможно, с ними произошло нечто худшее, чем смерть: они в тюрьме. Вся политическая структура Советского Союза — это мировой позор».

И последняя обвиняющая фраза этой передовой статьи американской газеты звучит так: «Иосиф Сталин — величайший убийца, кровавейший тиран в истории»¹.

Из главы «Взгляд на «Советский рай»

Результаты величайшего геноцида всех времен²

Паразитическая клика властителей, которая живет за счет большого народа и притом губит этот народ, имеет сегодня наглость праздновать двадцатилетие своей деятельности! И претендует в связи с этим на то, чтобы мир принял участие в этом празднике, в этом жутком апофеозе двадцатилетней разрушительной работы. Миру еще никогда не предлагалось более циничного издевательства. Но даже если огромный народ позволяет себя без сопротивления уничтожать, порабощать и грабить, даже если большая часть человечества позволяет себя очаровывать самому грандиозному и невероятному обману всех времен, все равно изнасилованная правда выходит наружу. Она обвиняет и не нуждается для обвинения в огне красноречия; она заставляет говорить факты, факты и цифры; но их трезвый язык потрясающе доходчив, он убийственен для обвиняемых.

---

¹ Op. cit. S. 30.

² Ibid. S. 35—39.

Двадцатилетняя история Советского Союза есть история медленного уничтожения, медленного обескровливания русского народа. Многие миллионы человеческих жизней стали жертвами захвата большевиками власти. В этой первой фазе великого уничтожения доминировало истребление политических противников. Во второй фазе страсть к убийствам кровавого московского режима безумствовала в массе политически индифферентного народа, в рядах обывателей, крестьян, социально крепких рабочих. В третьей фазе, в которой мы сейчас находимся, правящая клика начала убивать друг друга.

К этому некоторые выразительные цифры: из 24 членов бывшего «исторического» Центрального комитета, решившегося 20 лет назад на большевистскую революцию, десять умерли за это время естественной или неестественной смертью, а еще десять были Сталиным во имя этой революции расстреляны, арестованы или просто убиты.

Из 71 члена нынешнего (избранного в 1934 г.) Центрального комитета 26, то есть 38% (с учетом умерших за это время) были казнены, арестованы или исчезли. Из 68 тогда же избранных «кандидатов» в Центральный комитет 40% расстреляны. Из 23 народных комиссаров Советского Союза 12, то есть более 55%, были в последние пять месяцев арестованы или ликвидированы. Из 53 партийных секретарей отдельных административных областей Советского Союза, то есть из группы носителей власти Кремля в провинции, 45 были в течение последних четырех месяцев арестованы и объявлены «врагами народа» или тихо смещены, их судьба осталась неизвестной.

Из семи председателей Центрального исполнительного комитета, высшего официального правительственного органа, пятеро были объявлены «врагами народа» и исчезли. Из 26 членов президиума Центрального исполнительного комитета 15 разделили их судьбу. Из верховного командования Красной армии восемь генералов, из них один маршал, были ликвидированы в результате официальной судебной процедуры, а согласно неофициальным

данным, в десять раз большее количество было устранено тайно. Так же тайно исчез большой процент высших командиров Красного флота, включая гросс-адмирала Орлова. По данным некоторых немногих советских провинциальных газет, с мая 1937 г. в различных частях страны было вынесено открытыми судами и приведено в исполнение 1193 «смертных приговора» политическим «преступникам», в том числе только в сентябре 1937 г. 252 и в октябре 1937 г. — 549. Следует предположить, что публикуется только малая доля кровавых приговоров!

Очень показательна статистика роста каторжных работ, особого рода медленного убийства, которые также стали в Советском Союзе элементом государственной системы.

Лагеря принудительного труда

Год	Число лагерей	Число заключенных	Происхождение
1922	2	6000	Офицеры, чиновники, священники
1927	50	140 000	Городские жители
1930	90	1 500 000	Городские жители, «кулаки»
1932	140	2 500 000	В основном крестьяне
1936	250	6 500 000	Крестьяне, рабочие, «вредители» и т. д.

Только с конца 1932 г. по конец 1936 г., то есть за первые четыре года второго пятилетнего плана, число лагерей выросло на 80%, а число заключенных на 160%.

Точно так же в категорию медленного, так сказать, «не прямого» уничтожения населения попадают и массовые убийства, практиковавшиеся и практикующиеся по отношению к русскому крестьянству. Во время проводившейся жесточайшими мерами почти полной коллективизации сельского хозяйства единоличное крестьянство было практически уничтожено. Следствием был гигантский голод 1932—1933 гг.

Архиепископ Кентерберийский (!) определил число жертв голода 1932—1933 гг. как «скорее 6, чем 3 миллиона»

(Таймс, 25 июля 1934 г.). «Нойе Цюрихе цайтунг» определила человеческие потери на Украине в 1932—1933 г. в 6 миллионов. Специалист по сельскому хозяйству доктор Диттлоф, сам переживший голодную катастрофу, оценивает число умерших от голода только в Северокавказском регионе в 1932—1933 гг. в 2 миллиона.

Даже официальная советская статистика дает такие данные по уменьшению поголовья скота в России:

(в млн штук)

	1928	1933	1935	1937
Лошади	32,5	16,2	15,3	приб. 14,6
Коровы	70,5	38,4	49,3	приб. 40
Свиньи	26	12,1	22,6	приб. 17
Овцы и козы	146,7	50,2	61,1	приб. 55

Это означает уменьшение поголовья скота с начала коллективизации в течение первого пятилетнего плана почти на 50%.

В таких условиях легко понять, почему советское правительство уклонилось от публикации результатов проведенной 6 января 1937 г. (и первой с 1926 г.) переписи населения. Причина может лежать только в том, что в численности, структуре и расселении советского населения произошли такие перемены, которые не в состоянии скрыть даже хитрейшая советская статистика. На время после последней переписи приходится чудовищная цифра в 6 миллионов умерших от голода в 1932—1933 гг. Кроме того, с 1926 г. в Советском Союзе произошли невероятные перемещения населения. Целые районы были беспощадно выселены, особенно в стратегически важных регионах около границ. В ранее полностью не обжитых регионах находятся сегодня лагеря принудительного труда с тысячами, десятками тысяч и сотнями тысяч заключенных — всего минимум 7—8 миллионов человек. Самые большие изменения, несомненно, имели место среди национальных меньшинств. Газета «Таймс» от 25 сентября 1936 г. сообщает, например, следующее о республике

немцев Поволжья: «Численность населения республики составляла в 1920 г. 700 000 человек. Она снизилась в 1926 г. до 572 000 человек. Население и дальше несет тяжелые потери из-за голода и депортаций». И на Украине, в Карелии, на Кавказе и т. д. население целых деревень, иногда целых районов, полностью выселялось и отправлялось в лагеря.

Любой наблюдатель этого чудовищного танца смерти несчастного народа неминуемо задается вопросом, что за сила движет этими преступниками, ответственными за массовое вымирание русского народа. Жестокая воля к власти, убийственная трусость постоянно чувствующих себя под угрозой, отягощенных виной деспотов или холодное, циничное презрение к человеческой жизни? Несомненно, все эти мотивы в большой степени действенны; но не действует ли здесь постоянно еще сильнее и определеннее, чем они, любовь к убийствам как таковая, прямолинейная дьявольская страсть к уничтожению? Задать этот вопрос — значит ответить на него утвердительно. Одержимые страстью к убийствам и уничтожению психопаты ведут стомиллионный народ прямо к смерти.

(«Берлинер берзенцайтунг», 7 ноября 1937 г.)

Из главы «Взгляд в «Советский рай»

Мы воспринимаем актом высшей исторической справедливости то, что именно миллионная армия национал-социалистического рейха, суть немецкие рабочие и крестьяне в солдатской форме, первой получила право бросить взгляд за маску большевизма, что именно ее кулаки разбивают его стены. Точно так же не случайно, что первое, что немецкий солдат видит на советской земле, — это красный террор во всем его чудовищном облике. Все, что можно было в последние десятилетия прочитать и услышать из косвенных источников о зверских преступлениях ГПУ, теперь открывается — в местах ужасов Лемберга и Дубно, в Белоруссии и балтийской провин-

ции — глазам бесчисленных немецких солдат как кошмарнейшая правда. Будем честны: в демократиях и близко не хотели верить, что жертвы сталинских волн террора исчисляются многими тысячами. А теперь только в Лемберге мы насчитали тысячи, а в маленьком Дубно — 523 зверски убитых украинца.

И другая сторона картины прокручивается в эти дни перед глазами войсковых колонн в полевой форме: убогие дома, грязные и завшивленные квартиры, запущенные улицы, разваленные предприятия — короче, вместо социального рая такое нищее существование в животной тупости, какое не может себе вообразить ни один европеец.

Немецкий вермахт совершил открытие огромного значения: он на собственном опыте узнал, что еврейский большевизм есть величайший обман всех времен. И он осознал то, что и ему, и Европе еще утром 22 июня было не вполне ясно, — что, перемалывая и уничтожая эту позорную систему, он совершает акцию спасения всемирного значения.

(«Фелькишер беобахтер», 6 июля 1941 г.)

2. Выставка «Советский рай»

Восьмого мая 1942 г. в центре Берлина, в парке Люстгартен, прямо рядом с городским собором открылась выставка, организованная имперским отделом пропаганды НСДАП. Она называлась *Der Sowjetparadies* — «Советский рай». Цель выставки была чисто пропагандистская — показать немцам варварство, нищету и агрессивность Советского Союза, его опасность для Европы, оправдать войну с ним и объяснить необходимость немецкой победы. Выставка была огромной — на девяти тысячах квадратных метров во многих павильонах демонстрировались собранные во время специальных экспедиций на оккупированные вермахтом территории экспонаты. Среди прочего воспроизводилась часть Минска с куском улицы, лавкой,

мастерской сапожника, землянками, в которых жили рабочие. Экспонировались советские сельскохозяйственные машины, рабочие и крестьянские дома, разобранные на месте и собранные заново в павильонах со всем своим оборудованием и интерьерами. Демонстрировалась масса фотографий, сделанных на советской территории. В павильонах были воспроизведены в натуральную величину подвалы ГПУ с расстрельной камерой и многое другое.

Отдельные разделы были посвящены советской армии и программе вооружений, организации советской жизни и экономики, рабочему и крестьянскому быту, колхозам, социальному устройству СССР, ГПУ и лагерям, беспризорным и т. д. и т. п. Перед входом на выставку были установлены советские трофейные танк и орудия.

Подпольная коммунистическая группа во главе с Гербертом Баумом попыталась 18 мая 1942 г. поджечь выставку. Ущерб оказался минимальным, но почти все члены группы, около 30 человек, были в конечном счете арестованы и казнены. Сам Баум погиб от пыток еще во время следствия.

Выставка продолжалась до 21 июня 1942 г. и имела огромный успех. По официальным данным, ее посетили 1,3 млн человек. Выставку сопровождал каталог, текст которого вместе с частью фотографий воспроизводится ниже. Из текста каталога выпущен только один раздел, «Германо-немецкое проникновение в Восточные районы», имеющий исторический и идеологический характер одновременно, но не связанный с Советским Союзом. Все остальное, непосредственно касающееся Советского Союза, воспроизводится практически без купюр.

Каталог выставки — характерная продукция нацистской пропаганды. Он интересен в нескольких отношениях. Во-первых, по нему хорошо видны цели и методы партийной пропаганды в Третьем рейхе. Во-вторых, он дает представление о том, что в действительности было известно в Германии к началу 40-х гг. о Советском Союзе. И в-третьих, он дает возможность увидеть взаимодействие реальной информации и идеологических установок,

с помощью которых эта информация подавалась и интерпретировалась.

В каталоге видны два противоречащих друг другу информационных слоя. Все, что касается реалий советской жизни — экономики, социального устройства, правил поведения, условий жизни, — в целом соответствует действительности. Материал собран квалифицированно и со знанием дела. Он и сегодня представляет интерес для историков сталинской эпохи. Даже статистические данные, например о репрессиях, или информация о ценах, зарплатах и т. п., более или менее соответствуют тому, что сегодня известно на этот счет. Эти данные явно не искажались сознательно; впрочем, их и не было смысла искажать. В своем реальном виде они вполне эффективно работали на нацистскую пропаганду.

Идеологическая обработка собранного материала профессиональными пропагандистами — второй информационный слой — сводилась в основном к двум вещам. Во-первых, война Германии с СССР подавалась исключительно как попытка Германии спасти Европу от большевистского нашествия. Собственные агрессивные планы Гитлера, приведшие к заключению недавнего пакта со Сталиным и к захвату по соглашению и в союзе с СССР половины Европы, оставались за скобками. Наоборот, Германия изображалась как предводитель всех европейцев, готовых бороться за свою свободу от большевистского варварства.

Во-вторых, вводились обусловленные расовой теорией и совершенно бессмысленные с точки зрения здравого смысла понятия «мировое еврейство» и «еврейский большевизм». Советская власть подавалась как власть «еврейства», а правящий слой в советском обществе определялся как «еврейско-большевистский». Делались даже попытки (как, например, при описании работы завода им. Ворошилова в Минске или структуры организации колхоза) объяснить причуды советского хозяйственного руководства особенностями некоего «еврейского мышления». Вряд ли этот нелепый антисемитизм производил

серьезное впечатление на минимально просвещенную публику, тем более что он де-факто опровергался материалами самой выставки. Никаких самостоятельных выводов о некой «еврейской власти» в Советском Союзе посетитель из развернутой на выставке картины советской жизни сделать не мог.

Но вот первый идеологический тезис, о том, что Германия защищает Европу, мог очень многими восприниматься всерьез. Сомневаться в достоверности материалов об СССР не приходилось, а угроза распространения советской системы и советских условий жизни на остальную Европу выглядела вполне реальной. Она и оказалась впоследствии реальностью для стран Восточной Европы и для Восточной Германии.

Разве что границу распространения советской системы на Запад определил не Третий рейх, а западные союзники.

Собственно говоря, методы антисоветской пропаганды нацистов и антинацистской пропаганды в Советском Союзе были очень похожи. В СССР во время и после войны тоже совершенно достоверная информация о нацистских преступлениях против человечности сопровождалась двумя чисто идеологическими тезисами, знакомыми всем, кто учился в советское время в школе. Согласно первому, приход нацистов к власти в Германии был закономерен, поскольку нацизм и фашизм — это естественная, крайняя стадия разложения буржуазно-демократического общества. Согласно второму, СССР выступил главным защитником Европы от «коричневой чумы» и спасителем европейской цивилизации.

Первый тезис, очевидно вздорный, все, как правило, пропускали мимо ушей и забывали сразу после сдачи соответствующих экзаменов, поскольку он был необъясним (точно так же, как выдуманный нацистами «еврейский характер большевизма») и не имел никаких точек соприкосновения со знакомой реальностью.

А второй тезис, о том, что СССР был спасителем европейской цивилизации, воспринимался на фоне ин-

формации о реальных нацистских преступлениях вполне серьезно. Он надолго закрепился в массовом сознании советских людей и срабатывает до сих пор. Срабатывает тем сильнее, чем меньше человек осведомлен о деталях советской предвоенной политики и о реальных военных и политических планах Сталина.

Редкая возможность сравнения разных вариантов тоталитарной пропаганды придает каталогу выставки «Советский рай» дополнительный исторический интерес.

«Советский рай».

Выставка управления пропаганды НСДАП¹

Имперское управление пропаганды НСДАП уже организовывало в 1934 г. на базе имевшихся тогда письменных и изобразительных материалов антибольшевистскую выставку, которая рассказывала немецкому народу об ужасных условиях существования в Советском Союзе.

У организаторов этой выставки тогда иногда возникало чувство, что при воспроизведении советской реальности они отклоняются от действительности. Это предположение подтвердилось, но совсем в ином смысле, чем ожидалось; ибо все, что говорилось в мире о большевизме до начала войны, было ужасающим образом отодвинуто действительностью в тень.

Оказалось, что изображений и текстов недостаточно, чтобы правдоподобно воспроизвести для европейского сознания трагичность большевистских будней.

Этот вывод соответствует постоянным утверждениям наших солдат о том, что нет никакой возможности изобразить условия жизни в Советском Союзе, их нужно самим увидеть и прочувствовать.

Отсюда было недалеко до идеи представить немецкому народу на выставке большевистские будни именно в таком виде, в каком их проводит в неопикуемой нищете

---

¹ Das Sowjetparadies. Ausstellung der Reichspropagandaleitung der NSDAP. Ein Bericht in Wort und Bild. Berlin, 1941.

масса советских граждан. Во время экспедиций в занятые нашими войсками районы был собран необходимый для выставки оригинальный материал.

Миллионы посетителей впервые получили первое ясное представление об ужасной действительности большевизма благодаря воспроизводящей реальность экспозиции, собранной из бесчисленных настоящих экспонатов.

Но действительные знатоки Советского Союза, в особенности наши солдаты, единогласно утверждают, что даже эта выставка не в состоянии в полном объеме передать убогость и безнадежность «рая крестьян и рабочих».

«Богатства Востока»

Абсолютное обнищание населения Советского Союза, о котором все время сообщают наши солдаты, разительно противоречит обилию плодородных земель, неисчерпаемых сельскохозяйственных и промышленных источников сырья. В первом зале выставки дается представление об этом богатстве. Большая диорама открывает взгляд на просторы ландшафтов Востока, характерные бесконечно раскинувшимися полями, гигантскими лесами и огромными территориями степей. Эта территория, от ледовых побережий Северной Сибири до тропических областей Крыма, включает почти все климатические зоны Земли.

Карта, показывающая плодородие и использование земель Советского Союза, демонстрирует сельскохозяйственное богатство Советского Союза и позволяет прийти к следующему выводу.

Решающую роль в снабжении населения Советского Союза играет широкая полоса плодородных земель, которая тянется посередине Советского Союза с запада на восток. Внутри этой полосы находятся важнейшие для производства продуктов питания черноземные районы уже занятой нами Украины, урожаи с которой позволяли кормить больше половины всего населения страны.

Вследствие большевистской бесплановости и бесхозяйственности сельскохозяйственное богатство использовалось неполностью и непрофессионально. Эти районы под немецким управлением через несколько лет дадут избыток сельскохозяйственной продукции, который ликвидирует все проблемы с продуктами питания на Европейском континенте.

Богатству плодородных земель соответствует богатство промышленного сырья: уголь, железная руда, медь, нефть, олово, цинк, свинец, серебро, платина, ртуть и бокситы, короче, все важное сырье, необходимое для строительства большой промышленности, представлено в огромных количествах. Эти источники сырья тоже были только в той степени использованы большевиками, в какой они были необходимы для создания армии для нападения на Европу, и то преимущественно в западных районах СССР.

Распределение населения и транспортная сеть Советского Союза находятся в тесной и непосредственной зависимости между собой, как это сразу видно из соответствующей карты. На западе СССР сконцентрированы основная часть населения и существующей транспортной сети. Дальше на восток падает как плотность населения, так и дорог. Во взаимосвязи с распределением сельскохозяйственного и промышленного сырья это указывает на то, что Советский Союз будет существовать до тех пор, пока запад страны находится в руках еврейских властителей этого эксплуататорского государства.

При этом нужно учитывать одно обстоятельство: СССР — многонациональное государство, в котором вынуждены жить 187 народов, из них 48 больших. Всем этим народам большевизм пообещал поддержку национальных жизненных интересов; однако в действительности каждый, даже самый скромный национальный порыв кроваво подавляется еврейско-большевистским центром в Москве.

Насколько мало прав имеют народы СССР на национальную жизнь, настолько же мало прав имеет на нее и отдельный человек. Гигантские запасы сельскохозяйст-

венного и промышленного сырья дали большевизму уникальную возможность создать в подвластной им стране действительный и настоящий социальный порядок и счастливое существование для миллионных масс населения, то есть «рай для рабочих и крестьян».

Однако еврейский большевизм использовал полученные в свое распоряжение богатства лишь в той степени, в какой они были необходимы для создания армии для осуществления мировой революции. Население ему было полностью безразлично, оно должно было прозябать в невообразимой нищете. <...>

Марксизм и большевизм — изобретение еврейства

Очень рано осознало еврейство неограниченные возможности, которые предоставляют земли и люди Востока ложному учению большевизма.

Это утверждение легко проиллюстрировать, сопоставив два факта:

1) то, что еврей Маркс-Мордехай является изобретателем марксизма;

2) то, что сегодняшнее Советское государство есть не что иное, как практическая реализация этого еврейского изобретения.

Между обоими историческими фактами лежит собственно большевистская революция, с помощью которой еврейство истребило лучшие силы Востока, чтобы стать абсолютным властителем региона, опираясь на который оно надеялось со временем достичь мирового господства. Для этого надо было, чтобы в 1917—1921 гг., по данным ГПУ, около двух миллионов человек погибло от рук палачей. Однако непосредственным следствием этой революции были периоды ужасного голода, потребовавшего между 1917—1934 гг. 19 миллионов жертв. Всего вследствие развязанной евреями революции потеряли свои жизни более 21 миллиона человек.

Иллюзорный фасад большевизма

Кровавые вторжения большевизма в Европу сопровождалась дикой агитацией, которая снова и снова декларировала, что Советский Союз — это «рай крестьян и рабочих». В действительности эта пропаганда, как и все то, на что большевизм указывал как на культурный, социальный и технический прогресс в стране, было не чем иным, как лживым иллюзорным фасадом, за которым скрывалась жестокая нищета большевистских будней. Это демонстрирует следующий зал выставки, в центре которого стоит настоящий большевистский памятник, сделанный из гипса и фанеры, образец массовой продукции. В каждом городе устанавливался экземпляр такого памятника, который вскоре разрушался из-за низкого качества изготовления — настоящий символ большевистской культуры. Эти памятники усиливали грязную и убогую атмосферу, характерную для всех советских городов, которая разбавлялась только немногими, впрочем, технически во всех отношениях несовершенными роскошными зданиями, которые строились только для того, чтобы с их помощью усиливать пропаганду и обманывать иностранных туристов.

Эти из чисто пропагандистских соображений возведенные рекламные фасады — характерный знак всех большевистских городов. Возведенные в американском стиле с тысячами технических недостатков «строительные гиганты» стоят на роскошных улицах и как бы с издевательством смотрят на нищие хижины истощенных рабочих, в которых обычные граждане этого «рая» вынуждены жить серой и безрадостной жизнью после 25 лет большевистского культурного благодетельствования.

Так же как разница между государственными сооружениями и всеобщей убогостью жилья, вопиющая разница между военным оборудованием и всеми теми вещами, которые для нас совершенно незаменимы в качестве бытовых предметов в ежедневной жизни.

Гигантским расходам на вооружение, которые невозможно сравнить с военными расходами какой бы то ни

было страны мира, сопутствует невероятная нехватка самых примитивных предметов потребления. Война не виновата в том, что население практически не располагает тарелками и чашками, мебелью и постельным бельем, самыми скромными украшениями жилища, гардинами и дешевыми коврами, не говоря уже о необходимейших предметах одежды. Цены на такие предметы ежедневного потребления так же недоступны, как и цены на продукты питания.

При среднем, скорее даже завышенном недельном заработке рабочего в 100—125 рублей костюм стоит 1400 рублей, пара обуви — 360 рублей, килограмм масла — 24 рубля, килограмм мяса — 22 рубля.

Это были цены мирного времени в СССР; что, впрочем, не означало, что вещи вообще можно было купить. Плохой хлеб и картофель оставались на протяжении 20 мирных лет основным продуктом питания полностью обнищавшего населения.

Кричащее противоречие между высоким уровнем вооружения и глубокой нуждой населения находит свое подтверждение в жилищных условиях в Москве, которые, впрочем, не лучше и не хуже, чем в любом другом большевистском городе. Эти условия еще в 1913 г., перед мировой войной, были не особенно благоприятными. Но в 1928 г. в одном помещении жили уже четыре человека, а в 1939 г. — шесть человек, причем без учета семейных отношений. Все доступные жилые помещения переполнены. Отдельные квартиры, такие, какие мы знаем по Германии, встречаются очень редко; каждое помещение для его жильцов — это кухня, гостиная и спальня одновременно.

Тот, кто будет искать виновных, ответственных за неопишемую нищету населения, обязательно повсюду наткнется на евреев. Разве не показательно, что слово «антисемит» в Советском государстве числится одним из самых тяжелых обвинений, которые для тех, кого они достигают, означают принудительные работы и смерть? Один взгляд на статистику еврейзации высших госу-

дарственных ведомств Советского Союза все объясняет. Едва ли не все министерства, называющиеся согласно большевистской терминологии «народные комиссариаты», управляются почти исключительно евреями.

Тем, что Советское государство есть порождение еврейства, легко объяснить и жестокую эксплуатацию рабочей энергии населения, которое безжалостно приносится в жертву целям еврейской мировой революции. Не говоря уже о пресловутой стахановской системе, это выражается в сознательном низведении женщины до состояния рабочей-рабыни. Женщин еще в мирное время во все возрастающих количествах принуждали к работе даже на самых тяжелых производствах, в каменноугольных шахтах и литейной промышленности.

Еще один факт из области промышленности сразу указывает знатоку на еврейское управление заводом. Завод им. Ворошилова в Минске должен был «по плану» ежегодно производить 650 станков стоимостью 81 миллион рублей. Решающим фактором выполнения плана была, однако, — что характерно для еврейского мышления — материальная выручка от производства. Вследствие нехватки квалифицированной рабочей силы, инструментов и запасных частей завод был в состоянии произвести только 480 станков в год на сумму 59,2 миллиона рублей. И тогда, чтобы выполнить план, руководство завода тайно организовало на заднем дворе котельный цех, чья продукция продавалась из-под полы по завышенным ценам, что покрывало недостающую сумму в 22 миллиона рублей. Вследствие чего план в 81 миллион рублей был чисто по деньгам выполнен, хотя произведено было на 170 станков меньше.

Советская армия — чудовищная угроза Европе

Еврейско-большевистская клика в Москве со дня убийства царя планомерно готовилась к уничтожению Европы. Все сырье и вся рабочая сила беспощадно ис-

пользовались исключительно для этой цели. Иностранные специалисты и конструкторы должны были восполнить собственное техническое отставание. Так были достигнуты показатели производства, которые изумили весь мир, когда из опубликованных сообщений вермахта о количестве захваченных трофеев стали очевидны масштабы советского вооружения.

Масса населения в 180 миллионов человек должна была, при жесточайшем пренебрежении удовлетворением самых примитивных житейских потребностей, 25 лет работать исключительно на вооружение. Этим объясняется непредставимое для нас ранее количество большевистского оружия, которое было по большей части захвачено или уничтожено во время жестоких боев Восточной кампании.

Это гигантское количество оружия должно было дать еврейству возможность захватить всю Европу. Для реализации этих планов большевизм оборудовал кроме прочего важные плацдармы в Финляндии, Балтике, Польше и Бессарабии. Эти регионы планомерно подготавливались для нанесения решающего удара Западу.

Насколько гигантским было и сегодня еще остается количество этого вооружения, показывают, и, возможно, наилучшим образом, цифры трофеев, взятых во время операций по окружению и уничтожению противника в котлах 1941 г. и в зимних боях. В них было захвачено или уничтожено более 25 тысяч танков, более 32 тысяч орудий, 16 тысяч самолетов и взято более 4 миллионов пленных.

Классы в бесклассовом обществе

Когда-то большевизм проповедовал, что в его раю, само собой разумеется, не будет никаких классов, потому что после уничтожения правящих классов останется только пролетариат, который будет призван большевизмом к власти. То, что это была лишь дешевая фраза, понятно

любому непредвзятому наблюдателю по разной степени закрепощенности населения. Во главе государства стоит еврейский правящий слой со своими безвольными помощниками, ниже находится масса городских промышленных рабочих. Глубокая социальная пропасть отделяет от класса рабочих полностью обнищавших колхозников. Эта разница в социальном положении между городом и деревней была создана большевиками совершенно сознательно:

1) чтобы привлечь массы людей в города для осуществления большевистской программы вооружений;

2) чтобы создать у рабочего впечатление лучшего социального положения по сравнению с деревенским населением и внушить ему, что его собственная примитивная и бедная жизнь совершенно замечательна по сравнению с жизнью колхозного населения. То, что его жизнь, увиденная нашими глазами, представляла собой ужасную нищету, рабочий не знал и не мог знать, поскольку связь с внешним миром была герметически закрыта.

Кроме рабочих и колхозников есть еще два полностью бесправных класса. К одному принадлежат представители прежней интеллигенции и среднего класса, которые определяются как лица непролетарского происхождения. И наконец, рядом с ними стоят принудительные рабочие, которые используются в гигантских нецивилизованных районах как дешевая и бесправная рабская сила и которые вследствие недостаточного питания, плохих условий жизни и высоких рабочих норм гибнут миллионами.

ГПУ — инструмент террора еврейского большевизма

Все время возникающий вопрос, почему большевики оказывают на фронте такое упорное сопротивление, находит, вероятно, наиболее убедительное объяснение в жестоком терроре против населения, организованном еврейством с помощью ГПУ. Этот продолжающийся 25 лет

террор породил серую и безвольную массу, которая с тупым упорством выполняет любой приказ, потому что только это дает ей шанс выжить. Противодействие этому террору означало бы смерть каждого, причем очень часто со всей семьей. Зверский террористический режим ГПУ не может быть показан лучше и точнее, как через садистские методы пыток, которые применяются для уничтожения предполагаемых «вредителей».

На выставке воспроизведена настоящая расстрельная камера из подвала ГПУ. За железной дверью этой камеры смерти, по показаниям одного попавшего в плен комиссара, были расстреляны ГПУ за шесть лет почти 5 тысяч человек.

Камера полностью облицована кафелем. Приговоренных к смерти заводят внутрь и убивают выстрелом в затылок. Труп оттаскивают в сторону, шлангом смывают кровь с кафеля, вентилятор обеспечивает свежий воздух, чтобы следующий приговоренный не потерял сознание от запаха крови; он должен до последней минуты ужасного страха оставаться в сознании.

Другая, особенно тесная камера нужна для того, чтобы выбивать признания. В ней заключенные вынуждены часами стоять на коленях. Если они выпрямляются, то стучаются о потолок, звучит сирена, и включается прожектор, который светит им прямо в глаза. Если они садятся на узкое сиденье, то получают удар электрическим током, который заставляет их снова вскочить. Деревянный шип у двери постоянно давит заключенному в живот.

Однако самый жестокий инструмент террора ГПУ — это лагерь принудительных работ, где год за годом гибнут миллионы невинных людей, которым только изредка удастся узнать, почему они были оторваны от своих семей и от рабочего места, для того чтобы попасть в ледяную глушь Воркуты или в один из других бесчисленных лагерей. Часто нет никакой другой причины для принудительной депортации, как только то, что где-нибудь далеко требуется рабочая сила, которая ничего не стоит и судьбой которой никто ни в малейшей степени не инте-

ресуется, согласно принципу: «Люди? Этой грязи у нас много».

Несчастливые жертвы, с обоснованием или без такового приговоренные к заключению в лагеря, идут путем страданий, который делает для них смерть желанным избавлением.

Это начинается с доноса, часто внутри собственной семьи; однажды ночью ГПУ стучит в дверь и забирает жертву. У человека, измученного в тесных камерах, изнуренного бесчисленными допросами, будет в конечном счете с помощью одного из обычных методов пыток выдано признание, которое, не важно, был ли вообще вынесен приговор или нет, ведет в лагерь.

Транспортировка в лагерные районы, с недостаточным питанием, часто в лютые холода, избавляет от страданий большую часть несчастных.

В лагере заключенных набивают в тесные бараки. Скучное питание, которое к тому же зависит от результатов работы, что заставляет всех напрягать все силы, чтобы оказаться в лучшей категории, — это питание в любом случае недостаточно и ведет при исключительно высоких рабочих нормах к скорой потере сил. За малейшее нарушение накладываются ужасные наказания, например заключение в темную ледяную камеру. Постоянное перенапряжение сил, недостаток еды и отсутствие каких бы то ни было медицинских учреждений быстро приводят к тяжелым заболеваниям. Больной заключенный переводится на голодную норму, чтобы ускорить его смерть; неполноценная рабочая сила ГПУ не интересует, она подлежит, по возможности, быстрому устранению.

Только очень немногим из приговоренных к принудительным работам удалось до сих пор выбраться обратно на свободу. Один из них — Каэтан Ключ. Он был одним из руководителей марксистского «шутцбунда» в Линце и после неудачного февральского восстания должен был осенью 1934 г. бежать от мести режима Дольфуса. Его путь вел через Чехословакию в страну его мечты, в «рай крестьян и рабочих». В Москве он принял пост главы группы ав-

стрийских эмигрантов и стал членом партии. Но слишком быстро увидел он ужасную нищету рабочих и крестьян. Когда он начал открыто критиковать это, то был обвинен в шпионаже. Арест, мучительное следствие, оправдание, затем осуждение безо всяких оснований к пяти годам принудительных работ в Центральной Азии и ледяной глуши Воркуты, наконец, открыли ему глаза на настоящую суть «рая рабочих и крестьян». После выхода из лагеря, за несколько дней до начала войны с Советским Союзом ему удалось прорваться в немецкое посольство. Вместе с персоналом посольства он прибыл в Германию¹.

Нищета колхозных крестьян

Лозунгом «Земля крестьянам» большевизм привлек к себе крестьянство в дни революции. После того как окончилась Гражданская война и большевизм крепко взял власть в свои руки, быстро выяснилось, что этот лозунг был в прямом смысле слова ловушкой для крестьян. Вместо того чтобы дать крестьянину землю, у него забрали его скромное имущество и принудили вступить в колхоз. Теперь вся земля принадлежала государству, а крестьянин был не более чем дешевой рабочей скотиной, которая обрабатывала для Советов принадлежавшую ему раньше землю, должна была отдавать весь урожай и сама голодать. Результаты этой аграрной политики неминуемо вели к запустению сельского хозяйства и сельскохозяйственного производства. Колхозы в их убожестве, в их грязи и в их нищете — яркое тому свидетельство.

Если считать идею колхозов еврейской, то их организация совершенно правильна. Чтобы сделать невозможной для прежнего крестьянства возврат к самостоятельному хозяйствованию, работа внутри колхоза была так распределена и специализирована, что отдельный человек

---

¹ Каэтан Клюг описал свою жизнь в Советском Союзе в книге «Величайшее рабство в мировой истории»: *Klug K. Die größte Sklaverei der Weltgeschichte. Berlin, 1942. (Примеч. пер.)*

больше не был в курсе производственно-экономических предпосылок, без знания которых невозможно руководить собственным предприятием. Так, одни работают только на полях, другие заняты только в хлеву или на складе, и даже там работа специализирована. В хлеву, например, один отвечает за корм, другой за уход, третий за упряжь, в то время как четвертый, и только он один, работает кучером. Никто не берется за работу другого, потому что он ее не знает или потому что ему удобнее ее не знать.

Последствия лишения крестьян права собственности и специализации их работы очевидны. Малое желание работать, шатание без дела, потери времени, низкие урожаи и большие производственные потери. Против этого бессильны самые драконовские меры наказаний и даже отправка в лагеря, поскольку изрядная часть как раз самых лучших крестьян, противившихся коллективизации, уже давно «ликвидирована».

Таким образом, нищета и убогость определяют лицо колхоза. Выставка демонстрирует этому выразительный пример: колхозный дом со всем внутренним убранством. Его жители, семья с двумя детьми, 15 лет были членами колхоза. Все их богатство было то, что находилось в доме и соседнем полуразрушенном хлеву: тощая корова, 12 связок соломы, четыре центнера картофеля и 24 рубля — стоимость одного килограмма масла. Колхозник уверял, что с 1931 г. голод был, с редкими перерывами, ежедневным гостем в их семье, хотя все члены семьи день за днем тяжело работали.

В соответствии со специализацией сельского хозяйства все пахотные и уборочные работы проводились моторно-тракторными станциями, так называемыми МТС, которые должны были в среднем обслуживать по 25 колхозов. Персонал моторно-тракторных станций тоже был вплоть до самых мелочей специализирован, что, однако, не мешало станциям, как правило, являть собой картину полного запустения. На выставке экспонируется трактор с моторно-тракторной станцией. Из семи тракторов он был единственным в рабочем состоянии. Картофелеубо-

рочная машина, тоже выставленная здесь, четыре года стояла неиспользованной вместе с другими такими же машинами, потому что из-за неудачной конструкции она не могла убирать картофель. Здесь тоже отсутствовали предпосылки для получения урожаев, соответствующих плодородию почвы.

Относительно небольшой колхозный урожай делился на много частей. Государство и моторно-тракторные станции претендовали почти на $\frac{2}{3}$. Колхоз требовал себе свою часть. Нужно было создать запас семян. Остаток делился между членами колхоза в соответствии с трудовым вкладом. О том, что приходилось на каждую семью, крестьяне рассказывают постоянно: со времен экспроприации они часто могли держать только одну корову и одну свинью, даже если имели право на поросят и овцу. Поскольку они владели только небольшим садовым участком, у них никогда не было достаточно корма для содержания большего количества скота. Но независимо от того, сколько у них было скота, они должны были платить налоги на максимально разрешенное его количество натуральными продуктами. Налоги составляли на одного человека 32 килограмма мяса, 110 литров молока и 75 яиц. Того, что оставалось семье, не хватало для жизни. Так, например, семья колхозника получила в 1939 г., то есть в мирное время, только 368 килограммов зерна и 480 килограммов сена, никакого картофеля и никакой соломы. Зарплата деньгами, которую они, кроме того, получали, была весьма скромной, ее не хватало ни для обеспечения дополнительно необходимыми продуктами питания, ни для покупки каких-нибудь других вещей.

Так выглядит «рай для крестьян».

Так живет рабочий в советском раю

Куда ни посмотри, нужда, нищета, запустение и голод. Это касается деревни точно так же, как и города. Потому что и в большевистских городах висит затхлая давящая

атмосфера, затрудняющая дыхание. Выставке удалось — и в этом едины все знатоки ситуации — как раз в этом достичь жизненной правды...

Это большевистский парк культуры, с его изготовленными на конвейере наивными скульптурами, которые из-за низкого качества не выдерживают погодных условий и усиливают то печальное настроение всеобщего распада, которое свойственно всем городам в стране большевизма.

Это — именно такой, какой он был в натуре, — ветхий барак, так называемое студенческое общежитие, который стоял в тени построенного по американским образцам университета и открывал своим бедным жильцам как минимум замечательный вид из их собственной нищеты на его роскошное здание. То, что во всех деталях этого сооружения при ближайшем рассмотрении видна халтурная работа, издали понять трудно. Внутреннее устройство студенческого общежития соответствует внешнему впечатлению. Разбитые стулья, поломанная раскладушка с порванным бельем и изношенным одеялом, пара пропагандистских плакатов, книги, старая гардина: это жилое помещение коменданта общежития. Менее привилегированные жильцы этого дома обитают по одиннадцать человек в таком помещении. Рядом с комнатой коменданта умывальное помещение для 63 студентов, без водопровода, примитивное и грязное.

Взгляд на обычную улицу. Темный провал лавки с самыми примитивными товарами, бумажный костюм (в мирное время!), хлеб, несколько банок и бутылок: скромный намек на предметы ежедневного потребления. Это — государственная лавка. Государственная потому, что в «советском раю» нет коммерсантов в нашем понимании этого слова, так же как ремесленников и вообще независимых предпринимателей — частная собственность упразднена. Рядом мастерская сапожника — исключение из строгого правила на запрет частной собственности, поскольку он работает самостоятельно и не включен в обычные в иных случаях коллективы. Однако высокий налог на особое разрешение на работу забирает большую часть его

скромного дохода, которого далеко не хватает на то, чтобы он и его семья были сыты.

За горами мусора во дворе в центре Минска прячется столовая — тоже государственное предприятие. Она скудно обставлена, посетители должны посуду и столовые приборы приносить с собой, поскольку такие важные предметы потребления при их редкости слишком соблазнительно унести с собой. Притом это здание предназначено не для самых бедных, в него ходят служащие и чиновники. Для самых привилегированных гостей руководитель этого предприятия располагает специальным помещением, где имеется изношенная мягкая мебель. Еда готовилась на отдельной фабрике-кухне и была постоянно однообразной, что давало повод для вечного недовольства, которое находило выражение в книге жалоб. И это во время глубокого мира!

Прямо рядом с роскошным зданием университета стоят бесчисленные, полностью запущенные дома рабочих. Один из них был разобран и снова собран на выставке со всем своим внутренним оборудованием. Здесь жили шесть семей; каждая занимала одно жилое помещение, которое одновременно было спальней, кухней и кладовой. Водопровода не было, и женщины единодушно рассказывали, что они в такой тесноте никогда не могли навести порядок. При этом они считали свое жилье очень хорошим, поскольку оно было сухим и отапливалось. Сколько их товарищей по несчастью жили в сырых подвалах, землянках или вообще не имели крыши над головой, потому что городские власти не заботились о многочисленных бездомных...

Но еще более ужасным, чем вся эта нищета, было полное разрушение семейной жизни, то есть начатое уничтожение семьи вообще. На выставке показан один из тех загсов, где без предъявления необходимых документов заключаются браки и за плату в 50 рублей регистрируются разводы. При этом характерно, что насчитываются бесчисленные случаи, когда мужчины и женщины бывают по многу раз женаты, не разводясь при этом с прежними

супругами. Причину этого следует искать в том, что в целом отсутствует контроль документов.

Результаты этого ужасного разрушения брачных и семейных отношений неминуемо катастрофическим образом сказываются в полном разложении и обнищании молодежи. Выставка показывает это на целой группе беспризорных. Эти дети в возрасте от 4 до 15 лет объединяются в банды, грабежом и воровством добывают себе пропитание. Они находят себе жилье в разрушенных домах и землянках. По данным жителей, в Минске, городе с 300 тысячами жителей, было более 3 тысяч таких оставшихся без родителей детей. Во время опросов эти совершенно запущенные создания рассказывали, что они не знали ни отца, ни матери, ни родительского дома, что у них нет имен, что они даже не знают, сколько им лет. Одна такая банда беспризорных была поймана и помещена в организованный немецкими властями приют; а в их настоящую одежду были одеты маекены, которые дают на выставке достоверное представление о том, как прозябают в полной запущенности в «советском раю» эти несчастные дети.

Множество других экспонатов из советского рая дополняют картину быта среднего большевистского гражданина.

Особого внимания заслуживает кабинет врача, на примере которого ясно, какой возмутительной ложью была большевистская пропаганда об «образцовых социальных условиях» в Советском Союзе. Эта врач, которая из-за отмены частной собственности была исключительно плохо оплачиваемой государственной служащей, зарабатывающей 400 рублей, обитала в трех комнатах, одна из которых служила жилым помещением, другая приемной и третья — лечебным кабинетом. Набор лекарств и инструментов, операционный стол и весь прочий инвентарь были примитивны, насколько это возможно, и ни в чем не соответствовали необходимым гигиеническим требованиям. При всем том эта врач должна была обслуживать район с 30 тысячами жителей, многим из которых приходилось проделать дневное путешествие, чтобы до нее добраться.

Глава 4

ВЗГЛЯД БЕЖЕНЦА

Книга Николая Игнатьевича Киселева-Громова «Лагеря смерти в СССР»

Основным источником информации о советской репрессивной системе (если не считать официальных советских данных) были в 20—40-х гг. показания очевидцев и беженцев из СССР.

В книгах иностранных специалистов, работавших в СССР на стройках первой и второй пятилеток, почти всегда упоминаются заключенные и депортированные крестьяне, работавшие на тех же стройках.

Еще больше было людей, побывавших в шкуре заключенных, а потом бежавших из СССР, а иногда даже сначала из лагеря, а потом из СССР. Многие из них тоже писали книги или делились своими впечатлениями с журналистами.

Например, одна книга, с выразительным названием «Величайшее рабство в мировой истории»¹, вышедшая в 1942 г., была написана по рассказам австрийского марксиста Каэтана Клюга. Клюг приехал в СССР в 1935 г., был арестован в 1936 г., освобожден из лагеря после пя-

---

¹ Die größte Sklaverei der Weltgeschichte. Tatsachen Bericht aus den Strafgebieten der G.P.U. Von Kajetan Klug. Ausgezeichnet von Karl Neuschler. Berlin, 1942.

тилетнего заключения в 1941 г. и вместо того, чтобы прибыть на предписанное ему место жительства Балаклаву, незаконно приехал в Москву. 18 июня 1941 г., за четыре дня до начала военных действий, Клюг прорвался в немецкое посольство в Москве. Он был интернирован вместе со всем персоналом посольства и оказался в Германии.

Книг, написанных бывшими немецкими или русскими заключенными, довольно много.

Работа Николая Игнатьевича Киселева-Громова «Лагеря смерти в СССР» представляет на этом фоне особый интерес. Она написана не бывшим заключенным, а бывшим сотрудником ОГПУ, работавшим в знаменитом Соловецком лагере в конце 20-х гг. и бежавшим на Запад в 1930 г.

Автор книги служил в инспекционно-следственном отделе СЛОН (Северные лагеря особого назначения) и в штабах военизированной охраны лагерей. Поэтому он имел представление о системе лагерей в целом и доступ к статистическим данным.

На русском языке книга Громова была в сокращенном виде издана в Шанхае в 1936 г.¹ В 1938 г. вышло ее немецкое издание², почти вдвое большее по размеру, чем русское. Видимо, перевод делался не с русского, отредактированного варианта, а с оригинальной рукописи.

В книге описывается ранний «догулаговский» период существования советских концентрационных лагерей, до сих пор малоизвестный. Тем большее впечатление книга могла произвести на читателей 30-х гг.

Отрывки из книги приводятся по русскому изданию 1936 г. с предисловием Сергея Маслова.

---

¹ *Киселев-Громов Н.И.* Лагеря смерти в СССР. Шанхай, 1936.

² *Kisselev-(Gromow) N.I.* Die Totenlager in der USSR. Karlsbad—Leipzig, 1938.

Н.И. Киселев-Громов

ЛАГЕРЯ СМЕРТИ В СССР

**Великая братская могила
жертв коммунистического террора**

*Книгоиздательство Н.П. Малиновского
Шанхай, 1936 г.*

Предисловие

Лагеря смерти — это Северные лагеря особого назначения Объединенного политического управления. Их сокращенное название СЛОН ОГПУ, или еще короче — СЛОН.

В России и за границей, в разговорном языке и литературе их обычно именуют Соловецкими и просто Соловками. Эти названия — когда-то верные, теперь — анахронизмы.

В 1923 г., когда Архангельский концентрационный лагерь с материка был переведен на острова, он действительно превратился в Соловецкий. Его площадь тогда ограничивалась лишь группой Соловецких островов (Большой Соловецкий, Большой и Малый Муксольт, Заячий и Анзер). Вскоре лагерь переполз обратно на материк и на нем, как спрут, начал распластываться во всех направлениях. В начале 1930 г. Соловецкие острова тонули в площади, на которой расползся прежний Соловецкий лагерь. В административном смысле на севере Европейской России уже в 1929 г. было семь лагерей; на Соловецких находился лишь один из них... Исчезло и второе основание для прежнего названия: в конце лета 1929 г. Управление СЛОНа (сокращенно УСЛОН), находившееся до того времени на Большом Соловецком острове, перебралось на материк, в город Кемь, и на острове осталось только управление одного из лагерей. Так прежде единственный лагерь разросся в целый комплекс лагерей; соответственно переменялся и переме-

стился его центр. Прежнее название теперь неверно: оно незаконно и сильно сужает границы владения, в котором работают подлинные рабы и хозяйствует смерть.

В противоположную ошибку впадает автор настоящей книги: он преувеличивает территорию СЛОНа, включая в нее и туркестанский лагерь с центром в Алма-Ате (бывший город Верный). Последний является независимым от СЛОНа и как самостоятельная единица входит в общероссийскую сеть лагерей особого назначения.

Автор настоящей книги — Николай Игнатьевич Киселев принадлежит к «третьей эмиграции». Как вся она, он — недавний «совработник», но, в отличие от большинства ее, он не пассивный «невозвращенец», а «активный» эмигрант: в последнего он превратился, нелегально перейдя 21 июня 1930 г. границу и очутившись в Финляндии. О своей предшествующей службе он рассказал в автобиографии, из которой мы заимствуем приводимые ниже сведения о нем.

В период Гражданской войны Киселев служил добровольцем в 1-м конном полку имени генерала Алексева. При эвакуации Новороссийска был брошен своей частью в госпитале, в котором лежал после ранения ноги. Так оказался он во власти 22-й советской дивизии, занявшей Новороссийск. Спасая жизнь, объявил себя красноармейцем Карповым, отбившимся от части (2-го Кубанского революционного батальона). Под этой фамилией ему удалось устроиться делопроизводителем культурно-просветительной части в политическом отделе дивизии; под ней он жил и во все последующие годы до перехода русско-финской границы...

Дальнейшая служба Киселева протекала в особом отделе той же 22-й дивизии, затем в чрезвычайных комиссиях разных городов Северного Кавказа. Во всех них он был начальником секретных отделов, ведших борьбу с антисоветскими партиями и духовенством. В 1924 г. ему удалось уйти со службы, но не прошло и месяца, как он

был вызван административно-организационным отделом ОГПУ и, после недолгого разговора, был снова водворен на прежнюю «работу». В 1927 г., после одной ревизии, обследовавшей деятельность сотрудников ОГПУ, он был обвинен в «халатности» и отправлен в наказание на службу в Управление СЛОНа. Там он служил в течение трех с половиной лет в инспекционно-следственном отделе (ИСО) и в штабе военизированной охраны лагерей. «Бежал я за границу, — пишет автор, — не потому, что мне у большевиков жилось материально плохо, и не для того, чтобы за границей найти материально лучшую жизнь... Бежал я и не потому, что крысы всегда бегут с гибнущего корабля: советский корабль довольно крепок и тонуть он пока что не собирается; наоборот, он ежечасно готовится к тому, чтобы топить корабли капиталистической конструкции... Я бежал за границу, чтобы целиком отдать свою оставшуюся жизнь, знания и опыт на дело освобождения России от большевиков».

Настоящая книга представляется автору его первым вкладом в эту борьбу.

Книга Киселева, превосходя все, до сих пор написанное о лагерях смерти, не свободна, однако, от ошибок, порою весьма грубых.

Мы уже указали, что автор ошибочно относит лагерь в Алма-Ате к СЛОНу. В его рукописи мы обнаружили затем ряд противоречивых цифр о СЛОНе и должны были совершенно удалить их. При выяснении причин, породивших «неувязки» в цифрах, мы установили, что в рукопись цифры были внесены не по записям автора, вынесенным из России, а по памяти. Это обстоятельство заставляет нас рекомендовать читателю не принимать оставшиеся в книге цифры как совершенно точные. Память явно изменяет автору и в ряде других важных случаев. Сюда относятся данные автора об уроке заключенного при лесозаготовительных работах. Он определяет урок в 35 деревьев на одного заключенного в день. Эта

норма физически невыполнима. В показаниях крестьян Южной России (в брошюре «Соловецка каторга») она определяется в 34 дерева в день на трех человек; генерал Зайцев в своей книге «Соловки» указывает 13 деревьев как ежедневный урок одного заключенного. По-видимому, правильной следует считать норму, единогласно названную несколькими крестьянами Южной России: 34 дерева в день на трех человек (срубить, очистить от сучьев и коры и разрезать на куски установленной длины). Кажется, ошибается автор, говоря о **четыре**х категориях заключенных по их трудоспособности: печатные источники и наши личные расспросы говорят о **трех** категориях 1) не способные **ни к какой** работе; 2) неспособные к **физической** работе; 3) пригодные для всех работ. При личных расспросах автор настаивал на существовании четырех категорий, но был не в состоянии указать, какие же лица относятся к первой категории; не указывает он этого и в своей книге. Сомнение вызывает и количество хлеба, выдаваемого заключенному на лесных работах; по автору, оно равняется одному килограмму в день, все остальные источники показывают или два фунта, или 800 г, то есть величины совпадающие.

Эти ошибки не уничтожают ценности книги и даже не уменьшают ее. Сила книги не в отдельных фактических данных, она в живом изображении всего зверино-страшного быта лагерей смерти, в которых жизни полутора миллиона людей ежедневно и ежечасно с бездушием и автоматизмом машины «перерабатываются» в хозяйственные ценности, и прежде всего в экспортный лес.

В этой живой и жуткой картине лагерей смерти отражается жизнь всей современной подчехкистской России, ибо в зверином бездушии администрации лагерей лишь повторяется такое же бездушие центральной власти, с которыми она «перерабатывает» живую жизнь великой страны в трупный коммунизм. Книга поэтому мобилизует душу. С позиции пассивного зрителя она властно влечет на позиции деятельной и жертвенной борьбы. Автор достигает своей цели.

Рукопись Киселева при редактировании ее была сильно изменена: без ущерба ее фактическому содержанию она на треть сокращена; весь материал ее наново перегруппирован, чтобы сделать его более связным, и 55 глав в рукописи автора превратились в 10 глав настоящей книги; ее подзаголовок и название отдельных глав принадлежит нам (автор предполагал назвать свою книгу «Великой братской могилой лучших русских людей»).

Сергей Маслов

I. Общие сведения

Северные лагеря особого назначения ОГПУ (сокращенно СЛОН ОГПУ) расположены: 1) на Соловецких островах в Белом море, в 60 км от пристани Кемь; 2) на острове Конд, что в Онежской губернии Белого моря, в 30 км на север от деревни Унежма Архангельской губернии; 3) на Мяг-острове, в той же Онежской губернии; 4) на всей территории Карелии, начиная от города Петрозаводска и кончая рыбопромышленной командировкой «Териберка» на берегу Северного Ледовитого океана северо-восточнее города Мурманска; 5) на территории Архангельской губернии и 6) в Туркестане, в автономной республике Казахстан.

Крупнейшие административные части, на которые делится СЛОН, называются «отделениями». Их — восемь. Штаб первого отделения находится на Поповом острове, в 12 км от территории Кеми Карельской автономной республики; штаб второго — на станции Майгуба Мурманской железной дороги; третьего — на станции Кандалакша той же Мурманской железной дороги; четвертого — на острове Соловки в Белом море; пятого — на разъезде Белый Мурманской железной дороги, в 150 км на юг от города Мурманска, на месте разработок апатитовых руд; шестого — в Вишере Архангельской губернии; седьмого — в городе Котласе Архангельской губернии; восьмо-

го — в районе города Алма-Ата (бывший город Верный) в Казахстане.

Последнее отделение открыто в 1930 г. Ранней весной этого года Управление СЛОНа получило из Москвы от ОГПУ предписание отобрать лучших среди своих чекистов-надзирателей и послать в Алма-Ату для надзора за заключенными в открывающемся там лагере. Назначение этого отделения — очищать строящуюся Туркестанско-Сибирскую линию от песков, которые заносят ее, и производить иные работы по ремонту железнодорожного полотна.

Все отделения СЛОНа имеют свои «командировки», то есть места работ, которые административно подчинены штабу отделения, непосредственно или через промежуточные административные инстанции — штаб лагеря, штаб отдельного пункта. «Командировок» к 1 мая 1930 г. было 873. Все командировки делятся на штрафные — с повышенно суровыми условиями жизни для заключенных, — так сказать, нормальные и инвалидные, предназначенные для заключенных калек. Первых к 1 мая 1930 г. было 105, вторых 756 и третьих 12. По характеру производимых работ штрафные и «нормальные» командировки делятся на 8 категорий: 1) лесозаготовительные; 2) по сплаву леса; 3) дорожно-строительные — они прокладывают дороги военно-стратегического значения вдоль всей финляндской границы; 4) мелиоративные — осушающие болота; 5) рыбопромышленные — заняты ловлей рыбы и всеми дальнейшими операциями с ней; 6) погрузочно-разгрузочные — они нагружают и разгружают железнодорожные вагоны и пароходы в районах расположения лагерей; 7) строительные — они работают по расширению Мурманского порта, по устройству в Кеми сухого дока и т. п.; 8) «продажные» — на них работают заключенные; отданные Управлением лагерей за определенную сумму в эксплуатацию советским организациям, действующим в районе лагерей — «Кареллесу», «Северолесу» и другим; надзор за этими заключенными и содержание их находится в ведении лагерей, а их хозяйственное использо-

вание предоставлено полному усмотрению покупателей рабочей силы.

К 1 мая 1930 г. на всех 873 командировках по строевому списку Управления СЛОНа работало 662 257 человек заключенных — взрослых мужчин, женщин и подростков в возрасте от 13 до 17 лет.

Площадь всех помещений, в которых жили работавшие на командировках, на 1 мая 1930 г. равнялась 493 896 кв. м, то есть по 0,75 кв. м на одного заключенного. Чтобы получить кубатуру жилых бараков для заключенных, надо 0,75 м помножить на 2,5 м — стандартную внутреннюю высоту бараков. Получим около 1,9 куб. м на одного заключенного.

Во главе всех отделений с их лагерями, отдельными пунктами и командировками стоит сложноразветвленное и переполненное служащими управление, которое сокращенно называется УСЛОН ОГПУ, или просто УСЛОН. До лета 1929 г. оно находилось на Соловецком острове, а потом переселилось в город Кемь, где находится и по настоящее время. Во главе СЛОНа стоит его начальник, непосредственно подчиненный Специальному отделу (Спецотдел) ОГПУ в Москве, ведающему специальными местами заключения во всей России и возглавляемому членом коллегии ОГПУ Глебом Бокием.

II. Категории заключенных

Нэпманы. Крестьяне. Каэры. Мелкие группы

Нэпманы. Первыми среди заключенных СЛОНа называли «нэпманов», то есть частных предпринимателей, открыто появившихся на арене русской жизни после объявления коммунистами в 1921 г. новой экономической политики (НЭП). Россия, к этому времени экономически задохнувшаяся, получив с НЭПом свежую и богатую струю воздуха, сразу ожила. Право на частную собственность и связанную с ней частно-хозяйственную инициативу — главный рычаг прогресса — оказали свое

благотворное действие. Все заработали, все повеселели, казалось, что даже солнце начало веселее светить. Разрушенные «военным коммунизмом» фабрики, заводы, мастерские и другие предприятия вдруг заработали, в них загудели гудки. Бодро и весело пошли в них работать томившиеся до этого от безработицы и голода люди. Крестьяне увеличивали посевную площадь и поголовье скота. Как грибы стали расти столовые и рестораны, пивные, кондитерские и проч., что скрашивает человеческую жизнь. Жизнь расцвела; чувствовалась могучая весна, обещавшая обильный урожай. Новый коммунистический припадок, как адская бомба, разрушил все, что создал НЭП, и вновь вверг Россию в нищету и голод.

ОГПУ, через свое экономическое управление, бдительно следило за материальными накоплениями всех, кто участвовал в НЭПе. «Для осуществления этой задачи, — писало экономическое управление ОГПУ подчиненным ему отделам в провинции, — примите меры к тому, чтобы не менее 50% нэпманов было в числе ваших секретных осведомителей. При насаждении среди нэпманов секретного осведомления в методах не стесняйтесь: применяйте меры принуждения».

Те, кто не хотел быть секретным осведомителем ОГПУ, сначала всячески притеснялись в их хозяйственной деятельности, потом их стали ссылать или на принудительные работы в СЛОН, или на поселение. Для соблюдения формы им предъявлялось какое-либо обвинение совершенно независимо от того, виновны они или нет. В России существует поговорка: «Был бы человек, а статья Уголовного кодекса найдется...» Достаточно, например, ОГПУ узнать, что вы где-нибудь повторили эту поговорку, как вы будете занесены в список «лиц, дискредитирующих советскую власть» и сделаетесь кандидатом в СЛОН.

До 1926 г. ОГПУ, через своих секретных сотрудников, занимавших в финансовых органах должности финансовых инспекторов, налоговых агентов и проч., только

выколачивало накопления нэпманов, взимая с них такие налоги, что самому нэпману оставался лишь прожиточный минимум. С 1926 г. ОГПУ начало громить НЭП открыто. Нэпманы арестовывались и ссылались (одни или с семьями), причем им «для приличия» предъявлялись обвинения или в спекуляции валютой, или в укрытии доходов, или еще в чем-либо. Нэпманы, у которых ОГПУ, по его мнению, выкачало еще не весь капитал, обычно ссылались на принудительные работы в СЛОН, а другие, с которых, как думало ГПУ, уже нечего было взять, отправлялись в ссылку на поселение. Вместе с ними часто ехали и их жены, как «соучастницы по делу», а дети оставлялись на произвол судьбы. Имуущество ссылаемых в СЛОН нэпманов, как правило, конфисковывалось в пользу государства. В итоге сам нэпман в СЛОНе, по шею в снегу, пилит лес, выслушивая подтрунивание чекистов-надзирателей, приговаривающих под звук пилы: «Тебе-мене, УСЛОНу... Тебе-мене, УСЛОНу», а жена его, чтобы не умереть на голодном пайке и непосильной работе в лесу по вывозке дров, должна отдавать свое тело чекистам — надзирателям СЛОНа.

Оставшиеся от таких разрозненных семейств дети, если им не менее 13 лет, попадают под периодически устраиваемые ОГПУ (не менее одного раза в год) изоляции «социально опасного» элемента и, как «социально опасные», ссылаются тоже в СЛОН на 2—3 года. Там одни из них, наравне со взрослыми, участвуют в тяжелых лесозаготовках, а другие работают в роли уборщиков, курьеров, дневальных и проч.

Приведу типичную историю одного из подростков. Этот шестнадцатилетний Фадеев работал в момент моего ухода за границу на командировке 51-го километра строящегося тракта военного значения (от станции Лоха Мурманской железной дороги до станции Кестеньга, что в пограничной русско-финской полосе). Таких, как Фадеев, на этой командировке в июне 1930 г. работало 59 человек, а всего на командировке в это время было 579 заключенных.

Я спросил мальчика, за что он попал в СЛОН. «Не знаю, гражданин-начальник, — ответил Фадеев со слезами на глазах. — У моего папы была переплетная мастерская; в ней работали папа, мама, два рабочих и я. Финотдел наложил на папу большой налог. Заплатить его он не мог. За это ОГПУ арестовало его. Потом в ОГПУ вызвали маму и стали ее допрашивать, куда мы дели заработанные деньги. Мама сказала, что мастерская у нас маленькая, работало в ней только 5 человек и что мы зарабатывали только на жизнь, а таких денег, как требует финотдел, у нас с роду не было. Сперва маму не арестовали, но потом, когда из Москвы пришла бумага о папиной ссылке на 5 лет в Соловки, арестовали и маму и тоже сослали в СЛОН на три года. Где папа и мама здесь работают, я не знаю. Когда папу и маму повезли в Соловки, к нам домой пришли два человека в фуражках ОГПУ и с кубиками на петлицах и два человека из финотдела. Они опечатали нашу квартиру и мастерскую, а мне велели идти к знакомым. Сперва жил у тети, но ее тоже скоро арестовали за торговлю на базаре мануфактурой и сослали на три года в Соловки. Тогда я поехал к бабушке — она жила в другом городе. На узловой станции я стал просить у людей на хлеб. Ко мне подошел агент железнодорожного ГПУ и арестовал меня. Две недели я просидел в тюрьме, а потом меня отправили в Соловки. На сколько лет — не знаю. Гражданин начальник, может быть, вы скажете, какой у меня срок и за что я сослан в СЛОН?»

Разыскав его формуляр, я сказал ему, что он осужден особым совещанием при коллегии ОГПУ на два года как социально опасный элемент.

«А что это такое, социально опасный элемент?..» — спросил он.

Вместе с нэпманами и членами их семейств в СЛОН и в ссылку на поселение в большом количестве шли лица, которые работали в частных предприятиях в качестве наемных служащих и рабочих. Эту категорию советских граждан ОГПУ всегда считало элементом со-

циально опасным и вредным в деле социалистического строительства.

К этой же категории заключенных надо отнести бывших владельцев средних и мелких домов и таких же промышленных предприятий. Многие из них, воспользовавшись изданными советской властью в период НЭПа законами о денационализации и демунICIPализации средних и мелких частнособственнических владений, стали ходатайствовать перед соответствующими инстанциями о возвращении бывшей их собственности. Но «советские законы как дышло — куда повернешь, туда и вышло», пишутся они больше для втирания очков... Владельцы домов и предприятий ходатайствовали, а коммунисты их ходатайствами раздражались.

В результате — директива от ГПУ: арестовать всех ходатайствующих «буржуев»; а также адвокатов, через которых эти ходатайства осуществляются, и сослать и тех и других на принудительные работы в СЛОН... Приказано — сделано: в СЛОН едут и буржуи, и их адвокаты. В одном только 1927 г. в СЛОН за 2 недели прибыло 4765 бывших домовладельцев и 113 адвокатов. Адвокаты давно раздражали ОГПУ своими ходатайствами за лиц, арестованных ОГПУ, и последнее решило отделаться от них. И отделалось: адвокаты теперь пилят СЛОНу экспортный лес.

Вот первая категория лиц, заключенных в СЛОН, — нэпманы, их жены, их дети старше 13 лет, лица, состоявшие у них на службе, владельцы мелких и средних домов и предприятий. Все они заочно осуждены коллегией ОГПУ на сроки обычно не ниже 3 лет и до 10 лет включительно. По отбытии срока наказания (что случается не часто, так как редкий из заключенных выдерживает более 3 лет заключения) они, как правило, ссылаются на три года в ссылку на поселение в глухие и отдаленные места России.

Крестьяне. Вторая группа заключенных в СЛОНе — крестьяне. Слезы навертываются на глаза при виде крестьян, когда они прибывают на Попов остров, где рас-

положены штаб 1-го отделения СЛОНа Кемьперпункт (Кемьский пересыльный пункт) и в карантинные роты.

В лаптях, в изорванных и грязных, домотканого сукна поддевках, сами, как шахтеры, грязные, все худые, бледные, изможденные, со страхом на страдальческих лицах, с дрожащими губами и выпученными глазами, они заискивающе смотрят на принимающих их в лагерь, психически не вполне нормальных чекистов-надзирателей. По несколько часов стоят они на морозе в строю, дрожа всеми членами от пронизывающего их насквозь северного холодного ветра. Каждого, кого надо и не надо, они называют «гражданином начальником». В их движении, на их страдальческих худых лицах чувствуется сильнейшее желание угодить каждому чекисту и снискать его милость...

Крестьяне в СЛОН попадают, главным образом, за пассивное нежелание идти в колхозы, насаждаемые теперь в целях «коллективизации сельского хозяйства». «Индивидуальных собственнических хозяйств и частной собственности вообще в социалистическом обществе не должно быть», — говорят коммунисты. «Частная собственность это пережиток старины», — авторитетно добавляют 18—20-летние комсомольцы, важно шагающие по русским деревням с портфелями из крокодиловой кожи и занятые там проведением коллективизации.

Но какая связь коллективизации со ссылкой в СЛОН? — спросит читатель. Ведь коллективизация добровольна. Связь тут прямая и тесная. О добровольных действиях «свободных» граждан СССР в России существует такой анекдот. Макдональд в дружеской беседе с Чичериным сказал: «Скажите, пожалуйста, господин Чичерин, как это вы умудряетесь распространять в России всякого рода внутренние государственные займы? Бросьте в сторону дипломатию, и давайте говорить просто». — «Э, чудак вы, мистер Макдональд. Дело все в том, что мы, коммунисты, хорошо знаем психологию нашего народа; мы знаем, как правильно и вплотную подойти к нему. Граждане воспитаны нами в духе классового самосознания, они научены

у нас мыслить государственно — вот где лежит та причина, которой вы интересуетесь». — «Но помилуйте, господин Чичерин, наши англичане тоже государственно мыслящие люди; однако у нас, в Англии, никак этого нельзя было бы сделать; раз англичанин знает, что преподносимая ему пища горькая, он ни за что не станет ее кушать». — «О, мистер Макдональд, вы ошибаетесь, — сказал Чичерин. Он тут же подозвал к себе собачонку и намазал ей горчицей под хвостом. Собака сначала завизжала, закрутилась, а потом присела и начала вылизывать горчицу... — Вот видите, — сказал Чичерин, — горчица как будто и горькая, однако собака облизывает ее». — «Да, — ответил Макдональд, — вы правы, господин Чичерин...»

Вот типичная обстановка, при которой производится в деревнях коллективизация... Председатель, например, какой-нибудь деревни на Кавказе — не ее житель. Ни жизни этой деревни, ни людей ее совершенно не знает; он прислан для местной административной работы откуда-нибудь из центра России. Он — не выборное лицо, как это полагается по советской Конституции, а назначенец; его на эту работу назначил партийный комитет, по указанию ОГПУ, потому что он состоит активным секретным сотрудником его. От партийного комитета председатель исполкома имеет директиву о проведении сплошной коллективизации в деревне («так как ваш район объявлен районом сплошной коллективизации»), а от ОГПУ приказ «братъ на карандаш весь тот контрреволюционный элемент, который не пожелает вступать в коллективы, и немедленно доносить нам с одновременным представлением списка всех кулаков деревни».

В обоих приказах председатель исполкома предупреждается: «Невыполнение директивы партии повлечет за собой привлечение вас к уголовной ответственности за халатность».

Такое же предупреждение получают секретари коммунистической и комсомольской ячеек и секретарь союза воинствующих безбожников, все сотрудники ОГПУ. Эти

комдворяне собирают крестьян на общее собрание и начинают доказывать им, что «собственность — пережиток старины», что «собственностью попы затемняют классовое сознание пролетариата», что крестьяне, — если они не враги советской власти и не контрреволюционеры, — должны немедленно записаться в коллективы, в которых для них будет не жизнь, а рай. «А если кто не будет записываться в коллективы, — обычно, с пеной у рта, добавляет секретарь комсомольской ячейки, — то он — враг советской власти. Врагам советской власти нет места в СССР, ибо, как сказал товарищ Сталин, врагов советской власти мы должны вырвать с корнем и уничтожить кулаков и собственническую гидру контрреволюции». После такого заключения крестьяне, за 13 лет достаточно хорошо наученные понимать советские приказы о социалистическом строительстве, записываются в коллектив. Некоторые же «чересчур умные», как их называют на своем языке чекисты, зная из газет, что коллективизация добровольна, в коллективы не записываются. Чекисты расценивают это как «пассивное сопротивление делу социалистического строительства». На таких крестьян председатель исполкома совместно с секретарями коммунистической ячейки, комсомола и союза воинствующих безбожников немедленно составляет списки и направляет их в распоряжение ОГПУ. Последнее «виновных», вместе с семьями, арестовывает и ссылает: главу хозяйства на принудительные работы в СЛОН (как правило, на 10 лет), а членов и родственников, если они жили вместе, — в разного рода ссылки на поселение. Имущество их конфискуется и передается в собственность коллектива.

Такова участь тех крестьян, которых большевики называют середняками. «Кулаки» умнее середняков. Они знают, что их положение такое, что им не только нельзя оказывать «пассивного сопротивления», но надо всячески угождать власти. «Кулаки» без всякой агитации, сами просят их записать в коллектив, но... их арестуют и так же, как тех, кто «пассивно сопротивляются», ссылают

в УСЛОН и в ссылки. Имущество их точно так же конфискуется и передается в собственность коллектива.

Была и другая связь коллективизации с заселением северных лагерей. Когда было принято решение о сплошной коллективизации сельского хозяйства, крестьяне начали продавать свой скот и другое имущество.

«А-а! Вот оно где, гнездо контрреволюции. Вот где кулаки. Вот кто мешает делу социалистического строительства!» — сказали чекисты и донесли об этом Лубянке (Центральное ОГПУ в Москве) в своих ежемесячных докладах. Лубянка дала на этот счет соответствующую директиву. В результате ее и эта группа «пассивно сопротивляющихся» начала арестовываться и ссылаться на принудительные работы в СЛОН, на срок, как правило, 10 лет. Этим врагам советской власти предъявляется обвинение по статье Уголовного кодекса, предусматривающей экономическую контрреволюцию.

На 1 мая 1930 г. их в СЛОНе состояло 8750 человек. Имущество их, по постановлению коллегии ОГПУ, было конфисковано и передано в собственность коллективов. Семьи и их родственники, которые при них жили, ссылаются на поселение в Нарым, Казахстан, Сибирь, на Урал и в Мурманский край на Хибинские апатитовые руды.

Однажды я спросил одного из заключенных, крестьянина с Украины:

«Какой у вас срок наказания и за что вы сидите?»

«У мене, — ответил он, — 53-я статья, гражданин начальник, а пункт 10» (статья, предусматривающая антисоветскую агитацию).

«Ну, а що ты наробив таке, що тобі 10 років дали?»

«Ей-богу, — ответил он, — я ні чого такого не наробив, гражданин начальник. У мене не було лоша; воно, цур ему і пек, взболотулось і ушло нічю із дому, а якийсь хуліган поймав его на улиці, тай повісив ему на шію плакату: «Дыбай до коллективу». На другій день мене визвав уполномоченный Га-Пе-У, тай питає: «Це, каже, ти повісив плакату?» — «Ні, кажу, то не я зробив. Це, кажу, якийсь хуліган зробив». Побалакали ми з ним с півчасу,

і він отпустів мене до дому. А через 20 днів гапеу арестувало мене та-й гайда в УСЛОНУ на 10 років. Гражданин начальник, як би це грамоту написати до ВЦИКу, щоб помилювали?» — спросил он меня.

Я в это время вспомнил советскую поговорку: «Напишите заявление и приложите две гербовые марки: это вам поможет, как мертвому припарки».

Каэры. Третью многочисленную группу заключенных в Северных лагерях особого назначения представляют каэры, то есть контрреволюционеры. За что они сидят? Ни за что, если считаться с писаными советскими законами и не обращать внимания на законы неписаные, которыми руководствуется в своей практике ОГПУ.

К каэрам ОГПУ относит: всех, кто служил в армиях Деникина, Колчака, Врангеля, Юденича, Петлюры и прочих антибольшевистских армиях; кто состоял на государственной службе при царской власти: младших и старших унтер-офицеров, действительных офицеров всех чинов и рангов, чиновников, волостных старшин и атаманов, приставов, судей, адвокатов, бывших фабрикантов и заводчиков, домовладельцев, лиц, имеющих за границей родственников; лиц, возвратившихся из эмиграции; тех, кто когда-либо состоял в «бело-зеленых» бандах (хотя все они соответствующими декретами советской власти и амнистированы); священников, ксендзов, мулл, монахов и т. д.

Все они, по директиве Коммунистической партии, подлежат физическому уничтожению.

«Каэры, попы, кулаки, монахи, сектанты, — помню, говорил на съезде начальников секретных отделов в Москве Держинский, — наши злейшие враги. Чем скорее мы от них отделаемся, тем скорее подойдем к социализму. Если теперь эта публика и не каэрует, потому что мы зажали ей горло, — это не значит, что мы можем оставить ее в покое. Эта публика слеплена из такого теста, что от нее в любую благоприятную для нее минуту можно ожидать ножа в спину. Жесточайшая и упорная борьба с

этим элементом, — борьба, в которой мы не должны брезгать никакими методами, — борьба, в конечном результате которой не должно остаться в живых ни одного каэра, ни одного попа, монаха и сектанта. Вот наш чекистский лозунг, который каждый честный чекист должен ежеминутно помнить и которым он должен руководствоваться в повседневной своей работе».

После съезда на места был разослан соответствующий циркуляр. Им ОГПУ руководствуется и по сей день.

До 1923 г. уничтожение каэров происходило в подвалах ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии). В 1923 г. ОГПУ одумалось: «Зачем каэра, попа, кулака, нэпмана, монаха, сектанта и всех других, кто слеплен из такого теста, уничтожать без пользы? Пусть они сначала поработают на Советы».

Был организован СЛОН. Там попы, каэры, кулаки и прочие «вредители» постепенно уничтожаются, но не раньше, чем каждый из них даст Советам полную меру труда, какую только человек способен дать; сами они уничтожаются («потихоньку загибаются», как говорят чекисты СЛОНа), но вместо них получается в массе заготовленный экспортный лес...

«Загибание» в СЛОНе происходит вот уже 12-й год. Как долго оно еще будет продолжаться, — зависит отчасти от воли и совести тех, кто узнает об этом хотя бы из моей книги.

Всех тех, кто «слеплен из такого теста», ОГПУ держит на внимательном учете. По мере того как арестованные этой категории умирают в СЛОНе на нечеловеческих работах, ОГПУ арестует тех, кто еще живет на свободе, предъявляет им какое-либо обвинение и ссылает в СЛОН. Среди каэров назову отдельно «войковцев», возвращенцев, лиц духовного звания и сектантов.

В 1928 г. в Варшаве был убит советский полпред Войков. Убил его польский подданный Каверда, без участия каких-нибудь сообщников. Тем не менее на это убийство надо было советскому правительству достойным образом ответить, и оно ответило...

Через неделю после убийства из спецотдела ОГПУ поступил в УСЛОН зашифрованный телеграфный запрос: «Сообщите сколько можете принять заключенных точка Глеб Бокий».

«Двадцать тысяч человек», — ответил зашифрованной телеграммой УСЛОН. Через десять дней после совершения убийства на Попов остров уже прибыло два эшелона «войковцев» с 1250 заключенными. А месяц спустя в СЛОНе были уже все «войковцы» — 18 956 человек.

«Товарищ инженер, вы по какой статье сидите?»

«Я войковец».

«А на какой срок?»

«Пять лет».

Такие разговоры происходят между заключенными в СЛОНе. Спрашивают и отвечают шепотом, так как слово «войковец» — запрещенное: оно дискредитирует советскую власть, за него можно попасть в карцер, в штрафной изолятор или в штрафную командировку.

«Возвращенцы» — это те, кто вернулся в Россию из эмиграции, поверив большевицким обещаниям об амнистии. В 1924 г. большевикам удалось заманить обратно в Россию несколько тысяч русских эмигрантов. Возвращались, но в меньших количествах, они и в последующие годы. Часть из них по прибытии в Россию, прямо с поездов и пароходов взяты и посажены в подвалы ОГПУ, откуда они уже на свет больше не вышли. Других ОГПУ взяло на учет и многих заставило работать на себя в качестве секретных осведомителей.

Вот типичный разговор чекиста с возвращенцем при вербовке его в осведомители: «Если вы теперь не враг советской власти, вы должны помогать нам в деле борьбы с контрреволюцией внутри самой России и за границей; работать вы должны активно, так как вам надо заглаживать свою вину перед советской властью. Если вы не будете работать активно, — значит, вы неисправимый враг, а с врагами у нас счета короткие». После этого возвращенцу оставалось или «экспрессом отправиться

в штаб Духонина», или активно работать в ОГПУ — испустить свою «вину». Пользовалось ОГПУ возвращениями и для дальнейшего заманивания русских эмигрантов обратно в Россию. Оно заставляло их писать своим друзьям и родственникам, живущим за границей, письма с убеждением вернуться на родину и обнадеживанием полной амнистии, безопасности и всевозможных благ.

Уже здесь, в Гельсингфорсе, один мой знакомый рассказал мне о таком письме, полученном им из СССР. Автор письма горячо убеждал адресата вернуться в Россию, а под маркой, случайно отклеенной моим знакомым, было написано: «Ради Бога, не приезжай»...

Последний этап в жизни почти всех нерасстрелянных возвращенцев один и тот же: они попадают в СЛОН. Там на 1 мая 1930 г. их было 4560 человек.

Довольно много среди заключенных в СЛОНе лиц духовного звания, монахов и сектантов.

Борьба с религией, каковой занимается секретный отдел ОГПУ, до половины 1923 г. велась иначе, чем с другими видами контрреволюции: устраивались только антирелигиозные диспуты. На них с теорией безбожия выступали «знатоки» этого дела: рабочие от станка и комсомольцы с комсомолками. Во время этих диспутов ОГПУ через своих секретных осведомителей брало на карандаш наиболее активных как среди духовенства, так и среди их прихожан, исподволь готовя списки... Потом этот метод «борьбы с религиозным дурманом» ОГПУ признало негодным, так как на диспутах проповедники безбожия обычно терпели поражения и религиозные чувства населения крепили.

ОГПУ додумалось тогда до создания «живой» церкви. Этим ходом ОГПУ стремилось внести смуту в ряды православного духовенства и подорвать в глазах верующего населения авторитет священнослужителей, а вместе с тем и религию. Среди проповедников «живоцерковничества» было много морально неустойчивых и в мирской жизни разложившихся священников. Их ОГПУ завербовало в секретные сотрудники... Дальше недостаточным спосо-

бом воздействия была признана и «живая церковь». ОГПУ по директиве Центрального комитета Коммунистической партии приняло более радикальные меры борьбы с духовенством и религией. Начиналось закрытие церквей обычно по «добровольному постановлению прихожан», а часто, когда такого постановления добиться не удавалось, и без него. Священники и весь причт закрытых церквей обычно при этом отправлялись в СЛОН.

С монахами и активными сектантами ОГПУ поступает проще: их арестуют и, как «социально опасных», ссылают в СЛОН без всяких сложностей.

На 1 мая 1930 г. в СЛОНе священнослужителей, монахов и сектантов было свыше 10 тысяч человек. Коммунисты из администрации СЛОНа их почему то усиленно ненавидят, в особенности чекисты-надзиратели. На Поповом острове (около Кеми) их нарочно ставят в строю всех рядом и в передней шеренге, чтобы они рассчитывались: «Двадцать пять лет пел аллилуйя, — значит, будешь хорошо рассчитываться!» На командировках их помещают в худшие жилищные условия и дают самую трудную работу. Где условия для выполнения урока самые трудные, туда обязательно посылают священников, монахов и сектантов. Чекисты-надзиратели нарочно в присутствии священников ругаются самой кощунственной бранью, поминая Бога, Христа, Пресвятую Богородицу, всех «боженят», «небесную канцелярию», «сорок апостолов» и т. д. Этого мало: все священники, монахи и сектанты направляются на «специальные», самые отдаленные командировки, на которых работают только они одни, — других заключенных там нет.

«А-а, длинногривые! Пришли? — говорят встречающие их по прибытии на командировку чекисты-надзиратели. — Хорошооо! О-очень хорошо... Ну-ка, направо ррравнаяйсссь! Справа, по порядку номеров, рррассчитайсссь! Отставить!» Дальше идет дикая кощунственная брань. «Молились! На военной службе не были! Рассчитываться не научились! Я вас научу рассчитываться... Бегом на месте, марррш!»

После муштровки и традиционного обыска священнослужителей и монахов начинают стричь. Если кто-либо из них сопротивляется, такого «долгогривого водолаза» чекисты связывают, бьют ему «морду» и все-таки стригут...

На некоторых командировках надзиратели снабжены разыскными собаками; их надзиратели ежедневно тренируют на заключенных; среди последних надзиратели почти всегда избирают священников или монахов.

В большинстве своем священники — люди старые и инвалиды труда; от них, как их ни бей, много не возьмешь; СЛОН старается поэтому поскорее избавиться от них. Избавление это, в условиях слоновской действительности, дело простое: как только на какой-нибудь командировке обнаруживается эпидемия тифа, сейчас же оттуда угоняют всех здоровых заключенных, а на место их присылают священников, монахов и сектантов. Оттуда они обычно не возвращаются: тиф делает свое дело.

А там, где священники когда-то молились Богу, строители нового, коммунистического общества, все — члены союза воинствующих безбожников — танцуют, поют кощунственные песни, в темных углах бывшей церкви живут половой жизнью, записывают новых членов в союз воинствующих безбожников, выкалывают глаза Иисусу Христу, оправляются на иконы и выбрасывают их в уборные, пишут плакаты о том, что «религия — опиум для народа»...

Остальные заключенные. Остальные заключенные СЛОНа образуют более мелкие группы, чем предыдущие. Сюда относятся осужденные по 117—121-й статьям Уголовного кодекса, за участие в Союзе вызволения Украины, «шахтинцы», заключенные «по заказу», китайцы, красноармейцы «социально вредные», уголовные, члены политических партий, «анекдотчики», жертвы английской рабочей делегации и др.

117-я статья советского Уголовного кодекса в редакции 1922 г. и 121-я статья предусматривают наказание за разглашение государственных секретных сведений. За

разглашение этих «сведений» в СЛОНе на 1 мая 1930 г. состояло 5800 человек заключенных.

В ОГПУ имеется директива, еще кухни Дзержинского, по насаждению осведомительной сети. «Залог нашей успешной борьбы с контрреволюцией, — писал Дзержинский, — лежит в густой, хорошо налаженной и высококачественной осведомительной сети, как из числа преданных нам рабочих и крестьян, так и из числа наших врагов. Старая русская интеллигенция хотя и враг наш, но по своей психологии она — материал, хорошо поддающийся обработке. Это уже подтвердилось практикой ОГПУ. При вербовке применяйте меры репрессий в отношении тех, кто будет оказывать сопротивление».

Жертвой этого циркуляра и являются эти 5800 человек, заключенных на сроки от 5 до 10 лет: одни из них активно сопротивлялись вербовке, другие, завербовавшись, плохо работали, а значит, «пассивно сопротивлялись», третьи разгласили «государственные секретные сведения» — кто жене сказал, что его ОГПУ завербовало в осведомители, кто своему приятелю, кто матери.

Еще задолго до процесса по делу Союза освобождения Украины в СЛОН прибыло 1250 украинцев. Пустить их на процесс ОГПУ не могло, потому что против них не было конкретного обвинительного материала, но оставить их на свободе ОГПУ тоже не захотело: ведь они «слеплены из такого теста»... Все они имеют по 10 лет наказания и сосланы по 58-й ст. Уголовного кодекса: пособничество мировой буржуазии в деле свержения советской власти.

По этой же статье кодекса и также задолго до судебного процесса в СЛОН прибыло 103 человека «шахтинцев».

Если для СЛОНа требуются специалисты того или иного дела и их не имеется среди заключенных, то управление СЛОНа пишет об этом в спецотдел ОГПУ, и тот незамедлительно присылает их. Это — «заключенные по заказу».

В 1926 г. СЛОНу потребовался инженер-керамик для постройки кирпичного завода и керамической мастерской. Среди заключенных такого специалиста не нашлось.

Тогда УСЛОН попросил спецотдел срочно выслать его, и через месяц прибыл инженер-керамик Холодный Федор Григорьевич. Срок наказания у него был 5 лет, а наказывался он за... бандитизм! Вместе с ним приехала его жена, как «участница по делу».

«Пришить» супругам Холодным бандитизм ОГПУ удалось легко: в доме, где они жили, когда-то был белый офицер, который несколько лет тому назад скрывался от большевиков в лесах.

Во время войны с Китаем из-за Восточно-Китайской железной дороги в СЛОН прибыло 875 китайцев. Все они получили по 10 лет срока и статью Уголовного кодекса, предусматривающую шпионаж в пользу иностранных государств. Имущество их, по постановлению коллегии ОГПУ, было конфисковано.

«Социально опасные» или «социально вредные» (что одно и то же) в СЛОНе относятся к группе уголовных преступников, но все они такие же уголовные преступники, как знакомый читателю заключенный Фадеев. В его формуляре, в рубрике — «Статья Уголовного кодекса» стоит «с. о.»; это значит «социально опасный». В ОГПУ есть и другой «юридический» термин, которым определяются «преступления» фадеевых, — «социально вредный». Обоими этими терминами ОГПУ пользуется очень широко. С такими обвинениями в СЛОНе сидит и вор, и лицо, судившееся по уголовному делу несколько лет тому назад и потом ни в одном уголовном деле не замешанное, и безработный, и дети расстрелянных или сосланных в СЛОН каэров, и монах, и сектант, и какой-нибудь инженер, если ему никак «гладко» нельзя «пришить» какую-нибудь статью Уголовного кодекса.

Действительно уголовных преступников в СЛОНе на 1 мая 1930 г. находилось меньше 3 тысяч человек.

На 1 мая 1930 г. в СЛОНе состояло 8976 красноармейцев. Все они взяты из рядов Красной армии... Красноармеец получил из дому от родителей письмо. В нем отец и мать сообщают ему о том, что их заставляют записываться в коллектив и что если они не запишутся, то их

вышлют из деревни; они спрашивают у сына совета, как им поступить: записываться или нет. Молодой красноармеец, по простоте своей душевной, читает письмо вслух своим товарищам. Вот и все. Сексоты (секретные сотрудники) ОГПУ не дремлют и о таком «контрреволюционном» поступке сообщают в ОГПУ. А в результате: «Слушали дело номер такой-то по обвинению по 53-й статье пункт 10, красноармейца такого-то. Постановили: заключить в контррационные лагеря сроком...» И красноармеец отправляется на 5—10 лет в СЛОН.

Заключенных за принадлежность к «антисоветским партиям» (социал-демократы меньшевики, социал-революционеры, члены партии «Народной Свободы» и анархисты) в СЛОНе к 1 мая 1930 г. было около 800 человек. В СЛОН они попадают из политизоляторов и ссылок, главным образом за «недостойное поведение в местах заключения», как выражаются в своих постановлениях следователи-чекисты. «Недостойное» же поведение их выразилось в том, что одни из них протестовали против нечеловеческого режима, а другие в день 1 мая вывешивали в окнах плакаты со своими лозунгами. УСЛОН по распоряжению ОГПУ политическими заключенными их не считает и держит на уголовном режиме. По отбытии срока наказания почти все они отправляются в ссылку. Вспоминаю одного анархиста — Бориса Воронова. Совсем еще молодой человек, отсидел в политическом изоляторе 3 года; к концу срока ему «пришили» «недостойное поведение» и сослали на 3 года в СЛОН; там он «загибался», но, к счастью, окончательно не погиб. Когда срок заключения истек, чекисты объявили ему: «Согласно постановлению коллегии ОГПУ вы приговорены в Сибирь в ссылку на три года». Итого девять лет. Если он не погибнет в ссылке, то после нее его выпустят «на волю».

«Анекдотчиков» я тоже отношу к отдельной группе, так как их в СЛОНе сидит несколько сот. Не знаю, из каких расчетов, но коллегия ОГПУ дает им всем по пяти лет заключения, а статью они имеют 53-ю, пункт 10, — антисоветская агитация. Все их преступление выразилось

лишь в том, что они в семейном или дружеском кругу рассказывали анекдоты на злобу дня из советской действительности. Для примера приведу несколько таких советских анекдотов и песенок:

Сидит Сталин на лугу,
Грызет конскую ногу.
Фи, какая гадина —
Советская говядина.

«И чего только у нас, в Советской России, нет... И мануфактуры у нас нет, и сапог у нас нет, и хлеба у нас нет».

Стоит Сталин на трибуне,
Держит серп и молоток,
А под ним лежит крестьянин
Без рубашки и порток.

«Какой у вас, господин Чичерин, прекрасный золотой портсигар! Разрешите посмотреть монограмму». Берет портсигар и на нем читает: «Красному дипломату от московских рабочих». Затем открывает крышку и на внутренней ее стороне читает плохо стертую надпись: «Сей портсигар принадлежит купцу 1-й гильдии, Самойл...»

«Идет по деревенской улице крестьянин, в обтрепанных лаптишках, оборванный. За спиной у него висит бычий хвост.

«Что это с тобой, Иван Иванович, — спрашивает встречный, — богатый ты у нас был мужик, а теперь ровно нищий?»

«Такое дело, Митрич... Забрали у меня все в коллектив, одного бычка только и удалось припрятать. Теперь вот я его зарезал, а что вышло: кожу взял кожтрест, мясо — мясотрест, жир взял жиротрест, рога — рогрест. Спасибо, Сталин про хвост забыл...»

Коль комсомолка в любви клянется,
Будь осторожен, — расстрел возможен...

Эта песенка поется в кулак, на мотив: «Если красавица в любви клянется...» Она отражает провокаторскую работу секретных сотрудниц ОГПУ.

Вот еще один образчик остроумия, за который можно попасть в СЛОН: «В одну из советских «годовщин» происходит манифестация. Впереди, как всегда, идут чекисты, затем длинная вереница различных профсоюзных организаций, комсомольцы, пионеры и т. д. Шествие замыкается ассенизационным обозом: от бочек распространяется свойственный им дух. С балкона партийного комитета секретарь говорит революционную речь, которую он с пафосом заключает восклицанием: «Да здравствует мировая революция!» А из проходящего в этот момент перед балконом ассенизационного обоза раздастся громовой ответ: «Ленин умер, но дух его с нами...»

Жертвами английской рабочей делегации, приехавшей в Россию в 1928 году, является 780 заключенных Харьковской тюрьмы, что на Холодной горе. Эти почему-то еще не выдрессированные советские граждане сошли с ума: они объявили голодовку и требовали, чтобы английская делегация посетила их тюрьму. Они наивно думали, что английская делегация поможет им «отшить» «пришитые» им чекистами дела или хотя улучшить невыносимые тюремные условия... Английская делегация так и уехала, ничего не узнав ни об их желании, ни об условиях их жизни. А наивных узников с Холодной горы чекисты свезли в «столыпинские» вагоны, и дней через пять они все оказались на Поповом острове. Там они от палача Курилки услышали: «Это вам не Бутырская тюрьма! Это вам не Таганка! А это четыре огненные буквы: О... Г... П... У!.. Здесь мы вас научим ходить вокруг столба прямо!..»

III. Путь и первый день в СЛОНе

Путь. Прибытие и муштровка. Врачебный осмотр.

Обыск. Первая работа

Путь. По мере того как на перечисленных во второй главе «врагов советской власти» приходят выписки из протоколов заседаний коллегий ОГПУ с короткими «слу-

шали и постановили», заключенные переводятся из подвалов ОГПУ в тюрьмы и потом этапами отправляются в СЛОН.

Мне несколько раз приходилось посещать пересыльные тюрьмы, и я видел, в каких ужасающих условиях живут там заключенные. В общих камерах, предназначенных на 50 человек, находилось 200—300. Все они лежали вповалку на цементном полу: плотно прижавшись друг к другу. Ни кроватей, ни столов, ни скамей для сидения в камерах не было. Зато всегда имелась большая деревянная кадка, в которую все заключенные опаривались. Неимоверная вонь, грязь и предельная скученность!

Отправка из тюрьмы и посадка в вагоны производится обыкновенно ночью. Партия в 500—600 человек ведется к месту погрузки под усиленным конвоем по самым глухим и темным улицам. Родственники отправляемых, ухитрившиеся узнать об отправке партии, разгоняются чекистами-конвоирами и к вагонам, куда грузят заключенных, совершенно не допускаются. В ожидании погрузки отправляемые стоят в строю в тесном кольце ошетилившихся штыков конвоя. Вокруг разыгрываются душераздирающие сцены. Всем этим женам, матерям, отцам хочется обнять или хоть взглянуть на отправляемых в страшную ссылку дорогих людей. Разгоняемые чекистами, они все-таки выглядывают откуда-нибудь из-за угла. Одни плачут, другие крестятся, матери шепчут: «Сыночек, сыночек...»

Заключенных и ссыльных такое множество, что арестанских вагонов под них не хватает, и они грузятся в товарные. Эти вагоны, все с тормозными площадками, запираются наглухо. Через каждые два-три вагона идет платформа с пулеметом. На тормозных площадках становятся вооруженные с ног до головы чекисты из конвойных частей ГПУ, и партия отправляется в путь.

Зимой в товарном вагоне неимоверно холодно, так как печи в нем нет; совершенно темно — ни ламп, ни свечей не выдается. Очень грязно, а главное — неимоверно тес-

но. Никаких приспособлений для лежания или сидения нет, и заключенным приходится всю дорогу стоять. Сесть не могут из-за тесноты: в товарный вагон без нар сажают не менее 60 человек. Перед отправкой поезда чекисты бросают в вагон старое, часто дырявое ведро и приказывают оправляться в него; в пути следования заключенных из вагонов для отправления их естественных надобностей чекисты не выпускают. Таков строжайший приказ ОГПУ.

Вот какие картинки мне приходилось не раз наблюдать. На каком-нибудь полустанке Мурманской железной дороги, где имеется всего 2—3 человека служащих и, кроме них, никого, чекисты решаются выпустить заключенных для оправки и для того, чтобы они могли набрать себе снегу вместо воды. «Вылетай пулей!» — кричат они заключенным. Те действительно вылетают пулей, около вагонов оправляются и тут же набирают снегу в кружки, чайники и просто в полу одежды или шапки. Многие заключенные выбрасывают в снег свои кальсоны, в которые они принуждены были оправиться уже в вагоне. «Беспризорные» после этого остаются в одной нательной сорочке.

На дорогу из Петрограда, то есть по крайней мере на три дня, заключенному выдается около одного килограмма черного, полусырого и черствого хлеба и три воблы. Водой заключенные в дорогу совсем не снабжаются. Когда они в пути следования начинают просить у чекистов напиток, те отвечают им: «Дома не напился! Подожди, вот я тебя напою в Соловках!» Если заключенный, доведенный жаждой до отчаяния, начинает настойчиво требовать воды и угрожает жаловаться высшему начальству, то такого заключенного конвоиры начинают бить («банить»). После этого другие терпят уже молча.

В таких условиях дорога продолжается не менее трех суток, но это только от Петрограда, от последней пересыльной тюрьмы. А из таких городов, как Баку или Владивосток, откуда заключенные тоже направляются в СЛОН, дорога продолжается неделями.

Прибытие и муштровка. Партия заключенных прибывает, наконец, в СЛОН. Она попадает прежде всего на Попов остров, где расположен Кемьский пересыльный пункт и карантинные роты. Тут прибывших муштруют, обыскивают, сортируют и потом направляют на остров Соловки, на Мяг-остров, на действующие командировки или для открытия новых командировок на материке. На Соловки посылаются особенно опасные казры, которые, по мнению ОГПУ, не замедлят с побегом.

— Вылетай пулей! — кричит во все горло конвой измученным долгими испытаниями заключенным. — Стройся по четыре! — Заключенные, уже почувствовавшие в пути дух СЛОНа, тысячу раз получившие от конвоя и брань, и «в морду», и прикладом винтовки по плечам, действительно вылетают «пулей» и, точно солдаты, строятся по четверкам. Тут крестьяне в рваных и грязных поддевах, в истрепанных лаптишках, с тощими котомками за плечами; бывшие «буржуи», теперь в грязненьких и потертых пиджачках, часто сшитых еще в «царское время»; священники, ксендзы, муллы, раввины, монахи в рясах, полных советскими тюремными вшами; беспризорные — жалкие, бледные подростки, — сплошь и рядом в одном белье, босые и без головных уборов; бывшие офицеры, чиновники, старшины, атаманы казачьих станиц, студенты, возвращенцы, «вредители» — инженеры и техники, польские «шпионы»... У всех бледные, изможденные лица, испуганные или безнадежные глаза; у многих трясутся руки, дрожат ноги; все голодные, иззябшие, грязные... Жуть заползает в душу от вида этой многосотенной толпы.

Все новые и новые четверки образуют заключенные, выскакивающие из вагонов. Вот, наконец, все они высажены и стоят в строю.

— Ты что это там топчешься... На танцы приехал? — кричит какой-нибудь чекист заключенному, переступающему от холода с ноги на ногу.

— Я, товарищ начальник... у меня ноги замерзли, лапти мокрые и без онучей... мороз здоровый...

— Какой я тебе товарищ? Твои товарищи в Брянском лесу!

— Виноват, гражданин начальник, — поправляется заключенный, забывший, что он не имеет права называть начальника товарищем, а только гражданином.

— Не разговаривать! Забыл, что в строю стоишь?.. — Дальше идет ругань. Страшная непредставляемая, кошунственная, чрезвычайно богатая в своих образах и словах, она неизменно следует за каждым окриком и каждым замечанием конвоя, надзирателей СЛОНа и их разнообразных помощников. Я не могу приводить ее и не буду повторять о ней.

— Чище разберись в четверках... В строю стоять смирно, по сторонам не оглядываться, смотреть впереди себя! — командуют чекисты — все жирные, красно-мордые, хорошо одетые в форменную чекистскую одежду, с возбужденными от водки глазами, важно, с винтовками наперевес, шагающие вокруг выстроившихся жертв СЛОНа.

— Това... Извиняюсь!.. Гражданин начальник, вещи прикажете держать в руках или можно положить на-земь? — заискивающе, поправляя на носу пенсне, спрашивает какой-нибудь «гнилой», как говорят чекисты, интеллигент.

— Не разговаривать в строю...

— Партия, слушай мою команду! — кричит старший по конвою чекист. — Взять вещи в руки! Партия, слушай мою команду: напрааа-во!.. Налеее-во!.. Крууу-гом! Ты что это поворачиваешься, как старая баба с пирожками на базаре? — орут во всю глотку сразу три-четыре чекиста какому-нибудь «гнилому интеллигенту», нечетко поворачивающемуся налево, направо, кругом...

— У меня, гражданин начальник, вещи в руках.

— Что-о? На базар приехал торговать, что набрал сундуков да котелков... ..дры ты тебе в рот, чтоб голова не качалась! Эта тебе не Бутырская тюрьма, это не Таганка, это Со-ло-вец-кие ла-ге-ря о-со-бо-го на-значения О... Г... П... У... Партия, слушай мою команду:

в пути следования сохранять гробовую тишину, по сторонам не оглядываться, друг друга не толкать, идти стройными рядами. Конвой, зарядить оружие!..

Щелкают затворы винтовок не совсем нормальных, почти всегда полупьяных конвойных.

— Партия, предупреждаю; шаг вправо, шаг влево — будет применено оружие. Партия, направо, налево, кррругом! Шаг на месте — марш! Раз, два, три, четыре... Партия, стой! Партия, вперед за конвоиром, шагом... марш!

Партия пошла. Партия сохраняет гробовую тишину. Партия по сторонам не оглядывается, ибо, кто это сделает, получит прикладом в бок.

Партия идет, как солдаты на параде.

— Партия, слушай мою команду: вперед, бегом, марш!

Партия побежала, ряды расстроились, некоторые, споткнувшись, попадали.

— Раз, два, три, четыре... Раз, два, три, четыре...

Партия бежит. Слабые отстают и падают на землю.

— Партия, стой! — кричит старший по конвою чекист, отставший от партии метров на полтора.

Партия стала. Отставшие собирают последние силы и догоняют передних.

— Партия, чище разберись по четверкам!

Партия опять чисто построилась и ожидает новых команд. Каждый напрягает внимание, чтобы не прозевать команды.

— Первая четверка, три шага вперед, марш! Вторая! Третья! Четвертая!..

Новая поверка окончена. Никто не исчез. Все на месте. Все пока живы.

— Партия! — вновь кричит старший чекист. — Идти стройными рядами, держать равнение в рядах, по сторонам не оглядываться! Шаг вправо, шаг влево — будет применено оружие. Партия, вперед, за конвоиром, шагом марш.

Партия пошла.

— Раз, два, три, четыре... Ты что это там согнулся, как старая баба?.. Забыл, где находишься? Думаешь, в Бутыр-

ской тюрьме? В Таганку приехал?.. Я тебя... научу шагать! — кричит кто-нибудь из конвоирующих партию чекистов не в ногу шагающему заключенному.

Вот партия и у ворот Кемьперпункта. Над огромными, тяжелыми, двухстворными, багрово-красного цвета воротами вывеска — «Кемьский пересыльный пункт Северных лагерей особого назначения ОГПУ СССР». Дежурный чекист открывает ворота. У ворот происходит еще одна проверка.

Партия вошла в Кемьперпункт. Направо и налево рядами расположены карантинные роты. Кругом ни души. Кто в лесу пилит дрова, кто на погрузочных работах, кто на работе на северолесовском лесопильном заводе, кто вытаскивает из воды «баланы» и подкатывает их к железнодорожным платформам. Там их грузят, и оттуда слышны вскрики: «Раз, два — взяли... Раз, два — взяли»...

— Партия, стой, — командует старший по конвою чекист, когда подошли к бараку 3-й карантинной роты. К партии пришла дюжина командиров взводов, командир 3-й карантинной роты и его помощник. По прошлому все они — уголовные преступники: убийцы, грабители, взломщики и проч. Начинается сдача прибывших надзирателям внутренней охраны — командирам рот, их помощникам и командирам взводов. Сдача окончена. Конвой разрядил винтовки и ушел отдыхать. Заключенные неподвижно стоят в строю и ожидают распоряжений от новых хозяев. Каждый боится шевельнуться, чтобы не получить «в морду».

— Партия! Сложить вещи в одну кучу! — отдает распоряжение помкомроты и указывает пальцем место.

Каждый бежит к указанному месту, кладет вещички, бежит обратно и опять как вкопанный стоит в строю.

— Партия! Слушай мою команду. Напра-во! Нале-во! Кру-гом! Партия! Шаг на месте, шагом... марш! Раз, два, три, четыре... Партия! Стой! Кру-гом! Ты что это там, как старая баба, поворачиваешься? Смотри... я тебя быстро научу...

Партия повернулась кругом, и теперь перед ее глазами, шагах в пятнадцати, проволочное ограждение, а за ним каменистый спуск к морю. Справа на одной линии с передней четверкой двери в барак 3-й карантинной роты.

— Партия! Справа по одному, в барак, шагом... марш!

«Советские граждане», уже с автоматической головой и таким же сердцем, плавно входят в барак. Кто-то на пороге споткнулся, наступив ногой на размотавшуюся онучу другой ноги, но получил от стоящего у дверей комвзвода пинок в спину и пулей влетает в барак.

В бараке партия выстроилась в четыре шеренги и стоит, как рота оловянных солдатиков. Царит гробовая тишина. Если кто закашляет, раздастся громовое комвзводское:

— В больницу приехал, что ли?.. Дома не накашлялся?.. Звуча чтоб я не слышал из строя! В строю замри!

Комроты ушел к себе и ожидает, когда ему скажут, что «строй готов», чтобы прийти и поздороваться с прибывшей ротой. Тем временем командиры взводов готовят партию к его приходу.

— Рравняйся! Чище равняйся! Ты что там, патлатый водолаз, выпучил свое брюхо? Думаешь, что приехал в Соловки Богу молиться?.. Смотри, я подберу тебе брюхо дрыном! Справа по порядку номеров рассчитайся!

— Первый! второй! третий! четвертый! пятый!.. — быстро и отчетливо рассчитываются заключенные.

— Отставить! На военной службе не были! Я вас научу рассчитываться!.. Партия! Слушай мою команду. Справа по порядку номеров рассчитайся!

— Первый! второй! третий! четвертый! пятый!..

— Отставить! Рассчитываться так, чтобы стекла в окнах дребезжали, чтобы на Соловках было слышно. Партия, слушай мою команду справа по порядку номеров рассчитайся!..

— Первый! второй! третий! четвертый!..

— Отставить! Ах, шакалы... Всю ночь будете у меня рассчитываться. Ну-ка, патлатые водолазы, — обращает-

ся помкомроты к священникам, — что попрятались в задних рядах?! Вылетай пулей в переднюю шеренгу!

Старики-священники торопливо проталкиваются вперед.

— Сколько лет пел аллилуйя? — обращается к кому-нибудь из них помкомроты.

— Я... я... гражданин начальник, — а у самого судорожно подергиваются губы, — я гражданин начальник, двадцать пять лет был священником.

— Двадцать пять лет пел аллилуйя! Значит, хорошо будешь рассчитываться! Партия, слушай мою команду: справа по порядку номеров рассчитайсь!

Удовлетворившись, наконец, расчетом, помком переходит на «здра». «Здра», — отвечают в Красной армии красноармейцы на приветствие своих начальников. «Здра» говорят два раза в день — на утренней и вечерней поверках — все заключенные СЛОНа.

— На приветствие отвечать всем, как один, — предупреждает помкомроты.

— Здравствуйте, пересыльная рота!

— Здрра! — что есть силы отвечают заключенные. В окнах дребезжат стекла.

— Не слышу! Здравствуйте, пересыльная рота!

— Здрrrrrrrра!

— Отвечать так, чтобы шапки с голов слетали! Здравствуйте, пересыльная рота!

— Здрrrраааа!

— Не слышу! Отвечать всем, как один. Если я замечу, что кто-нибудь не будет отвечать — берегись, дрыновать буду!.. Знаете, что такое «дрыновка»?

Все молчат.

— Не знаете, так скоро узнаете. Здравствуйте, пересыльная рота!

— Здрrrrrrrrrраааа!

— Хорошо, но еще не совсем хорошо. Отвечать так, чтобы в Соловках колокола гудели, чтобы в Ленинграде было слышно! Здравствуйте, пересыльная рота!

— Здррраа! — Как раскат грома, раздается ответное приветствие.

Помкомроты посылает сказать командиру, что партия готова.

Вот идет и сам командир роты. Он низко надвинул свою шапку и остро блестит из-под нее глазами. Дневальный караулит у двери: чтобы не прозевать его прихода. Вот комроты на пороге барака. Помкомроты набрал полные легкие воздуха и орет:

— Пересыльная рота, смирно! Равнение на середину!

— Здравствуйте, пе-ре-сыл-ная рота! — здороваются комроты.

— Здрррааа...! — с дребезжанием оконных стекол отвечают прибывшие.

Беда той партии, которая почему-либо ответит командиру роты без дребезжания оконных стекол. «Товарищ помощник, вы еще не научили заключенных отвечать на приветствие командира роты как следует», — скажет ротный командир и уйдет. Не успеет он выйти из барака, как заключенные услышат: «Партия, слушай мою команду — налево, направо, кругом!» И потом несколько сот раз «здра», и «здра», и «здра»... После этого помкомроты опять посылает за командиром роты...

Если случалось, что к вновь прибывшим приходил кемперпунктовский лагерный староста Курилко, тогда совсем беда. Этот совсем психически больной тип по 3—4 часа муштровал заключенных, поворачивая «направо, налево», опять «направо» и «налево» и «кругом»; по 500—600 раз заставлял отвечать «здра», двадцать раз повторял: «Это вам не Бутырская тюрьма. Это вам не Таганка, а это четыре огненные буквы: О... Г... П... У...»; говорил, что научит ходить вокруг столба прямо, отвечать так, «чтобы в Соловках колокола гудели», чтобы в Ленинграде было слышно», «чтобы шапки с голов летели». Все это собственные выражения Курилки, он первый стал их употреблять. Командиры рот, их помощники и комзвзоды переняли их от изобретателя. Кто только не знает в СЛОНе Курилку! У кого не становятся дыбом волосы,

когда он услышит секретнейшее сообщение: «Курилко идет».

— Что, шакал, ты еще жив? — спрашивает обычно Курилко какого-нибудь встретившегося заключенного.

— Так точно, жив.

— Десять лет ты, брат, прожил лишнего, — скажет, сверкнув звериными глазами, Курилко и пойдет дальше.

— Заключенные! — отдает распоряжение помкомроты, когда командир роты ушел к себе на отдых. — Вылетайте по одному, пулей! — за своими вещами.

— Влетай пулей на нары! — кричат комвзводов идущим со двора с вещами.

— Гражданин начальник, на нарах уже места нет, там уже повернуться нельзя. Куда прикажете поместиться?

— Лезь под нары!

— Там, гражданин начальник, ничего не видно, да и вода там везде.

— А... К теще в гости приехал, что ли?.. Влетай!..

Претендующий на сухое место, получив удар, влетает под нары. Там он сидит, пока не услышит новую команду, и думает о том, что его еще ожидает впереди. А впереди, читатель, у него длинный, тяжелый и до жути страшный путь. Быть может, он вспоминает мать, отца, детишек, свой дом, родную деревню, свою пусть теперь закрытую, но такую памятную и сердцу близкую церковь. Возможно, он надеется ее снова увидеть. Если надеется, он глупец: из СЛОНа он к родным местам и липам не возвратится.

Врачебный осмотр. «Вылетай пулей из барака!» — кричат минут через двадцать—тридцать комвзводов притихшим заключенным. Все стремглав бегут на двор и без команды, сами знают обязанность! — строятся по четверкам.

— Чище разберись в четверках! — опять орут комвзводов. — Первая четверка, три шага вперед, марш! Вторая! Третья! Четвертая!

Это новая поверка. После нее 200—300 человек ведут на освидетельствование. Пока врач осматривает одного,

остальные стоят на дворе, и, если это зимой, на сорокаградусном морозе они лязгают зубами, как голодные собаки. А комзводов то и дело орут: «Чище держать равнение в четверках!», «Руки держать по швам!», «Не разговаривать!..».

Любопытно происходит это «медицинское освидетельствование».

— Иванов! — вызывает заключенного писарь, устроившийся по инвалидности на канцелярскую работу.

— Иван Макарович! — выкрикивает в ответ свое имя и отчество Иванов, наученный этому приему еще в тюрьмах, через которые он шел этапом.

— На что жалуешься, Иванов? — спрашивает врач.

— Да я, гражданин начальник, слабый я очень...

— Сними рубашку.

Иванов еще не успел снять рубашку и наполовину, а доктор уже говорит: «Пишите четвертую категорию».

— Следующий, Иванченко! — кричит писарь.

— Товарищ командир взвода, прикажите заключенным раздеваться в коридоре, — дает распоряжение какой-нибудь лекпом. А в коридоре, если это зимой, градусов двадцать ниже нуля.

— Иванченко, на что жалуешься?

— Слабый я, гражданин доктор... За неделю, как выехал из Ростова, совсем отощал: полфунта хлеба...

— Довольно ныть, — перебивает командир взвода, присутствующий при освидетельствовании, — отвечай, что болит у тебя?

— Пишите четвертую, — торопится доктор.

— Петров!

— Николай Ефимович!

— На что жалуешься?

— У меня туберкулез, гражданин доктор. Справку от доктора об этом у меня отобрали в Бутырке...

— Четвертую! — говорит писарю доктор.

— Шматченко!

— Никита Миколаевич!

— На что жалуешься?

— Посмотрите, гражданин доктор, у меня грыжа начинается.

— Четвертую, — приказывает доктор, бросив беглый взгляд на грыжу, а сам нервно кусает себе губы.

— Гражданин доктор! Да я же, ей-богу, не могу работать в лесу, — умоляюще говорит Шматченко, уже узнав, что четвертая категория работает на самых тяжелых работах.

— Ничего не могу поделать, Шматченко... Я рад бы дать третью категорию... — говорит доктор, — но не могу. — А сам уж нервно подергивается.

Я не назову фамилии этого врача, ибо не хочу ставить его под «огненные», как говорит Курилко, буквы: О... Г... П... У...! И не один этот врач говорит: «Что же я могу поделать! Я и рад был бы, но...»

За небольшим исключением все так говорят — инженеры, техники, агрономы, даже слоновские десятники, бьющие морды другим лишь потому, что они не хотят быть сами битыми.

Но почему же все-таки туберкулезному и заключенному с грыжей дается четвертая категория, обязывающая их работать на тяжелых лесных работах? — спросит читатель. Да по той простой причине, что они присланы на принудительные работы. От них ОГПУ ждет экспортного леса. А сами они лично ОГПУ не нужны: они «антисоветский элемент».

Бывает и еще лучше: начальник санитарного отдела, Яхонтов, получая от врача список «освидетельствованных», просматривает его, и, если четвертой категории меньше 85%, он переправляет третью категорию на четвертую. Заключенных с третьей категорией трудоспособности в СЛОНе не полагается больше 12%. С ней занимаются менее тяжелыми работами — лесосплавом, погрузкой, на кирпичных заводах и т. д. Второй категории «полагается» лишь 3%. Это явные инвалиды. Они исполняют обязанности поваров, дневальных, сторожей, курьеров и т. д.

Интересная личность этот Яхонтов, начальник «санитарного» отдела СЛОНа. До 1927 года он жил в Смо-

ленске и занимался там врачебной практикой, не имея соответствующего диплома. Начальником слоновского санитарного отдела в это время была разведенная жена особоуполномоченного при коллегии ОГПУ Фельдмана. Она собиралась покинуть свою службу в СЛОНе, и вопрос — кого «подходящего» назначить на эту должность — стал перед СЛОНОм. Из заключенных врачей, которые имелись налицо, начальник СЛОНа Эйхмонс никого не пожелал назначить. Написали в спецотдел ОГПУ, и вскоре приехал, со сроком на пять лет с 49-й статьей Уголовного кодекса, карающей «социально вредных», Яхонтов. Свою статью он получил за то, что занимался врачебной практикой без медицинского диплома. Яхонтов и принял в конце 1927 года от Фельдман санитарный отдел СЛОНа. Наверное, и сейчас Яхонтов переправляет третьи категории на четвертые, но он уже начальник не из заключенных и не «сорокодевятник» — теперь он «вольный», «социально полезный» и ходит в форме с кубиками на красных петлицах. Помог ему именно этот перевод заключенных из третьей категории с четвертую: управление СЛОНа возбудило перед коллегией ОГПУ ходатайство о досрочном его освобождении, и это ходатайство удовлетворено.

Возвратимся к заключенным. Выходя от врача, они опять строятся в четверки и с руками по швам ожидают, пока освидетельствуют последнего. Когда он вышел и стал в строй, снова раздаются команды по построению, поверке, и «освидетельствованных» ведут обратно в барак.

Обыск. Пока заключенные пулей влетают на нары и под нары, начальник внутренней охраны позвонил командиру учебного взвода: прибывшая партия готова. В учебном взводе отработавшие в ОГПУ (т.е. уже негодные для работы) и поступившие в военизированную охрану СЛОНа чекисты-надзиратели проходят «специальную подготовку». Старые чекисты, они свое дело знают хорошо, но «работа» в СЛОНе — «специфическая работа», — говорит слоновское начальство, а потому их проводят через переподготов-

ку в учебном взводе. Там чекисты-надзиратели учатся организовывать и ставить на должную высоту внутреннюю и внешнюю охрану заключенных, принимать вновь прибывающие партии заключенных, конвоировать их, производить обыски... Последнему искусству надзиратели учатся над прибывающими в СЛОН заключенными. Обыск — самое любимое занятие чекиста.

Попадающий в лапы ОГПУ советский «гражданин» обыскивается десятки раз, прежде чем попадает в СЛОН: когда его арестовали дома — произвели обыск; привели к коменданту — обыскали; перед посадкой в камеру опять обыскали, он ждет от коллегии ОГПУ своей порции срока, чекисты, все время тренируясь, несколько раз делают летучие обыски; перевели его для отправки в СЛОН, в тюрьму — там тоже обыскали перед отправкой в СЛОН; в пересыльных тюрьмах его тоже обыскивают; на Поповом острове над ним учатся делу обыска чекисты-надзиратели из учебного взвода; и, когда он, наконец, прибывает на командировку, его там прежде всего опять обыщут.

Надо самому быть на Поповом острове, чтобы иметь представление об обыске, производимом чекистами-надзирателями из учебного взвода. Часа три-четыре обыскиваются заключенные, а каждый в отдельности минут тридцать—сорок. Чекисты рассматривают каждую тряпку, каждую бумажку. «Сними штаны», «сними сапоги», «открой рот», «подними руки», «покажи уши», — то и дело слышится команда чекистов-надзирателей. Приходилось наблюдать: выдерет чекист у заключенного откуда-нибудь клочок исписанной бумажки и «читает», — а сам ни аза, ни буки не знает и часто бумажонку держит низом вверх.

— Ты что это? Контрреволюцию разводишь в своих писаниях? — шипит он на владельца бумажонки.

— Это, гражданин начальник, я писал во ВЦИК прошение о пересмотре моего дела. Мне, гражданин начальник, ни за что дали десять лет. У нас в деревне был колхоз, а потом он чего-то загорелся...

— Не разговаривать! Забыл, где находишься? Не знаешь — никаких бумаг держать нельзя?..

Никаких справок — даже о болезни; никаких прошений, ни ВЦИКу, ни ОГПУ заключенный СЛОНа при себе держать не имеет права. Все это обыскивающими чекистами-надзирателями отбирается и передается в ИСО, которое никогда и ничего заключенным назад не возвращает.

Первая работа. Из вагонов заключенных высадили, когда уже совсем стемнело (это на Поповом острове всегда так делается); до Кемьперпункта они шли не менее получаса; во дворе их муштровали не менее одного часа; в бараке 3-й карантинной роты — не менее двух часов; на освидетельствовании они были тоже не менее двух часов; обыск длился 3—4 часа. Когда обыск окончился, время подходит к утру.

— Вылетай пулей, за получением хлеба! — раздается зычная команда.

Заключенные, изголодавшиеся во время следования по этапу, радостно «вылетают» за получением 400 грамм черного и сырого хлеба... Через несколько минут раздается новая радостная команда — за получением кипятка! Заключенные бегом становятся в длинную очередь. Те, кто не захватил с собой из дому кружку, не могут, однако, выпить слоновского «чая», то есть принесенного в грязных деревянных ушатах голого кипятка: никогда и ни один заключенный, сколько существует СЛОНа, не получал в нем ни кружки, ни ложки, ни чашки. Сколько раз приходилось видеть: заключенные получали «обед» (сваренную на воде, без масла пшеничную кашу) в подол грязного пиджака или шапку; кипяток набирали в поднятые где-нибудь около уборной ржавые консервные банки; не имея ложек, они прямо руками запихивали себе в рот слоновское пшено или чечевицу... Они мало тогда походили на людей — грязные, вшивые, худые, в рваной и грязной одежде, в изорванных лаптишках, голодные, всего боятся... Чекисты-надзиратели прозвали их поэтому «шакалами».

Не успеют заключенные съесть свой хлеб и выпить кипятка, как их уши режет новая команда: «Вылетай пулей

на работу!» Дальше опять построение, опять «справа по порядку номеров рассчитайсь!». Опять муштровка, опять поверка. Когда они заканчиваются, комвзводов передают заключенных нарядчикам работ. Нарядчики — это бывшие мелкие советские служащие, попавшие в СЛОН за должностные преступления. До заключения все они сотрудничали с ОГПУ, теперь сотрудничают с его отпрыском в СЛОНе — ИСО.

Если, сотрудничая с ОГПУ, они часто не были ревностными, то в СЛОНе они работают для ИСО «на большой палец», как говорят чекисты: они ежедневно пишут в ИСО доносы о «преступлениях» заключенных. На одного они пишут, что он «симулирует»; на другого — что он оказывает «блат» (т.е. послабление); на третьего — что он здоровый, а имеет вторую категорию трудоспособности; на четвертого — что он при выгрузке картофеля «украл целый килограмм» и «втихую» сварил и сожрал его... В результате ИСО отправляет десятки и сотни заключенных на штрафные командировки... Нарядчики, а также слоновские десятники являются двигательными нервами СЛОНа. С нарядчиками, десятниками и чекистами-надзирателями заключенные идут на работы: кто на разгрузку прибывших для северолесовского лесопильного завода «баланов» (бревен); кто на самый завод, от которого СЛОН за их работу получает деньги; кто на погрузку идущего на остров Соловки парохода «Глеб Бокий» (назван по имени начальника спецотдела). Целый день слышны их однообразные громкие крики: «Раз, два, взяли!.. Раз, два, взяли!.. Друужней, взяли!..»

— Ты что же это, шакал, только руками приложился к балану, а не поднимаешь? — то и дело кричат на работающих заключенных надзиратели. — Смотри, шакал, дрын тебе в глотку, чтобы голова не качалась... я тебя научу работать!..

— А... шакал!.. — К «приложившему к балану пальцы» подсказывает десятник и бьет его «в морду». Он хочет показать этим «соответствие» своему десятническому назначению, чтобы самому не стать снова рядовым заключенным.

Проработав часов шестнадцать—восемнадцать, без нормы, без урока, а сколько захотелось «социалистически соревнующимся» чекистам-надзирателям, заключенные строятся, проверяются и возвращаются обратно в Кемьперпункт. Они едва-едва тащат ноги. Некоторые из них на работе лишились и без того давно уже износившихся лаптишек и теперь идут в одних мокрых онучах, а то и вовсе босиком.

Вот партия у красных ворот Кемьперпункта. Тут опять начинается: «Первая четверка, три шага вперед, шагом марррш! Вторая! Третья! Четвертая! Пятая!..»

А если случится так, что поверенная у ворот партия, войдя в пункт, встретит начальника пункта, то выслуживающийся перед начальством старший по конвоированию партии скамандует:

— Партия, стой! — и опять начнет: — Первая четверка, три шага вперед, марррш! Вторая! Третья! Четвертая!..

На другой день такой умеющий по всем правилам конвоировать чекист-надзиратель получает в приказе по 1-му отделению СЛОНа благодарность с занесением в послужной список, а потом о нем, как о хорошо знающем дело «спецподготовки», будут писать и в стенгазетах, и во всех отрядных месячных журналах: «Чекист на севере», «Зоркий глаз», «Начеку» и других.

Сплошь и рядом, не успеют заключенные поесть словновского брандахлыста — супа, сваренного из одного пшена и воды, — как опять летит нарядчик с новым нарядом, и все снова идут на работу.

IV. На командировках

Отправка. В дороге. Заготовка леса. Прокладка дорог.

На сплаве леса. Открытие лесных разработок

Отправка. Заключенные, уже узнавшие, что на командировках дают не 400, а 1000 грамм хлеба, что там меньше начальства и поверки производятся лишь два раза в

день, рвутся на командировки. Долго ожидать им этого не приходится. Пока они работают на Поповом острове и кричат: «Раз, два, взяли. Ееееще, взяли!» — административная часть Кемьперпункта составляет списки отправляемых на командировки. Опасных каэров отправляют на остров Соловки, на Мяг-остров и на командировки, далеко лежащие от финляндской границы.

Списки готовы. Из штаба военизированной охраны 1-го отделения СЛОН звонят по телефону в 1-й отряд военизированной охраны: «Вышлите надзирателей для приема и отправки на командировки партий заключенных». 1-й отряд наряжает конвой из «лучших» чекистов-надзирателей, и они идут принимать партии, предварительно заложив за галстук «рыковки».

Отправляемые на командировки партии перед этим из Кемьперпункта переводятся на отдельный островок, отстоящий от Кемьперпункта в одной четверти километра. Там имеется большой барак, служивший когда-то складочным помещением у рыбопромышленников. В барак заключенных набивают, как сельдей в бочки. Два раза я пробовал туда войти и не мог: как только я открывал дверь барака, струя спертого, вонючего воздуха дурманила меня; кроме того, на трехъярусных нарах и на полу барака люди лежали так, что негде было ступить ногой.

— Сегодня мои комвзводов несколькоим шакалам набили морду: под нарами оправляются, — не раз докладывали мне.

— Разве здесь нет уборной?

— Уборная-то есть, товарищ уполномоченный, но сами видите, из-под нар невозможно выйти во двор, не пройдешь.

— С раздачей обеда то же... Нет того дня, чтобы комвзводов не набили сотне шакалов морды. Чтобы раздать обед, надо шакалов выгнать во двор, ну а восемьсот шакалов выгнать из барака, да еще на сорокаградусный мороз, сами подумайте, товарищ уполномоченный, нельзя без того, чтобы бить морды. Ты ему кричишь: «вылетай

пулей за обедом», а он, шакал, огинается, ожидает, пока другие выйдут. Ну, тут и банят их...

В 7-й роте, в которой тоже концентрируются заключенные перед отправкой на командировки, мне приходилось наблюдать следующее: ротный барак стоит на площади, отгороженной колючей проволокой; в морозное время года десятки заключенных всю ночь напролет безостановочно ходят по ней, потому что для них не хватило места в бараке: там так набито людьми, что пальца нельзя просунуть; оставшиеся на дворе должны все время ходить, чтобы не замерзнуть. Выбившись из сил от ходьбы и холода и не в состоянии противиться сну, они подходят к своим вещам, сложенным тут же на площади, притыкаются к ним головами и на несколько минут погружаются в сон, холод быстро заставляет их встать и опять метаться по площади.

В дороге отправка партий заключенных на командировки производится всегда ночью. На станции они ожидают по три, по пять часов, пока для них подадут грязные товарные вагоны. Зимой они дрожат, клацают от сорокаградусного мороза зубами, выслушивая чекистскую ругань и приказ чище держать равнение в четверках и стоять руки по швам. Когда вагоны поданы, сохранившие силы сами влетают в них «пулей», ослабевших чекисты «подсаживают» прикладами винтовок. В вагоны их набивают по 60 человек и потом наглухо закрывают все люки; двери запирают на замок. В вагоне заключенному ни есть, ни лечь. В пути чекисты-надзиратели не хотят утруждать себя ни предоставлением заключенным возможности оправиться, ни подачей им воды. Повторяются все уже знакомые нам сцены из пути заключенных в СЛОН.

В дороге заключенным полагается 300 граммов хлеба и три соленые воблы. Но это только «полагается», фактически заключенный получает не более 200 граммов хлеба и двух вобл. Недоданное чекисты на станциях Мурманской железной дороги продают голодающим

карелам, а на вырученные деньги покупают себе «рыковку».

Приехали на последнюю станцию, высадились, произвели проверку.

— Партия! — орет старший по конвою заключенным, стоящим в строю. — Предупреждаю, шаг вправо, шаг влево — будет применено оружие!.. Партия! За передними конвоирами шагом марш!

Партия идет дремучим карельским лесом, летом съедаемая миллиардами комаров и тучами мошкары среди бесчисленных болот, а зимой, то есть в течение большей части года, — по пояс в снегу. Выворачивая из снега обутые в лапти ноги, идут пять, десять, двадцать и даже до тридцати километров¹. Наступает ночь.

— Партия, стооой! — кричит старший по конвою с небольших саней, на которых его и, попеременно, всех конвоирующих чекистов, везут на себе заключенные.

Партия остановилась.

— Разводи костры, разгребай снег, устраивайся на ночевку.

Для чекистов заключенные раскидывают походную палатку, которую они, как и самих чекистов, везли на санях; ставят в нее железную печку, готовят чекистам кушанье. Сами же греют себе, у кого есть, чайники и пьют кипяток с 200 граммами черного хлеба (если только он у них остался). Потом, согнувшись в три погибели и подложив под голову грязный кулак, заключенные кое-как проводят ночь у костров, все время добывая из-под снега сушняк, поддерживая им огонь и своих костров, и в печке чекистов. А утром опять: «Становись по четверкам! Справа по порядку номеров рассчитайсь...» И опять — дорога, глубокие снега, сани конвойных чекистов и в них, вместо лошадей, заключенные.

Наконец тяжелое странствование по глубокому снегу окончилось. Партия на командировке.

---

¹ Лесные командировки расположены по сторонам Мурманской железной дороги в расстоянии от 10 и до 150 (например, Бабдачинские) километров.

— Чище разберись в четверках. Партия, слушай мою команду: справа по порядку номеров рассчитайсь! — командует старший чекист.

— Первый! Второй! Третий! Четвертый! Пятый!..

— Отставить! Разучились рассчитывать? Рассчитаться так, чтобы у дежурного по командировке стекла в окнах дребезжали!

К прибывшей партии выходит дежурный по командировке.

— Здорово, шакалы!

— Здрррааа!

Все чекисты пошли отдыхать, обмениваться новостями и слушать радио. Оно у чекистов — но не у заключенных! — имеется почти на всех командировках. Как оно приобретается — узнаем дальше...

Партия стоит. Она ждет новых распоряжений. У каждого уже живот прирос к спине. Вши высасывают последнюю кровь. Ноги ноют и едва-едва держат измученное тело. Дежурный по командировке дает в чекистском домике старосте командировки распоряжения:

— Староста, новых шакалов взять в оборот. Займись-ка с ними строем!

Староста, служака на «большой палец», наверное, не одному уже советскому «гражданину» оторвал голову до того, как прибыл в СЛОН; староста исполнит все, что ему прикажут... А может быть, староста и «рад был бы», но... что он может поделывать? Староста не хочет «загнуться» в лесу: он хочет жить, как бы жизнь ни была тяжела. А для этого он должен выполнять все то, что ему прикажут его хозяева... Занявшись с полчаса строем с новыми «шакалами», староста командировки, «на ять» усвоивший все соловецкие термины, не менее зычным голосом, чем его хозяева — чекисты, распоряжается:

— Влетай в барак пульей!

В бараке заключенные встречаются с непосредственными новыми начальниками, — с дневальными. Дневальные — это бывшие до заключения мелкие сексоты ОГПУ, а теперь — осведомители ИСО и чекистов-надзирателей.

(Chicago Daily Tribune, 20. Januar 1937)

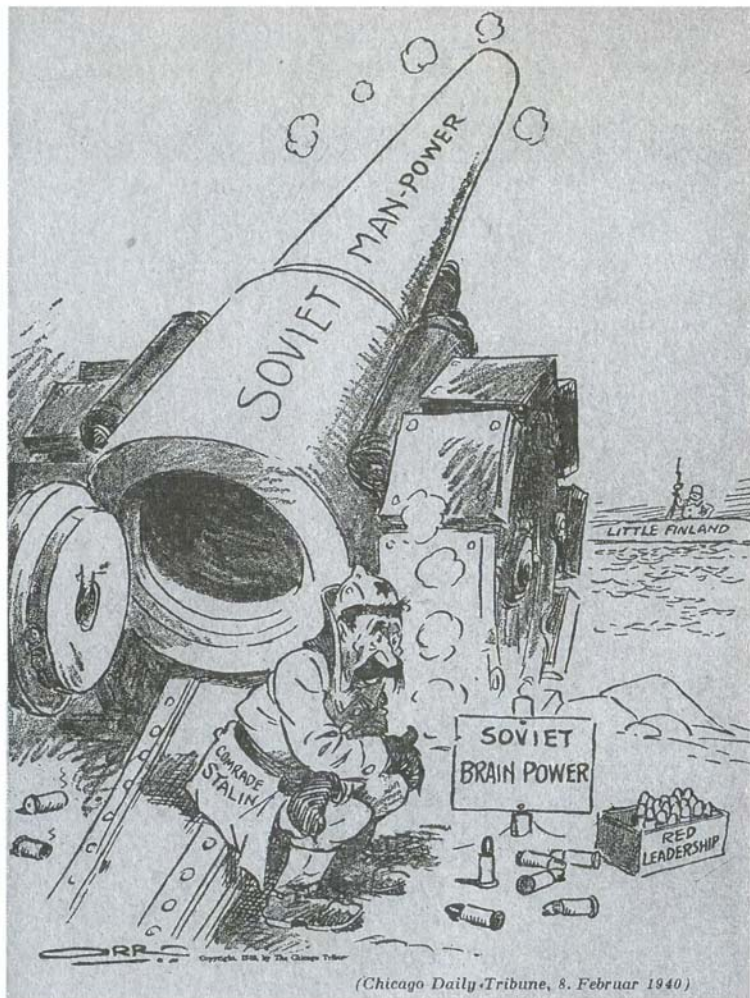
А что последует за Китаем?

LA SPAGNA AGLI SPAGNOLI!

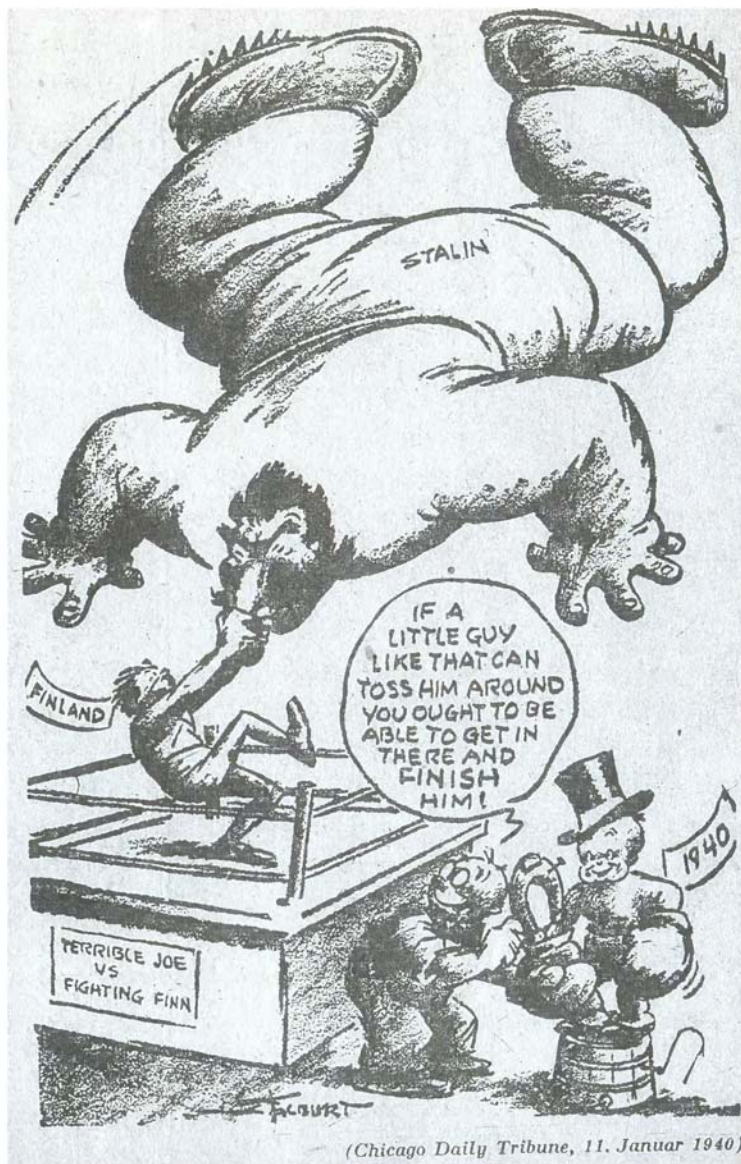
(Popolo d'Italia, 17. Januar 1937)

Национальный золотой запас Испании был вывезен красными за границу. Серп и молот остались в качестве квитанции в сейфах ограбленной и уничтоженной страны

(Chicago Daily Tribune, 8. Februar 1940)

Неправильный калибр! (Надпись на пушке: «Сила советского человека»; табличка над патронами: «Сила советских мозгов»; надпись на коробке: «Красные вожди»)

Их надежда! Надпись на ринге: «Ужасный Джо против Боевого Финна»

Без подписи

В то время, когда Сталин насилывал Финляндию, американская газета «Вашингтон пост» высмеяла незначительность помощи, которую США оказывали маленькой стране. Сегодня «Вашингтон пост» над этим не смеется, потому что Сталин сделал господина Рузвельта соучастником убийства

«Дейли миррор» подписала эту карикатуру так: «Пара граммов помощи значат больше, чем целая тонна сочувствия». Здесь говорит большая совесть по отношению к маленькой Финляндии, которой англичане обещали помощь, но не выполнили обещания. Насколько же по-другому выглядит сегодня немецкая помощь мужественной маленькой северной стране!

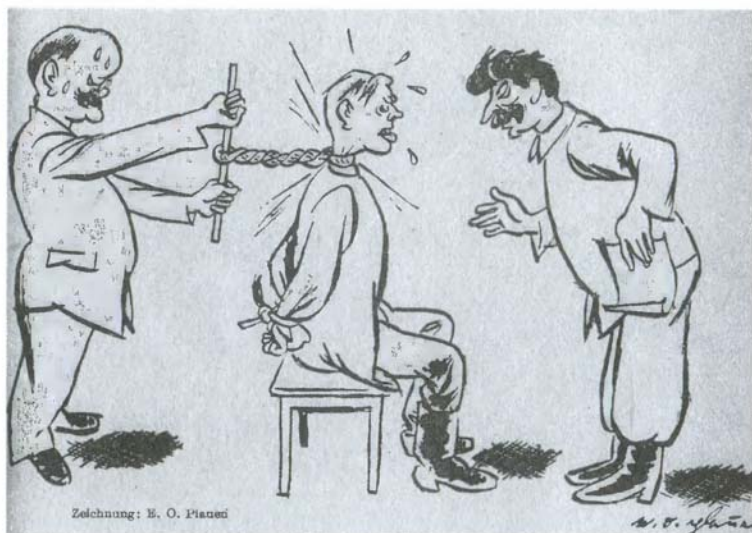

Из-за героического сопротивления сплотившейся Финляндии Сталин был вынужден, несмотря на огромные потери, пойти на компромисс

Без подписи

Техника бедной, подвергшейся нападению Советской России на переговорах с Финляндией. Сталин: «Это не должно омрачать наши отношения, мы всегда испытываем к вам самые дружеские чувства!» («Дас райх», 13 июля 1941 г.)

Сталин — политик грабежа и шантажа. С окровавленными руками стоит агрессор Сталин перед американским народом. За ним лежат его жертвы — Финляндия и балтийские страны. Но американский народ, представленный фройлейн Нью Дилиа (это правительство системы Рузвельта), вытирает ему кровь с рук и говорит иронически: «Такой великий представитель демократии, как ты, не должен ходить с таким позорным клеймом»

(Nachtausgabe, 12. August 1941)

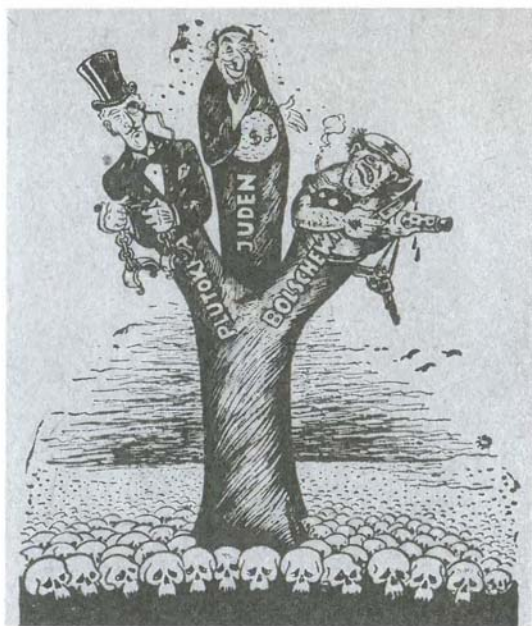
Защитный меч Европы

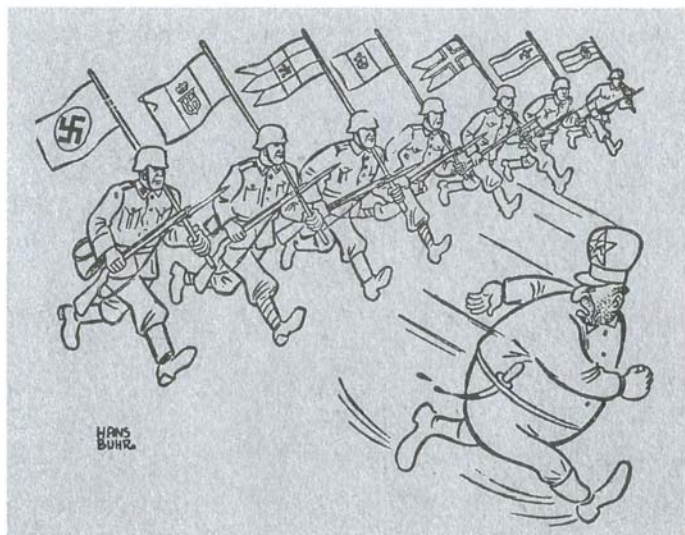
Архиепископ Кентерберийский: «Благословенны будут убийцы священников и осквернители монахинь, ибо они союзники благочестивой Англии!»

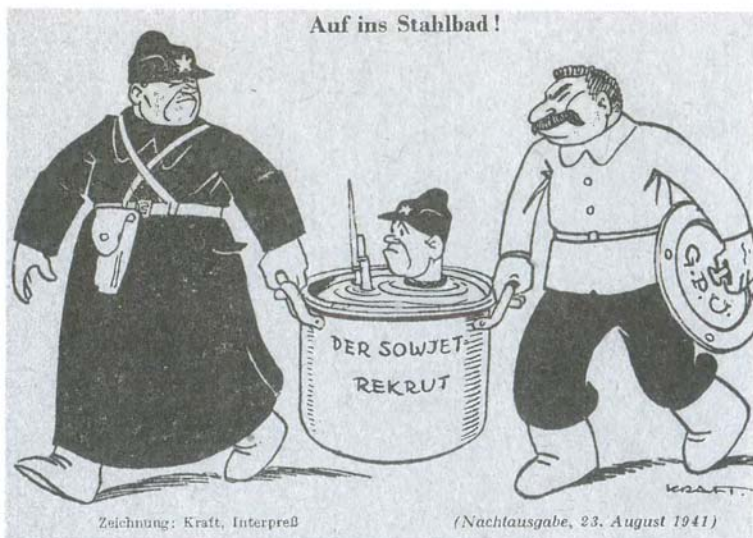
Черчилль Рузвельту: «Мы не можем его подпереть!»

От одного ствола

«Рабочие всех стран, объединяйтесь! – Имелось в виду совсем не это»

Генерал: «Под моим присмотром вы можете смело ставить его на огонь!»
 Сталин: «Хм, на всякий случай я прикручу крышку – чтобы помешать побегу». (На кастрюле надпись: «советский рекрут»; на крышке – «ГПУ»)

Сталинская «новая организация советской армии»

(Nachtausgabe, 19. Juli 1941)

«Почему, собственно, мы толкаем машину вперед, если знаем, что у нее есть только задняя скорость?!»

Zeichnung: Hanieli

(Berliner Nachtausgabe, 14. Juli 1941)

«Я ошибся с направлением? Я же хотел на Берлин!..»

Сталин: «Хорошенький же я сварил себе супчик!»

Черчилль: «...и я надеялся, Иосиф, что ты выиграешь для нас эту войну!»

Без подписи

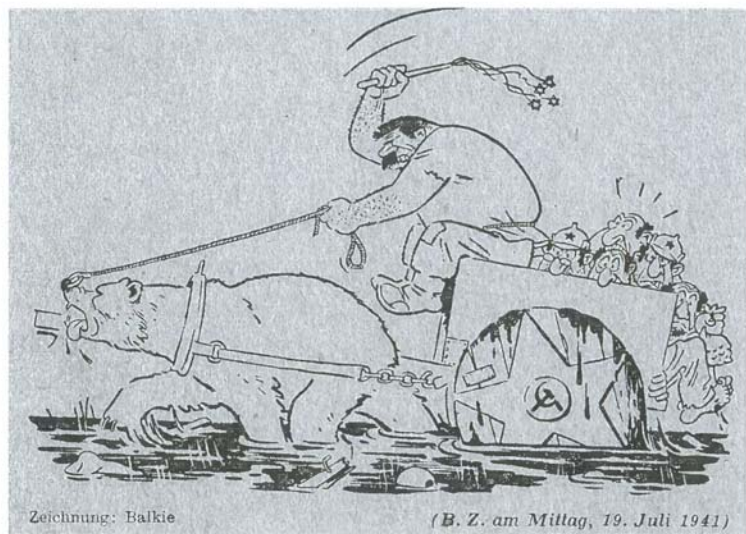

Без подписи

Извините, папаша Сталин, но работает только задняя скорость

Без подписи

(Fronte, Mailand, 25. September 1941)

Сталин: «За всю свою жизнь я не видел столько красных звезд»

Они одни из тех многих винтиков сложного слоновского механизма, без которого надзирателям трудно было бы выполнять лесозаготовительные и иные программы. Ежедневно дневальные «стучат» (т.е. доносят) чекистам на заключенных и правду, и неправду.

Хочется, чтобы читатель яснее почувствовал всю тяжесть пути заключенных от станции до командировки. Расскажу поэтому один из памятных мне эпизодов.

В ноябре 1929 года из первого отделения СЛОН было направлено на командировку «Великий остров» двести человек заключенных. Партию сопровождали четыре чекиста-надзирателя со старшим по конвою Петром Леоновым. Вот что рассказывал Леонов в ИСО по возвращении из командировки:

— До станции Пояконда «шакалов» довез благополучно. На Пояконде посадил, накормил на командировке пшеном и через полчаса погнал на «Великий остров». До деревни Черная Речка все шакалы, кроме троих, дошли благополучно. Трое в рот йодом мазанных каэров ослабели и стали отставать от партии. Но я все-таки догнал их до Черной Речки. Но когда погнал партию от Черной Речки дальше — тут началась мне с ними беда; то один, то другой шакал стали отставать от партии. Упадет, паразит, на землю и плачет. «Не могу, — говорит, — гражданин начальник, идти, ей-богу, не могу, сил нет... Из Ленинграда, гражданин начальник, нас отправили — дали в тюрьме по куску хлеба, ей-богу, не больше килограмма, и по четыре воблы... — Говорит, а сам плачет. — Трое суток мы ехали до Попова острова, два раза дали только воды... Гражданин начальник, клянусь детьми, ей-богу, не могу идти, хоть убейте!» — и плачет, паразит. Я и так, и сяк с ним: «Скоро, говорю, дойдем до командировки». А он, паразит: «Убейте, говорит, лучше меня, гражданин начальник, не могу идти...»

Думал-думал я, что мне с ними делать, и решил: взял одиннадцать человек каэров и одного попа и заставил их нести этих паразитов — два человека за руки, а два за ноги. Взяли и понесли.

Прошел я от Черной Речки пять километров, а всего, значит, от Пояконды пятнадцать и — новое дело. Уже не трое шакалов, а целых семь попадали и плачут: «Гражданин конвоир, хоть убейте, не можем идти, нет сил, отошдали...» Я заставил и этих нести... Кругом лес. Идем по колелю в снегу. Дороги как следует я не знаю. Наступила ночь — на три метра ничего впереди не видно... Слышу, мои шакалы начинают плакать. Бросают свое барахло, сундуки, котелки; снимают с себя верхнюю одежду и тоже бросают по дороге. Ослабели. Что, думаю, делать?..

Взял и остановил всю партию. «Партия, стой», — кричу, а сам не знаю, где у меня передние: партия растянулась чуть не на километр. Остановил, стянул всех в кучу. «Ну, говорю, отдыхайте, разводите костры». Развели мои шакалы костры, погрелись, отдохнули, попили кипятку и через час опять двинулись в путь.

Не прошли и пяти километров, как трое шакалов опять упали на землю. «Не можем, — говорят, — идти, гражданин конвоир, лучше убейте, дальше идти не можем...» Попробовал я гнать их прикладом — ничего не выходит. Произвел над их головами четыре выстрела из винтовки — не помогает; лежат, паразиты, и просят: «Убейте лучше, гражданин начальник, дальше идти не можем».

«Оставайтесь, говорю, загибаться в лесу», — и повел других. Всю ночь шел с шакалами, только к утру дошли до «Великого острова». Переправил на лодках всех шакалов, отдохнул и на другой день пошел за теми тремя паразитами, что остались в лесу. Долго я их искал, наконец нашел. Один шакал снял лапти и залез в копну сена, двое других, видно, развели костер, постелили под себя еловые ветки и уснули. Костер потух, и они окоченели... А тот шакал, который залез в копну сена, остался жив. Я вызвал с «Великого острова» лодку, посадил его и доставил на командировку Пояконда.

Товарищ Рошупкин, как мне теперь поступить? Написать вам рапорт о том, что эти два шакала загнулись? — спросил Леонов помощника начальника ИСО.

Рапорт был написан. Рошупкин, в свою очередь, настрочил рапорт начальнику лагерей. «Прошу, — писал он, — вынести в приказе по СЛОНу благодарность стрелку Леонову Петру за проявленную энергичность и инициативу во время сопровождения партии заключенных на командировку «Великий остров»... Прошло дня два, и в приказе по СЛОНу Леонову была объявлена благодарность с выдачей ему 10 рублей награды.

Приказы с благодарностями за «проявленную энергичность и инициативу» читаются всем чекистам-надзирателям. О таких подвигах потом пишут и в чекистских стенных газетах, и в ежемесячных журналах, издающихся при каждом отряде военизированной охраны: в них леоновы расхваливаются и превозносятся до небес. А чекисты-надзиратели уясняют себе целевую установку ОГПУ по отношению к заключенным СЛОНа: не шадить «шакалов», потому что спецотдел пришлет их сколько угодно, а заботиться надо прежде всего о том, чтобы заключенные как можно скорее прибывали на место работ.

Заготовка леса. В дремучем карельском лесу, летом окруженные сплошными болотами, а зимой обледенелые и занесенные сугробами снега, стоят два-три барака для заключенных, небольшой деревянный домик для чекистов-надзирателей и неременное приложение — «крикушник» (т.е. карцер). Это — одна из лесозаготовительных командировок СЛОНа.

Бараки сделаны из сырых тонких бревен, между которыми положена моховая прокладка, и на полметра сидят в земле. Крыша плоская. Сделана она из тонких сырых жердей и покрыта еловыми ветвями. Пол земляной. В бараке два яруса нар из тонких жердочек. Зимой, от тепла в бараке, снег на крыше тает, и заключенных, спящих на верхних нарах, мочат капли воды, протекающие сквозь щели между жердями.

В бараке на 400—500 человек 3—4 маленьких тусклых окошечка и две небольшие железные печи, которые зимой топят всю ночь. Никаких столов и приспособлений

для сиденья в бараке нет. Кружки, ложки, чайники, сундучки с тряпками — все это лежит там же, где заключенный спит: или под головой, или, если есть место, на гвоздях на стене, над его головой. Грязь, невероятная вонь, вши, клопы, холод... Вонь в бараках так сильна, что чекисты-надзиратели никогда в барак не заходят. В бараке на 400—500 человек горит не более двух маленьких лампочек. Стекол к ним на командировках обычно нет, и лампочки горят без стекол. Дневальные то и дело выкручивают фитиль, так как иначе огонь тухнет. Когда заключенный утром встает, у него в носу копоть, как в дымовой трубе. Чтобы умыться, надо взять свою кружку и идти во двор и там где-нибудь на пне умываться изо рта. Мыло заключенный должен иметь собственное, так как СЛОН его не выдает. Не выдаются и постельные принадлежности; заключенные спят в одежде, настелив на нары еловых ветвей. Во сне их холодит пробивающийся в щели стен ледяной полярный ветер, вши немилосердно едят их измученные в работе тела. Пробуждаясь от холода, они соскакивают с нар, бегут к топящейся железной печке, немного греются и опять идут «спать»...

Если заключенному ночью понадобится выйти оправиться, он должен прежде всего попросить для того разрешения у дневального, а тот доложит об этом стоящему на часах у дверей барака чекисту-надзирателю; потом он должен обязательно раздеться до белья, и только тогда он может выйти на трескучий мороз и побежать в лес. Раздеваться его заставляют в предупреждение побега.

Так проходит ночь. А наутро он сквозь сон слышит зычное дневальское: «Вылетай пулей на работу. Что? Отдельного приглашения ждешь? За дрыном соскучился?»... Заключенный вылетает «пулей» из барака, умывается снегом, хватает свой грязный котелок и бежит стать в очередь за пшеном.

Поев на нарах с колен слоновского пшена и выпив кружку горячей воды, заключенный становится в строй. Выстроившихся сначала дрессирует командир роты, за-

тем он идет к дежурному по командировке чекисту и докладывает, что строй готов. Вот идет к строю хозяин командировки.

— Командиррровка, смирррно. Равнение на середине, — командует комроты.

— Здорово, шакалы.

— Здрррааа.

Командир роты подлетает к чекисту с рапортом о численном составе строя.

— К ррразвоооудуу, — дает распоряжение дежурный чекист-надзиратель после рапорта командира роты. К заключенным подходят десятники, и каждый из них берет в лес своих заключенных.

Десятники — уголовный элемент, главным образом убийцы. Ссылая их в СЛОН, спецотдел пишет управлению СЛОНа: «Использовать в качестве десятника». Десятники не хуже чекистов-надзирателей знают дело строя и своих заключенных строят в «четверки». Они так же командуют: «Чище разберись в четверках», «Справа по порядку номеров рассчитайсь».

К построенным десятниками заключенным выходят чекисты-надзиратели, чтобы конвоировать партию лесорубов в лес. Эти, в свою очередь, начинают: «Справа по порядку номеров рассчитайсь», «Первая четверка, три шага вперед, шагом марррш» и т. д. А потом старое, издегавшее заключенным все нервы: «Шаг вправо, шаг влево, будет применено оружие». И наконец: «Партия, на работу в лес шагом марррш».

На работу заключенные идут до десяти километров. И чем дальше они работают, тем дальше и дальше им приходится ходить: вырубая лес, они с каждым днем отодвигаются от места расположения командировки.

В лес заключенные приходят совершенно затемно. Десятники выдают им спички: ими они просвечивают сосны, чтобы узнать, есть ли на сосне клеймо и можно ли рубить ее. Снегу по пояс, и заключенный должен сперва вытоптать вокруг дерева снег. Тридцать пять деревьев он должен срубить, обрубить с них сучья и око-

рить (т.е. очистить от коры). А после работы, возвращаясь на командировку, он должен пройти пять—десять километров.

Срубить и очистить 35 деревьев — это только основной урок заключенного. Кроме этого у него есть еще много видов добавочной работы, о чем скажу дальше. Сейчас укажу только на добавочную работу, которую здоровые заключенные должны выполнять за своих заболевших или обессилевших товарищей до тех пор, пока на их место не будут присланы новые. По директиве санитарного отдела УСЛОНа лекпомы (лекарские помощники) на командировках «законно» могут признать больными не больше 2% всего списочного состава заключенных данной командировки. Если на командировке окажется больных, скажем, 3% (больными признаются только те, кто имеет повышенную температуру, иначе он «симулянт» и «филон»), — то урок этих «излишних» больных должны выполнять остальные.

Каторжная работа доводит заключенных до того, что он кладет на пень левую руку, а правой отрубает топором пальцы, а то и всю кисть. Таких саморубов надзиратели банят что есть сил прикладами винтовок, потом отправляют к лекпому на командировку. При этом чекист-надзиратель дает ему «пропуск»: он берет толстое, пуда в два весом, полено и на нем пишет: «Предъявитель сего «филон», «паразит симулянтович», направляется мною в командировку для перевязки отрубленной топором руки. После перевязки прошу направить его обратно в лес для окончания урока». Саморуб идет с таким пропуском километры. На командировке дежурный чекист снова банит его, потом пошлет к лепкому; тот помажет йодом порубленное место, перевяжет бинтом из плохо выстиранных рваных рубашек, полных гнид, и направит в распоряжение дежурного по командировке; этот наряжает дневального, который ведет саморуба обратно в лес, на работу. «Ты думаешь, шакал, мы тебе не найдем работы? Не можешь рубить, так будешь пилить. Для этого одной руки тебе хватит», — говорят чекисты-надзиратели и де-

сятники. И саморуб пилит. Пилит одной рукой, пилит каждый день, пилит до тех пор, пока или от заражения крови умрет, или попросит товарища отрубить ему кисть и правой руки... Если он после этого, уже не работая, выживет, то весной его отправят на Конд-остров, а там уже конец ему. С Конд-острова никто живым не возвращается.

В отношении саморубов в СЛОНе есть специальный приказ: «Саморубов от работы не освобождать и требовать выполнения урока». Приказ подписан начальником СЛОНа Ногтевым, и такая же директива была получена из спецотдела при коллегии ОГПУ за подписью Глеба Бокия, начальника спецотдела. Иначе нельзя! Не будь в СЛОНе таких жестоких мер в отношении саморубов — все заключенные будут рубить себе пальцы и кисти рук. Кто же тогда будет выполнять слоновские лесозаготовительные программы? Что тогда получилось бы с пятилеткой? Разве можно было выполнять ее в четыре года?.. Как большевики пополнят недобор в иностранной валюте?

Многие заключенные, видя, что саморубство спасти их не может, а в перспективе их ждет неминуемая смерть с предварительными долгими страданиями, поступают решительнее: они вешаются на обледенелых деревьях или ложатся под подрубленную сосну в тот момент, когда она падает — тогда их страдания оканчиваются наверняка.

Сплошь и рядом случается, что заключенный, проработав часов десять и вымотав все силы, заявляет десятнику и чекисту-надзирателю, что он не в состоянии выполнить урока. Тогда его бьют. Если это не помогает и чекист убеждается, что он действительно выполнить урока не может, остаток урока такого заключенного переносится на всех работающих, а виновник ставится на высокий пень и обязывается кричать «я филон! я филон! я паразит советской власти!». Эту фразу он у одних чекистов кричит 500 раз, у других больше. Ванька Потапов (о нем мы услышим впоследствии) заставлял кричать до 5000 раз... Кричит заключенный, а сам плачет. Когда заключенный, прокричав «я филон» менее урока, вместо

500 раз только 300, замолкает, чекист-надзиратель, поджаривающий что-нибудь себе у костра или пьющий чай, орет: «Ты что же, филон! И тут начинаешь филонить!.. Что же ты думаешь, я не считаю?»

На пенек становятся только лишь те «филоны», которые, заявляя, что не могут выполнить урока, плачут. Есть другие: вымотав на работе все силы, они не плачут и не просят застрелить их, а категорически заявляют, что у них уже нет больше сил. С ними чекисты поступают суровой. Шаблонных мер борьбы с ними нет, и каждый чекист руководствуется собственной изобретательностью. Расскажу о наиболее частых. Первый, он же, как правило, первоочередной — «дрыновка»: чекист банит изо всех сил прикладом винтовки, а десятники «дрыном», то есть толстой крепкой палкой, иногда с сучками. Второй — занятие военным строем: «Становись! Каблуки вместе, носки врозь! Грудь вперед! Голову выше! Слушай мою команду: направо! Налево! Крррууугом! На месте бегом маррррш!» Третий прием — «ходьба по восьмерке»: чекист-надзиратель приказывает десятнику пройти с километр по снегу так, чтобы получилась цифра 8. По этой восьмерке филон должен потом ходить до окончания всеми заключенными их работы. Четвертый прием — раздевание: заключенному приказывают раздеться и стоять, прислонившись носом к сосне, причем зимой ствол сосны иногда поливается водой, и нос примерзает к дереву. Пятый — «стойка на комарах»: заключенный раздевается и привязывается к дереву так, чтобы своими движениями не мог сгонять сосущих его кровь комаров. Шестой — ходьба по лесу с просунутой в рукава бушлата длинной палкой. С заключенного десятник снимает бушлат, продевает в рукава длинную, метра в четыре, палку, надевает потом этот распятый бушлат на заключенного так, что палка проходит позади шеи, застегивает бушлат и подпоясывает его поясом. Распятый таким образом на палке заключенный должен ходить по лесу. Палка, задевая за деревья, мешает ему ходить, и он должен то и дело поворачиваться и проходить между

деревьями боком. А урок «этих паразитов советской власти» все-таки выполняется: его делают те, кто еще на ногах.

Уже совсем темно. Энергичными мерами надзирателей и десятников работа выполнена полностью. Начинается опять:

— Первая четверка! Три шага вперед маррррш! Вторая! Третья!..

Поверка окончилась. Все налицо. Чекист-надзиратель командует:

— Партия! На командировку шагом маррррш!

Партия пошла. Впереди идут те, кто «филонил» на работе. Вот партия подходит к командировке. За полкилометра от нее чекист командует: «Партия, начинай нашу песню!» Партия поет:

Хоть и за поступки сослали нас сюда,
Но все же мы имеем большие права:
Газеты получаем, газеты издаем;
Спектакли мы ставим, песни мы поем.
Мы заключенные страны свободной,
Где нет мучений, пыток нет:
Нас не карают, а исправляют,
Это не тайна и не секрет.

Вот заключенные на командировке. Они стоят в строю и ожидают дежурного. Он должен принять прибывшую с работы партию заключенных. Минут через 5—10 из помещения для надзирателей показывается жирная, красная морда дежурного. Опять начинается:

— Первая четверка, три шага вперед шагом маррррш! Вторая! Третья. Четвертая!..

Поверка окончилась. Заключенные пошли в барак.

— Вылетай за обедом! — кричат дневальные.

За получением обеда все стоят в очереди. Обед выдается из окошечка маленького и невероятно грязного сарайчика. Стоит заключенный и, ожидая, пока придет староста командировки и раздаст талоны на обед (чтобы заключенный не мог получить его два раза), спит стоя, прислонясь к стене кухни. Сзади стоящие тоже спят, положив головы на спины передних.

«Шакалы» пообедали. «Вылетай пулей на поверку!» — орут после обеда дневальные. Измученные дневной работой заключенные должны еще не менее получаса стоять на поверке. Опять: «Справа по порядку номеров рассчитайсь!»

Так вечер проходит только у тех заключенных, которые окончили свой урок. Иначе проходит он у «филонов»: их, как только они придут на командировку, дежурный во-первых «побанит», а потом посадит на ночь в «крикушник» (карцер). В «крикушнике» он получит только 300 граммов хлеба и жидкий пшенный суп. Утром он выйдет опять в лес, и там может повториться та же история...

Прокладка дорог. В Карелии есть организация, называемая Карелжелдортранс, то есть Карельское железнодорожное транспортное строительство. СЛОН, по директиве из Москвы, заключает с этой организацией договоры на постройку военно-стратегического значения дорог вдоль финляндской границы. В момент моего ухода за границу (во второй половине июня 1930 г.) строился 65-километровый тракт от станции Лоухи Мурманской железной дороги до станции Кестеньга, что в пограничной зоне русско-финской границы. Тракт этот предполагалось строить и дальше: от Кестеньги через Кокосальму и Лайдасальму до Огдлангансу... Кемь-Ухтинский и Парандовский тракты построены уже давно. На прокладке первого из них погибло 24 тысячи заключенных. Зато он на протяжении всех своих 300 километров вышел хорошо — по нему в настоящее время бегают автомобили.

Взглянем на эти командировки по постройке трактов.

Зимой все заключенные СЛОНа работают на лесозаготовках. С наступлением весны, когда рубка деревьев в лесу прекращается, на лесозаготовках остаются только занятые сплавом леса, погрузочно-разгрузочными работами и обделкой древесины на лесопильных заводах. Все остальные с лесозаготовок направляются на постройку трактов.

Лесозаготовительная командировка, при всех ее ужасах, хоть стоит на твердом основании, ибо болотистая почва крепко замерзает. Командировки по постройке тракторов стоят на сплошных болотах.

Барак заключенных построен на зыбкой болотной трясине. Пол барака при ходьбе по нему качается под ногами, а сквозь щели бревен при каждом шаге, как из-под пресса, лезет жидкая болотная грязь. В остальном барак ничем не отличается от барака на лесозаготовительной командировке.

Работа по постройке тракторов такова, что определенного урока задать невозможно, и заключенные работают без всякой нормы, просто по усмотрению десятников и надзирателей. Фактически работают по 15—16 часов в сутки. Белые летние ночи севера дают возможность работать и круглые сутки: одни кончают, другие начинают.

Работы заключаются в осушке болот, прокладке по ним гати, устройстве по обеим сторонам дороги канав, доставке и утрамбовке песка и щебня и т. д. Делая на осушаемом участке канавы для стока воды, заключенный работает по колено, а то и по пояс в болоте. Он почти никогда не бывает сухим. Если зимой, на лесозаготовительной командировке, он мерзнет на 40-градусном, а то и больше морозе, отмораживает себе руки и ноги, то летом, на постройке тракторов, его ожидает другая мука: его съедают кучи комаров и мошкар. Никаких «накомарников», совершенно необходимых в том климате, СЛОН никогда заключенным не выдает. Работая, заключенный то и дело стонет или стирает с лица, шеи и головы рукавом то правой, то левой руки немилосердно кусающих его насекомых. К концу работы лицо его делается страшным; оно все распухло, покрыто ранками и кровью раздавленных на нем комаров.

«Стойка на комарах» — здесь излюбленный чекистами способ наказания. «Филон» раздевается донага, привязывается к дереву и так оставляется на несколько часов. Комары облепляют его толстым слоем. «Симулянт» кричит, пока не впадает в обморок. Тогда одни надзиратели

приказывают другим заключенным обливать обморочного водой, а другие просто не обращают на него внимания до истечения срока наказания...

На сплаве леса. Из глубины карельских лесов заключенные СЛОНа сплавляют бревна по рекам и озерам. Одни из них заняты непосредственно сплавом, а другие — подсобными работами: они взрывают динамитом подводные камни бурных карельских речек, загромождающих русло и мешающих сплаву. Сплав и взрывание камней производятся самым первобытным способом. Множество заключенных поэтому погибает: одни в бури тонут на плотках, других убивают разлетающиеся при взрывах камни... По характеру работ эти заключенные должны постоянно переходить с места на место. Они спят поэтому просто в лесу у костров. Пища им выдается в сухом виде. Получая ее на руки, сразу дней на пять, голодный заключенный съедает ее в три дня, а потом голодает и питается в лучшем случае черникой.

Открытие новых командировок. Леса в Карелии, Мурманском крае и Архангельской губе сколько угодно; запас каэров и социально опасных у ОГПУ неограниченный, бесплатных работников у советской власти, значит, достаточно. Лесозаготовительные и другие работы расширяются поэтому с каждой неделей; открываются все новые и новые командировки. Теперь их, вероятно, больше тысячи. Заключенные, попадающие на уже действующие командировки, во много раз «счастливее» тех, которых гонят в лес для открытия новых. Приходящие на действующие командировки находят там готовый ночлег. На вновь открываемых командировках приходится спать под открытым небом, у костров. Сами чекисты живут в раскинутых для них палатках, а заключенные тем временем строят для них домик, материал для которого они привозят со станции на себе. Когда домик для надзирателей готов, строится карцер и только потом барак для заключенных. Пока одни заключенные занимаются постройкой

командировки, другие выполняют уроки — и собственные, и товарищей, занятых постройкой бараков. Если кто-нибудь из заключенных заболит на устраиваемой командировке, он должен погибать: лежать он может только у костра, а лекпом на командировку приходит только тогда, когда она уже выстроена. Эта смерть никого не беспокоит. От надзирателей управления СЛОНа требуется только выполнение лесозаготовительной программы, и «издержками производства» в виде человеческих жизней оно интересуется лишь постольку, поскольку надо внести перемены в списки слоновских заключенных.

V. Общие условия жизни

Добавочные уроки. Питание заключенных. Одежда.

Болезни и врачебная помощь. Переписка.

«Крикушники». «Освобождение». Участь женщин

Добавочные уроки. Выработка заключенным 35 бревен в день на лесных заготовках является лишь основным уроком. Кроме того, существуют еще уроки добавочные. Их дают по самым разнообразным поводам — то в порядке «социалистического соревнования», то для сбора средств на «Ответ соловчан Чемберлену», то для улучшения «материальных и моральных условий жизни» надзирателей и прочей высшей администрации.

«Социалистическое соревнование» в СЛОНе — это двадцатипятипроцентная надбавка к уроку заключенного. Все отряды военизированной охраны лагерей заключили между собой договоры по социалистическому соревнованию. По ним каждый отряд обязуется перед остальными выполнить лесозаготовительную программу на 25% выше задания. Договоры заключили чекисты, а соревнуются за них рабы-заключенные. «Не жалеете ни костей людей, ни костей лошадей, лишь бы была выполнена лесозаготовительная программа и наш 3-й отряд вышел из социалистического соревнования первым» — так вдохновлял надзирателей 3-го отделения СЛОНа (на Кандалакше)

помощник начальника 3-го отряда военизированной охраны Карл Бауэр. Так же вдохновляли своих надзирателей и во всех других лагерях.

«Ответом соловчан Чемберлену» был назван самолет, поднесенный советскому правительству УСЛОНОм «от имени заключенных лагерей ОГПУ»... Где на вечерних, где на утренних поверках начальники командировок громгласно заявили своим заключенным: «Заключенные! Союз Социалистических Республик находится в капиталистическом окружении. Империалисты всех стран готовят интервенцию. Они хотят стереть с лица земли первую в мире социалистическую республику — наш дорогой СССР. Они хотят сделать из нас рабов, чтобы нас немилосердно эксплуатировать!.. Заключенные! Вы должны, как один, дать отпор мировым хищникам! Вы должны, как один, построить самолет «Ответ соловчан Чемберлену». Заключенные! Вы знаете, кто такой Чемберлен? Чемберлен — это мировой хищник; это акула, которая плавает в море. Акула, заключенные, «шамает» (ест. — *Авт.*) людей живыми. Чемберлен, заключенные, хочет вас «дрыновать», как арапов. Знаете, что такое арапы? Это такие черные люди, которые всю свою жизнь ходят в цепях. В Советском Союзе никто не видал таких цепей: каждая цепь два пуда весит! А арап носит четыре такие цепи: две на ногах и две на руках. Заключенные! Мы сегодня, как только вы сделаете свой урок, устроим ударник на пользу самолета «Ответ соловчан Чемберлену». Поняли?

— Поняли, гражданин начальник.

— Ну, так вот оно, это самое...

— Десятники! Сегодня в ответ Чемберлену срубить тысячу баланов!

В результате такой агитации заключенные СЛОНа «добровольно» выработали на «Ответ Чемберлену» 310 тысяч рублей. На них УСЛОН преподнес советскому правительству «от имени заключенных» самолет. Поднесение состоялось при самой торжественной обстановке, в Москве. Чекисты УСЛОНа, игравшие роль заключенных, говорили горячие речи; обещали в случае нападения на СССР

империалистов самоотверженно сражаться, пели уже известную нам песню: «Мы заключенные страны свободной»...

Таким же добавочным и сверхурочным трудом заключенных, или прямо воровством у них, улучшаются «моральные и материальные условия жизни» надзирателей, их начальников и коммунистической администрации СЛОНа.

При каждом отделении СЛОНа имеется штаб военизированной охраны. Он состоит из отряда военизированной охраны, его помощника, политрука (политического руководителя) и канцелярских работников. В функцию политрука входит наблюдение за политико-моральным состоянием стрелков военизированной охраны (чекистов-надзирателей) и ведение среди них просветительно-политической работы.

В декабре 1929 г. в 3-м отделении СЛОНа, на станции Кандалакша, под председательством начальника отряда Долгобородова, происходило совещание всех начальников командировок о лесозаготовках. Когда с ними закончили и перешли на мелкие вопросы, один из чекистов обратился к политруку Легздину:

— Товарищ политрук, у меня на командировке нет радио. Товарищи надзиратели скучают. Скоро ли вы дадите нам радиоприемник?

— Эх вы, не знаете, как достать себе радиоприемник! Спросите начальника командировки «Энг-озеро» — он вас научит! Товарищ Сорокин, расскажите, как вы достали себе радиоприемник.

— А очень просто! — ответил Сорокин с «Энг-озера»: — «Северолесу» надо было грузить шпалы. Я иду к производителю работ «Северолеса» и говорю: «Заплатите мне, я вам погружу шпалы». — «Пожалуйста», — говорит мне производитель работ. Выгоняю своих шакалов, делаю погрузку десяти вагонов шпал и получаю за это триста руб. Вот на эти деньги я и выписал себе радиоприемник.

— Вот так может сделать и каждый из вас, — сказал политрук Легздин.

— Хорошо товарищу Сорокину на линейной командировке: там можно заработать. А я вот нахожусь на «Бабдаче», в ста двадцати пяти километрах от железной дороги. У меня никакого «Северолеса» нет и заработать не от кого, — сказал чекист Савельев, начальник командировки «Люкс-губа».

— Вы тоже можете заработать, товарищ Савельев. Сделайте со своими шакалами «ударник», срубите сверх программы тысячу баланов и донесите мне об этом рапортом. Я на эти деньги куплю вам радиоприемник. Нет положения, из которого нельзя бы было найти выход, — поучительно закончил политрук.

Через месяц было новое совещание. На нем уже никто не жаловался на неимение радиоприемника. Теперь все чекисты «выход нашли»... Они находят его и в области собственного питания. Расскажу для примера, что сделало в этом направлении 3-е отделение СЛОНа.

Там для надзирателей была устроена столовая. Заведовал ею я, работая одновременно и в ИСО, и в штабе 3-го отделения военизированной охраны.

— Не совсем мне нравится наша столовая, — сказал мне однажды начальник 3-го отряда, — и нет в ней уюта... Да и обеды только из двух блюд. Надо бы обеды из трех блюд, а завтрак и ужин из двух. Кроме этого в столовой в течение всего дня должно быть сладкое кофе. Помещение тоже надо переменить.

— На двадцать рублей, которые я получаю от каждого столующегося, этого сделать нельзя, товарищ Долгобородов, — ответил я.

— Да, да, я знаю, товарищ, это верно. Но мы можем изыскать средства. Я получил от инспекции предписание, в котором предлагается сделать это, и мы должны сделать.

На другой день Долгобородов предложил мне проект: «Я нашел, — сказал он, — двенадцать хороших, почти новых сетей в доме, где я живу. Я дам вам эти сети, человек десять шакалов и одного надзирателя, а вы их пошлите ловить селедку. Часть селедки пойдет в нашу

столовую, другую часть продайте на Кандалакшский консервный завод, а на вырученные деньги покупайте для столовой все, что надо. В первую очередь купите радиоприемник. Дальше мы сделаем так: я вам дам муку, пшено, растительное масло, махорку, одним словом, все то, в чем нуждаются карелы и лопари: вы все реализуйте на дичь, я слышал, на Баб-даче у лопарей много дичи. Меняйте на сливочное масло, на творог, на яйца и прочие нужные нам продукты»...

Так мы и сделали. В столовой появился радиоприемник и сладкий кофе с пирожными, фрукты и прочее. Часть рыбы шла в столовую, а другая шла на квартиры Долгобородова, его помощника Бауэра и Дернова — секретаря ячейки. Чекисты-надзиратели, и без того красномордые, разжирили, как свиньи.

Проявляя такую заботливость о своих надзирателях, УСЛОН не в меньшей степени заботится и о выполнении своей программы лесозаготовительной и других. Поэтому с десяти заключенных, которые ловили рыбу, УСЛОН требовал лес. А раз они фактически на лесных работах не состояли, то положенный для них урок выполняли, добавочно к собственному, их товарищи.

Питание заключенных. Основная пища заключенного состоит из 1 килограмма в день черного и всегда сырого хлеба и пшена, из которого утром готовят кашу, а вечером суп. В суп через день кладется вяленая вобла, иногда головки соленой воблы, но рыба эта всегда настолько испорченная, что около склада, где она хранится, нельзя пройти от зловония. Изредка в суп попадает картофель, но почти всегда сырой и мерзлый. Мясо, то есть худая, от палых лошадей, конина, дается заключенным два раза в неделю: 5—6 маленьких кусочков, крошенных в суп, в общей сложности не более 100 граммов.

В кашу кладется микроскопическое количество подсолнечного масла, не более двух граммов на человека. Заключенные никогда не получают полностью той ничтожной нормы масла, приблизительно 15 граммов в

день, которая на них полагается: надзиратели, пользуясь тем, что продовольственным складом заведует заключенный, без стеснения забирают масло для собственного стола в неограниченном количестве. Они жарят себе на нем пирожки и оладьи, продают карелам и лопарям, выменивают на него себе сливочное масло, яйца, оленину, олени шкурки и т. д. Так делается и с мукой, отпускаемой для подболтки супа заключенных. Масло крадут не только чекисты, но и сами заведующие продовольственными складами: отчасти они берут его в свою пользу, а отчасти не выдают полностью кашеварам, боясь нехватки при отчетах и строгой ответственности за нее.

Сахару заключенный получает 400 граммов в месяц. Чаю он не получает и пьет голый кипяток. Не полагается ему и табак — махорка.

Одежда. Все заключенные СЛОНа работают в собственной одежде и носят собственное белье. Казенное обмундирование им дается лишь тогда, когда они окончательно изнасят свое собственное, и только тем, кто работает в лесу и ежедневно выполняет свой урок. В СЛОНе имеются поэтому, по официальному выражению, «раздетые». Кроме рваного и вшивого белья у них нет ничего. На 1 мая 1930 г. их в СЛОНе было 14 875 человек. Работать на лесозаготовках они не могут. Не может, однако, и ОГПУ допустить, чтобы 14 875 человек сидели без работы. Оно шлет заключенных в СЛОНа для работы, оно ждет от них экспортный лес, и вдруг 15 тысяч человек будут сидеть и даром есть слоновский хлеб! Выход, конечно, нашли.

«Всех раздетых использовать на работах путем выдачи им одежды тех заключенных, которые возвращаются с работы по окончании урока», — такой приказ разослал УСЛОНа всем командировкам, как только узнал о раздетых. Голодный, весь мокрый и еле передвигающий от усталости ноги заключенный теперь после работы должен был сейчас же раздеться до белья и отдать одежду своему товарищу. В одежде он все-таки мог согреться и отдох-

нуть. Теперь отобрали и это. Он может только набрать еловых ветвей, постелить их на голые нары и спать на них. Но покрыться ему все-таки нечем. Ночью, когда он начнет замерзать, он соскакивает с нар, бежит к железной печке и греется. Согревшись, опять идет на свое место и на некоторое время засыпает. Так проходит вся ночь у «хозяина» одежды, так проходит весь день у пользующегося его одеждой. Зато растет советский лесной экспорт. Зато СССР — мировой поставщик лесных материалов...

Расскажу по поводу раздетых случай, имевший место на острове Соловки зимой 1928 года. Все заключенные Кремля были выстроены на вечернюю поверку. Командир 12-й роты тоже выстроил своих «шакалов» на границе с ротой большой каменной площадке, покрытой тонким слоем льда. Человек пятьдесят среди них было раздетых. Чтобы они не раздражали чекистского глаза товарища дежурного, их поставили в задних рядах. Пока пришел дежурный, раздетые — совсем босые и в одних нижних рубашках — совсем замерзли. Когда дежурный чекист Карпов и с ним лагерный староста поздоровались и, сделав поверку, уходили, послышались какие-то странные звуки, похожие на плач. Карпов остановился, потом зашел в тыл строя. Там он увидел застывших от холода и странно визжащих раздетых.

— Это что за гвардия у тебя, ротный?

— А это — дети Ленина, — сказал с иронией кто-то из строя, опередив своим ответом командира роты...

Автор ответа был сначала посажен на 30 суток в «крикушник», а затем отправлен в штрафную командировку «Овсянка», на «загиб». (Об «Овсянке» читатель узнает впереди.)

Болезни и врачебная помощь. Отсутствие у заключенных сносной собственной одежды, совершенная непригодность, в условиях сурового Севера, слоновской и наличие раздетых — все ведет к массовому обмороживанию заключенных. В зиму на 1930 г. на одних только Колвицких командировках (в 30 километрах северо-восточнее стан-

ции Кандалакша) в одну неделю обморозилось 850 человек.

Обычно обмороженные оставляются на месте. Там они, если чудом не выздоровеют, погибают. Эти 850 человек были привезены на станцию Кандалакша, где находится штаб 3-го отделения СЛОНа. Привезли их потому, что иначе посланным вместо них новым заключенным негде было жить на командировке. В качестве представителя ИСО я принимал их. Несмотря на 30-градусный мороз, одежда с них была снята и оставлена работающим в лесу. Полуголые обмороженные лежали на снях, прикрытые сеном. Многих сняли с саней уже мертвыми. Еще живых перетаскали в холодный барак и положили на голые нары. Лазарет 3-го отделения, рассчитанный всего на 45 больных, принять их не мог; оказать какую-нибудь реальную помощь он тоже не мог: там не было ни медикаментов, ни перевязочного материала. В другие лазареты их тоже не послали: зачем расходиться, чтобы выпустить из лазарета калеками?.. На что советской власти калеки?.. ИСО приняло меры лишь к тому, чтобы этот случай не сделался гласным для кандалакшского «вольного» населения. Это было достигнуто: все 850 человек, как один, умерли от заражения крови. Всех их ночью живые «шакалы» свезли на снях в Кандалакшский залив и там сбросили в заранее приготовленные большие проруби...

Бог даст, времечко настанет, —
Мать родная не узнает,
Где зарыт ее сынок... —

так поется в одной популярной нелегальной песенке заключенных в СЛОНе.

Второй бич, которым природа севера бьет заключенных, — куриная слепота и цинга.

Куриная слепота часто ведет к убийству заключенного, когда он отойдет вечером несколько шагов от командировки в лес, чтобы оправиться, и заблудится. Чекист-надзиратель прекрасно знает, что заключенный заблудился

по болезни, но он желает выслужиться, получить повышение, получить благодарность в приказе и денежную награду, а главное — им владеет особенный чекистский садизм. Он рад поэтому взять такого заключенного на мушку и выстрелом из винтовки положить наповал. Жертвы таких случаев исчисляются сотнями... Много раз мне, как уполномоченному ИСО, приходилось читать в рапортах: «Доношу, что мною, из винтовки № такой-то, застрелен заключенный такой-то за попытку к бегству»... ИСО отлично знает настоящую подоплеку такого «бегства», но оно ни разу за мое трехгодичное пребывание в СЛОНе не подвергало надзирателей какому-нибудь взысканию. И в самом деле: велика ли беда, если «одним шакалом меньше»!

Цинготный больной представляет страшное зрелище: с ранами на руках, ногах, на деснах, с вываливающимися зубами, ослабевший, худой, страшно голодный. Бывало, замирает сердце, когда взглянешь на них.

Третья распространенная группа больных — сумасшедшие.

Начинается обыкновенно с того, что с человеком делается истерика. Чекисты истерике не верят. Называют ее «симулянтством»: больного бьют «дрыном» или прикладом ружья и «для исцеления», как выражаются они, дают ему полуторный урок. Больной выполнить его не может и за это идет сначала в «крикушник», потом на штрафную командировку. Там заключенный окончательно сходит с ума. Когда чекисты-надзиратели наконец убедятся в его сумасшествии, больного, если он еще жив, направляют на одну из инвалидных командировок — чаще всего на Конд-остров. (С ним мы познакомимся впереди.)

На Поповом острове приходилось наблюдать: какая-нибудь уже пожилая женщина, интеллигентная каэрка, во время муштровки в строю с обычными «справа по порядку номеров рррассчитайсь», «отставить», кощунственной и матерной бранью, с бесконечными «здра» и «не слышу», вдруг падает в истерике на землю и начинает

биться и кричать. Издерганные нервы сдали и перестали повиноваться!

Истерические припадки в строю случаются не только с женщинами, но и с мужчинами. Расскажу об одном, имевшем место на острове Соловки, в 14-й «запретной» роте, в которой находится много священников, ксендзов и мулл.

В роте происходила поверка. Один из священников, очень старый, высокий, седой, довольно крупный, стоял в задней шеренге. Пока подавались зычные команды: «Справа по порядку номеров рассчитайсь», «отставить», «здра» и т. д., он стоял с руками по швам и послушно исполнял команды, но каждый раз, как только командир роты раздражался кощунственной бранью, священник со слезами на глазах начинал креститься. Один из командиров взводов заметил это. Он подлетел к священнику и с новой громовой бранью начал избивать старика. Священник упал на землю, с ним сделалась истерика. Его тут же забрали и отправили в карцер. В карцере он сошел с ума. Сумасшедшего отправили на командировку «Овсянка». На «Овсянке» знаменитый во всем СЛОНе своей жестокостью и психически ненормальный чекист Потапов сумасшествию священника не поверил. Он остриг его и отправил в лес на работу. Так как священник по слабости, по старости и по своему психическому состоянию урока выполнять не мог, он сидел все время в «крикушнике». Там и скончался.

Помню рапорт, который Ванька Потапов прислал в ИСО по этому случаю: «Доношу: сумасшедший поп такой-то загнулся».

Такова участь вообще всех сходящих с ума в СЛОНе. Из сумасшедших я помню одну фамилию — Кальмансон. Он — американский подданный. В Россию приехал для работы, как специалист по приемке асбеста в одной американской компании на Урале, в СЛОН попал на 10 лет за то, что «разгласил советскую государственную тайну» — сказал товарищам, что ОГПУ хотело завербовать его в число своих секретных осведомителей.

Положение больного заключенного в СЛОНе ничем не отличается от положения пассажира тонущего парохода: как тот, так и другой зависят от счастливого случая.

На командировке имеется лекпом, обычно в медицине невежественный. Встречаются, конечно, и знающие, но они действительной помощи больному оказать не могут: нет инструментов, медикаментов, перевязочных средств, приспособленного помещения. На любой слоновской командировке найдется не более 200 граммов йода, с полсотни порошков от головной боли, столько же от болей желудка, несколько бинтов, сделанных из выстиранных старых рубашек грубой желтой бязи, и это все. Приемного покоя нет. Сами лекпомы в большинстве случаев помещаются в общем бараке с заключенными.

Заболевший заключенный, как правило, переводится на 300 граммов хлеба и должен лежать на голых нарах смрадного, сырого и холодного барака. Обычно он лежит на подстилке из еловых ветвей в своей одежде, если она не отобрана для раздетых. В лазарет при штабе отделения чекисты-надзиратели его не отправляют. Причин к тому много: 1) на командировке, где работает 500—600 человек заключенных, имеется не более 8—9 надзирателей. Чтобы отправить больных в лазарет отделения, нужно оторвать по крайней мере одного надзирателя, а это отражается, говорят слоновские чекисты, и на охране командировки, и на производственном плане. Кроме того, командировки имеют от инспекции охран директиву, по которой чекист-надзиратель должен работать не более 8 часов в сутки. Значит, если с командировки уйдет надзиратель, другим придется работать за него. 2) Чтобы отправить больного в лазарет, надо также оторвать от работы по крайней мере двух заключенных, которые бы повезли его на ручных санях до железной дороги. Кроме того, чекист-надзиратель командировки, откуда отправляется больной, должен сопровождать его по железной дороге, а кто же будет конвоировать обратно на командировку тех заключенных, которые привезли больного! Некому. 3) Нет достаточного числа коек в лазаретах. При 3-м, например, отделении

СЛОНа, в котором около 80 тысяч заключенных, имеется «лазарет» всего на 40—50 человек. Помещается он в грязном и холодном бараке, арендованном отделением СЛОНа у Мурманской железной дороги. Все тяжелобольные заключенные слоновских командировок остаются поэтому на месте и ждут своей участи. Если у заключенного нет повышенной температуры, его выгоняют на работу в лес.

Только ничтожная часть больных и саморубов спасается от смерти; остальные мрут на командировках, как мухи осенью. Товарищи, по приказанию чекистов, снимают с них одежду, белье и голыми бросают в большие ямы-могилы. Этих ям-могил на территории СЛОНа многие тысячи. Каждой осенью на всех командировках они предусмотрительно заготавливаются «впрок» на зиму. Ими заканчивается многострадальный путь слоновских заключенных. Над ними мне всегда представлялись громадные торговые пароходы, груженные советским экспортным лесом для Европы и Америки...

Переписка. Заключенный СЛОНа в сильной мере лишен возможности как писать письма домой, так и получать их и посылки из дому. Если он не получает из дому денег, то он не имеет возможности купить марку для письма; доплатных же писем посылать нельзя: в СЛОНе есть соответственный приказ. Для того чтобы все-таки послать письмо родным, такие заключенные делают «экономия» хлеба и потом продают его или выменивают на марку, лист бумаги и конверт. Получаемые на его имя от родных доплатные письма ему не выдаются, если он не может их выкупить. Если приходит на его имя посылка, а он находится в это время на Конд-острове, или на острове Соловки, или на Мяг-острове, то он должен заплатить 20 копеек за доставку посылки на данный остров на пароходе; если у него 20 копеек нет, то и посылку ему не выдадут. Но даже и посылая письмо, оплаченное маркой, заключенный еще не может быть уверенным в том, что оно его родными будет получено: есть много заклю-

ченных, письма которых ИСО, по директиве Лубянки, уничтожает. Другие заключенные официально лишены права переписываться на определенный срок — на три месяца, на полгода и на год — за то, что они неосторожно написали родным о тяжести своей страшной жизни в СЛОНе. Бывают и другие причины, по которым письма заключенных не доходят. Сплошь и рядом случается, что сотрудники ИСО, работающие в цензуре, уничтожают письма заключенных, чтобы воспользоваться почтовыми марками. Этим отличался в 1928 году Николай Самойлов, заведовавший цензурой. Ему не хватало денег для содержания своей любовницы и сотрудницы Бурухиной¹, и он уничтожал более половины писем, а марки с них продавал и на вырученные деньги пьянствовал с Бурухиной. Когда об этом стало известно высшему начальству, Самойлова только сняли с работы в цензуре и назначили на должность начальника охраны Конд-острова. К моменту моего ухода за границу Самойлов находился на службе во 2-м отделении СЛОНа, на Майгубе, на должности помощника начальника охраны.

«Крикушники». «Крикушник» — это карцер и самое распространенное в СЛОНе место и форма наказания, если не считать битья. В СЛОНе их имеется 873, то есть столько же, сколько и командировок. «Крикушником» карцер называется здесь потому, что посаженный в него заключенный кричит: зимой он замерзает, а летом его, голого, немилосердно грызут миллионы комаров и мошкары. Сажая в «крикушник», заключенных всегда раздевают — и зимой, и летом.

«Крикушник» — небольшой сарайчик, сделанный из тонких и сырых досок. Доски прибиты так, что между

---

¹ Б у р у х и н а — замечательной красоты молодая девушка. Лубянка решила использовать ее красоту и заставила работать у себя секретной осведомительницей. Чекисты сумели поместить ее прислужкой в какое-то консульство в Москве (кажется, латвийское). Там она выполнила секретные задания иностранного отдела ОГПУ, но вскоре в пьяном виде проговорила о своих негласных занятиях, и коллегия ОГПУ сослала ее в СЛОН.

ними можно просунуть два пальца. Пол земляной. Никаких приспособлений ни для сидения, ни для лежания. Печки тоже нет... Если бы сказать начальнику командировки, что нужно в карцер поставить хоть какую-нибудь печку, он ответил бы страшной руганью и хохотом. «В «крикушник» печку! Ха-ха-ха. Ха-ха-ха! — смеялся бы чекист. — Вот так номер!.. В «крикушник» печку, говорит, надо!.. Что же это будет за «крикушник», если в нем будет печка? В таком «крикушнике» шакалам рай! Все шакалы сами будут проситься в такой «крикушник»: триста граммов хлеба, не работать и печка — чего же еще надо!»

В последнее время, в целях экономии леса, начальники командировок стали строить «крикушники» в земле. Вырывается глубокая, метра в три, яма, над ней делается небольшой сруб, на дно ямы бросается клоч соломы — и «крикушник» готов.

«Из такого «крикушника» не слышно, как «шакал» орет», — говорят чекисты. «Прыгай!» — говорится сажаемому в такой «крикушник». А когда выпускают, ему подают шест, по которому он вылезает, если еще может, наверх.

За что же сажают заключенного в «крикушник»? За все. Если он, разговаривая с чекистом-надзирателем, не стал, как полагается, во фронт, — он в «крикушнике». Если во время утренней или вечерней поверки он не стоял в строю как вкопанный (ибо «строй — святое место», говорят чекисты), а держал себя непринужденно, — тоже в «крикушник». Если чекисту-надзирателю показалось, что заключенный невежливо с ним разговаривал — опять он в «крикушнике». Если он сказал чекисту, что будет жаловаться начальству на его незаконные действия, если он не окончил своего урока на работе, он попадает в «крикушник». Заключенный из интеллигентных, кроме того, частенько попадает туда за отказ писать за надзирателей статьи для их стенной газеты или рисовать для этой газеты иллюстрации. Приходя с работы в лесу, до изнемождения усталый и голодный, он хочет уснуть и

отдохнуть, а неграмотные чекисты вызывают его и приказывают браться за новую работу — на этот раз «по специальности». Раз-два он отказывается, а потом, изведав «крикушник», смиряется. Покорно пишет и рисует, чтобы сохранить жизнь.

В августе 1930 г. из Северных лагерей бежали в Финляндию польские коммунисты: Островский, Хаткевич, Никульский и Младзиновский. Сначала они, видите ли, бежали из польского «капиталистического ада» в свое «пролетарское отечество», но там их направили в слоновский социалистический котел для переработки в экспортный лес. И они бежали назад — снова в «ад». Мне было радостно наблюдать последствия их непосредственного знакомства с «социализмом», когда в финском лагере они рассказывали о «крикушнике». Раздетый заключенный сидит в нем зимой, в лютый мороз и кричит: «Гражданин начальник, пустите в барак погреться! Гражданин начальник, смилуйтесь! Гражданин начальник, ей-богу, сейчас замерзну! Гражданин начальник, я полтора урока выполняю, только пустите погреться!» А «гражданин начальник» в ответ зычно орет: «Замолчи, шакал! Замерзнешь, ну и черт с тобой: одним шакалом будет меньше».

«Освобождение». Вряд ли другой народ в мире обладает в такой степени способностью питать надежды на лучшее будущее, как русский. Даже в СЛОНе он не теряет ее. Он верит не только в свободу после срока наказания, но даже в досрочное освобождение. Особенно ярко вспыхнула эта вера в 1927 году в связи с десятилетием советской власти. ИСО через своих «стукачей» следило за настроением заключенных: оно хотело знать, что будут говорить заключенные о предстоящей амнистии. Оказалось, подавляющее большинство заключенных верило в то, что амнистия будет применена к ним!

Они ошиблись. Амнистированы были только те, кто содействовал СЛОНу в выполнении лесозаготовительных и других программ: десятники, их помощники, производители работ, бывшие коммунисты, осужденные за долж-

ностные преступления, и заключенные чекисты... Кроме них, ни один заключенный амнистии не получил, хотя, согласно манифесту, они имели право на нее.

В СЛОНе вообще оканчивают свой срок наказания и выходят на свободу лишь те из заключенных, которые инициативно и активно содействуют СЛОНу в выполнении его программ, да еще заключенные, занятые работами в разного рода канцеляриях. Остальные гибнут в ямах — могилах СЛОНа. Но и среди уцелевших лишь редкие могут возвратиться домой — по отбытии срока наказания они ссылаются на три года в разного рода ссылки на поселение — главным образом в Архангельскую губернию и Карелию. Делается это так: за неделю до окончания срока наказания заключенного регистрационно-статистический отдел СЛОНа, коим при мне ведал чекист Козловский, сообщает об этом в спецотдел ОГПУ и просит указания, как поступить с таким заключенным. Проходит до полугода и даже до года, в течение которых заключенный по-прежнему продолжает нести свою работу, и только тогда получается трафаретный ответ: «Выслать на три года в северный край» или «оставить на три года в Карелии». Тогда отбывшие наказание грузятся в товарные вагоны и под конвоем отправляются в места ссылок.

А в новом месте им живется еще хуже, чем было в СЛОНе. В СЛОНе они все-таки занимали должности и хоть кое-как, да жили: у них было место, где можно было спать, и каждый день они имели свой паек хлеба. На поселении ничего этого нет. Там у бывшего слоновца есть только волчий ярлык «преступника», мешающий ему получить работу.

Участь женщин. О женщинах, заключенных в СЛОНе, необходимо говорить отдельно. Их судьба, имея много общего с судьбой заключенных мужчин, имеет и много своеобразного, ибо они, во-первых, слабее мужчин, а во-вторых, с точки зрения слоновской администрации представляют специальный интерес.

Женщины в СЛОНе главным образом заняты работами на рыбопромышленных командировках. Интеллигентные, каких там большинство, и особенно те, что покрасивее и помоложе, служат у чекистов-надзирателей по стирке им белья, готовят им обед, служат у высшего слоновского начальства горничными и кухарками, учительницами детей и т. д. Некрасивые работают в лесу — по вывозке «баланов» и дров. На Поповом острове они, как и мужчины, подвергаются чекистской муштровке. Их так же, как и мужчин, чекисты «кроют» отвратительной бранью... А кроме всего этого надзиратели (и не одни надзиратели) вынуждают их к сожительству с собой. Некоторые, конечно, сначала «фасонят», как выражаются чекисты, но потом, когда за «фасон» отправят их на самые тяжелые физические работы в лес или на болота добывать торф, — они, чтобы не умереть от непосильной работы и голодного пайка, смиряются и идут на уступки. За это они получают посильную работу.

У чекистов-надзирателей существует издавна заведенное правило — обмениваться своими «марухами», о чем они предварительно договариваются между собой. «Посылаю тебе свою маруху и прошу, как мы с тобой договорились, прислать мне твою», — пишет один чекист другому, когда его «возлюбленная» надоест ему. Идущая на обмен заключенная каэрка собирает свои убогие вещички и направляется под конвоем пособника надзирателей на другую командировку, а вместо нее приходит новая.

СЛОН заключенным женщинам казенной одежды не выдает. Они все время ходят в своей собственной: через два-три года они совершенно оказываются раздетыми, и тогда делают себе одежду из мешков. Пока заключенная живет с чекистом, он одевает ее в плохонькое ситцевое платьишко и в ботинки из грубой кожи. А когда отправляет ее своему товарищу, он снимает с нее «свою» одежду, и она опять одевается в мешки и казенные лапти. Новый сожитель, в свою очередь, одевает ее, а отправляя к третьему, опять раздевает...

Если чекисту покажется, что его сожительница, пользуясь его покровительством за свою «любовь», в то же время изменяет ему, — он немедленно сажает ее в «крикушник», предварительно раздев до белья... А потом, в зависимости от характера данного чекиста, он или обменивает ее на новую, или начинает жить с ней по-старому, пока она ему не надоест.

Я не знал в СЛОНе ни одной женщины, если она не старуха, которая в конечном счете не стала бы отдавать свою «любовь» чекистам. Иначе она неизбежно и скоро гибнет. Часто случается, что от сожительства у женщин рождаются дети. Ни один чекист за мое более чем трехлетнее пребывание в СЛОНе ни одного родившегося от него ребенка своим не признал, и роженицы (чекисты называют их «мамками») отправляются на остров Анзер.

Отправка их производится по общему шаблону. Они стоят в шеренгах, одетые в одежду из мешков, и держат на руках своих младенцев, завернутых в тряпье. Порывы ветра пронизывают и их самих, и несчастных детей. А чекисты-надзиратели орут, переплетая свои команды неизбежной матерной бранью: «Стройся в четверки», «справа по порядку номеров рассчитайсь», «шаг вправо, шаг влево — будет применено оружие»... Легко представить, много ли из этих младенцев может остаться в живых...

Зимой они идут снежной дорогой, во всякую погоду — в трескучий мороз и в снежную вьюгу, 30 километров до прибрежной командировки «Ребельда», неся детей на руках. С «Ребельды» их переправляют лодками на остров Анзер, 6—7 километров морем. Там они не работают и потому получают только 300 граммов хлеба и два раза в день горячую пищу, а на ребенка — один литр молока в неделю. Живут на острове роженицы в общем бараке и спят на грязных общих нарах. Если у женщины нет своих собственных постельных принадлежностей, она спит на еловых ветвях, прикрытых грязными мешками. Режим для них очень суровый, так как они рассматриваются начальством как нарушившие лагерную дисциплину (связь с заключенным мужчиной).

В отчаянии многие женщины своих детей умерщвляют и выбрасывают в лес или в уборные, вслед кончая и сами жизнь самоубийством. «Мамок», которые умерщвляют своих детей, ИСО посылает в женский штрафной изолятор на Заячьи острова, в пяти километрах от Соловков. Ссылаются они, как правило, на один год, но в действительности сидят не более одного месяца, так как их посылают на штрафные рабочие командировки, чтобы не сидели без дела. Женщины, дошедшие в работе до полного истощения, зараженные от сожительств с надзирателями венерическими болезнями, и вообще больные, направляются или на остров Конд, или на командировку «Голгофа» (на остров Соловки). Как они живут на острове Конд, мы познакомимся дальше, а теперь я расскажу об их жизни на Голгофе.

Голгофа — это одна из высоких гор на острове Соловки. Названа она была так монахами Соловецкого монастыря, которые выстроили на ней церковь. В ней и живут эти замученные СЛОНОм несчастные.

Из церкви, разумеется, все иконы, кресты и вся церковная утварь выброшены, и церковь представляет громадное каменное, с цементным полом и высокими каменными сводами, грязное, закопченное, холодное, пустынное помещение. Вдоль всех четырех стен поставлены общие, грязные, кишашие клопами нары. Никаких столов и приспособлений для сидения во всем здании нет. На все помещение, в котором можно поселить тысячу человек, находится всего одна маленькая ободранная плита, и в здании нестерпимо холодно. Посетив однажды этих женщин, я видел, как они, прижавшись друг к другу и в обнимку, лежали вокруг плиты, постелив под себя еловые ветви. При моем появлении они даже не встали, хотя за это в СЛОНе полагается тридцать суток «крикушника». Они не могли встать, потому что все они были больные, окончательно отошавшие и обессилевшие. Они не боялись уже и «крикушника»...

В момент моего посещения их было 350. Все они, как одна, были одеты в грязные, из-под картофеля, мешки

с дырами для головы и для рук и в лапти на босую ногу. Они не могли из этих мешков сшить себе что-нибудь похожее на настоящую одежду: на это не было сил, да и иголок с нитками не было.

Они получали только 300 граммов хлеба в день и два раза в день горячую воду, в которой варились пшено.

В зиму с 1929 на 1930 г. из 3-го отделения лагерей в Кандалакше была направлена на Колвицкие командировки, находящиеся в 30 километрах северо-восточнее станции Кандалакша, партия женщин. Чтобы попасть из Кандалакши на Колвицу, надо перейти замерзшую речку Нива и потом через деревню Лувенга идти по льду Кандалакшского залива. Зимой с океана дует постоянный сильный ветер и наносит сугробы снега. Дороги никакой нет, надо идти прямо по цельному снегу, часто по пояс. Холод в этих местах страшный. Мороз достигает более 40 градусов — не забудем, что эти места находятся за полярным кругом.

Отправлявшиеся женщины были все уже старушки, по большей части монахини (на Колвицких командировках они должны были работать в качестве прачек), ни теплой одежды, ни валенок ни у одной из них не было, и они выступили в своих дырявых деревенских кофтах и холщовых юбках. Вместо валенок им выдали лапти с онучами. У некоторых из них были одеяла, которыми они себе закутывали головы и плечи; другие шли, повязав головы обыкновенными платками.

Пройти им предстояло 30 километров в два приема, с небольшим отдыхом. При этом им совершенно не выдали на дорогу хлеба. Старухи были уже перед тем обессилены долгими мытарствами по пересыльным тюрьмам, мучительной дорогой до Попова острова, жизнью на последнем и путешествием с Попова острова до Кандалакши. Теперь, идя голодными по глубокому снегу против сильного ледящего ветра, они быстро выбились из сил, и, еще не дойдя до Лувенги, двадцать пять из них замерзли. Чекист Хаджимуратов, сопровождавший эту партию, в своем рапорте в ИСО донес, что на восьмом

километре от Кандалакши женщины окончательно устали и он разрешил им отдохнуть. Через час стал поднимать их, чтобы идти дальше; 25 из них не встали. Он тогда пострелял над их головами из винтовки, думая пострашать и этим заставить встать; заметив, что они уже окоченели, оставил их там, а остальных повел к Колвице.

Как только этот рапорт был получен, начальник ИСО срочно командировал к месту происшествия нескольких чекистов под начальством сотрудника ИСО Малиновского с приказанием вырубить во льду проруби и спустить в них трупы замерзших. ИСО не хотело, чтобы их увидели карелы, которые часто проезжают там с обозами, нагруженными продуктами для слоновских командировок на Колвице.

VI. В Соловках

13-я рота. 14-я рота. Карцер и глиномялка. Штрафная командировка «Овсянка». Секирка — штрафной изолятор и лобное место. «Дело № 9»

Остров Соловки, бывший первым лагерем и местонахождением управления СЛОНа, теперь упал в своем значении. В 1929 г. УСЛОН перебрался в город Кемь, и Соловки теперь являются лишь частью территории 4-го отделения (или лагеря) СЛОНа и местонахождением штаба этого отделения. В силу своего островного положения и особого назначения в системе лагерей он, однако, и теперь заслуживает специального внимания и особой главы... Как я уже указал, на остров направляются каэры, которые выделяются силой своего характера и, по мнению ОГПУ, будут пытаться бежать. Выделяются заключенные острова и значительным количеством среди них людей высокой интеллигентности (профессора, инженеры, артисты, бывшие офицеры, академики, писатели и т. д.) и затем духовенство — православного и других исповеданий. Как только такие заключенные по-

падают на Соловки, они направляются в 13-ю роту, называемую «карантинной». Ее командиром был долгое время чекист Чернявский.

13-я рота. 13-я рота находится в бывшем Успенском соборе (думаю, я не ошибаюсь в названии собора). Громадное здание из камня и цемента, теперь сырое и холодное, так как печей в нем нет; с его высоких сводов беспрерывно падают капли, образующиеся от человеческого дыхания и испарений. Оно вмещает до 5 тысяч человек и всегда битком набито заключенными. По всему помещению устроены трехъярусные нары из круглых, сырых жердей. Огромное количество заключенных в этой роте ведет к тому, что утренние и вечерние поверки в ней начинаются за два-три часа до прихода дежурного по лагерю, принимающего поверку. Ранним утром, зимой затемно, командиры взводов и командир роты ходят между нар и линками поднимают спящих заключенных к утренней поверке, крича: «А ну-ка, вставай, защитники царя-батюшки! Слетай с нар пулей! Становись на поверку!» и т. д.

Заключенный накануне работал часов двенадцать; придя с работы в роту, он потратил минимум два часа на стояние в очереди за получением хлеба и обеда и на самый обед; потом сушил свою одежду и обувь или онучи; через час-полтора после обеда начинается вечерняя поверка; на ней он тоже стоит часа два. Лишь после нее он может лечь спать. Но шум и гам кругом не прекращается: кому-нибудь «бьют морду», надзиратели во все горло вызывают наряжаемых на ночную работу, ходят опрашивать и разговаривают заключенные. Через несколько часов его поднимают на утреннюю поверку, и снова начинается изматывающая силы и нервы канитель с расчетом, «здра» и неизбежную отвратительной руганью надзирателей. Если на Поповом острове командиры рот велят заключенным отвечать «здра» так, «чтобы в Соловках было слышно», то в 13-й роте, на острове Соловки, они должны отвечать так, «чтобы было слышно в Кеми». Чекисты

из ИСО всегда заставляли ставить священников («длинногривых») в первую шеренгу для того, чтобы они рассчитывались. Кроме них в первую шеренгу для расчета всегда ставились те интеллигенты, в отношении которых было предписание от ОГПУ «держат на строгом режиме и на тяжелых физических работах». Вообще же, чем человек интеллигентнее, чем он чище одет, чем у него лучше манеры, тем он будет несчастнее в заключении, ибо такой заключенный получает в первую очередь «в морду», пинки, матерную брань; таких заставляют выносить ушаты с нечистотами и ставят на самые грязные и унижительные работы.

У входа в 13-ю роту, справа и слева, стоят громадные деревянные ушаты высотой метра в полтора, заменяющие уборную. Заключенный, желающий оправиться, должен об этом заявить дневальному, тот доложит дежурному по роте, а дежурный по роте разрешит идти в «уборную» тогда, когда наберется целая партия желающих. Дневальный ведет их к ушатам и ставит в очередь. Чтобы оправиться, заключенный должен влезть на высокий ушат с положенной на него поперек доской, где он будет опрavlять свою нужду на глазах у всех стоящих внизу, выслушивая: «А ну-ка ты, гнилой профессор! Защитник царя-батюшки! Слезай с кадушки пулей! Довольно! Засиделся!» и т. д.

Чтобы вынести такие ушаты, наполненные нечистотами, два человека продевают палку в ушки его и несут на плечах в «центроуборную». Несущие должны спускаться около 100 метров по ступеням собора. Командир роты Чернявский заставлял (обязательно священников, монахов, ксендзов и наиболее чисто одетых или отличающихся своими манерами интеллигентов) выносить их по нескольку раз в день. При этом, чтобы поиздеваться над «барами» и «длинногривыми», он заставлял уголовных преступников толкнуть наполненный до краев ушат, чтобы содержимое расплескалось и попало на впереди идущего; или же учил сбить с ног переднего или заднего из идущих, чтобы потом заставить интеллигентов и священ-

ников вытирать пролитое тряпками. Один из таких интеллигентов написал и ухитрился передать начальнику лагерей Эйхмонсу рапорт об этом. В результате жаловавшийся был отправлен на штрафную командировку «Овсянка» на «загиб».

Словесно ИСО приказывало Чернявскому размещать всех священников, ксендзов, раввинов на нарах; устроенных в бывшем алтаре: пусть они втихую Богу молятся, — хохотали чекисты. А вместе с духовными лицами ИСО приказывало Чернявскому помещать в алтаре десятка два отпетой «шпаны». Если в 13-й роте таких не оказывалось, то ИСО присылало их специально для этой цели из других рот. «Шпана» эта ходила обыкновенно раздетой — в одних кальсонах, только в рубашке, а иногда и буквально голыми. Чернявский подстрекал их «банить» по ночам священников, красть у них вещи, ругаться при них «в Бога» и вообще всячески издеваться над ними. Если кто-нибудь из священников осмеливался жаловаться на них Чернявскому, последний отправлял жалобщика в карцер, а официально писал в рапорте, что такой-то «длинногривый» посажен в карцер за «стукачество» или за «будирование масс».

Бесперывный в течение круглых суток гам и шум в огромном гулком здании, кощунственная отвратительная ругань, мордобитие, грязь, недоедание, непривычная и непосильная работа, а главное — невыносимые моральные условия, являются причиной многочисленных случаев сумасшествия и самоубийств в 13-й роте.

В 13-й роте новые заключенные находятся месяца два-три. Затем опасные каэры переводятся в 14-ю роту и в ней находятся годы.

14-я рота. Она помещается в другом бывшем соборе, метрах в ста от 13-й роты, называется «запретной» и служит местом постоянного пребывания заключенных, способных, по мнению ИСО, к побегу. Главный контингент ее составляют интеллигенты и лица духовного звания. Кроме того, в ней, в течение нескольких лет, было много

туркмен и киргизов. Командиром роты в мое время был некто Сахаров Владимир Алексеевич — сам из казров, бывший офицер.

Заключенные 14-й роты находятся под непрерывным и неослабным надзором командира роты и командиров взводов. Даже в «центроуборную» их водят под конвоем. Они не имеют права выходить на работы вне стен кремля и работают на самых тяжелых и грязных работах. Из наиболее интеллигентных заключенных 14-й роты в 1929 г. был организован ассенизационный обоз.

В мое время в этой роте находилось человек двести пятьдесят туркмен, но думаю, что теперь уже ни одного из них в живых не осталось: туркмены не выносят соловецкого климата и за время моего пребывания в СЛОНе не было дня, чтобы не умирало двух-трех туркмен. Сосланы они были по обвинению в басмачестве или как «баи», то есть богачи и «кулаки». Вспоминается еще один монах, очень старый, лет восьмидесяти пяти (может быть, и старше), весь седой и совершенно слепой. Другой, такой же старый, но зрячий монах водил его, под конвоем дневального, в «центроуборную». Сослан он был на 10 лет за «антисоветскую агитацию», выразившуюся в том, что, живя где-то в глухой провинции, он деятельно проповедовал учение Христа.

В 1929 г. всем священникам 14-й роты через командира роты Сахарова было предложено остричься и снять рясы. Многие отказались сделать это, и они были отправлены на штрафные командировки. Там чекисты с мордобитием и кощунственной бранью остригли их насильно наголо, сняли с них рясы, одели в самую грязную и рваную одежду и отправили на лесные работы. Польских ксендзов тоже переодели в такую одежду и отправили в лес. Вообще надо сказать, что польским гражданам в СЛОНе достается больше, чем лицам других национальностей. При малейшем политическом осложнении с Польшей их сейчас же начинают всячески прижимать: они идут в карцеры или на штрафные командировки, где надзиратели быстро доводят их до «загиба».

Карцер и глиномялка. Соловецкий карцер находится в кремле, рядом с южными кремлевскими воротами. Он причислен к 11-й роте, именуемой «ротой отрицательного поведения». Ее командиром был одно время Воинов, и он, как никто до и после него, издевался над сидящими в карцере.

По слоновским порядкам, как только заведующий карцером появлялся на пороге, полагается подавать команду: «Карцер, смирно! Встать!» Заключенные, раздетые до белья и ослабевшие (они получают в карцере только 300 граммов хлеба в сутки, а горячую пищу только два раза в неделю), лежат на цементном полу. Если кто-либо из них не сразу проснулся или просто не успел достаточно быстро вскочить и стать в строй, Воинов поднимал их яростными пинками ноги, а потом в наказание обязательно отправлял в глиномялку или вонючую уборную. О глиномялке скажем ниже, а в уборной Воинов заставлял его нагнуться, засунуть голову в дыру над ямой и так стоять несколько часов. Бывали случаи, что заключенные при этом лишались сознания с застрявшей в дыре головой. Помню случай: в карцере сидел заключенный Корнеенко, украинец. Посажен был за неоднократное невыполнение урока. Корнеенко настолько изголодался (и до карцера, и в карцере), что решил из карцера бежать, чтобы достать у своих знакомых «хоть кусочек», как он говорил, хлеба. Когда из карцера выпустили его оправиться, он спрыгнул в яму, очутился по пояс в нечистотах, но все-таки из ямы выбрался благополучно. Кое-как очистив себя, он пошел по темным местам доставать хлеб. Но не успел дойти до своих знакомых, как выводной чекист Брук задержал его и доставил обратно в карцер. Воинов велел ему раздеться донага и поставил его в глиномялку. В глиномялке оказалось ведро для доставания воды для глины из Святого озера (теперь оно называется «Трудовое озеро»). Корнеенко снял с него веревку и повесился на крюке в стене. Так его и нашли — висящего над глиной, совершенно голым, с приставшей к худым ногам глиной.

Я пришел однажды в соловецкий карцер, желая лично видеть условия, в которых там содержатся заключенные. Чтобы не всполошить заключенных зычной командой дежурного «Карцер, смирно. Встать», я вызвал дежурного по карцеру наружу и сказал ему, чтобы он никаких команд не подавал. Войдя затем в коридор карцера, я открыл потихоньку «волчок» в двери и начал наблюдать.

В карцере, рассчитанном максимум на 30 человек, их находилось не менее 80. Все они лежали вповалку на холодном цементном полу, тесно прижавшись друг к другу. Там лежали крестьяне, каэры, беспризорные и два старых священника. Все они были полуголые — одежда с сажаемых в карцер всегда снимается; собственная возвращается по выходе из карцера, а казенная отнимается совсем, и заключенный, не имеющий собственной одежды, выходит из карцера в одном белье даже на мороз.

Как раз в это время им принесли обед — пшеничную кашу в грязном деревянном ушате. Староста камеры велел всем стать в очередь и начал раздавать ее. У большей части заключенных не во что было ее брать, и они получали ее в пригоршни, в подолы грязных и вшивых рубашек, в засаленные шапки. Когда «обед» был роздан, вокруг ушата на полу образовалось кольцо просыпанной каши, и, когда ушат вынесли, заключенные — поистине как шакалы! — бросились собирать ее руками с пола и вместе с грязью быстро запихивать себе в рот. Староста камеры, сам заключенный, принялся «наводить порядок», разгоняя их коленкой, кулаком, ногой. Поднялся шум. Его услышал Воинов, открыл дверь карцера, влетел тогда и начал избивать всех, виновных и невиновных, плетью, висевшей у него всегда у пояса. Потом, по указанию старосты камеры, выделил пять «особенно виновных» и поставил их в глиномялку.

Глиномялка является как бы отделением карцера. Она представляет собой абсолютно темный и сырой подвал, вырытый под южной стеной кремля. На дне ее лежит полуметровый слой глины, которую заключенные месят ногами для строительных работ. Зимой глина замерзает;

тогда на нее ставят маленькие железные печки, оттаивают и заставляют заключенных месить... С попадающих в глиномялку снимают буквально все, и совершенно голые — зимой и летом — они по несколько часов стоят в мокрой глине по колено... Глиномялка законно пользуется широкой и страшной славой в Соловках. С ней конкурирует только «Овсянка», а превосходит ее только слава «Секирки».

«Овсянка» — штрафная командировка. В 20 километрах от Соловецкого кремля находится штрафная командировка «Овсянка». Она имеет три барака для заключенных и один для надзирателей (бывшее помещение для монахов). Расположена она у самого берега моря. Долгое время начальником на ней был чекист Ванька Потапов. Все заключенные острова, которых по директиве Лубянки надо было перевести в «белые списки», то есть поскорее «загнуть», направлялись к нему... Ванька Потапов знал свое палаческое дело хорошо, и никто из присылаемых в его распоряжение заключенных с «Овсянки» никогда не возвращался: они или замерзали на непрерывной, без отпуска в барак работе в лесу, или рубили себе кисти рук и ступни ног, или становились под срубленную падающую сосну, которая и приканчивала их мученическое существование; или вешались на соснах, захватив с собой, идучи на работу, кусок веревки; или Ванька Потапов, в пылу своего чекистского гнева, их убивал выстрелом из винтовки, штыком или прикладом ружья, донося ИСО, что заключенный «пытался обезоружить конвоира и бежать» — это замерзшим-то морем за 60 километров от материка!

Сотрудники ИСО, списывая на основании потаповских донесений убитых заключенных, с удовлетворением говорили: «Ну и парень же этот Ванька! Не парень, а сундук с золотом. Стопроцентный чекист!..»

Этот Потапов, зверь в образе человека (не только морально, но и по наружности), не удовлетворялся «дрыном», он отвинчивал ствол винтовки и им бил заключенных за невыполнение урока. Потом он оставлял их в лесу до тех

пор, пока они не заканчивали полностью своего урока. Ставя на пень, он заставлял кричать: «Я филон! Я паразит советской власти! Дремучий лес «Овсянки» примет меня в свои объятия и похоронит на веки! Я филон! Я филон!» и т. д. Потапов хвалился в ИСО, что он заставляет кричать на пне «я филон» не менее 5000 раз.

«Филонов нам не надо, — говорил Потапов с кощунственной бранью. — Для филонов у меня на «Овсянке» не одна канава есть!» Обходя места работ, он любил говорить: «Попы на «Овсянке» у нас есть! Панихиду отслужим!»

Как-то по делам ИСО мне пришлось быть в районе «Овсянки». Не вполне веря в зверства Потапова, о которых слышал по работе в ИСО по рассказам самого Ваньки Потапова, я решил поехать туда сам, чтобы узнать правду на месте.

— Командирррровкааа, смирррноооо! — свирепо заорал Потапов, увидя меня, подъезжающего на лошади. — Товарищ уполномоченный, — начальник командировки «Овсянка» стрелок Потапов, — представился он мне. — На командировке все благополучно; вчера в лесу загнлось восемь человек шакалов, о чем я рапортом донес в ИСО.

— Почему это заключенные как сумасшедшие вылетают из барачков и куда-то бегут? — спросил я у Потапова, увидя выбегающих как на пожар из барачков заключенных — грязных, худых, изможденных, в рваных лаптях, некоторые с кусками хлеба в покрытых струпьями, худых руках — и тут же поспешно строящихся в две шеренги.

— А это, товарищ уполномоченный, шакалы услышали мою команду и становятся в строй. Они у меня, товарищ уполномоченный, дисциплинированные: знают, что начальство приехало.

Поздоровавшись с заключенными, я велел Потапову распустить строй, но он, желая показать мне вымуштрованность «шакалов», стал подавать зычные команды: «Кррру-гом!.. Напрррааа-во!.. Налеее-во»!..

Получив от Потапова интересовавшие меня сведения, я собрался уезжать.

— Товарищ уполномоченный, не хотите ли посмотреть на моих шакалов? — предложил мне Потапов.

Шагах в пятидесяти от домика, в котором он жил сам, и шагах в пятнадцати от барака № 2, в котором жило более половины всех заключенных «Овсянки», Потапов показал мне большую яму, прикрытую обмерзшими и покрытыми снегом досками, и сообщил:

— Тут лежит четыреста шакалов. Адъютант! — заорал он.

— Петровский! — послышался сейчас же не менее зычный голос «стукача» дневального. — Гражданин начальник зовет, пулей лети к нему!

Через несколько мгновений к Потапову подлетел Петровский. На него было больно смотреть: это был подросток, на вид лет шестнадцати—семнадцати; на ногах у него болтались окончательно истрепавшиеся лаптишки, на голове что-то отдаленно похожее на шапку, одет он был в два грязных мешка с дырами для головы и рук.

— Что прикажете, гражданин начальник? — спросил он, глядя еще детскими, впалыми от худобы, страдальческими глазами на грозного Потапова, стараясь угодить ему каждым своим движением.

— Петровский, ну-ка покажи товарищу уполномоченному своих приятелей! — сказал Потапов, показывая на яму.

Петровский сбросил с ямы тонкие доски, и перед моими глазами открылась груда голых тел...

— Сколько в этой яме людей? — спросил я.

— Почти четыреста, — получил я ответ. — Немного дальше есть еще одна яма. Хотите посмотреть? В ней немного поменьше.

Я отказался.

— Ну, тогда я вам покажу «шпанское ожерелье», — предложил он, и я заметил при этом на его лице какую-то странную, нечеловеческую улыбку. И показал!

По обеим сторонам дверей каждого из трех бараков для заключенных я увидел то, что Потапов называл «шпанским ожерельем»: оно было сделано из отрубленных паль-

цев и кистей рук, нанизанных на шпагат. «Ожерелья» висели у дверей так, что должны были бросаться в глаза каждому заключенному...

— Кто это сделал? — спросил я у Потапова.

— Мой адъютант, — ответил он, кивнув в сторону Петровского.

— Это ты сделал? — спросил я у этого несчастного, глядя пристально в его выстрадавшиеся глаза.

— Гражданин начальник мне приказал нанизать на шпагат пальцы, я и сделал, — ответил Петровский — сам кандидат в яму...

На его глазах сверкнули быстрые слезинки, которые он поспешно вытер своей грязной в струпьях рукой.

— Потапов, ты, пожалуйста, убери это свое ожерелье. На днях помощник начальника лагерей должен объезжать командировку, может выйти неприятность, — постарался я воздействовать на изверга, хотя и знал, что не только помощник начальника лагерей, но и начальник, и сама Лубянка таким вещам особого значения не придает.

— Товарищ Мартинелли знает об этом, — поспешил сообщить мне Потапов. — На днях я видел его в управлении. Он меня расспрашивал о ходе у меня лесозаготовок, и я, между прочим, сказал об ожерелье. Он одобрил меня, сказал, что через ожерелье шакалы будут поменьше рубить себе руки.

Таких штрафных командировок, как «Овсянка», в СЛОНе не одна, не две — 1 мая 1930 г. их было 105.

Секирка — штрафной изолятор и лобное место. Слово «Секирка» не продукт большевистского сокращения слов, не какой-нибудь специфический слоновский термин: это старое монашеское название одной из самых высоких гор на острове Соловки. На ней монахи когда-то построили церковь, она превращена в штрафной изолятор.

Слово «Секирка» наводит ужас на слоновского заключенного: от него увеличиваются и замирают глаза, раскрывается рот, дрожат ноги и люди шепотом спрашивают

друг друга — кого и на какой срок отправляют на Секирку.

На Секирку заключенный попадает преимущественно за частое невыполнение уроков, за попытки к бегству, протест и другие проступки. Попадающего туда встречают сорокаэтажной матерной бранью специально подобранные надзиратели: «Аааа! Прибыл! Ну, хорошо, очень хорошо!.. Здесь мы научим тебя есть пролетарский хлеб!.. Здесь мы выбьем из тебя каэрскую дурь!..» Затем заключенного раздевают до белья. Многих и не приходится раздевать: одежда, если она казенная, снята с заключенного уже при отправке на Секирку.

Раздетые заключенные должны сидеть в громадном и холодном помещении по 12 часов в день, сидеть на скамье в ряд один около другого, вытянув руки на колени и молча глядя перед собой. Они не смеют разговаривать друг с другом, оглядываться или шевелиться. Если заключенный пошевелится, почешет тело или сгонит муху с носа, неотступно наблюдающий все время надзиратель молча подходит к этому заключенному, молча бьет его прикладом винтовки по спине и молча отходит. Не имеющие собственной одежды спят прямо на голом цементном полу, имеющие ее получают из нее на ночь какую-нибудь одну вещь — бушлат, телогрейку, подушку, но что-нибудь одно. Все получают 300 граммов в день хлеба и три раза в неделю горячую воду, в которой варились пшено.

Если заключенный в течение двух недель ничем не нарушит такого режима, его посылают на работу и выдают ежедневно 400 граммов хлеба и горячую пищу. Если он на работе выполняет полностью свой урок, его из Секирки отправляют на штрафную командировку. Там в течение недели он должен выполнять уроки на 300 граммах хлеба и горячей пище, выдаваемой два раза в день. Если он сможет при таком питании выполнять свой урок целиком, его переводят на 1000 граммов хлеба. Во время работы секирочник одет в мешки, которые ему выдает СЛОН и которые он сам приспособляет для одевания.

Ни один заключенный, попадающий на Секирку, а от туда на штрафную командировку, больше двух месяцев не выживает. Секирка является также лобным местом. Там было расстреляно 125 человек заключенных, писавших на досках экспортного леса за границу письма с призывом о помощи. Там все время расстреливаются заключенные, на которых ОГПУ находит новый обвинительный материал после того, как они уже получили определенный срок заключения. На Секирке расстреливаются все заключенные, пытающиеся бежать. Летом 1929 г. на Секирке было расстреляно 58 человек интеллигентов, якобы за попытку к бегству. На самом деле они были расстреляны потому, что на них ОГПУ нашло новый обвинительный материал и заочно, когда они уже сидели в СЛОНе, приговорило их к расстрелу. На Секирке же были расстреляны 24 женщины по так называемому «делу Кука». Кук (профсоюзный деятель в Англии) в один из приездов в Москву, получив от «товарищей» крупную сумму денег, начал кутеж с проститутками. Те во время пьянки похитили у него все деньги. ОГПУ арестовало и сослало в СЛОН по этому делу 48 женщин. Половина из них по заочному приговору ОГПУ была расстреляна, вторая половина в 1930 г. работала на вывозке из леса дров...

Работая в ИСО, я интересовался числом расстрелянных на Секирной горе. По документам ИСО за 1926—1929 гг. на Секирной горе было расстреляно 6736 человек. В нелегальной песне слоновских заключенных поэтому поется:

На седьмой версте есть Секир-гора,
А под горой — зарытые тела...
Бог даст, времечко настанет:
Мать родная не узнает,
Где зарыт ее сынок...

«Дело № 9». «Дело № 9» находится в инспекционно-информационно-следственном отделе УСЛОНа. ИСО — это Лубянка в миниатюре. Разница между ними лишь в районах действия и еще в том, что на Лубянке во внутренней тюрьме имеется пробковая камера с нагревательными

электрическими приборами и специальным штатом крыс, а во внутренней тюрьме ИСО, так называемом следизоляторе, вместо пробковой камеры была только глиномялка. В «деле № 9» содержатся списки тех заключенных, которых по предписанию Лубянки надо быстро уничтожить без вынесения смертного приговора. В отношении таких заключенных из коллегии ОГПУ имеется официальное предписание: «держат исключительно на тяжелых лесозаготовительных работах», а устно и, так сказать, неофициально, приказывается их немедленно «загибать».

Таких заключенных в СЛОНе на 1 мая 1930 г. было около 20 тысяч человек. Все это люди с характером, чувством собственного достоинства и с сильной волей. Одни из них во время сидения под следствием в ОГПУ объявляли голодовки, другие скандалили со своими следователями, третьих ОГПУ подозревало в большем, чем знало о них. За все это они расплачиваются в СЛОНе.

Расскажу об одном случае, имевшем место на острове Соловки в 1928 г., когда ИСО направило на лесные работы в «Овсянке» сто таких заключенных. Все сто человек по прибытии в СЛОН попали случайно не на самые тяжелые лесные работы, как это было предписано коллегией ОГПУ, а на так называемые общие. Случилось это по халатности заключенного Николая Знаменского, заведовавшего столом нарядов 1-го (в то время, а теперь 4-го) отделения СЛОНа. Знаменский всячески выслуживался перед чекистами, ревностно работал и был в ИСО на хорошем счету. Но промахнулся. За такую халатность ИСО понизило Знаменского до простого канцелярского работника в отделе труда, а сто человек «злостных» каэров срочно поместило в 14-ю запретную кремлевскую роту и организовало из них гужевой транспорт по вывозке из леса глины для ремонтировавшегося в то время соловецкого дока. Понадевали себе «злостные» каэры на шею веревочные хомуты, впряглись в тяжелые сани и стали за шесть километров возить из леса глину. Старшим у них был некто Шредер. Так продолжалось две недели. В одну прекрасную ночь, когда в небе то рожда-

лись, то куда-то исчезали красивые ленты северного сияния, судьба их резко изменилась.

В 12 часов, когда уставшие и голодные заключенные спали в кремле, положив под голову, вместо подушки, грязный кулак, а вши и клопы грызли их, вдруг завыл тревожный гудок соловецкой электрической станции. Красноармейцы 4-го полка ДОН быстро повыскакивали из своего помещения. В четыре минуты они были в полной боевой готовности. К месту, где они выстроились, прибыло 25 человек чекистов — сотрудников ИСО. Начальник ИСО Борисов дал распоряжение оцепить весь монастырский кремль, где в бывших церквях помещены пятнадцать рот заключенных 1-го отделения СЛОНа. Кроме этого приказано было еще оцепить каждую роту в отдельности и особенно 14-ю, где находилось сто «злостных» каэров. Выходивших в это время на ночную работу заключенных красноармейцы загоняли обратно в роты. Все это делалось, чтобы потренировать красноармейцев в несении службы.

Пробужденные от сна тревожным гудком и шумом, наделанным в роте пришедшими, заключенные 14-й роты с ужасом на лице ждали беды. Командиру 14-й роты, пришедшему чекистов Сахарову, чекисты из ИСО приказали поднять с нар всех сто человек. Сахаров ходил между нарами и указывал их, а красноармейцы и чекисты из ИСО, толкая их прикладами винтовок и коленями, приказывали «пулей» приготавливаться с вещами. После тщательного обыска сто человек выгнали из роты во двор кремля.

Проверка окончилась. Все сто человек оказались налицо.

— Заключенные! Кого буду вызывать, отвечайте имя и отчество, — горланил пропитым голосом чекист Залкинд. — Иванов!

— Иван Макарович!

— Петров!

— Николай Иванович!

— Макаренко!.. Ты что же... (следовала страшная брань)... молчишь? Смотри, тебя быстро пробужу от сна, — горланил Залкинд.

— А, в рот мазанный шакал! — подскакивал к «непробудившемуся» заключенному отделенный командир и бил кулаком в подбородок...

После поименной поверки всех сто человек повели в 13-ю роту, расположенную в бывшем Успенском соборе. Там их еще раз обыскали, на этот раз красноармейцы: начальник ИСО Борисов предоставил им возможность поучиться этому необходимому в социалистическом строительстве делу.

По окончании второго обыска заключенных вывели опять во двор кремля и повели в тесном кольце ошетилившихся штыков на командировку «Овсянка». Никто из ста человек не знал, куда их ведут. Одни думали, что на расстрел, другие — на Секирку. И что иное можно было подумать, если сотню заключенных сопровождали 130 до зубов вооруженных красноармейцев.

«Партия заключенных в сто человек прибыла ночью», — писал в ИСО рапорт чекист Гусенко, начальник командировки «Овсянка» и преемник знаменитого Ваньки Потапова. После тщательного обыска (это уже в третий раз!) заключенных разместили в двух бараках. За недостатком места в бараках многие ночевали на дворе. Рано утром отправили всех на работу по вывозке из леса баланов. Урок дан полуторный. Никаких жалоб никто не заявляет. Какие там жалобы на «Овсянке»!.. Их вообще в СЛОНе никто не заявляет: жалобщик быстро, «без пересадки», направляется к праотцам. От многих чекистов-надзирателей, хваставшихся тем, что их «шакалы» дисциплинированы «на ять», я слышал такие рассказы:

— Бью дрыном шакала, а сам спрашиваю: кто тебя бьет?

— Не знаю, — говорит, — гражданин начальник.

— Ну а может быть, я тебя бью? Подумай!

— Нет, говорит, не вы меня бьете, гражданин начальник.

— Ну а кто же? — опять спрашиваю.

— Не знаю, гражданин начальник.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — смеялись чекисты из ИСО, когда выслушивали такие рассказы надзирателей.

В одном километре от помещений «Овсянки», на самом берегу моря находился склад баланов. От этого места тянется в лес узкоколейная дорога. Проложена она по болотистому месту. От складов баланов у моря до склада их в лесу — три с половиной километра. На узкоколейке имеется всего лишь две вагонетки. На этих вагонетках «зlostные» каэры должны были возить к морю баланы. Каждому полагалось вывезти шесть баланов. Так как узкоколейка проведена не по ровному месту, а с горы на гору, то на одной вагонетке должно было работать минимум шесть человек. Это значит, что одной вагонеткой надо было вывезти 36 баланов, то есть сделать шесть рейсов (на вагонетке помещается шесть баланов), а каждый рейс туда и обратно составляет семь километров. Значит, чтобы выполнить урок, «зlostные» каэры должны были ежедневно прошагать 42 километра. Они шагали по 18—20 часов в сутки и кричали: «Раааз, два, взяли! Раааз, два, взяли! Ееееще взяли!.. Друуужней взяли»...

В числе ста человек на «Овсянку» были посланы и лица со второй категорией трудоспособности, то есть совершенно неспособные к физическому труду. Среди них помню Калмыкова Василия Васильевича и Головачева Николая Николаевича. Первый родом из Новочеркасска, был совершенным калекой: у него одна нога была короче другой; кроме того, он имел уже 56 лет от роду. У Головачева, бывшего морского офицера и командира во время войны подводной лодки, был порок сердца. Оба они, и Калмыков и Головачев, умерли на «Овсянке». Из всей партии в сто человек осталось в живых человек восемь, преимущественно евреев. Они откупились деньгами, до которых Гусенко был большой охотник.

Отмечу еще одного из этой партии: это некто Гай-Меньшой Адольф Георгиевич. С 1905 г. он был членом Коммунистической партии. Работал в подполье вместе с Троцким. До революции жил в Америке, работал там маляром. В революцию приехал в Россию. У большевиков он в последнее время перед ссылкой работал в Народном комиссариате иностранных дел. Когда-то он писал в «Из-

вестиях» передовицы. Как человек грамотный, он писал статьи и за малограмотного Калинина. В СЛОН он был сослан за «правый уклон» на десять лет. При встречах со мной он всегда называл себя «бедным Гаем». Поистине, он был бедным: совершенно не приспособленный для физического труда, с большим брюшком, которое мешало ему нагибаться при работе, он на «Овсянке» нажил еще фурункулы по всему телу, и его, больного, все-таки каждый день гоняли в лес. Много раз Гай-Меньшой просил меня помочь ему, но я ничего не мог сделать для него.

VII. Конд-остров

Назначение и население острова. Смертность. Самоубийства. Истязания. Духоборы. Голодание

Назначение и население острова. За зиму на всех командировках Северных лагерей набираются тысячи искалеченных: у одного отрублены пальцы, у другого вся кисть руки, а то и обе кисти, третий отрубил себе ступню, четвертый поражен цингой, пятый до того доработался, что от него остался буквально скелет, обтянутый кожей, у шестого лекпом отрезал обмороженные ноги, и он чудом остался жив. Весной, когда открывается навигация, все-таки заключенные-мужчины направляются на Конд-остров и на другие «инвалидные командировки», которых в СЛОНе двенадцать; на Конд-остров направляются совершенно потерявшие трудоспособность, а на другие те, от которых СЛОН еще надеется что-нибудь взять.

Конд-остров находится в Онежской губе Белого моря, в 30 километрах от деревни Унежда Архангельской губернии. В дореволюционное время на Конд-острове находился монашеский скит Соловецкого монастыря, а теперь там пункт 1-го отделения Северных лагерей особого назначения.

Работая в ИСО, я многое уже знал о Конд-острове: в делах видел цифры о массовой и чуть не поголовной смертности на нем. Бесчисленное количество раз слы-

шалось чекистское выражение: «отправить на загиб, на Конд-остров»; знал, что на Конд-остров отправляют не только инвалидов, но и совершенно здоровых (насколько в СЛОНе люди могут быть здоровыми) — специально на скорый и бесшумный «загиб». Конд-остров представлялся мне могилой живых. Летом 1929 г. по служебной командировке мне пришлось почти пять месяцев (с июня по октябрь) прожить на Конд-острове и самому.

Смертность. Летом 1929 г., когда я жил на Конд-острове, там было 620 человек, а зимовало на нем с 1928 на 1929 г. — 4850 человек; 4230 человек за зиму погибло. Еще страшней была зима с 1926 на 1927 г., когда там был начальником чекист Рева: тогда на Конд-острове умерли почти все заключенные. Сам Рева с открытием навигации приехал с Конд-острова на остров Соловки и доложил в управлении СЛОНа, что «все шакалы подошли», в живых остались только он сам, 15 человек надзирателей и 3 красивые девушки, состоявшие в сожительстве с надзирателями.

Заключенные Конд-острова живут в трех местах: в пяти бараках при штабе пункта и на командировках «Абакумиха» и «Маковица»; на последней находится и неперемное приложение при всех отделениях и пунктах СЛОНа — штрафной изолятор. Кроме того, имеется 40—50 заключенных с трудоспособностью 4-й категории: они живут при маленьком смолокурном заводике, которым заведовал инженер Крыжановский Василий Васильевич (умер от тифа в зиму с 1929 на 1930 г.). Работают только эти 40—50 человек, все остальные сидят безвыходно в бараках, получают 300 граммов черного сырого хлеба, два раза в день воду, в которой варилось пшено, и ничего не делают. Последнее для СЛОНа как будто странно, но они действительно не работают: они стоят одной ногой уже в могиле.

Все полумертвые калеки живут на Конд-острове в таких же бараках, как и на лесных командировках; на «Абакумихе» и «Маковице» они еще хуже, потому что там не бараки, а землянки. В помещениях грязь, сырость, смрад, вши... 90% заключенных не имеют одежды, и на них надеты меш-

ки с дырами для головы и рук. Обуви и головных уборов на них совершенно нет. По виду это не люди, а ходячие трупы: они до невероятности бледны и худы; неимоверно грязны, все в струпьях или в цинготных ранах. Кондовские чекисты-надзиратели называют их уже не «шакалами», а «индейцами»... За 5 месяцев моего пребывания на Конд-острове от 620 «индейцев» осталось в живых всего-навсего 47 человек; выжили по преимуществу те, кто работали на смолокуренном заводе: они имели 4-ю категорию трудоспособности, а главное, они получали по 500 граммов хлеба. Сплошным ужасом была, однако, и их жизнь.

Однажды я шел утром по берегу моря. Вдруг откуда ни возьмись подлетает ко мне 18-летний подросток Семенов. «Гражданин начальник, — каким-то диким, раздирающим душу голосом, весь облитый слезами и кровью, обратился он ко мне, а сам держал перед моими глазами дрожащую, всю окровавленную левую руку с только что отрубленной кистью. — Гражданин начальник!.. Ну, ей-богу, сто раз в день бьют десятники... Ну, ни за что, гражданин начальник, бьют... Сами подумайте, гражданин начальник, дают только пятьсот граммов хлеба... Ну, разве можно выкорчевать двадцать пять пней? А не выкорчуешь — бьют, становятся на пеньки, заставляют кричать: «Я филон»... Наверное, сто тысяч раз уже я прокричал «я филон»... Гражданин начальник, что мне делать?..»

Я свел его в «лазарет» к доктору Дженгиру Агаеву. «Не знаю, что и делать, — сказал Агаев, — места в лазарете нет, лекарств и перевязочных материалов тоже нет, а они каждый Божий день идут с отрубленными пальцами»... Не прошло и недели, как Семенов умер от заражения крови. «Заклученного Семенова, умершего от смерти, полагать умершим и списать со списочного состава заключенных вверенного мне Управлением СЛОН пункта», — как сейчас помню текст приказа, подписанного начальником пункта Новиковым Александром Михайловичем.

Доктор Агаев тоже умер: от тифа, в зиму с 1929 на 1930 год. Отзывчивый и добрый Агаев был на Конд-острове единственным человеком, с которым я отводил душу. На

Конд-остров его прислали на «загиб», так как он участвовал на Соловецком острове в голодовке «мусаватистов» (о них дальше). Вместе с ним было прислано еще 11 человек мусаватистов. Остались ли они живы в зиму с 1920 на 1930 г., — не знаю. Во всяком случае, они с Конд-острова уже никогда не возвратятся: ведь их ИСО послало туда специально на «загиб». Ждать этого ИСО долго не будет: голодный паек и ежегодно свирепствующий там тиф быстро и верно удовлетворят желания чекистов.

Характерное письмо было прислано доктору Агаеву летом 1929 г. «Дорогой папа, — писал ему маленький сын, — я в школу не хожу, потому что ты контрреволюционер. Папочка, напиши мне, пожалуйста, письмо, что я не твой сын. А на самом деле, папочка, я всегда люблю тебя и ты — мой папа. Только письмо это мне надо, чтобы меня приняли в школу»... Если бы я в это время не был на Конд-острове, то Агаев письма бы не получил: оно было бы отослано обратно в Ганджу, но только не любящему сыну, а в ОГПУ, которое бы внесло адресата в списки «социально опасных»...

Прихожу с этим письмом к доктору Агаеву и говорю: «Вам, дорогой Джангир, письмо от сына, но только вы его, — прибавляю шепотом, — прочтите и сейчас же порвите». Агаев вынул из вскрытого конверта письмо и начал читать. У него нервно задергались губы, брызнули слезы, задрожали руки и с громким истерическим плачем, закрыв лицо руками, он упал на свой грязный топчан. Я побежал в «аптеку», взял большую дозу валериановых капель и принес их Агаеву. «Успокойте доктора», — сказал я «мусаватисту» Ризе, а сам поскорее ушел... Вечная память тебе, дорогой Джангир.

Самоубийства. Помню другой случай из жизни работавших на Конд-острове. В августе 1929 г. командир 3-й роты Маслов Александр донес начальнику пункта: «Заключенный Сандул с работы по корчевке пней для смолокурного завода в роту не возвратился». «Этот индеец, — сказал Новиков, — наверное, заблудился в лесу: он раньше всех

окончил урок, и десятник дал ему пропуск в роту, но у Сандула куриная слепота, значит, он заблудился в лесу. Подождем с полчаса. Если не придет, будем искать». Сандул не являлся, и Новиков отдал распоряжение: выгнать всех «индейцев» и идти цепью по всему острову, пока Сандул не будет найден. Через десять минут все кондовские «индейцы» шли по лесу цепью, а еще через полчаса к дежурному по пункту надзирателю (Григорию Попкову) прибежал, запыхавшись, «индеец» Николай Янушевский и сообщил: «Сандула, гражданин дежурный, нашли. Он в лесу повесился на сосне».

Самоубийство на Конд-острове — явление обычное. За мое пятимесячное пребывание на Конд-острове там повесилось 105 человек. Но несчастному кондовцу-инвалиду и покончить жизнь самоубийством не так-то легко: он должен где-то найти веревку, выпроситься у дневального в уборную, а потом забежать в лес и там уже совершить свое последнее в жизни страшное дело. Жизнь на 300 граммах хлеба, в холодном и сумрачном бараке, спанье на сырых нарах в одном мешке, вместо всякой одежды, и твердое убеждение в том, что в перспективе неминуемая смерть, — вот что заставляет кондовских «индейцев» кончать жизнь самоубийством. Иногда они обрывают нить жизни коллективно.

«Лучше сразу умереть, чем ожидать смерти в долгих страданиях», — решили восемь человек кондовских заключенных, содержавшихся в штрафном изоляторе «Маковица» за кражу двух килограммов хлеба. И они решили умереть вместе. Убили топором «стукача»-дневального и утром, на виду у всех, в одном белье и без куска хлеба, начали убегать по льду замерзшей Онежской губы, делая вид, что они бегут на материк (до него 30 километров). Это не был побег, производилась лишь демонстрация побега. В расчете на то, что по ним будут стрелять и их убьют. Расчет оказался верным — начальник охраны острова за ними не погнался, а только скомандовал надзирателям: «По убегающим индейцам — пли!» Раздался дружный залп чекистских винтовок, и страдания восьми конд-островцев

окончились. Убитых «индейцев» даже не взяли с места, где они попадали. «Весной лед растает, и тюлени похоронят их в своих животах», — сказал Новиков, начальник Конд-острова. Это было под весну 1929 г.

Истязания. Сохраняющие силу духа и еще способные бороться за жизнь иногда пытаются бежать всерьез. Это не удается им, и за свою попытку они платятся такими муками, от которых волосы шевелятся на голове. Такую попытку сделали и за нее страшно расплатились в 1929 г. Юхневич и Иван Криштоп. Оба они имели четвертую категорию трудоспособности и корчевали пни для смолокурного завода. Работая в лесу, они ухитрились сколотить себе из нескольких бревен плот и спрятали его. Хлеба на дорогу не было, и они запасли несколько килограммов черники. Они рассуждали так: на плоту мы будем продвигаться от острова до острова (от Конд-острова к Летнему берегу ведет цепь мелких островов). На островах будем собирать чернику, ею будем питаться и на материке. Не прошло и получаса после их отплытия на плоту от острова, как начальник охраны Пойкан получил от командира 3-й роты Александра Маслова рапорт, в котором тот сообщал, что Криштоп и Юхневич с работы не возвратились и, «видимо, совершили побег». Спустя еще полчаса Криштоп и Юхневич были настигнуты лодкой с надзирателями. Подплыв к ним на близкое расстояние, чекисты скомандовали: «Руки вверх!» — а когда те подняли руки, открыли по ним огонь из трех винтовок, целясь в руки. В результате этого Криштоп был ранен в руку двумя пулями, а Юхневич тремя.

Трудно передать, что чекисты делали с этими двумя несчастными людьми, когда доставили их на берег. Раненых Криштопа и Юхневича они заставили нести на себе плот до штаба отделения, то есть не менее четверти километра. Обливаясь кровью, беглецы кое-как взвалили себе на плечи плот и понесли его. Не прошли и десяти шагов, как тяжелый плот придавил их к земле. Тогда чекисты, ругаясь все время наипохабнейшей большевицкой матерщиной, оставили плот и погнали беглецов дальше, все время из-

бивая их прикладами винтовок. В штабе избиение продолжалось, но уже восемь чекистов били их поочередно прикладами, кулаками, ногами, палками. Один из бивших, Александр Соловьев, дошел до того, что, когда устал бить кулаками, ногами, палкой и плетью, упал на одного из несчастных и грыз его зубами. Все устали, вспотели и, чтобы «освежиться», пили воду, вытирали пот и принимались избивать дальше. Избиение продолжалось часа два-три. Наконец начальник охраны Пойкан приказал командирам взводов отнести бесчувственных «паразитов» в «крикушник» и тут же распорядился вылить в «крикушник» несколько ведер воды. «Пусть эти паразиты поплавают в «крикушнике», а не в Белом море».

Кошмарная экзекуция так подействовала на меня, что я не мог уснуть ночью. Два раза ходил к доктору Агаеву, брал у него снотворное, но ни одно из агаевских средств мне не помогло. Рано утром я сказал дежурному по отделению и одному из участников экзекуции (Григорию Попкову), чтобы он шел спать, а я за него подежурю. Когда Попков уснул, я пошел в «крикушник». «Боже, за что ты караешь?» — подумал я, увидя этих двух мучеников в «крикушнике»... Криштоп и Юхневич от побоев опухли до неузнаваемости. Оба они лежали в разных углах «крикушника», в грязи и тяжело дышали. «Как вы чувствуете себя, ребята?» — спросил я их... Читатель, не осудите меня: не скажите, что мой вопрос — подлейшее издевательство над человеком; с какими другими словами мог я обратиться к этим двум мученикам? «Я и рад бы, но что я могу поделать»... Эти слова, в условиях слоновской действительности, относились и ко мне.

— Я, гражданин начальник, не могу дышать, — чуть слышно ответил мне Криштоф. А Юхневич, стоная, хотел что-то сказать, но, видимо, от боли не мог. Он с трудом перевернулся на другой бок, закрыл лицо руками, и я видел, как его покрытое грязью мокрого «крикушника» тело стало судорожно вздрагивать. Он плакал. У меня тоже подступили к горлу слезы, но я взял себя в руки. Вынув из портсигара все свои папиросы, я предложил Кришто-

пу взять их и курить. Криштоп, очевидно не ожидавший такого отношения к себе чекиста, взял папиросы и заплакал, как малый ребенок. Слезы из его глаз текли как ручей. Вытирая их грязной рукой, он оставлял на лице полосы жидкой грязи. Закрыв «крикушник», я пошел к себе и принес этим мученикам хлеба и сахару и тут же распорядился, чтобы им дали кипятку. «Гражданин начальник, — сказал мне со слезами на глазах Криштоп, — я... я... (а сам, бедняк, задыхается) у меня дома маленький сынок... я, гражданин начальник, умру... Если можно, сообщите»... Он не договорил... В тот же день, к вечеру, Криштопа и Юхневича не стало: оба умерли. Живые «индейцы» снесли их в большую яму и бросили поверх накопившихся раньше.

Новиков, начальник отделения (тогда Конд-остров был еще отделением), в это время находился в отпуске в Петрограде. Он приехал на Конд-остров на другой день после экзекуции и подписал приказ, составленный его делопроизводителем Нарушевичем: «Умерших заключенных, Криштопа Ивана и Юхневича, считать умершими»... В ноябре 1929 г. Новиков сдал Конд-островский пункт чекисту Сошникову и выехал в распоряжение Управления лагерей в Кемь. Я тоже в это время уехал в Кемь.

— Два индейца, — говорил в Кеми в ИСО Новиков, — вздумали у меня бежать, ну, я их, конечно, к ногтю.

— Мы хорошо, Шурка, знаем, что ты не промажешь, — ответил ему на это помощник начальника ИСО, Рошупкин Николай Иванович. — Ну а как там твои индейцы поживают? — спросил он.

— Потихоньку загибаются, — ответил «Шурка».

— Что-то, брат, мало, кажется, загнулось? — спросил Рошупкин.

— Подожди, Коля, зима покажет свое, — обнадежил Новиков.

— Ну а как поживают христосики? — продолжал интервьюировать Рошупкин.

— Пока что загнулось пятнадцать человек. А зимой, не беспокойся, загнутся все, — опять обнадежил Новиков...

Духоборы. «Христосики» — это члены секты духоборов. В количестве 65 они были присланы на Конд-остров для «загиба» летом 1929 г.

Несчастные духоборы испили в СЛОНе полную чашу страданий...

Они отказывались называть чекистам свои имена и фамилии, именуя себя «сынами Божьими». За это их немилосердно избивали. Духоборы умоляли чекистов застрелить их, но фамилий и имен своих все-таки не называли. В конце концов ИСО решило отправить их на «загиб» к «Шурке» Новикову, на Конд-остров. Новиков отвел им в лесу место и велел строить себе землянки. Получив пилы и топоры, они приступили к постройке, а пока землянки строились, спали под открытым небом у костров. Заставить их назвать себя не смогли и на Конд-острове. Самоуверенный Новиков сначала решил, что он заставит их и назвать свои фамилии, и работать. Но ошибся: избиваемые им плетью, они по-старому называли себя «рабами Божьими» и умоляли застрелить их. Эта просьба духоборов бесила полунормального Новикова, и после нее он бил их с новыми силами, которые ему давало бешенство... Родственники духоборов ежемесячно высылали им черные сухари, но ни одному духобору ни разу Новиков посылки не выдал. Жили они на 300 граммах хлеба и на «горячей пище» в виде воды, в которой варилось пшено. Тем временем «потихоньку загибались».

К «загибу» на Конд-острове ведет уже одно недостаточное питание: ни с 300 граммами скверного хлеба без работы, ни с 500 при работе — выжить невозможно. Кондовцы находятся поэтому в состоянии постоянного и острого голода — настолько острого, что с жадностью поедают сырой гнилой картофель, а сало разлагающегося тюленя им кажется лакомством...

Голодание. Около 2-й роты конд-островских заключенных был небольшой огород, на котором трудом «индейцев» выращивался картофель, который бесплатно раздавался надзирателям. Пока картофель не был собран,

огород сторожился, когда же его собрали и раздали чекистам — сторожа сняли. Голодные «индейцы» из 2-й роты, выпросившись у дневального в уборную, незаметно забегали на огород, хватали оставшиеся мелкие и гнилые клубни и тут же жадно поедали. За это приходила расплата, но не та, о которой вы, читатель, думаете, — не болями в желудке.

Раз, проходя около дверей «ленинского уголка» для надзирателей, я услышал ругань, вопли, плач. Зашел в «уголок» и вижу: чекист Павел Королев что есть сил порет розгами четырех «индейцев», а в углу «ленуголка» лежит еще целая пачка розог.

— В чем дело?

— В рот йодом мазанные индейцы обманули дневального; попросились в уборную, а сами стали с нашего огорода красть картофель — посмотрите, Николай Игнатьевич. — Королев указал мне на десяток картофелин, отобранных им у «индейцев» и лежащих на полу...

На рапорт Королева о преступлении «индейцев» Новиков положил резолюцию: «Подвергнуть содержанию в «крикушнике» на 30 суток». Все четверо «преступников» тридцати суток в карцере не отсидели; они умерли до истечения срока наказания.

...Однажды я на лодке решил объехать Конд-остров. На южном его берегу заключенные корчевали пни для смолокурного заводика, и я подъехал к ним. Заметив меня, все они бросили работу и подошли к костру. Некоторые из них стали кричать: «Здравствуйте, гражданин Карпов», — когда я оказывался среди заключенных, они переставали бояться своих десятников.

— Откуда это у вас, ребята, тюлень? — спросил я, увидев около костра раздувшегося тюленя.

— А это, гражданин Карпов, мы нашли на берегу моря: он издох, и волны прибили его к берегу.

— А для чего вам надо было тащить его сюда от берега, целых четверть километра?

— Мы, гражданин Карпов, вырезаем из него куски сала, поджариваем на костре и едим. Сами знаете, граж-

данин Карпов, разве можно работать в лесу целый день на пятистах граммах хлеба. А суп у нас, сами знаете, — одна вода.

Действительно, на моих глазах заключенные отрезали от тюленя куски жира, чуть-чуть поджаривали его и ели с таким аппетитом, как будто это было редкостное лакомство. Между тем тюлень был сильно разложившийся, и от него шел отвратительный запах.

VIII. Отдельные сцены и факты

«Обласкаю». Без вины виноватый. Зарезанный китаец.
Чекисты на охоте. Проданные. Ссылка. Борющиеся

«Обласкаю». «Обласкаю» — выражение чекистов-надзирателей. Оно, как и «дрыновать», означает бить палкой. «А ну-ка, ротный; веди этого шакала ко мне, я его обласкаю (или подрыную)», — каждый день услышите вы от надзирателей на слоновской командировке. Как они «ласкают», показывает случай, который хочу рассказать.

Дело это было ранней весной 1929 г. на командировке при станции Кандалакша. В 200 метрах от линии железной дороги там находится пересыльный пункт 3-го отделения СЛОН. Это вроде Кемьперпункта, что на Поповом острове. В 400 километрах от этого пункта на юг находится лесопильный завод «Кареллеса». При нем командировка с заключенными, проданными «Кареллесу». С нее носят на себе в мешках хлеб для пересыльных.

Возвращаясь раз вечером из Кандалакшского железнодорожного клуба, я проходил мимо барака, где жили чекисты-надзиратели и начальник пересыльного пункта Алексей Евстратов. Еще шагов за пятьдесят до барака я услышал душераздирающие крики. Захожу в комнату Евстратова и вижу: Евстратов и секретарь ячейки Роман Дернов бьют что есть сил одного заключенного — Евстратов увесистой доской с гвоздями, а Дернов плетью;

все лицо заключенного сплошь было залито кровью. В тот момент, когда я вошел к Евстратову, он так хватил заключенного по голове, что тот упал без сознания.

— В чем дело? — спрашиваю Евстратова.

— Не видишь разве, шакала ласкаю.

— Чем он провинился? — спрашиваю, а у самого нервная лихорадка.

— Да как же!.. Так перетак его мать, Бога, Пресвятую Богородицу... Нес с лесопильного завода хлеб и умудрился чуть не полбуханки украсть, — и показывает на лежащий на столе хлеб. От хлеба был действительно отломан кусочек граммов в четыреста.

На следующий день избитый заключенный умер. После избиения, как я узнал, Евстратов раздел его и посадил в «крикушник», где на земляном полу лежал полуметровый слой снега. Заключенный, будучи в бессознательном состоянии, не мог проситься из «крикушника» в барак погреться и потому замерз. (По писанным правилам полагается выпускать на 10 минут в барак, когда заключенный совсем замерзает.) А может быть, Евстратов пробил ему доской голову — бог знает. Во всяком случае, человека не стало: погиб за 400 граммов слоновского хлеба. Я рассказал об этом случае начальнику ИСО 3-го отделения Штейну. Вечно пьяный Штейн ответил мне: «Ну и черт с ним, со сволочью: одним шакалом меньше».

Без вины виноватый. По всей Мурманской железной дороге, начиная от Мурманска и до самого Петрограда, имеются так называемые оперативные посты военизированной охраны СЛОНа. Расположены они на железнодорожных станциях и друг от друга находятся на расстоянии километров пятидесяти. На мелких станциях оперативный пост состоит из одного чекиста-надзирателя. На крупных станциях, как Кандалакша, Кемь, Сорока, Майгуба и других, пост состоит из трех чекистов. В функции оперативных постов входят розыск и задержание заключенных, совершивших побег. День и ночь чекисты лазят по железнодорожным вагонам (пассажирам и товарным),

ища беглецов. На станциях, где имеется уполномоченный железнодорожного отдела ОГПУ, они вместе с ним проверяют у пассажиров документы.

Как они радуются, когда поймают беглеца, как они его бьют, как они о своем геройстве расписывают потом в своих стенных газетах и ежемесячных отрядных журналах, — трудно передать. Надо знать чекиста вообще, а слоновского в особенности, чтобы понять это. Я, пробивший с чекистами более 10 лет, и то не могу понять психологии слоновского чекиста-надзирателя. Он не может жить без страшных ругательств, без битья «в морду», без крови и человеческих слез — это его органическая потребность. Припоминаются слова Дзержинского, сказанные им в 1924 г. в Москве, на съезде начальников секретных отделов: «У меня одна школа находится на Лубянке, а другая на 65-м градусе северной широты и 36-м восточной долготы (Соловки. — *Авт.*). В этих двух школах самые лучшие чекисты...»

Один из «лучших» второй школы — чекист Курганов находился на службе в 3-м отряде военизированной охраны СЛОНа, на станции Кандалакша Мурманской железной дороги. В ночь на 26 марта 1930 г. он дежурил по Кандалакшскому взводу и по командировке «Кандалакша». Другой из «лучших» — Барсуков — дежурил по станции Кандалакша. Курганов расхаживал по командировке «Кандалакша» и дрыном наводил порядки, а Барсуков лазил по железнодорожным вагонам и искал сбежавших каэров. Труды его на этот раз дали результаты; он задержал одного. Набив ему «морду», Барсуков привел его к Курганову, как дежурному по командировке. Как Курганов встретил беглеца, я не видел, но уверен, что «банил» он его сильно: Курганов в грязь лицом не ударит, а сил физических у него много.

Возвращаясь ночью домой и проходя мимо помещения, где находился Кандалакшский взвод, я вздумал зайти к командиру взвода. Открыл дверь и попал на избиние: на полу, с окровавленным лицом лежал человек; сапоги с него стащили, верхнюю одежду тоже, и он лежал в

одном белье; лицо закрыл руками и тяжело дышал. Курганов, видимо уставший бить кулаками, стоял около него и бил носками своих пудовых сапог.

— В чем дело? — спрашиваю я. — Кто дежурный по командировке?

— Дежурный по командировке стрелок Курганов, — представился мне Курганов, перестав бить беглеца.

— В чем дело? — повторяю вопрос. — Что это за человек лежит на полу?

— Это, товарищ уполномоченный, беглец. Задержан на станции стрелком Барсуковым.

— А это что за документы? — спросил я, заметив на столе целую пачку каких-то исписанных бумаг.

— Это обнаружено у беглеца при обыске.

— Какой же это беглец, если имеет документы? Кто вам сказал, что он беглец?

— Посмотрите, товарищ уполномоченный, на нем словенская одежда! А документ он; наверное, украл.

Беру со стола бумаги и начинаю спрашивать «беглеца»:

— Назовите вашу фамилию.

— Можайлов Василий.

— Сколько вам лет? — Отвечает. — В каком году родились? — Отвечает правильно. — Какой губернии, какого уезда, села? — Отвечает правильно. Задал вопросов пятьдесят и на все получил правильные ответы.

— Это не беглец и не заключенный, — говорю Курганову, — а вольный гражданин, приехавший в Карелию на заработки. Отправьте его к дежурному по отделению.

Часа через два Можайлов был освобожден и направлен в распоряжение милиции. Та возвратила ему документы и отпустила на все четыре стороны.

Не думайте, читатель, что Можайлов жаловался кому-нибудь — нет! Он не дурак, он не хочет попасть в действительные заключенные СЛОНа. Если он пожалуется, а особенно если расскажет рабочим о том, что с ним случилось, он будет привлечен к уголовной ответственности за дискредитацию советской власти и получит лет пять СЛОНа.

Зарезанный китаец. УСЛОН «загибает» «злостных» каэров не всегда по рецепту коллегии ОГПУ: «содержать исключительно на тяжелых лесных работах». Применяются и другие способы.

В конце 1928 г. пришла из спецотдела ОГПУ бумажонка за подписью члена коллегии ОГПУ Глеба Бокия: «Заключенный вверенных вам лагерей такой-то (имени я не помню) по постановлению Коллегии ОГПУ подлежит расстрелу. Вам надлежит приговор привести в исполнение и об исполнении срочно донести мне. *Глеб Бокий*».

Приговоренный к расстрелу был китаец — пожилой, крупный, немного рябоватый человек. В СЛОН он был прислан на 10 лет за «шпионаж в пользу иностранных государств». На острове он занимал должность заведующего баней № 2, что стояла за кремлем. Получив бумажку, начальник ИСО Борисов призадумался, как его «шлепнуть» и где это сделать так, чтобы все было шито-крыто. Подумал и надумал: позвал к себе выводного «следизолятора» Алексеева.

— Алексеев, ты у меня парень на ять, верю тебе, как себе. Вот в чем дело: ты должен сегодня ночью зарезать заведующего баней № 2. Знаешь, этого толстомордого китайца.

— Слушаюсь, товарищ начальник. Все будет сделано. А вот только куда прикажете потом деть его?

— Гмм... Да... Вот куда его, правда, потом деть, — задумался Борисов.

— Товарищ начальник, а что, если его бросить в водосточную яму? Она метров пятнадцать глубины, и на дне тина.

— Правильно, бросай его туда. Но, Алексеев, смотри! Чтобы дело было без шухера (т. е. без шума).

— Будет сделано на ять, товарищ начальник!

И действительно, Алексеев зарезал китайца «на ять»: «без шухера» и следов. Ему в этом помогло, во-первых, то, что у него три лошадиные силы, а во-вторых, 250 граммов спирта, выданных ему Борисовым на «секретно-опе-

ративные дела» (в УСЛОНе такая статья расхода спирта существует со дня его организации).

На другой день после того, как китаец был зарезан, появился приказ по 1-му отделению: «Вместо заключенного такого-то, исполнявшего обязанности заведующего баней № 2 и отправленного на работу на материк, заведующим баней № 2 назначаю заключенного Иванова Петра. Начальник 1-го отделения СЛОН ОГПУ *Зарин*».

ИСО стало следить: что будут говорить заключенные острова о скоропалительной отправке китайца на материк. «Стукачи» скоро донесли: «Заключенный такой-то не верит в то, что китаец отправлен на материк. В ту ночь ни один пароход и ни одна лодка из Соловков на материк не уходили: китаец, наверное, говорит он, отправлен на штрафную командировку «Овсянка». Таких «неверующих» по доносам «стукачей», набралось 102. Всех их ИСО отправило «для уверования» на командировку «Овсянка».

Почему китаец был зарезан, а не расстрелян, как это требовалось бумажонкой из спецотдела? Я могу объяснить так: ОГПУ всегда и настойчиво заботится о том, чтобы его дела делались «втихую», без шума и огласки; согласно этой норме Борисов и поступил.

Чекисты на охоте. Ежегодно осенью на остров Соловки, когда управление СЛОНа находилось там, из Москвы приезжала комиссия по обследованию хозяйственной деятельности СЛОНа. Свое «обследование» комиссия всегда начинала с пьянства. Для кухни и личного обслуживания членов комиссии из женского барака всегда вызывались самые красивые женщины из каэрок. Они должны были не только готовить кушанье и прислуживать им: они обязаны были удовлетворять и другие потребности важных посетителей. И они удовлетворяли, потому что иначе верный и скорый «загиб». После трех-четырех дней пьянства комиссия отправлялась на остров Анзер, где находилась инвалидная командировка, охотиться на зайцев. Чтобы охота была удачной, из смрадных анзеровских барачков выгонялись все заключенные и от-

правлялись в лес — гнать на комиссию зайцев. Голодные и оборванные заключенные шли цепью по лесу и аукали. Спугнутые их криком зайцы бежали на членов комиссии, а те стреляли...

В 1929 г. один из заключенных, нагонявших на своих «помещиков» зайцев, как-то ухитрился спрятать под лохмотья убитого зайца. Это заметили ротные командиры и донесли надзирателям. Те посадили вора на 30 суток в «крикушник», а предварительно, как это полагается по слоновским нравам, «обласкали» его и раздели до вшивого белья.

Проданные. Читатель уже знает, что в СЛОНе есть командировки с заключенными, проданными СЛОНОм лесозаготовительным организациям «Кареллес» и «Северолес» для работы у них на лесопильных заводах, на погрузочно-разгрузочных работах, по валке и сплаву леса. СЛОИИ практикует, однако, продажу не только грубого физического труда, но и труда высококвалифицированного — главным образом труда разного рода инженеров и техников. ОГПУ поступает умно; чтобы заставить инженера и техника работать для «социалистического строительства» и для выполнения плана пятилетки бесплатно, оно нужных людей арестовывает, предъявляет им какое-либо обвинение и ссылает на сроки от 5 до 10 лет в СЛОИИ. Найти обвинение для инженера и техника — дело для чекиста простое. Часть таких заключенных СЛОИИ использует в своих собственных предприятиях, а другую часть, по директиве из ОГПУ, продает разного рода хозяйственным организациям Карелии, Мурманского края, Архангельской губернии и Мурманской железной дороги. Продажная цена на инженера колеблется от 300 до 800 рублей, а на техника — от 100 до 400 рублей в месяц; от СЛОИИ же эти инженеры и техники получают немного и одинаково — 9 рублей 29 копеек в месяц, то есть «усиленный паек». И представьте себе — все эти инженеры и техники работают очень хорошо: они ведь знают, что в противном случае им грозит работа в лесу и смерть.

Ссылка. Как и за что крестьяне, в связи с коллективизацией сельского хозяйства, попадают на принудительные работы в СЛОН, а их семьи — в ссылку на поселение? Передам свои личные впечатления о том, как крестьян везут на поселение и как они там живут. Для примера беру ссыльных на Хибинских апатитовых залежах, что северо-восточнее разъезда Белый Мурманской железной дороги, примерно верстах в тридцати южнее Мурманска.

Ранней весной 1930 г. по Мурманской железной дороге было отправлено на Хибинские апатитовые залежи 18 эшелонов с крестьянскими семействами. Мне, как представителю ИСО, приходилось встречать эти эшелоны на станциях Кемь и Кандалакша и присутствовать при отправлении их дальше.

Представьте себе эшелон в 32—35 товарных вагонов. Все вагоны битком набиты стариками, женщинами и детьми — малолетними и грудными. Двери и люки вагонов наглухо закрыты, и на станциях, через которые эшелон проходит, никто не подозревает, какого рода груз перевозится в этих вагонах.

Когда наступает ночь, чекисты из ИСО с фонарями приходят к вагонам, лезут в них и начинают делать проверки. Сколько раз приходилось наблюдать: чекисты раскрывают двери вагона, а навстречу им несутся из вагона истерические крики и отчаянный плач женщин и детей. Случалось иногда, что в темноте и тесноте задавлен ребенок, мать рыдает, спрашивает, куда теперь ей деть ребенка; чекисты не обращают на нее никакого внимания.

В пути следования ссылаемые стоят на ногах, ибо такая теснота, что им нельзя ни лечь, ни сесть; едут в совершенной темноте без ламп и свечей; в холоде, так как печей в вагонах нет. На разъезде Белый, где из вагонов высаживают для отправки пешком на апатитовые руды, приходилось наблюдать, как чекисты-надзиратели 5-го отделения СЛОНа, расположенного в районе Хибинских апатитовых залежей, кричат всем этим женщинам, старикам и старухам: «Вылетай из вагонов пулей! Стройся в четверки!» Матери тщетно заявляют, что их дети или

старики-родители остались в вагоне, потому что их в тесноте задавили. Как сейчас помню; заглянул в вагон и увидел на полу нескольких стариков, умерших в пути. На заявления крестьян о мертвых надзиратели отвечают страшной бранью и приказанием «не разговаривать». После отправки партии трупы умерших выбрасываются чекистами в какую-нибудь яму и зарываются... Выстроенная партия, с обычными предупреждениями о том, что «шаг влево — будет применено оружие», отправляются к месту поселения.

Кроме старой, изорванной одежды и таких же постельных принадлежностей, у ссылаемых ровно ничего нет, так как все остальное, что у них было прежде, все решительно — вплоть до лучшей одежды — конфисковано и переведено в собственность коллектива. Им не оставлено ни посуды, ни какой-нибудь другой утвари для устройства на новом месте. По прибытии к месту поселения ссыльных размещают точно в таких же бараках, как и заключенных в СЛОНе. Старушки, старики, матери и малые дети — все находятся в общем бараке, все спят вповалку на общих нарах. В бараке холод, грязь, сырость, вонь, вши и темнота.

Пища им дается еще хуже, чем заключенным Северных лагерей. За нее они должны работать на разработках апатитовых руд и в лесу. Режим их почти ничем не отличается от режима заключенных: их так же сажают в карцер, так же утром и вечером делают поверку, расстреливают, если они пытаются бежать.

Все эти условия порождают огромную смертность — особенно среди стариков и детей.

Борющиеся. Как ведут себя заключенные в СЛОНе? Как отвечают они на ежедневные издевательства над ними? Все покорно сносят, пассивно сопротивляются, активно борются?

Терпеливая покорность является типичной для подавляющего большинства заключенных: многотерпелив и вынослив русский человек! Нарушается этот фон чаще

всего попытками «ловчить», чтобы избежать «загиба», да еще отчаянной и бессильной бранью, когда заключенный доведен до отчаяния. «Ловчат» заключенные подкупом (деньгами и вещами), доносами на сотоварищей, предельной угодливостью перед администрацией, телом — если речь идет о женщинах и тело у них еще привлекательно. Гораздо реже случаи пассивного сопротивления, когда заключенный прямо отказывается от действий, которые требует от него СЛОН. Самовредительство и самоубийство — главные формы этой пассивной борьбы. Случаи прямой и активной борьбы — чрезвычайно редки, но и они выражаются в таких негероических действиях, как побеги и «письма» на бревнах и досках. На побеги решаются немногие — вероятно, не больше двух-трех человек на тысячу заключенных. Бесконечно реже эти побеги кончаются удачей — обычно бегущие ловятся и гибнут от чекистских истязаний и пуль... За «письма» на бревнах и досках в 1927, 1928 и 1929 гг. в штрафном изоляторе «Секирка» было расстреляно примерно 125 человек. Все они работали по погрузке леса на иностранные пароходы и в своих необыкновенных «письмах» на лесных материалах, идущих за границу, то сообщали, что «этот лес облит кровью и слезами», то звали к бойкоту «этого леса», то просили о защите, то просто «рисовали» (чаще топорами) на бревнах и досках гробы и кресты... Борьбы «грудь с грудью» с топором или бревном в руках, вооруженной борьбы в порядке или отстаивании чести и достоинства, или мести за чекистское надругательство над ними — такой борьбы не было.

По крайней мере, я не знаю о ней. Доведенные до отчаяния заключенные рубили топором себе ноги и руки, вешались, бросались зимой в проруби, но никогда не убивали чекистов-надзирателей.

Пассивная борьба, как сказал, была. Иногда она отливалась в яркие формы и о нескольких случаях я хочу рассказать.

Первым среди них мне вспоминается героическая борьба Адольфа Георгиевича Немировского. Он служил

в Москве, в Резинотресте. Лубянка решила завербовать его в число своих осведомителей и послать в Лондонское торговое представительство для шпионской работы. «Немировский когда-то жил в Лондоне, хорошо знает английский язык, имеет высшее образование, — рассуждала Лубянка, — и потому хорошо сумеет вести работу в Англии». Вербовкой Немировского занялся чекист Себергер. Я в это время был в Москве на съезде начальников секретных отделов. Себергер, знакомый мне по совместной работе в ЧК еще с Новороссийска, желая, видимо, похвастаться передо мною своим роскошным кабинетом, пригласил зайти к нему. Я пришел и попал как раз в тот момент, когда он «вербовал» Немировского в секретные сотрудники ОГПУ.

— Нет, товарищ Себергер, — взволнованно говорил Немировский, — вы меня извините, но я не могу работать у вас. Я с детства воспитывался так, что я не могу заниматься шпионской работой... Может быть, вам, товарищ Себергер, странно это, вы, может быть, не поймете моей психологии, но поверьте на честное слово: ей-богу, я не смогу работать на шпионском поприще...

— Я вас понимаю, товарищ Немировский. Но вы согласитесь с тем, что революция требует жертв, и, если вы не враг революции, если вы сочувствуете рабочему делу, если вы на нашей стороне, а не на стороне русской и мировой буржуазии, вы должны принять наше предложение. Вы знаете, что мы нейтральности по отношению к себе не признаем: или вы наш враг, или вы наш друг. Выбирайте одно из двух.

— Но, товарищ Себергер, я прошу вас освободить меня от этого дела!.. Я не способен к нему. Тем более что у меня жена, больная туберкулезом, и малолетний сын...

— Но вы все-таки, товарищ Немировский, подумайте и завтра скажите мне свой окончательный ответ.

— Товарищ Себергер! Я и так уже довольно хорошо обдумал. Я много думал над тем, что вы мне предлагаете, и в конце концов пришел к тому убеждению, что я никак не могу работать на этом поприще!

— Но вы ВСЕ-ТАКИ подумайте еще раз, товарищ Немировский, и завтра, в двенадцать часов, скажите мне ваш окончательный ответ.

— Нет, товарищ Себергер! То, что я вам сказал, — это мой окончательный ответ!..

— Ну, пока всего хорошего. А все-таки вы, товарищ Немировский, обдумайте хорошенько дело еще раз и постарайтесь завтра заглянуть ко мне и сказать, к какому конечному результату вы придете... Чтобы после не жалеть, — сказал на прощание Себергер. — Ну, я этого... (далее шла площадная брань) каэра научу мыслить по-пролетарски! — сказал мне Себергер, когда Немировский, хлопнув дверью, ушел домой.

Это было в марте 1926 года, а в январе 1927 года я встретился с Немировским уже на Соловецком острове.

— За что вы попали на Соловки? — спросил я Немировского.

— По 117-й статье Уголовного кодекса: за разглашение сведений государственной важности, — ответил Немировский.

— А какой у вас срок?

— Пять лет.

Раз человек имел храбрость категорически отказаться от сотрудничества с ОГПУ, он не побоялся и поделился с кем-либо о том, чего от него хотело ОГПУ. В результате — 117-я статья и СЛОН.

В СЛОН Немировский прибыл, как и все не угождающие ОГПУ, с предписанием коллегии ОГПУ: «Держать исключительно на тяжелых заготовительных работах». Начальник ИСО Вальденберг, работавший до назначения в СЛОН в минском отделе ОГПУ, решил «скрутить» Немировского «в бараний рог». Позвал Немировского к себе и предложил ему «освещать» жизнь заключенных 10-й роты заключенных, работающих в канцеляриях Управления СЛОН (УСЛОН). Но сильную волю Немировского ничто не могло сломить — даже слоновский режим. Немировский Вальденбергу ответил: «Я пять лет Соловков получил за отказ шпионить, а вы опять предлагаете мне делать

это!» Через 10 минут после этого Немировский был посажен на 30 суток в карцер. В приказе по 1-му отделению значилось: «Заключенного 1-го отделения Немировского Адольфа за некорректное обращение с начальником ИСО арестую на 30 суток карцерного содержания с выводом на работы».

После 30 суток карцера Немировского перевели в роту «отрицательного элемента». Там командир роты Воинов, известный в СЛОНе палач, два раза избил его до полусмерти за то, что Немировский не хотел стоять перед ним с вытянутыми по швам руками. Из отрицательной роты Немировского отправили на штрафную командировку «Овсянка». «Я тебе, Потапов, — сказал начальнику командировки «Овсянка» Вальденберг, — послал на командировку эту сволочь Немировского. Назад я его не ожидаю: такой сволочи Советской России не надо. Пусть идет на загиб».

Потапов сделал свое дело: двое суток подряд Немировский выполнял у него полуторный урок; двое суток он не выходил из леса; выполнить урока он не смог, но совершенно отморозил руки и ноги. Овсянковский лекпом отрезал ему обе ступни и обе кисти рук, перевязал грязными бинтами и дал ему НА ТРИ ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ РАБОТ...

Три дня освобождения от работ в СЛОНе редкое явление. Но бедному Немировскому не пришлось воспользоваться этой слоновской милостью, так как на другой день после «операции» он умер.

Такова участь тех советских «граждан», которые не могут бросить своего человеческого достоинства под грязные и окровавленные чекистские ноги. Немировский был не мочало, из которой кремлевско-лубяньские палачи наделали петель для честных людей...

Вечная память тебе, славный Адольф!

Второй запомнившийся случай борьбы — голодовка мусаватистов, то есть членов национальной азербайджанской партии. Она вспыхнула из-за того, что все мусаватисты содержались на тяжелых физических работах. Му-

саватисты требовали работы по специальностям. «Мы вам дадим работу по специальностям! На «Овсянку» нам надо много специалистов. Там Гусенко наспециализирует вас рубить баланы», — говорили в ИСО чекисты.

Однажды ночью к роте № 7, где помещались мусаватисты, подъехало 10 саней. Командиры рот, в присутствии чекистов из ИСО, вынесли на руках связанных по рукам и по ногам мусаватистов, положили их на сани, прикрыли сеном и вывезли из кремля. За кремлем их встретили чекисты-надзиратели и повезли дальше — на «Овсянку».

До «Овсянки» 22 километра, но мусаватистов на санях везли не более чем полтора километра. Как только их завезли в лес, начались истязания. «А! такие-сякие... Грамотные стали?! Голодовки научились объявлять?! Мы вас научим голодать. А ну-ка, вставай с саней!»

Вставших с саней чекисты били прикладами и после избиения погнали дальше уже пешком.

Мусаватисты на командировку «Овсянка» прибыли благополучно. Просили дать один день отдохнуть: «Слабые мы после голодовки». Просьбу не удовлетворили, а отправили в лес на работу.

В результате голодовки несколько человек мусаватистов умерло на «Овсянке», а 15 человек было отправлено на Конд-остров как окончательно потерявшие трудоспособность. А Конд — открытая дверь в могилу...

Сходную борьбу с теми же последствиями вели на Соловках грузины.

В 1927 г. группа из пяти грузин пыталась среди бела дня, на глазах у всех, бежать из Кемьперпункта. Двое грузин набросились на вооруженного чекиста-надзирателя, выхватили у него винтовку, вместе с остальными тремя грузинами выбежали из Кеми, сели в лодку и поплыли. Сами не зная куда, но поплыли. Через полчаса они были все расстреляны.

Грузин в СЛОНе много, но их держат так, что ни на одной командировке вы не встретите двух грузин вместе: они рассеяны по одному по всем командировкам. На Соловецком острове находятся наиболее видные из них.

В 1923 г. случилось так, что 26 грузин оказалось на одном месте: в 7-й кремлевской роте. Все они находились на тяжелых физических работах, правда не лесных. По примеру мусаватистов грузины потребовали, чтобы им дали работу по специальностям. Когда получили отказ, они, как один, объявили голодовку.

С ними ИСО поступило немного иначе, чем с мусаватистами: мусаватистов только связали и повезли на санях на «Овсянку», а грузинам, кроме того, надели смирительные рубашки — большие грязные мешки из-под картофеля. Мусаватистов отправили на командировку «Овсянка», а грузин — в штрафной изолятор «Секирка». Мусаватистов хотя и избитых, но всех доставили живыми на «Овсянку», а грузин не всех: по дороге двоих чекисты-надзиратели застрелили.

«Двое голодающих грузин на пути на Секирку набросились на надзирателя и пытались обезоружить его. Принятыми мерами нападение было отражено. Нападавшие грузины из нагана № 768429 мною застрелены, о чем доношу на ваше распоряжение» — такой рапорт написал в ИСО командир 5-го взвода команды надзора. Из штрафного изолятора «Секирка» ни один из голодавших грузин не возвратился: все 24 человека там умерли. Эти 26 человек протестовали против нечеловеческого слоновского режима серьезно и до конца. Их воли не могли сломить чекисты. В слабом теле они носили сильный дух. Вечная память им!

IX. Администрация СЛОНа

Низшая администрация. Надзиратели. Начальник пункта.

Начальник ИСО. Начальник лагерей. Пособники

СЛОН построен на начале самообслуживания и в смысле хозяйственном, и в смысле административном. Хозяйственно СЛОН — огромное торгово-промышленное предприятие, в котором труд, страдания, кровь и жизнь людей с выгодой для власти превращаются в экспортный

лес, дороги, мелиорирование земли, рыбу, апатиты и т. д. Выгода эта не только коммерческая, но и политическая: уничтожается «вредная» и «опасная» для комвласти часть населения...

Работая с такой двойной выгодой, СЛОН в то же время не требует со стороны руководящих сил, — они создаются в его собственных недрах. Почти вся администрация СЛОНа состоит из заключенных в нем.

Низшая администрация. В Соловецком кремле есть 9-я рота заключенных. В ней помещаются бывшие коммунисты, мелкие и средние чекисты и вообще — бывшие доверенные советской власти. Все они сосланы в Северные лагеря за должностные преступления — взятки, растраты и превышение власти по должности. Последнее у многих выразилось в том, что они самочинно расстреливали людей. Один из сосланных за «превышение власти» — Сорокин (он, правда, не из 9-й роты), сопровождая заключенных по железной дороге, расстрелял несколько десятков человек из-за того, что они, по его объяснению, «взбунтовались»; в действительности они лишь настойчиво требовали в дороге воды, хлеба и вообще человеческого отношения к себе.

Перед моим уходом из СЛОНа Сорокин был начальником командировки 51-го километра, на постройке стратегического тракта. На этом тракте он бил одного заключенного за невыполнение урока по животу до тех пор, пока тот не испустил дух.

По сравнению с остальными заключенные в 9-й роте живут чуть ли не в барских условиях. Помещение их больше похоже на гостиницу, чем на барак. Посередине 2-го этажа у них тянется длинный коридор, по обеим сторонам которого находятся бывшие монашеские кельи — чистенькие, довольно уютные комнатки. В каждой живет по два, редко по три человека. Спят они на бывших монашеских диванах с хорошими подушками, простынями и одеялами. В их кельях всегда тепло, воздух свежий, на окнах занавески; стоят столики, покрытые хорошей ска-

тертью; в некоторых видны даже ковры... Обслуживают роту, то есть готовят обед, делают уборку, носят дрова и воду, дневальные из заключенных других рот, и главным образом из заключенных интеллигентных, которыми в 9-й роте помывают как прислугой.

Все заключенные 9-й роты занимают административно-хозяйственные должности в разных отделах и подотделах УСЛОНа. Они свободно выходят, катаются по вечерам на лодках, причем гребут для них «простые» заключенные. Руками последних для них создана постоянная спортивная площадка, а зимой устраиваются ледяные горки для катаний на салазках и каток. Они играют в футбол, ходят каждый день в театр, слушают музыку. На острове Соловки есть так называемый «клуб вольнонаемных служащих»; в нем есть радиоконната, конната для шахматной и шашечной игры, конната для игры в пинг-понг, военная конната, библиотека-читальня, ресторан. Заключенные из бывших коммунистов и чекистов посещают его наравне с вольнонаемными служащими. В 9-й роте и питаются совсем иначе, чем обыкновенные заключенные. В среднем каждый из них получает по 30 рублей в месяц на питание, причем прислуга, кухарка, дрова и прочее даются бесплатно, а продукты — по себестоимости. Кроме того, пользуясь своим служебным положением, они и сами берут сколько хотят из пищевых продуктов. Питаются они в ресторане «клуба вольнонаемных» или дома, где им готовят кухарки из интеллигентных каэрок (одна из них была княжна Гагарина). Далее. Если рядовому заключенному за нелегальное свидание с женщиной полагается от 14 до 30 суток карцера (на первый раз, а потом от полугода до года «Секирки»), то эти открыто водят заключенных каэрок к себе в коннаты и там уже делают с ними что хотят. Те молчат, чтобы не попасть на тяжелые работы в лесу и верную смерть.

Так живут заключенные из доверенных советских работников не только на острове Соловки, но и во всем районе СЛОНа — в Кеми, Кандалакше, Мурманске, Архангельске, Котласе, Майгубе, Вишере и прочих местах.

Заклученные, занимавшие до совершения преступления более или менее ответственные должности, иначе отправляются и в ссылку: они едут не этапом, а в обыкновенном пассажирском поезде; перед отъездом они получают литературу на проезд и бумагу, в которой указывается, что такой-то заключенный является бывшим сотрудником ОГПУ и подлежит использованию не на физических работах, а в Управлении лагерей на административно-хозяйственных должностях. Прибывая на Попов остров и являясь к начальнику Кемьского пересыльного пункта, такие заключенные сразу же получают назначение на должность, им сейчас же дается отдельное помещение. Никакой муштровки и прочих тягостей слоновского режима они не испытывают. Вчера такой «заключенный» взял взятку, произвел растрату, самочинно расстрелял людей и был арестован, а сегодня он уже снова является начальником. При себе он всегда имеет удостоверение на право свободного передвижения, ношение оружия и т. д.

Полного срока заключения ни один заключенный из бывших коммунистов и чекистов никогда в СЛОНе не отсиживал. Если он сослан на три года, то он освобождается уже через полтора, если на пять лет, то он просидит самое большое два года. Чекист Шукин Василий из Армавира (из армавирского окружного ОГПУ), сосланный на 10 лет за большую взятку, превышение власти и растрату, просидел там всего полтора года, причем работал он в Управлении СЛОНа сначала в качестве заведующего архивом, а потом в регистрационно-статистическом отделе, и ни одного дня за это время не был трезвым. Таких васек шукиных там сотни.

После наказания «доверенные» получают ответственные должности в управлении лагерей, а многих спецотдел при коллегии ОГПУ отзывает в Москву и дает назначение на ответственные должности по ОГПУ в разных местах России.

Иное положение коммунистов, попадающих в СЛОН за политику — за правый или левый уклон, за активные действия против Центрального комитета и его генераль-

ной линии или по подозрению в таких действиях. Эти попадают в общую массу заключенных и страдают вместе с ней. Примером таких является «бедный Гай», о котором я упоминал раньше.

Надзиратели. Они — главная опора всей слоновской системы. Они — и Бог, и царь, и судья для заключенного. Все они подбираются из доподлинного люмпен-пролетариата и в первые годы революции, как правило, работали в так называемых оперативных отделах ВЧК, приводя в исполнение смертные приговоры. Долгие годы такой «работы» превратили их в психически ненормальных людей, и часто они испытывают подлинное наслаждение от человеческих страданий и крови. В большей или меньшей мере почти все они — садисты. Истязания заключенных и убийства их, особенно во время побега, составляют любимую тему их оживленных разговоров. Об убийствах при попытке побега они месяцами рассказывают своим товарищам, смакуя фактические подробности и выдумывая несуществующее. Об этом они потом пишут в своих стенных газетах и ежемесячных журналах, издающихся при каждом отряде военизированной охраны. Высшее слоновское начальство поощряет эти заслуги выдачей «героям» денежных премий и объявлением в приказах благодарностей «за хорошую охрану». Самые страшные из них таких благодарностей имеют более десятка каждый.

Чем беспощаднее расправляются они с заключенными, тем лучше их служебное положение — из рядовых надзирателей они повышаются до начальников командировок и даже начальников пунктов. В их полное распоряжение попадают сначала сотни, а потом тысячи людей. Привыкнув к полному бесправию заключенных и своей безнаказанности у себя на командировках и пунктах, они перестают потом считаться с правилами и вне своих рабовладений. Вспоминаю надзирателя Авдеева. До службы в СЛОНе он находился на «работе» в комендатуре Лубянки и там приводил в исполнение смертные приговоры коллегии ОГПУ. Попав за должностное преступление в

СЛОН, он скоро поднялся до должности начальника на лесозаготовительных командировках. Чувство безответственности дошло в нем до того, что он часто останавливал выстрелом из винтовки поезда, чтобы сесть на паровоз и ехать «по делам службы» на какую-нибудь станцию Мурманской железной дороги. Правление Мурманской железной дороги много раз писало об этом в Управление СЛОНа, но Авдеев всякий раз оправдывался: утверждал, что ему необходимо было срочно поехать для задержания бежавших с его командировки заключенных каэров. Ему верили, и он продолжал свои упражнения с остановкой поездов дальше. Появись такой тип на улице какого-либо европейского города, его немедленно отправили бы в психиатрическую больницу или в дом умалишенных, а в Северных лагерях особого назначения он царь и Бог над судьбами 600—800 человек.

Начальник пункта. Таковы не только чекисты-надзиратели, но и вся слоновская администрация. Есть в СЛОНе некто Петр Головкин. Одно время он занимал должность начальника пересыльного Кемьского пункта, потом был помощником начальника тогдашнего 1-го отделения СЛОНа (теперь 4-е отделение на острове Соловки); в настоящее время он исполняет обязанности начальника Мурманского отдельного пункта, входящего в состав 3-го отделения СЛОНа. До службы в СЛОНе Головкин работал в комендатуре Лубянки. В период моего знакомства с ним он был душевно ненормальным и вдобавок алкоголиком. Не проходило дня, когда бы Головкин не был вдрызг пьян. Как он «правит» сейчас в Мурманске, я не знаю; но как он правил в Соловках, когда был там помощником начальника 1-го отделения, об этом могу кое-что рассказать.

Напившись пьяным, он любил делать «обход рот». Если, бывало, командир роты не скомандует так, чтобы «в окнах стекла дребезжали» — РРРРОТТА, СМИРРРОНО-ООО! — беда! Такого командира роты Головкин снимал с занимаемой им должности и отправлял работать в лес.

Если ему на глаза попадался какой-нибудь каэр — беда этому каэру.

Однажды, получив за ежедневное пьянство от ком-
чейки выговор, Головкин приказал своему вестовому из
«стукачей»: «Как только я напьюсь пьяным — вяжи меня,
тебе за это ничего не будет». Верный вестовой исполнил
это приказание своего хозяина, но на другой же день Го-
ловкин посадил его на 30 суток в карцер, а потом при-
казал отправить на штрафную лесозаготовительную ко-
мандировку.

Начальник ИСО. Вот еще высокий администратор
СЛОНа — начальник ИСО Борисов. Он жил в четырех
километрах от Соловецкого кремля, в так называемом
«биосаду». Ежедневно отдел труда посылал Борисову на
квартиру трех заключенных из 13-й роты для пилки и
колки дров. На этих дровах прислуга Борисова, тоже из
заключенных, варила ему обед, топила печи в четырех
комфортабельно обставленных комнатах его квартиры и
нагревала ванну, которую Борисов принимал ежедневно.
Вставая утром, Борисов садился за богатый стол, завт-
ракал, то и дело опрокидывая в рот рюмки коньяку выс-
шего сорта; потом садился в шикарные сани, и кучер из
заключенных мчал его на лучших слоновских лошадях
в Управление.

Однажды утром он приехал очень расстроенный. Как
сейчас помню, влетает он, уже пьяный, в одну из комнат,
где работали сотрудники ИСО, и заплетающимся языком
говорит: «Сегодня утром прислуга мне сказала, что ша-
калы-дровосеки, пока носили в кухню дрова, украли
целое kilo сала и буханку хлеба. Залкинд! Сейчас же арес-
товать шакалов 13-й роты и рассадить в карцер, в гли-
номялку и в следизолятор! Выяснить, кто украл, и доло-
жить мне!»

Всегда ревностный работник ИСО Залкинд арестовал
из 13-й роты 60 человек и начал выяснять, кто украл сало
и хлеб. Никто не сознался и не выдал другого. Тогда все
60 человек были отправлены в сопровождении конного

конвоя на командировку «Овсянка», за 20 километров, где они, по предписанию Борисова, немедленно по прибытии должны были выполнить полуторного размера урок и сейчас же вернуться обратно. Конвоировавшие их конные чекисты рассказывали, помню, в ИСО, что они полдороги гнали «шакалов» бегом; что сейчас же по приходе на «Овсянку» их поставили на работу и целые сутки безвыходно продержали в лесу, пока те не выполнили заданный урок; что потом, немедленно после работы и опять бегом, гнали с «Овсянки» обратно в кремль. В кремле их снова принялись допрашивать. Но и этим допросом Залкинд не мог выяснить виновных. Тогда все 60 человек, сейчас же после допроса, опять были отправлены на «Овсянку». Оттуда они уже не вернулись.

Начальник лагерей. В заключение — о главном лице СЛОНа, — о бывшем начальнике лагерей Эйхмонсе. Был я с ним однажды в гончарной мастерской. Эйхмонс, как обычно, был в пьяном состоянии. Взял, помню, он в руки глиняный кувшин, надел его на руку и спрашивает одного из рабочих, — поляка:

— Как это называется?

— Кувшин, гражданин начальник, — а сам трясется как осиновый лист: боится попасть в карцер или на лесозаготовительные работы.

— Заведующий! Снять эту сволочь с работы в мастерской и передать в отдел труда в мое распоряжение. Направить его на «Овсянку». — А сам так хватил этого человека кувшином по голове, что кувшин разлетелся вдребезги и один из осколков попал по голове и мне. Что было с этим человеком на «Овсянке» — не знаю. Родители его живут в Польше, в городе Львове, где они имеют колбасный завод.

Примерно в двух километрах от монастырского кремля на острове построен механический кирпичный завод. Строили его «заключенные по заказу» инженер Холодный и техник-механик Дмитрак Владислав Васильевич. На завод приехал однажды Эйхмонс — посмотреть, как идет

работы. Я в это время тоже случайно был на заводе. Когда Эйхмонс подъехал к заводу, одна семнадцатилетняя заключенная как раз просила Дмитрака назначить ее на какую-нибудь другую работу ввиду того, что она имела одну ногу короче другой, была низкого роста и не могла стоять у резательного станка, где ее заставили работать. Пьяный Эйхмонс, услышав просьбу калеки-девушки, приказал немедленно отправить ее в карцер, для направления затем на шесть месяцев в женский штрафной изолятор на Заячьих островах, в пяти километрах от острова Соловки. Оттуда она много раз писала просьбы о помиловании, но Эйхмонс всякий раз отклонял их.

Пособники. Когда слоновский саморуб отрубает себе пальцы и кисти рук или ступню, он делает это потому, что надеется спасти свою жизнь. Он ошибается в своем расчете и обычно гибнет ускоренно, но движется он именно этим — он борется за жизнь. Другие заключенные строят свои расчеты более правильно, прибегают к иным средствам, но руководятся в конце концов тем же глубочайшим и сильнейшим для всего живого стимулом — борьбой за жизнь. Условия, которые созданы коммунистами в России, так страшны, что и средства самоспасения оказываются, как правило, тоже страшными. Общая жизнь в России под чекистским режимом на воле рождает предателей, а та же жизнь в СЛОНе выдвигает среди заключенных «пособников» для чекистов из ОГПУ и Управления СЛОНа всех этих «стукачей» (доносчиков), десятников, нарядчиков, производителей работ и всех вообще «строителей», вплоть до того врача, который с болью сердца и нервным покусыванием губ ставит на Поповом острове при «врачебном осмотре» вновь прибывших в четвертую категорию по трудоспособности людей, заведомо неспособных к физической работе. Все они «и рады бы помочь, но...». Им всем остается помогать ОГПУ и СЛОНу физически уничтожать врагов коммунизма, превращая их в экспортный лес, или... «загнуться» самим. Вероятно, никогда в истории человечества эта борьба за

жизнь не принимала таких ужасных форм, как в нынешней России, и в особенности в СЛОНе. Приведу несколько примеров из жизни трех лиц, заключенных в СЛОНе.

Героем первого является инженер-электрик Семен Осипович Пинскер. Он был прислан на остров Соловки незадолго до закрытия навигации 1928 года. К его делу для начальства лагерей было приложено предписание: содержать исключительно на тяжелых физических работах. При этом же деле имелась справка от врачебной комиссии, отнесшей Пинскера во 2-ю категорию по трудоспособности — он был инвалид. С Пинскером я находился в близких отношениях и видел сам, что он на самом деле инвалид: это был 55-летний, уже дряхлый старичок. Однако это не избавило Пинскера от обязанности принимать лекарства по рецепту ОГПУ; его действительно поставили на тяжелые физические работы...

За что он заслужил такую немилость у петроградского ОГПУ — не знаю. Перед арестом он служил в одной петроградской частной конторе по патентным делам в качестве консультанта по техническим вопросам и переводчика с английского языка на русский. Петроградское ОГПУ решило ликвидировать эту контору как «экономически вредительскую». Владелец конторы (фамилию его я, к сожалению, забыл) и несколько человек служащих конторы были расстреляны, а Пинскер вместе с оставшимися в живых были сосланы в СЛОН. Срок наказания у Пинскера был десятилетний, а статья предусматривала «экономическую контрреволюцию»; последняя выражалась, очевидно, в том, что Пинскер служил в конторе, имевшей связь с заграничными техническими кругами.

ИСО СЛОНа, проводя в жизнь директиву петроградского ОГПУ, прописало Пинскеру и свой собственный рецепт, на основании имеющейся у него общей директивы своей матери Лубянки: за то, что Пинскер на предложение слоновского эксплуатационно-производственно-коммерческого отдела отказался по болезни работать на

«электропредприятиях» СЛОНа, его с Попова острова срочно направили на остров Соловки и поместили в смраднейшую 13-ю карантинную роту. А потом, когда он там изголодался, набрался вшей, изнервничался, когда его командир роты, психически больной чекист Чернявский, тысячу раз «обложил» невероятной бранью и не раз «дал в морду», Пинскера перевели в так называемую 14-ю «запретную» роту. Здесь, кроме всего того, что он терпел в 13-й роте, Пинскер еще должен был ходить в уборную под наблюдением конвоира-дневального. А это было непросто: Пинскер должен был спуститься по узенькой и темной лестнице со второго этажа 14-й роты, стать в очередь и ждать от нескольких минут до часа своего срока; дальше он должен был опять спускаться по длинной каменной лестнице во двор кремля, пройти сто метров до вонючей «центруборной», оправляться на глазах дневального-конвоира и выслушивать от него площадную брань, которой он понукал его оправляться «пулей»... Пинскер должен был жить на 300 граммах черного сырого хлеба, получать из грязного ушата горячую воду, в которой варилось пшено, и стоять за получением этого «обеда» в длинной-предлинной очереди грязных, вшивых, полуголых, а то и совершенно голых заключенных — стоять, может быть, пятьсотпятидесятым в очереди (в 14-й роте в то время было 550 человек заключенных-«запретников»).

Мне часто случалось говорить с Пинскером, когда он находился в 14-й роте. Это был милый человек и большой шутник; рассказывая, любил употреблять канцелярские выражения — «вышеупомянутый», «вышеизложенный», «нижеисходящий». Позднее, когда он вырвался из 14-й роты и жил в сносных условиях, он рассказывал, как ходил в «вышеупомянутую центруборную» с «вышеизложенным дневальным-конвоиром» и как тот кричал ему «нижеисходящее» — «вылетай пулей» с «вышеизложенными мать-перемать».

Вспоминая все это сейчас, я смеюсь сквозь слезы: 55-летнего интеллигентного, образованного человека помещают в такие условия, где люди неизбежно становятся

психически ненормальными; его каждодневно «кроют» матерной бранью, бьют кулаком по лицу, а иногда по голове черпаком, который служит для раздачи обеда и представляет собой грязную, никогда не моющуюся палку с привязанной к ней ржавой консервной банкой...

Помню, Пинскер рассказывал мне: «Стою я, Николай Игнатьевич, в вышеупомянутой очереди, позади вышеупомянутого «адама» (т.е. буквально голого. — *Авт.*) Гаврилова, а у самого ноги от работы так устали, что еле держусь. «Товарищ Гаврилов, говорю, возьми мне обед». — «Нет, — говорит, — товарищ инженер, я боюсь: вчера своему приятелю хотел взять обед, а меня раздатчик так по голове черпаком стукнул, что и сейчас голова болит. Извините, — говорит, — не могу». Если бы я был пятьсотпятидесятым, я бы вовсе не стал получать обеда, не хватило бы сил. Но впереди меня было только человек полтора, и я решил дожидаться. Этот вышеупомянутый Гаврилов под обед имел только консервную банку; вот раздатчик стал наливать ему обед, а в обеде в тот день были, как на беду, маленькие кусочки брюквы; один или два кусочка брюквы и попали мимо консервной банки. Вышеупомянутый шакал Гаврилов бросился поднимать с полу, а раздатчик так тарарахнул его черпаком по голове, что и я, сам не знаю почему, невольно пригнулся к полу. А раздатчик подумал, наверное, что и я, как вышеупомянутый шакал, полез за брюквой, он и меня тарарахнул по голове так, что я брюхом расстелился на полу».

Промучив Пинскера четыре месяца на физических работах в 14-й роте, ИСО решило, что теперь он уже не будет по слабости отказываться от работы по специальности и работать будет «на ять». ИСО не ошиблось: когда эксплуатационно-производственный отдел предложил ему принять должность заведующего соловецкой электрической станцией, он согласился с радостью. Так укрощает ИСО тех заключенных высококвалифицированного труда, которые по тем или иным побуждениям не хотят поступать на ответственные слоновские должности.

В мае 1930 г. я встретил Пинскера уже в Кеми.

— Ну как вы, вышеупомянутый Семен Осипович, чувствуете себя? — спросил я его.

— Теперь много лучше, чем бывало в 14-й роте: живу в комнате, где только три человека, и получаю 9 рублей 29 копеек в месяц, то есть усиленный паек. Здоровье, правда, очень неважное, а работы много: я теперь заведу всеми электропредприятиями Кеми и Попова острова.

Теперь уже Пинскер за это место держится, как черт за грешную душу, ибо иначе будет ему в СЛОНе «загиб Иванович», как говорят чекисты.

Пинскер еще хорошо отделался, другие «пассивно сопротивляющиеся» (их, правда, в СЛОНе единицы) попадают на штрафные командировки и там выполняют слоновские уроки на 300 граммах хлеба. На острове Соловки я знал одного инженера, Крухлинга, — его ИСО взяло в такой оборот, что вряд ли он сейчас жив. Чекистам показалось, что Крухлинг может работать лучше, чем он работал; за это его сняли с работы на механическом заводе и послали на штрафную командировку «Овсянка».

Другой мой герой — Иван Федорович Селецкий. Он прибыл в СЛОН в 1926 г. Срок наказания у него был десятилетний, а его преступление состояло в том, что он при царской власти был начальником одной из пересыльных тюрем в Сибири.

Селецкого ИСО прижало еще хуже, чем Френкеля: он был на лесозаготовительных работах и уже глядел в глаза «загибу Ивановичу». Тогда Селецкий, как и Френкель, написал начальнику лагерей Эйхмонсу заявление и в нем сообщил, что он «сам за них зубами грызться рад». Эйхмонс, с согласия спецотдела ОГПУ, назначил Селецкого уполномоченным по лесозаготовкам на острове Соловки. Селецкий не «волчьей клятвой» утверждал, что он за них с другими грызться рад, — нет! Он работал честно и больше чем «на ять». Иван Федорович не жалел «ни костей лошадей, ни костей людей». Он до того доработался, что боялся показаться лесорубам в лесу. ИСО учло это обстоятельство и попросило начальника лагерей выдать Ивану Федоровичу револьвер. Эйхмонс эту просьбу удо-

влетворил. В правой руке револьвер, а в левой «дрын», — вот в каком виде показывался в лесу лесорубам И.Ф. Селецкий.

Заслуги Селецкого перед СЛОНом даром не пропали: коллегия ОГПУ освободила его от наказания досрочно, а УСЛОН назначил его помощником начальника эксплуатационно-производственного отдела Вишерского лагеря. Там он находится и в настоящее время. Думаю, что Селецкий дослужился и до начальника этого отдела, а может быть, и до начальника всего лагеря: Селецкий ведь умеет исполнять всякого рода слоновские программы не только на 100%, а даже на 125.

Х. Соловки в чекистском изображении

Экскурсии. Кинофильм «Соловки». Максим Горький
в Соловках. Смертность

Северные лагеря особого назначения — не только лагеря смерти. Одновременно они и места идиллической жизни. Первыми они являются в действительности, а вторыми в рекламном их изображении чекистами и их сподвижниками. Это изображение и преображение лагерей происходило при посещении их экскурсиями, при съемках для кинофильма «Соловки» и при посещении Соловецкого острова Максимом Горьким.

Экскурсии. За мое более чем трехгодичное пребывание в Северных лагерях на остров Соловки два раза приезжали экскурсанты-карелы, чтобы посмотреть, как живут заключенные. Оба раза их поместили в пустое помещение театра, и они все время находились под надзором командиров рот и чекистов-надзирателей. Последние сводили их в музей, показали слоновский пустой розничный магазин — и больше ничего. Как живут заключенные — экскурсии не узнали. Если бы даже СЛОН показал им жизнь заключенного в Соловецком кремле, живущего в лучших условиях, чем заключенный на материке, то

разве они составили бы себе полное представление о жизни заключенных на лесозаготовительных командировках, где живет большая часть слоновских заключенных?

Кинофильм «Соловки». «Шила в мешке не утаишь», — говорит пословица. Точно так же и чекисты не могут, как ни стараются, утаить правду о своих лагерях особого назначения. СЛОНОм в России матери уже пугают детей: «Молчи, — говорят они, — а то «слон» придет и возьмет тебя в мешок...» Как большевики ни втирают очки общественному мнению за границей, все-таки земля слухом полнится и слухи о рабском труде и о нечеловеческих условиях жизни заключенных на Севере России распространяются по всему миру. ОГПУ решило бороться с этой репутацией СЛОНа.

Летом 1928 г. УСЛОН получил от Лубянки совершенно секретное отношение, в котором писалось примерно так: «Мировая буржуазия и прихвостни из второго, желтого интернационала ведут ожесточенную антисоветскую агитацию... В целях борьбы с ней вам надлежит принять меры к освещению истинного положения в СССР путем воссоздания действительной жизни слоновского заключенного в кинофильме «Соловки».

«Рад стараться!» — вероятно, подумал про себя Федор Эйхмонс, бывший в то время начальником лагерей, и поручил контрагитацию чекисту Архангельскому. Тот в течение трех недель подряд добросовестно трудился над ней. «Кинофильм должен быть на ять», — говорили чекисты из ИСО Архангельскому. Но старый чекист Архангельский в этих предупреждениях не нуждался; за одиннадцать лет чекистской практики он «чекистское дело» изучил в совершенстве. Он воспроизвел в фильме «действительную жизнь» слоновского заключенного так, что тот оказался каким-то курортником, приехавшим отдохнуть и лечиться на минеральные воды. Расскажу об этом превращении СЛОНа в курорт.

В кремле Соловецкого монастыря есть небольшая площадка, засаженная деревьями. На эту площадку при-

вели, конечно в строю, заключенных женщин. Так как одевание их совершенно не подходило для чекистского фильма, их предварительно нарядили в платья расстрелянных в Москве казюрок. Такой одежды в 1928 г. было привезено два вагона. Предназначена она была для продажи чекистам-надзирателям, сотрудникам ИСО и прочим лицам из УСЛОНа. Ротным командирам было приказано привести, тоже, конечно, в строю, заключенных-мужчин, имевших собственную хорошую одежду. Начальник команды духового оркестра, чекист, вывел оркестр на площадку и приказал наигрывать вальсы. Измученные заключенные не знали, что им делать, и стояли унылой, безразличной толпой. Фильм с такой неподвижной и понурой толпой, конечно, «неправильно» отразил бы жизнь слоновского заключенного, и Архангельский дал приказ: заставлять заключенных **весело** прогуливаться по площадке под музыку. Помогавшие Архангельскому ротные командиры врезались в толпу заключенных и стали расталкивать их, чтобы они не стояли скучившись. Стоя в стороне и наблюдая, я видел, как некоторые ротные командиры (Чернявский, Воинов и др.) давали заключенным пинка ногой под спину, если те не делали веселой оживленной физиономии и ходили вяло. Когда, наконец, мужчины и женщины распределились так, что «гулянье» их стало походить на настоящее, заработал аппарат... Я не художник слова, в печати выступаю первый раз в жизни и потому не могу описать это самое подлое дело из всего, что я видел в СЛОНе.

Когда «гулянье заключенных на кремлевской площадке» было заснято, Архангельский захотел показать Европе «жизнь заключенного в роте». Для этого он избрал 15-ю роту. На Соловках она называется «строительной ротой». В ней помещаются заключенные квалифицированного труда: плотники, столяры, бондари и проч. Заключенные этой роты размещены в двух этажах. В роте двухъярусные нары, неимоверная грязь и вонь; темно, сыро и всегда холодно. Никаких столов и скамеек нет:

заклученные обедают на нарах, кто как приспособится. Одним словом, для «правдивого» фильма обстановка роты была неподходящая. Не существует, однако, положения, из которого чекист не нашел бы выхода. Архангельский приказал нары снять, вместо сплошных нижних нар поставить топчаны. Так как ни один заключенный не имел собственных постельных принадлежностей, то было приказано выдать на время простыни, одеяла, подушки и ими застелить топчаны. Роту и ее помещение было приказано вымыть. Когда аппарат Архангельского кончил свое дело, простыни, одеяла и подушки снова возвратились в вещевой склад; вместо топчанов опять появились два ряда нар; рота приняла свой старый вид.

Много есть и других, хорошо сфабрикованных картин в этом подлом фильме. Не буду их все перечислять... Фильм сделан неплохо: в нем много прекрасных соловецких видов с лесами, озерами, морем и другими суровыми красотоми северной природы, но нет главного: нет Конд-острова, нет вырытых в земле «крикушников», нет «Секирки», нет женщин, одетых в мешки (они живут на Анзеровском острове); на нем не увидите вы заключенных с отрубленными пальцами и кистями рук; не увидите кричащих на пеньках «филонов»; саморуба, идущего из леса на перевязку к лекпому, неся пропуск, написанный на двухпудовом бревне... Вообще там нет слез, крови, великих мук и смертей, которыми переполнена действительная жизнь действительных заключенных СЛОНа. Об этой истинной жизни читатель уже знает.

Максим Горький в Соловках. Когда большевикам не удалось широко пустить за границу свой кинофильм «Соловки», ОГПУ придумало новый номер: в СЛОНа был послан Максим Горький. Его руками и устами ОГПУ хотело тушить за границей огонь, разгоревшийся вокруг слоновского вопроса; оно желало, чтобы Горький рассказал за границей о жизни слоновского заключенного так, как это показано в фильме. Задолго до приезда товарища Максима Управление лагерей получило из спецотдела

ОГПУ строжайшее приказание «приготовиться» к его приезду и встрече. Как чекисты готовились и сутелись, как спешно уничтожали следы своей истинной деятельности, накладывая на нее грим, — трудно передать... Всех раздетых, всех священников и всех тех, кто мог бы осмелиться подойти к товарищу Максиму и рассказать правду, ИСО поспешно отослало на дальние командировки. Лагерному старосте, помню, чекисты из ИСО дали строжайшее распоряжение: убрать из рот все инструкции, все приказы, все выписки из многочисленных приказов о расстреле заключенных, — словом, все то, что говорило о подлинной слоновской жизни. За месяц до приезда Горького на острове Соловки были созданы «красные уголки», в которых якобы проводилась культурно-просветительская работа среди заключенных. По строгому приказу Эйхмонса при каждой роте для них были отведены специальные помещения. Из Москвы были получены всевозможные плакаты, портреты, агитационно-пропагандная литература и прочие средства коммунистической пропаганды, а также шашечные и шахматные игры. Был учрежден специальный штат так называемых «ротных воспитателей» и организована сеть стенных газет, в которых «заключенные писали о своих нуждах»... Как сейчас помню я эту бессовестную чекистскую «политику»... Все было устроено только на острове Соловки, где в то время находилось управление СЛОНа; на сотнях других командировок СЛОНа на материке ничего не менялось: их слоновские чекисты товарищу Максиму показывать не собирались.

А жизнь в этой новой рекламной обстановке шла прежняя: один из голодных заключенных ухитрился при раздаче хлеба получить два пайка. Командир 14-й роты Сахаров и командир взвода Колот завели его в «красный уголок» 14-й роты и так избили, что он оглох на правое ухо. Сам Сахаров, с тряпкой в руках, вытирал потом кровь с пола «красного уголка». На другой день один из заключенных 14-й роты написал об этом случае заметку в стенной газете, и ИСО срочно отправило его на коман-

дировку «Овсянка». Сахарову же за истязание заключенного ИСО не сказал ни слова. Рощупкин, помощник начальника ИСО 1-го (в то время, а теперь 4-го) отделения СЛОНа, помню, сказал по этому поводу: «Максим Горький — это одно, а лагерная дисциплина — это другое. Если мы ради Максима Горького так или иначе накажем Сахарова, от этого уронится авторитет ротных командиров. Максим Горький у нас пробудет день-два, а Сахаров будет работать 10 лет»...

Товарищ Максим приехал на Соловки 20 июня 1929 г., а уехал 22 июня. К пароходу было подано несколько фатонов, и Горький вместе с слоновским начальством поехал в так называемый «биосад», находящийся в четырех километрах от Кремля. Там Максима, конечно, обильно угощали и в приветственных речах бесстыдно и безгранично льстили его самолюбию. На другой день товарищ Максим посетил кирпичный завод, посмотрел во 2-м отделении (того времени) Муксольма чекистских коров и лошадей; побывал в «центролазарете», где он, между прочим, сказал выстроившимся в чистеньких белых халатах сестрам милосердия из заключенных: «Что это вы выстроились, точно на парад? Я хотел посмотреть вашу повседневную жизнь». Вечером он был в соловецком театре на концерте.

На концерт были допущены только чекисты и так называемые «стукачи» (доносчики), ни одного рядового заключенного там не было.

К приезду Горького была организована специальная «детская колония» для беспризорных. Все несчастные, полуголые подростки были одеты в казенное обмундирование. Для них был оборудован барак с настоящими постелями. На кремлевской садовой площадке были поставлены столики и скамеечки «для отдыха заключенных». Все было инсценировано совершенно по тому же образцу, как для кинофильма «Соловки».

Как только Максим Горький уехал, все приняло прежний вид — свой настоящий вид, о котором Максим Горький или не имеет понятия, или имеет, но молчит...

Я обращаюсь к вам, господин Горький, и спрашиваю: видели ли вы хотя бы одну слоновскую командировку? Были ли на месте хотя одной вновь открытой командировки? Были ли на Конд-острове? Посетили ли штрафной изолятор «Секирку»? Посмотрели хотя один слоновский «крикушник»?.. Показали ли вам чекисты свой следизолятор на острове Соловки? Ходили ли вы смотреть островной карцер и его отделение — глиномялку? Водили ли вас чекисты на Голгофу и видели ли вы там женщин, одетых в одни грязные мешки с прорезанными для рук и головы дырами?.. Посмотрели ли, как работают в лесу заключенные, какие уроки им задают, как их там кормят, как бьют, как ставят на пеньки, а они, совершенно обессиленные, сотни раз выкрикивают на нем: «Я филон! Я филон!» Сказали ли вам чекисты, сколько всего в СЛОНе погибло людей...

Нет, господин Горький! Ничего этого вы не видели, не знаете и не постарались узнать. А может быть, вы знаете, догадываетесь, но молчите, торгуя своим пером, как проститутка телом?

Не знаю — были ли вы настолько глупы или настолько подлы, но в печати после своего визита вы заявили, что «Соловки» произвели на вас впечатление «санитарной станции»!.. О, как бы я был рад, если бы вы когда-нибудь попали на эту станцию в качестве заключенного! И как вы достойны этого заключения за свое перо, служащее по глупости или подлости чекистам!

В заключение могу сказать, Горький, как слоновские чекисты потешались над вами. Когда было приказано кожевенному заводу отобрать самые лучшие нерповые шкурки, чтобы подарить их вам на память о Соловках, чекист Новиков Александр, бывший в то время начальником Конд-острова, взял ваши шкурки для шубы своей молодой жены, а для вас оставил похуже. Рассказывая об этом «товарообмене» в ИСО, он улыбался и объяснял: «Зачем этой старой перечнице такие хорошие шкурки? Все равно он скоро подохнет. Лучше я из них сошью шубу своей молодой жене».

Другие чекисты из ИСО хохотали и хвалили предприимчивого товарища: «Молодец, Шурка! Правильно! Умный парень! Зачем, на самом деле, этому (следовало непечатное определение вас) хорошие шкурки!»

Смертность в СЛОНе. Закончу свое описание СЛОНа тем же, чем кончается крестный путь заключенных в нем, — смертью. Приведу цифры о количестве преждевременно и в великих страданиях умерших там на пользу и радость чекистов всех рангов и званий. Их, этих умученных, во славу и честь «мировой, социальной революций», было во всех Северных лагерях особого назначения ОГПУ:

в 1925 г. — 18 350;

в 1926 г. — 14 758;

в 1927 г. — 29 450;

в 1928 г. — 48 932;

в 1929 г., — 72 000.

Всего за пять лет умерших, убитых и наложивших на себя собственные руки было:

183 490 человек!..

Людей этих нет, они умерли в страданиях, которых мы здесь не можем себе представить, а продукт их труда — лесной материал, вероятно, еще цел: он здесь, за границей России. Может быть, сейчас, когда я это пишу, в домах, выстроенных из этого леса, люди танцуют, смеются, поют, влюбляются, женятся... Может быть, сейчас дети европейских и американских купцов, торгующих с коммунистами, катаются в автомобилях, купленных на деньги от торговли этим лесом...

Мутится в голове и цепенеет сердце от этого сопоставления.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава 1. ВЗГЛЯД КОММУНИСТА</i>	
Карл Иванович Альбрехт и его книга «Преданный социализм»	14
<i>Глава 2. ВЗГЛЯД СПЕЦИАЛИСТА</i>	
Архитектор Рудольф Волтерс и его путешествия по России	100
<i>Глава 3. ВЗГЛЯД ПРОПАГАНДЫ</i>	
1. Книга «Сталин в свете прессы и карикатуры»	174
2. Выставка «Советский рай»	187
<i>Глава 4. ВЗГЛЯД БЕЖЕНЦА</i>	
Книга Николая Игнатьевича Киселева-Громова «Лагеря смерти в СССР»	208

Дмитрий Сергеевич Хмельницкий
НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА ПРОТИВ СССР
Материалы и комментарии
1941—1945

Ответственный редактор *А.Ю. Безугольный*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 23.09.2010.
Формат 84×108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Уч.-изд. л. 16,05 + вклейки = 17,8.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 3793.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано по технологии СtP в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, ул. Арсенальная, 21/1. Телефон/факс: (812) 495-56-10

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Дмитрий Хмельницкий

**НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА
ПРОТИВ СССР**

МАТЕРИАЛЫ И КОММЕНТАРИИ

1939—1945

В XX веке пропаганда стала мощным оружием воздействия на умы как противника, так и своих граждан. Умелое создание образа врага, возбуждение и поддержание чувства ненависти к противнику — одна из причин беспрецедентной жестокости и бесчеловечности войн ушедшего столетия.

Автор-составитель этой книги, профессиональный историк Д. Хмельницкий знакомит читателя с особенностями восприятия Советского Союза в нацистской Германии. Инструментом воспитания в немцах антисоветских убеждений служили не только специальные пропагандистские тексты, выставки, но и просто путевые заметки оказавшихся в СССР немецких инженеров, открывения политических беженцев и т. п. Благо сталинский тоталитарный режим дарил множество сюжетов для нацистских пропагандистов. Представленные здесь тексты, подробно откомментированные Д. Хмельницким, несомненно, будут интересны не только специалистам и студентам, но и обыкновенным читателям как исторический источник о жизни в Советском Союзе в 30—40-х годах прошлого века.

ISBN 978-5-227-02396-4

ЦЕНТРОЛИГРАФ®